

Анна Бахтиярова

ДУХ ЛУННОЙ БАШНИ

Пролог

Четырнадцать лет назад...

Вчера я умерла.

Знаю, как странно и нелепо это звучит. Понимаю, что сейчас моё искалеченное тело лежит в родовом замке, а мать гонит прочь никчемных плакальщиц, которых ненавидит. Завтра на закате останки предадут очищающему огню, люди стянутся из всех посёлков, чтобы навсегда проститься.

И всё же именно я пишу эти строки. Выжигаю их на бумаге последними искрами черносиней магии. Потому что ты один сможешь поверить. Поверить, понять и довести до конца то, что не сумела я.

Какими же мы были глупыми! Беспечные дети, заигравшиеся с силами, мощь которых представить не могли! Проклятие ордена — не сказка, рассказанная на ночь. А злой дух Гвендарлин до сих пор здесь. Но он не летает над башнями замка в новолуние, как гласит легенда. Истинное зло обитает в зеркалах-близнецах. Теперь я это точно знаю. Я вспомнила, что была внутри них два года назад. В ту самую ночь, когда всё случилось.

Разбей их! Уничтожь!

Как это сделать, написано в книге надежды, до которой я не успела добраться.

Ты сможешь, я верю. Ты сильнее, а, главное, хитрее меня. Прости за то, что не посвятила тебя в поиски. За то, что попала в ловушку. И за то, что не могу назвать имя палача. Он остался для меня тенью, проклятым слугой духа.

Силы уходят. Я чувствую, как растворяюсь, чтобы улететь ввысь, словно дымок от погасшей свечи. Но мне не страшно. Я буду рядом с душой, которую подвела при жизни. А, значит, смерть не такое уж и зло.

Прощай.

М.В.

Худой мужчина в черном, как крыло ворона, сюртуке провел кончиками пальцев по бумаге с огненными буквами и криво усмехнулся. Как красочно и поэтично! Особо впечатлительные натуры, наверняка, расчувствовались бы до слёз. Вздорная герцогская дочка всегда умела красиво говорить и убеждать окружающих в собственной правоте, что лично его раздражало до противного скрежета в зубах. С такими талантами однажды она заняла бы достойное место в стране. Превзошла бы даже деятельную матушку, коли б захотела. Но не сложилось.

Сама виновата. Не стоило играть с огнём.

Но как удачно всё получилось. Прими он приглашение завсегдатаев карточного клуба и покинь замок на ночь, письмо сейчас лежало бы перед другим магом. Его читал бы истинный адресат, который, без сомнения, сделал бы верные выводы из прочитанного. Верные и судьбоносные.

Девчонка права — он хитрее. Противник из него получился бы опасный. Конечно, он всё равно будет искать ответы. Отчаянно биться о любые стены. Но ему теперь не докопаться до правды. Ни ему, ни кому-то другому...

За широким окном начало светать, с каждой минутой мир становился ярче. Поздней весной ночь уходит быстро. Но мужчина не обращал внимания ни на рассеивающуюся тьму, ни на первые лучи солнца, осторожно касающиеся стекла. Смотрел на ровные строчки и думал о том, какой длинный путь остался позади. Сколько раз приходилось ошибаться и начинать всё сначала. Но он не опустил руки. Нет. Потому что знал, что цель оправдывает любые средства. И жертвы.

Остался последний раунд. Не важно, что ждать финала придётся ещё пятнадцать лет. Главное, процесс запущен. Никому его не остановить, не повлиять на ход событий. Тем

более, мёртвой девчонке!

Она не стала послушной марионеткой, но всё же сыграла отведенную роль. Он получил от неё всё, что хотел.

— Прощай, Марго, — шепнули сухие губы, пока рука подносила опасное письмо к свече, ставшей лишней в кабинете, залитом естественным светом. — Покойся с миром.

Часы пробили пять ударов, и мужчина поднялся с кресла, потирая задеревеневшую спину. Пора на крышу — на обряд встречи нового дня. Следовало спешить, он и так опоздал, дав бессердечным детям повод позубоскалить. Он сбросил сюртук и накинул поверх рубашки плащ — наполовину чёрный, наполовину белый. Победно глянул на пепел, оставшийся от послания Маргариты, и быстрым шагом покинул комнату.

Мужчина не заметил, как по стене прошла тень.

Тень стройной девичьей фигуры с длинными, чуть вьющимися волосами.

Он не почувствовал её присутствия...

Глава 1. Чёрная лилия

Наши дни...

— Проклятье! — громко выругалась я, глядя на черноту перед собой.

Будто огонь прошёл, выжигая травинки и лепестки. Не щадя ничего живого.

Но пламени не было в помине. Это моя злость хлынула вниз. Родилась при виде замка клана Ван-се-Росса на холме и приумножилась, стоило вспомнить последний день работы там. Представилось самодовольное лицо Свена Фаули — юнца-аристократа, гостившего у благочестивого семейства. Мерзавца, из-за которого начались мои нынешние беды. И вот результат — выжженная земля. Ни в чем неповинная.

А, впрочем, разве я виновата? Я не просила двух беспечных молодых магов, опьяненных ежегодным карнавалом, поддаваться безумной страсти. Я не просила их о рождении. Никто не хочет рождаться несовместимым. Полуцветом.

Карнавалы...

Их Эдвард Ван-се-Росса устраивал пышными, съезжалась знать из всех юго-западных герцогств — от заколдованного моря до мёртвой бескрайней пустыни, погубившей сотни самонадеянных магов. Длились празднования целую неделю, вино лилось рекой, танцы не прекращались круглые сутки. По ночам небо озаряли фейерверки, не давая спать всей округе из-за умопомрачительного грохота, днём ввысь взлетали хлопушки, рассыпая разноцветные конфетти.

Наряду с богатеями карнавалы привлекали и простых смертных. Пропуском в замок в праздничную неделю служили не титулы или золото, а оригинальность костюмов. От гостей требовалось веселиться и категорически запрещалось называть настоящие имена и снимать маски. Именно благодаря красочному наряду, украшенному живыми лилиями, на карнавал шестнадцать лет назад попала и моя мать Ренет — младшая дочка хранителя трав и цветов.

Юная белокурая девушка мечтала побывать в замке Ван-се-Росса во время празднования, и, если повезет, потанцевать со старшим сыном герцогской четы Эмилио. Моя вредная тётка Дот не раз рассказывала с усмешкой, как матушка страдала по красавцу-брюнету, отчаянно стараясь его увидеть хотя бы издали. Но вниманием девицы неожиданно завладел другой персонаж карнавала — юноша в костюме шута. Понятия не имею, чем он привлек маму — изысканной речью, галантными манерами или умением бережно вести партнершу в танце, словно она хрустальная ваза.

Но факт остается фактом. В результате той мимолетной встречи на свет появилась я — Лилит София Вейн. Полуцвет. Родительская магия оказалась несовместимой, и я пополнила ряды ненавидимых ублюдков, которым изначально не предусматривалось места в мире полноценных цветов. Да, таких, как я, немного. Но рождение любого из нас становится оплеухой для остальных магов.

О полуцветах сочинено множество зловещих историй, которыми родители пугают непослушных детей. Рассказывают, едва заходит солнце, мы превращаемся в тени, неслышно скользим по городам и деревням, проникаем в дома и высасываем из обитателей светлые сны. А в особенно темные ночи овладеваем чужими душами, чтобы красть частички магии.

Разумеется, в реальности ничего подобного не происходит. Просто мы — не такие, как все. Мы сломаны. Большинство полуцветов не способно перенять родительскую силу полностью. Мы — насмешка над магией, проявляем способности в извращенном виде. Огневики не поджигают, а заставляют тлеть или рассыпаться в прах. Водные маги не дарят живительную влагу, а заливают все вокруг странной жидкостью, не способной впитаться в землю и нести жизнь.

Однако встречаются и исключения — полуцветы с почти нормальной магией. Их ненавидят еще сильнее. Ведь уродец — на то и уродец. Над ним приятно насмехаться, он не внушает страх. От уничтожения нас спасает принятый столетия назад закон, приравнивающий истребление таких, как я, к любому другому тяжкому преступлению.

Существует даже поверье, что убийство полуцвета — особенно ребенка — ляжет проклятием на весь род.

Правда ли это? Вряд ли.

Но все смирились с нашим существованием. Полноценных успокаивает тот факт, что мы бесплодны. Проживаем свой век, не приводя в мир новых неправильных магов.

Итак, карнавалы.

А, может, дело было в сливочном ликере. Иначе б моя мать, славящаяся благоразумием, догадалась бы поинтересоваться цветами магии нового знакомого, в объятиях которого оказалась. Знаю, нехорошо так думать о женщине, подарившей тебе жизнь. И вообще язвительно рассуждать на тему деторождения в пятнадцать лет. Но полуцветы взрослеют быстрее сверстников, с раннего детства понимают, насколько небезупречен мир вокруг. А, главное, насколько безжалостен.

Самое отвратительное в ситуации — никто, даже я сама, не знал, какие способности у меня могут проявиться. Ведь мама не нарушала правил карнавала, именем случайного любовника не интересовалась, снять маску не требовала. Поэтому, какие дары я унаследовала, оставалось тайной. С рождения было известно лишь одно: магия у меня тёмная, а не светлая, как у матери.

Пятнадцать лет я почти не проявляла способностей. На меня даже мэтры из колледжа Гвендарлин махнули рукой, решив, что заниматься моим обучением нет смысла. Родственники сделали вывод, что неизвестный папаша — слабенький маг, и успокоились. Но три недели назад всё перевернулось с ног на голову. Случился взрыв. В буквальном смысле. Жестокая шутка Свена Фаули обернулась катастрофой, из меня хлынули потоки магии. Чёрной и очень мощной.

— Лилит! Что ты делаешь? Я везде тебя ищу!

Голос звучал грозно, но уголки моих губ поползли вверх. Я не могла иначе реагировать на маму. Даже в самом отвратительном настроении любовалась ею. Ярость на весь остальной мир стихала. Мама походила на лань. Прекрасную, лёгкую и свободную. Стремительная походка напоминала полёт, светлые волосы неслись шлейфом, рассыпая лепестки от неизменных цветов, украшавших голову.

Мама любила меня, несмотря ни на что. Окружающие уважали её. Хотя обычно матери полуцветов становятся отверженными, а иногда и вовсе изгоняются прочь вместе с ублюдками. Но у Ренет Вейн есть козырь. После смерти отца она осталась единственной хранительницей трав и цветов в герцогстве. Столь сильной, что никому из соседей не мечталось. К ней благосклонно относилась сама герцогиня Виктория Ван-се-Росса. В наших краях более важной рекомендации не существовало.

— Ох, Лил... — выдохнула мама, увидев, во что превратилась трава у меня под ногами.

— Можешь вылечить? — спросила я без надежды.

Она покачала головой.

— Мне нечего противопоставить твоей силе, Лилит, — вздохнула она, осторожно касаясь тонкими пальцами моих каштановых с рыжиной волос, совсем непохожих на её собственные. — Так, что стряслось? На кого ты разозлилась?

Я кивнула на замок на холме.

Как же я его ненавидела! Особенно с некоторых пор. И семейство Ван-се-Росса заодно. Надменного герцога Эдварда, любителя поморщить длинный нос. Его жену — вечно молодую герцогиню Викторию, красивую, но холодную, как лёд. Их младшего сына Элиаса, притащившего в гости друга Свена. И старшего Эмилио. Правда, заочно. Он приезжал в родовой замок крайне редко и предпочитал не выходить за ворота.

— Лил, клан Ван-се-Росса не заслуживает твоей ненависти. Если б не их доброта,

неизвестно, где бы мы с тобой сейчас находились. Что до Элиаса и его друга... — мама запнулась, подбирая слова. — Нужно искать положительные моменты. Если б не их глупая выходка, твои способности выплеснулись бы гораздо позже. Сейчас есть время их обуздать, а через несколько лет тебя бы просто похоронили в подzemелье.

Я закусила нижнюю губу до боли. Как мама умудряется видеть во всем хорошее? Светлый маг, он и в преисподней не почернеет!

— Зато теперь мне придется жить в одном замке с этим... с этим.... - я отчаянно подбирала самое грязное слово, подходящее к случаю, но мама перебила.

— С самодовольным мальчишкой, в которого ты влюбилась, как распоследняя дурочка?

— Не влюблялась, — проворчала я. — Увлелась.

Мы всегда были близки. Могли говорить обо всем на свете, называя вещи своими именами и не смея лгать друг другу. Иногда как мать с дочерью, а порой, будто сёстры или подружки-заговорщицы. У меня не было других друзей. Только чёрная дикая кошка Тира, которая навевалась в гости время от времени. Сворачивалась на кровати и, прищурив желтые глазищи, слушала жалобы.

Мой интерес к Свену стал первым в жизни фактом, о котором я не рассказала матери. Было стыдно, что строю глазки богатому красавчику. Самой не верилось в собственную влюбленность. Как и в серьезность намерений Свена. И не зря...

— Не переживай, — мама зашла с другой стороны. — Полуцветы в Гвендарлин живут отдельно. Вы со Свеном Фаули встречаться будете крайне редко. Обычные ученики побаиваются вашего брата. Вдруг спалите кого-нибудь, не рассчитав силки.

— Утешила, — усмехнулась я, отворачиваясь от ненавистного замка с серыми, тянущимися ввысь башнями.

— Ой! — вскричала мама. — У тебя глаза серебряные! Такими я их ещё не видела.

— А я видела. Пару дней назад. Вчера они золотыми были. Совсем с ума сошли, как сила проснулась.

Ох уж, эти глаза! По ним нас — полуцветов — и вычисляли. Они меняли «окрас» каждые несколько минут. Смена не зависела ни от времени суток, ни от освещения, ни от нашего настроения. Ладно б палитра ограничивалась естественными цветами. Так нет, глаза бывали огненными, карамельными, вишневыми и даже абсолютно белыми, что смотрелось особенно жутко.

— Идём, — велела мама, беря меня под руку. — Нечего тут киснуть. Нужно сборами заниматься. Не откладывать на последний момент.

Я подчинилась, умолчав, что любое действие, связанное со скорым отъездом из родного дома, сильнее сжимало сердце.

Наш поселок Бирюзовый — самый ближайший к замку из принадлежащих Ван-се-Росса селений располагался между герцогским холмом и быстрой речкой с прозрачной прохладной водой. Жили здесь пятьдесят три семьи — чинные и благородные, не замеченные в чем-либо неподобающем, а, тем более, противозаконном. Но я их не выносила. В ответ на презрение в мой адрес. Вот и сейчас, пока мы шли к дому на окраине посёлка, соседи здоровались с Ренет, не замечая меня.

На пороге я почувствовала запах яблочного пирога, и настроение улучшилось. Это тётя Дот постаралась. Она не любила быть обузой, брала на себя львиную долю домашних дел. Из-за перенесенной болезни в раннем детстве родовой магии в ней не осталось ни на грамм, получить полноценную работу, а, следовательно, и заработок, не представлялось возможным. Отношения у нас с Дот непростые. Но мы обе обожали Ренет и старались не досаждать друг другу по-крупному.

— Сподобилась, — констатировала тётка, появляясь в дверях кухни с полотенцем, перекинутым через плечо. — Ещё бы десять минут, и без ужина осталась.

Угроза была пустой. Ренет никогда бы не позволила морить меня голодом. Но Дот — это Дот. Без ворчания и выговоров никак. Она являлась противоположностью младшей сестры во всем. Внешнее сходство, правда, присутствовало. Но тётка была раза в четыре шире моей матери, а лицо вечно выражало недовольство.

— Тира приходила? — спросила я, ныряя к себе в комнату, чтобы переодеться в домашнее платье — кремовое с цветной вышивкой на воротнике.

Дот негодуя фыркнула.

— Только этой нахлебницы не хватало! Явится, метлой выгоню. Запомни, Лилит! Шатается где-то неделями, а потом на постель. И молока ей подавай!

Последняя фраза — явное преувеличение. Тира ни разу не съела в доме ни крошки. Пила исключительно воду. И вообще была аккуратной и чистоплотной кошкой. Меня всегда удивлял её внешний лоск. Ни единой пылинки на идеально гладкой черной шерсти. Сначала я думала, она живет у кого-то в нашем посёлке или в одном из соседних. Но расспросы результатов не дали. Похожее животное никто не держал. И если бы Тире не видели домашние, я бы решила, что она плод моего воображения.

После ужина, во время которого тётка ворчала, пока мама выразительно не постучала ложкой по столу, я принялась складывать вещи. Вся одежда была новой, ни разу ненадеванной. Несколько повседневных и выходных платьев, осеннее пальто и шубка из скромного меха кролика прибыли вчера из замка Ван-се-Росса. Три недели назад, едва стало ясно, какая судьба меня ожидает, герцогиня Виктория прислала портниху. Пусть я — никчемный полуцвет, но позорить герцогство непозволительно! Гвендарлин — не сельская школа, а древний магический колледж.

Синюю форму и чёрно-белые плащи мне выдадут на месте, как и учебники. Оставалось сложить тетради, письменные принадлежности и личные вещи. Однако я никак не могла решить, что стоит взять с собой, а что оставить дома. Например, цветочный веер — атрибут маминого наряда на памятном карнавале. Я играла с ним всё детство, представляя себя знатной леди. Или браслетики из разноцветных стекляшек. Мы делали их вместе с Ренет, но в колледже они, наверняка, вызовут насмешки. Как и сборник романтических стихов, который я читала втайне от Дот, критикующей любые проявления чувств.

— Лил...

Я вздрогнула и едва не выронила книжку. В дверях стояла мама и смотрела на меня с пронзительной тоской, которую прятала последние дни. Ей было не легче, чем мне. А, может, труднее.

— Ложись спать, Лилит, — проговорила она мягко. — Завтра длинный день. Наверняка, не обойдется без сюрпризов. Ой! — мама прижала пальцы левой руки к губам, а правой начертила в воздухе знак против сглаза — овал с тремя длинными линиями.

Я послушалась, забралась в постель, укрываясь простыней. Но спать не хотелось ни капельки. Слишком много мыслей терзало голову, не остывшую от гнева. Вспоминался, как назло, Свен Фаули. Мои глупые чувства к нему и его мерзкая выходка под покровительством младшего герцога Элиаса.

На летнюю работу в замок Ван-се-Росса я попала по настоянию Дот. От неё самой место уплыло по причине отсутствия магических способностей. Бред, конечно. Для чистки столового серебра и мытья полов никакой дар не требуется. Лишь на кухне трудились повара, наделенные кулинарной магией. От остальных особенных талантов никто не ждал.

Я подозревала, причина неудачи тётки крылась во вздорном характере. Дот не поладила с Гертрудой — герцогской экономкой, отвечающей за набор прислуги.

Меня костлявая мегера с седым пучком на затылке тоже невзлюбила с первого взгляда. Определила в поломойки и велела не попадаться на глаза господам. Нечего такой, как я, щеголять перед хозяевами. Натываясь на меня в коридорах, Гертруда придиралась и

напоминала, что приняла полуцвета исключительно из-за крайней нужды. Летом наплыв гостей в замок удваивался, и рабочих рук не хватало.

Моя серая унылая жизнь быстро превратилась в сплошную черную полосу. До того дня, как из кареты вместе младшим герцогом Элиасом не вышел Свен — белокурый, высокий и утонченный. Ему исполнилось восемнадцать, учиться оставалось всего год. Помню, как я стояла во дворе, разглядывая гостя: голубой костюм из заморского шёлка, начищенные до блеска ботинки, часы на цепочке с семейным гербом на крышке: расправившим крылья орлом.

Наши взгляды встретились. На целую вечность, как показалось тогда. Приятель хозяйского сынка подарил легкий приветственный кивок и улыбнулся. Кто бы знал, что то была улыбка демона. В белокурой голове зрел мерзкий план. Богатый избалованный мальчишка скучал и искал возможность развлечься в каникулы, а полуцвет — идеальный кандидат для злого розыгрыша.

Не знаю, почему я купилась на знаки внимания Свена. Быть может, хотелось верить, что кто-то видит во мне симпатичную девушку, а не ублюдка, без спроса занявшего место в мире полноценных магов. Я краснела, слыша комплименты, сказанные невзначай, смущенно отводила взгляд. Однажды поздним вечером, как на крыльях, упорхнула из-под «опеки» экономки на тайное свидание.

Сердце до сих пор сжимается при воспоминании, как вместо дражайшего Свена навстречу вышел громадный чёрный медведь. Издал грозный рык и двинулся на меня, словно демон, вырвавшийся из преисподней. Что произошло дальше, я знаю по рассказам других. В памяти запечатлелся лишь страх. Столь сильный, что не было сил кричать. Говорили, зверь рухнул, а по замку и всей округе прошла мощная волна чёрной магии, домашние животные бесились до утра, а матери не могли успокоить испуганных детей.

Герцогиня Виктория пришла в неописуемую ярость. Но её гнев обрушился не на меня, а на младшего отпрыска с приятелем. Неважно, что медведь был чучелом, «ожившим» благодаря Свену, умеющему управлять неодушевленными предметами. Гость был выдворен из замка с позором, а сын «награждён» внушительной затрещиной и заперт в покоях до конца каникул. Заодно и экономке Гертруде попало. За то, что посмела взять меня на работу.

...В тревожный сон я провалилась, когда ночная тьма проиграла битву рассвету.

Я шла по темному незнакомому коридору с подсвечником в руке, ступая как можно тише. Шаги заглушал ковер, гораздо громче стучало сердце.

— Лилит... — шептал кто-то едва слышно. Мужчина или женщина, не разберешь.

Меня пугал не голос. Он хотел того же, чего и я — идти и не останавливаться. Страшило, что мне в любой момент могли помешать, преградить дорогу. Они не понимали, насколько важен мой сегодняшний путь. Не желали признавать очевидное.

— Лилит, скорее!

Поздно.

От стены отделилась серая фигура. Прошла мимо меня к спутнику-невидимке. Что-то случилось с моими ногами. Они отказались двигаться дальше, приросли к полу, будто за секунду обрели корни, как у векового дерева.

Я едва не рыдала от злости и безысходности. Но не смела. Позади началась битва. Не на жизнь, а на смерть. Я не могла видеть двух злейших врагов. Следила за их тенями на ковре. Они походили на хищных птиц, сражающихся за добычу. Но мне не хотелось думать, что это я.

— Лилит!

Новый голос, зазвучавший из глубины коридора, без сомнения, принадлежал женщине.

— Приди ко мне, Лилит София Вейн, — звал он протяжно. — Ты моя... Моя...

Я хотела подчиниться. Больше всего на свете. Но не могла. Ноги не слушались, а грудь сдавила странная тяжесть, не давая дышать...

— Мяу!

Я с трудом разжала склеившиеся веки и громко вскрикнула.

На меня смотрели два жёлтых глаза! С черной морды!

— О, боги, — выдохнула я, хватаясь за сердце. — Тира!

Так и приступ заработать недолго. Демоны б побрали эту кошку! Теперь понятно, почему я задыхалась. Черная бестия лежала на груди. Она, конечно, изящная и стройная, но и миниатюрной её не назовешь.

— Слезай с меня. И с кровати тоже. Увидит Дот, выставит.

Но Тира не сдвинулась с места. Смотрела, не отрываясь.

По телу прошла судорога. Кошка всегда была странной. Но такого пронзительного взгляда раньше я у неё не видела. Будто в душу заглядывала, читая мысли, узнавая потаенные желания.

— Лил!

Мама влетела в комнату без стука, чего за ней обычно не водилось.

— Поднимайся! — велела она с порога. — И Тиру спрячь. Дот с утра не в настроении.

— Что-то случилось? — спросила я, опуская кошку на пол.

Ренет поджала губы.

— Сглазила я вчера. Не стоило упоминать сюрпризы.

— Мам? — поторопила я.

— После обеда нас ждут в замке Ван-се-Росса. Не спорь, — опередила Ренет волну протестов. — Герцогиня Виктория хочет тебя видеть. Её желания для нас закон.

Я смолчала. Скорчила гримасу Тире, внимательно наблюдавшей за мной немигающими жёлтыми глазами.

Глава 2. Вынужденный покровитель

— Держи спину ровно. Не хмурься. Перестань поджимать губы.

Обычно непробиваемая Ренет Вейн жутко робела перед герцогиней Викторией, при каждой встрече впадала в панику и доводила меня до белого каления. Вот и сейчас, мы едва зашли в просторный холл замка Ван-се-Росса, оформленный в небесно-зеленых тонах, а я была накручена до предела. Не хватало потерять контроль и выплеснуть новый заряд черной разрушительной магии. Интересно, госпожа сильно дорожит фонтаном с серебряными дельфинами?

— Лил, поправь воротник. Он топорщится.

Я сжала зубы до хруста. Это мамина идея — напялить на меня платье, подаренное герцогиней. Оно, конечно, недешевое — бледно-розовое со стальным отливом. Но я чувствовала себя неуютно из-за обилия кружев. В отличие от Ренет, я не считала облачение в презентованный с господского плеча наряд — данью уважение. Это походило на рабскую подобиострастность, а меня подобное бесило.

Я не сомневалась, что ждать госпожу придётся долго. Минут через десять-пятнадцать к нам выйдет кто-нибудь из слуг. Быть может, вредная Гертруда. Морща нос, проведет внутрь и велит ждать у двери в зал еще не меньше получаса. Помещение выберут попроще, чтобы показать наше место. Точнее, ткнуть нас носом в данный факт. Будто сами не понимаем, где мы, а где Ван-се-Росса.

Каково же было моё удивление, когда спустя минуту навстречу вышла сама хозяйка замка в роскошном синем платье в пол. Улыбнулась ошалевшей мне и кивнула потерявшей дар речи маме. И, пока та не рухнула к её ногам, проговорила гортанным мелодичным голосом.

— Пойдём в летний сад, Лилит. Прогуляемся. Ренет, ступай на кухню. Кухарки предупреждены, для тебя приготовлен вишневый чай.

Я не рискнула смотреть на маму. Представлять не хотелось, как открывается её рот. Самой стало не по себе. Я знала, Виктория Ван-се-Росса славилась непредсказуемостью. Но гулять по владениям с полувцветом? Чем я заслужила сомнительную честь? Не хлынувшей же силой? Или всё же именно ей?

Герцогиня ступала по начищенному до блеска полу едва слышно. Она напоминала пантеру. Из-за черных, как смоль, волос и грациозной походки. Не шла, а текла, как хищник, в любой миг готовый к смертоносному броску. Сколько лет Виктории, не знал никто. Даже, поговаривали, собственный муж. Вечная молодость была её магическим даром, передаваемым из поколения в поколение, но не унаследованным сыновьями Эмилио и Элиасом.

Одним из двух даров. Второй тщательно скрывался десятилетиями и оставался для всех тайной за семью печатями. В посёлках болтали, что он слишком ужасен. От высказываемых шепотом предположений меня мучило. Одни клялись, что Виктория по ночам превращается в летучую мышь и кружит над владениями, другие уверяли — она умеет убивать взглядом, а третьи считали, что наша уважаемая госпожа обладает слишком примитивными способностями, чтобы их афишировать. Мне же нравилось думать, что второй дар герцогини — её секретное оружие. А его, как сами понимаете, нельзя делать всеобщим достоянием.

Супруг Виктории — герцог Эдвард умел управлять ветрами и грозами, что делало его опасным противником в глазах соседей. Подойдут неприятели к стенам замка и заживо зажарятся потоками огненных молний. Второй дар господина был весьма полезен в хозяйстве. Герцог умел находить любую пропажу и без труда указать местонахождение живого существа или предмета на расстоянии в сотни километров.

Сыновья герцогской четы унаследовали способности отца. Дот рассказывала, старший Эмилио в детстве по неопытности устроил мощный ураган и погубил посевы на всех без исключения полях Ван-се-Росса. Моему деду — хранителю цветов и трав — пришлось потрудиться, чтобы заново вырастить хотя бы часть урожая. А герцог Эдвард потратил немало золота, чтобы обеспечить население на зиму.

— Скажи мне, Лилит София Вейн, — заговорила Виктория, когда мы вышли на свежий воздух. — Какие чувства ты испытываешь к Свену Фаули?

В летнем саду Ван-се-Росса, в который мне в бытность полумойкой заходить не полагалось, сладко пахло розами и шиповником. Нежно звенела на ветру листва, где-то в глубине переговаривались птицы. Вопреки ожиданиям сад оказался не выхолощенным, а в некотором смысле диким. Я не увидела ни ровных дорожек, ни аккуратных цветочных грядок, ни одинаково подстриженных кустов. За растениями, без сомнения, ухаживали, но давали расти так, как им удобно.

Но мне это место показалось отвратительным, едва госпожа произнесла имя злейшего врага. Врага! Именно так, и не иначе! Этот факт я осознала ясно.словно увидела голубое небо после грозы.

— Неприятно, когда подобные вопросы задают в лоб, — усмехнулась герцогиня, не услышав ответа. — Но будь уверена, в Гвендарлин с твоими чувствами никто не сочтет нужным считаться.

— Какой ответ верный? Следует поклясться, что я не испытываю ненависти, и сделать вид, что забыла медведя?

Сама не знаю, как с моего языка сорвались эти слова. Как я вообще посмела говорить с герцогиней подобным тоном. Вместе с проснувшейся силой, во мне словно демон поселился, плюющий на условности и порядки.

Госпожа повернулась, глянула высокомерно. Я подумала: ударит наотмашь. Но она усмехнулась и взяла меня за подбородок. Я ощутила прикосновение отполированных ногтей. Но они не вонзались в плоть. Пока.

— Маленькая чертовка, — пантера превратилась в кошку, жаждущую поиграть с мышью. — Сильная, но глупая. Я доходчиво объяснила Свену, сколь безрассуден его поступок. Родители тоже не пришли в восторг. Не из-за тебя, разумеется, а из-за использования сыном магии для нападения в нашем замке. Но в колледже у вздорного мальчишки будут развязаны руки. Тебе придется терпеть его выходки. Ты не представляешь всей своей мощи, можешь убить дурачка ненароком. Нравится мне это или нет, ты родилась на территории Ван-се-Росса, и нашей семье приходится отвечать за тебя перед обществом и советом Многоцветья. Запомни: опозоришь нас, пострадаешь не только сама. Я в порошок сотру и твою ветреную мать, и её никчемную корову-сестрицу.

К горлу подкатила тошнота. Однажды герцогиня помогла Ренет сохранить репутацию и остаться в родном доме. Но я — не её собственность! Ох, а мама верит в порядочность госпожи!

— Ты поняла меня, Лилит?

— Да, — прошептала я сдавлено.

А что ещё следовало ответить?

— Однако, — протянула Виктория нараспев, отпуская мой подбородок. — Я облегчу тебе жизнь. Во-первых, сделаю небольшой подарок, — герцогиня достала из складок платья кулон в форме трилистника — обычную безделушку из меди — и велела повернуться спиной. — Никогда не снимай его, — приказала она, защелкивая застёжку. — Узнаю, что ослушалась, оторву голову. В буквальном смысле. Серьезной защитой кулон не обладает, но глупым чарам других учеников противостоять сможет. А, значит, избавит от лишней головной боли. Безжалостные дети любят оттачивать навыки друг на друге.

— Спасибо, — пробормотала я. — За подарок.

По душе он мне не пришёлся, но молчать невежливо.

— Во-вторых, — продолжила Виктория. — В Гвендарлин за тобой будут присматривать, чтобы сама не влезла в неприятности и другим их не доставила. Мой старший сын Эмилио работает там преподавателем. Упрямец. Будто другого пути нет. А младший Элиас... — госпожа усмехнулась. — А вот и он. Вовремя.

Меня передернуло. При одном взгляде на младшего герцога память нарисовала светлые кудри Свена и огромного медведя, поднимающего когтистую лапу. Элиас был красавцем. Копией матери. Такие же черные волосы, глаза цвета стали, тонкие губы, высокие скулы.

А ещё он обожал манерничать. Но мне его герцогские замашки напоминали жеманство. Не парень, а сущая девица на выданье.

Элиас встал напротив нас. Поклонился матери и — о, чудо! — подарил лёгкий кивок мне.

— Приветствую в замке Ван-се-Росса, леди Лилит.

Я вытаращила глаза, почти уверовав, что сплю. Или схожу с ума. — Благодарю, господин Элиас, — через силу шепнули губы.

— Так-то лучше, — удовлетворенно заметила герцогиня, сквозь ресницы глядя на сына. — В дальнейшем обходитесь без «господ» и «леди». Обращайтесь друг к другу по именам, как и полагается ученикам Гвендарлин.

Я искала на лице Элиаса отвращение и ярость. Признаки несогласия. Но ни один мускул не дрогнул, ни единая чётка не исказилась. Вот что значит герцогская выдержка. Но я не сомневалась: парню отвратительна сама мысль, что мы можем оказаться на равных. Требование присматривать за мной в колледже ни чем не отличалось от оплеухи, которой матушка наградила его после выходки Свена.

— Будь готова к десяти утра, Лилит, — объявил младший герцог на прощание. — Я велю кучеру остановиться возле твоего дома. Не опаздывай. Возле портала нужно быть не позже шести. Иначе придется полгода собирать лягушек в пруду для отработки усыпляющего заклятья или другой чепухи. По дороге объясню некоторые незыблемые правила Гвендарлин, о которых не пишут в ознакомительной брошюре. А теперь прошу извинить. Дела.

Младший герцог облагодетельствовал меня еще одним кивком и удалился. Я осталась стоять, открыв рот. Проститься не потрудилась.

— Да-да, до колледжа доберешься с Элиасом, — подытожила монолог сына Виктория. — Отныне он — твой покровитель. Его задача помогать тебе и объяснять распоясавшимся друзьям, какие последствия ждут тех, у кого зачесутся руки попрактиковаться на полувцвете из нашего герцогства. Ступай домой. Побудь с семьей и отдохни. Завтра тебя ждёт длинный день. Как и многие последующие. Место, в которое ты отправляешься, не терпит слабости.

Остаток дня я провела в странной меланхолии. Перебирала старые вещи, листала книги, которыми зачитывалась в детстве. Достала из сундука под кроватью давно забытые игрушки и сложила в коробку. Пусть тётка отнесет соседке-вдове. Оставшись с пятью детьми на руках, она не побрезгует подарком от полувцвета.

Я приготовилась крикнуть Дот, но рука потянулась к одной из кукол. К деревянной фигурке в кружевном розовом чепце на волосах из чёрной пряжи. На игрушечной девочке было прелестное платье с вышивкой, туловище под ним опутывали настоящие женские волосы — каштановые, почти, как мои. Таких кукол клали в кровати младенцев для защиты от злых духов.

Поддавшись порыву, я завернула фигурку в ткань и убрала в дорожный сундук. Глупость, конечно. Подобные игрушки теперь многие считали пережитком прошлого. Никакими защитными чарами они не обладали, просто матерям хотелось верить, что кто-то (или что-то) помимо них оберегает нежных чад.

После ужина, прошедшего в тягостном молчании, я устроилась на кровати с упомянутой Элиасом брошюрой о колледже, которому предстояло стать моим домом на ближайшие годы. За три недели я прочла её раз десять, но сегодня снова потянуло пробежаться глазами по основным главам.

Учебное заведение, в которое отправляли отпрысков всего юго-запада Многоцветья, основали восемьсот лет назад герцог Дарлин Ван-се-Рмун и его жена Гвенда — белокурая и прекрасная, как утренняя роса. По крайней мере, так о ней писали в книге.

Портретов основателей, увы, не осталось. Оба погибли в расцвете лет во время пожара. Имена супругов и подарили название колледжу — Гвендарлин.

Располагался он на огромной черной скале посреди моря. Благодаря мощной магии, замешанной на крови, замок закрыли от посторонних, чтобы никто, кроме преподавателей и учеников, не мог попасть внутрь. В колледж добирались через порталы. Каждому обитателю Гвендарлин на левую щеку ставили своеобразный пропуск — невидимую печать с женской крылатой фигурой, ставшей гербом учебного заведения еще при супругах Ван-се-Рмун. После окончания колледжа, а в случае преподавателей — увольнения, печать стирали.

Стены замка меняли цвет по несколько раз в сутки. Впервые услышав об этом, я испытала легкое удовлетворение. То же самое происходило с моими глазами, значит, у нас было что-то общее с новым домом. Жилые помещения делились на четыре части. Белую — для светлых магов, чёрную — для темных, нейтральную — для преподавателей, и отдельную — для полупцветов.

Главной достопримечательностью Гвендарлин были зеркала-близнецы, хранящиеся в замке испокон веков. Большую часть времени они оставались черны, как самая тёмная ночь, и не отражали ни комнату, в которой находились, ни тех, кто пытался в них заглянуть. Оживали волшебные зеркала лишь в первый день учебного года, чтобы показать каждому ученику, на какую магию он может рассчитывать.

Это была незыблемая традиция. Юные маги ежегодно заглядывали в глаза отражению в надежде на новые подсказки. Только избранным близнецы демонстрировали всё и сразу. Остальные собирали информацию о своих возможностях по крупицам. Даже унаследовав фамильную магию, члены семьи могли проявлять способности по-разному. Например, герцог Эдвард блестяще управлял молниями, а коньком его старшего сына Эмилио, по рассказам Дот, были смерчи. Кое-кому, кроме основных двух даров, перепали и крохи способностей других родственников.

Зеркала меня заинтересовали. Я ничего — абсолютно ничего — не знала о собственной магии. Помимо того, что она тёмная и опасная. Я жаждала ответа, какой у меня второй цвет — дополнительный к чёрному. Благородный синий, как у клана Ван-се-Росса, свидетельствующий о невероятной силе духа? Мрачный серый, свойственный любителям плести интриги? Яркий красный, говорящий о безжалостности и взрывоопасном характере? Успокаивающий зеленый — спутник магов, способных к врачеванию и никогда не теряющих надежду?

Я понимала, глупо гадать. Я — полупцвет, и останусь им до конца дней, а, значит, ожидать можно любых несуразностей и катаклизмов. От смешения нескольких цветов до господства одного единственного — чёрного.

В спальню бесшумно вошла Тира. Ловко запрыгнула на кровать и устроилась под боком, внимательно следя за мной умными желтыми глазами. Я захлопнула брошюру и повернулась к кошке, чтобы выплеснуть негативные эмоции. Не важно, что собеседник не способен ответить.

— Не хочу в Гвендарлин, — пожаловалась я плаксиво. — К демонам зеркала и мою магию. Не представляешь, какой высокомерный мэтр приезжал по мою душу после истории с медведем. Дамочка с ним — сущая мегера. Герцогиня Виктория рядом с ней — сама невинность и добродетель.

В комнате с каждой минутой сгущались сумерки, и на целое мгновение показалось, что Тира прячет в усах улыбку. Но, разумеется, кошки не умеют улыбаться. Даже особенные.

— Представляешь, эта леди Сесиль — не только педагог, но и воспитательница! Её обязанность следить за ученицами после занятий. Чему она может научить? Презрению и высокомерию? Мерзость!

Встреча с гостями из Гвендарлин прошла в замке Ван-се-Росса, куда меня вызвали без матери. Я стояла в холле и еле сдерживала гнев, пока брезгливые взгляды скользили по лицу и одежде. Если б герцогиня Виктория не дала понять, что покровительствует моей семье, эта парочка кривиться бы до бесконечности.

Метра звали Алакс Риц. Ему было далеко за сорок, но он отчаянно молодился, одевался, как юный щеголь. Леди Сесиль Ларс выглядела еще старше и невероятно уродливо: нос и рот будто скульптор-неудачник вытесал, посчитав, что им полагается быть значительно крупнее всего остального. Уверена, рядом с хозяйкой замка Ван-се-Росса дамочка чувствовала себя ничтожной.

— Лилит София Вейн, — выдала она таким тоном, будто нечто совершенно непристойное. — Отец неизвестен, мать — вертихвостка. Нам есть над чем поработать. Хотя исправлять ситуацию поздно. Девушка взрослая, губы сердечком. Однозначно в голове ветер.

Меня накрыла обида. Да, я бываю раздражительной, а временами по-настоящему злой. Но не ветреной или поверхностной. Те, кто рано взрослеют, и умом обладают поострее, чем у сверстников.

Мерзкий мэтр Риц пошёл ещё дальше. Гадко усмехнулся и проговорил, растягивая слова.

— У этого полуволшебства слишком мощная чёрная магия. Сможет ли кто-то обуздать способности девчонки? Говоря «сможет», я имею в виду «захочет». Не проще ли отправить её в темницу?

Герцогиня Виктория и тут не дала гостям спуска.

— Это решать директору Бритту, — проговорила она почти ласково, но я явственно услышала в голосе госпожи угрозу. — Директор слишком многим обязан нам и примет во внимание наше мнение. Оно гласит, что леди Лилит должна научиться управлять магией. Уверена, благородный мэтр помнит, что сохранил своё кресло благодаря нашему решению не предъявлять Гвендарлин обвинений. Мы с мужем имели всё основания для преследования колледжа.

Я понятия не имела, о чём говорила герцогиня. Но, главное, смысл уяснили гости. Риц стал бледнее мела, Ларс задыхалась часто-часто, желая поскорее убраться подальше от Виктории и её ледяного взгляда. Гадостей в мой адрес больше не прозвучало. Мне вручили ту самую брошюру о Гвендарлин, официальное уведомление о зачислении, список необходимых вещей и металлическую пластину с гербом колледжа. Её следовало промыть водой с добавлением трёх капель моей крови. В первый день учёбы ей предстояло превратиться в невидимую печать на левой щеке.

Я лежала, слушая, как мурлыкает Тира. Следовало подняться, умыться, переодеться в ночную сорочку и расстелить постель. Но веки становились всё тяжелее и тяжелее. Приближался последний сон в родном доме. О чём-то светлом, добром и жизнеутверждающем. Вот только...

Всё изменилось вмиг. Кошка примолкла, напряглась. Шерсть встала дыбом и...

Тира издала грозное шипение, в желтых глазах вспыхнула ярость.

Я проследила за её взглядом. Кошка с гневом взидала на овальное зеркало, стоящее на подставке на письменном столе. Дешевое. Самое обыкновенное.

— Там никого нет.

Я поднялась и зажгла лампу.

— Это всего лишь...

Слова застряли в горле. С отражением всё было в порядке, не считая глаз, приобретших цвет перезревших вишен. Но я не смогла разглядеть ничего, кроме себя. Взгляд приклеился к лицу. Но, кажется, внутри зеркала находился кто-то ещё. Прятался в углу, не разрешая себя увидеть.

Чёрная тень метнулась по комнате. Зеркало приземлилось на полу. Осколки брызнули в стороны — кривые и острые. Тира легко уничтожила мою собственность и теперь

взирала назидательно.

— Это обман зрения, — объявила я под бешеный стук сердца.

Тира в ответ издала странный звук, похожий на смешок.

Глава 3. Метла, рога и лисий хвост

Я, шурясь от яркого солнца, смотрела в окно кареты и отчаянно старалась вычеркнуть из памяти заплаканное лицо Ренет. Прощание прошло отвратительно. За пятнадцать лет жизни я ни разу не видела маминых слёз. Любые беды она неизменно встречала с улыбкой или смирением, а сегодня рыдала на широком плече Дот, будто прорвало плотину. Тётка и та расчувствовалась. Стояла, опасно шмыгая носом, пока слуга Элиаса загружал дорожный сундук в карету.

Мои глаза остались сухими. Я не позволила себе расплакаться. Боялась нового всплеска способностей. Понимала, за слезами последует приступ гнева. Начну кричать и топтать ногами. А, значит, всенепременно что-нибудь случится. Не только трава окажется выжженной под корень. Того гляди, от родного дома головешки останутся.

Попрощавшись с родными и устроившись на мягком сидении, я приготовилась к обороне. Не в буквальном смысле, конечно же, а исключительно к словесной. Ни капли не сомневалась, что, оказавшись вдали от матушки, младший герцог вволю поупражняется в остроумии и язвительности. Однако прошёл целый час с момента отъезда, а Элиас не издал ни звука. Сидел, уткнувшись в книгу. Стальные глаза увлеченно бегали по строчкам. Мне оставалось поглядывать в окно и слушать стук колес.

Лишь, когда позади осталось последнее селение родного герцогства, господин счёл нужным заметить моё присутствие. Я напряглась, нервы натянулись, будто струна арфы, на которой играл любимый музыкант нашей покровительницы Виктории.

— Нужно поговорить, Лилит, — объявил Элиас, но, к удивлению, без яда. — Хочу, чтобы между нами не осталось недопонимания. Я не в восторге от требования матери. Но выполняю его, не сомневайся. Её желание для меня — закон. Однако ты должна уяснить — мы с тобой не друзья. Я объясню всем, что ты под защитой нашей семьи. Приду на помощь, если потребуется. Но не допущу, чтобы в моем окружении посчитали, что я нянька полувцета.

Я слушала молча. Элиас прав. Никто на его месте не захочет потерять лицо перед такими же богатыми и влиятельными приятелями. Но на душе стало мерзко. Лучше б он забросал меня гадостями, а не пытался быть хорошим и чистеньким для всех.

— Ты всё поняла? — стальные глаза прожигали насквозь.

— Да, — я не показала злости, ответила почти безразлично. — Вы... то есть, ты не дашь причинить мне серьезный вред, но за спиной будешь поливать грязью и сетовать на неразборчивость матери.

Элиас потерял контроль на мгновение, но я успела прочесть на красивом лице гнев. Без сомнения, я попала в яблочко, и парню не понравилась откровенная констатация факта.

Плевать. Я предпочитаю называть вещи своими именами.

— Раз с этим покончили, — поспешил перевести тему младший герцог, — перейдём к следующему вопросу. Что ты знаешь о легендах Гвендарлин?

Я пожала плечами. Мне доводилось слышать, что о колледже сочинено немало мистических историй. Но, признаться, никогда не вникала в детали. Знала, в замок меня не отправят, и не забивала голову. Мама нарочно не упоминала колледж, чтобы мы с тёткой не чувствовали ущербности. Дот, в отличие от младшей сестры, не попала в Гвендарлин из-за болезни, лишившей её способностей.

— В замке живёт злой дух, — озвучила я то небольшое, что слышала.

Тонкие губы Элиаса исказила усмешка.

— Да, так гласит легенда, — кивнул он. — Она самая древняя, пожалуй. Принято считать, дух поселился в Гвендарлин при строительстве, и именно из-за него начался пожар, в котором погибли супруги Ван-се-Рмун. Говорят, это мифическое воплощение зла до сих пор обитает в замке, но большую часть времени спит. Вырывается на волю в

ночь новолуния. Летаёт по тёмным коридорам, а потом кружит над башнями.

— Но ты в это не веришь? — уточнила я, услышав в голосе младшего герцога скептицизм.

— Никто особо не верит, — кивнул он, поглаживая острый подбородок. — Но в ночь духа происходят странные вещи. Ученики засыпают крепко-крепко и видят кошмары. Никакие снадобья бодрствования не помогают. Никакие заклятья. А если кто-то проснется — такое иногда случается — и посмеет высунуть нос в коридор, ему грозит исключение. Были и несчастные случаи. Учеников находили в шоковом состоянии, и ни один не мог толком объяснить, что случилось. Но я, думаю, это дело рук мэтров. Они старательно поддерживают старинную легенду и заколдовывают нарушителей, сваливая вину на духа. Удивительное дело, на педагогов дух сонную «хворь» не насылаёт.

Сохранить серьёзность получилось с трудом, новость о проделках педагогов позабавила. Что касается духов, в них я не верила. Это сказки, призванные заставить непослушных детей вести себя прилично. В жизни есть вещи гораздо страшнее мрачных придуманных историй.

— Другие призраки в колледже водятся?

— Разумеется, — отчеканил Элиас, не сообразив, что я издеваюсь. — Есть привидение вредной старой служанки, которая свернула шею, спускаясь по главной лестнице. Теперь она подставляет ученикам подножки на ступенях. Есть ещё леди Бэкка — воспитательница, умершая лет сто назад. Рассказывают, она ненавидела, когда ученики поздно ложились спать. И теперь в ночь духа мстит тем, кто в течение месяца нарушает режим. По одно из легенд, именно она приходит в спальни, гладит костлявой рукой по волосам и насылаёт кошмары.

— Кто-нибудь видел эту руку? — я сделала большие глаза.

— Смейся-смейся, — Элиас неожиданно стал хмурым. — В отличие от духа Гвендарлин, в леди Бэкку я верю. Почти. Сны, действительно, жуткие. По-настоящему жуткие, а, главное, реальные. После пробуждения долго поверить не можешь, что ты в безопасности. Если не посетят кошмары, проснёшься разбитым. Весь день будешь клевать носом, всё ронять из рук и на стены натекаться. Говорят, это она — леди Бэкка — высасывает из учеников энергию, чтобы продержаться следующий месяц.

Меня распирает хохот, но я не посмела смеяться. Слишком тревожным выглядел младший герцог. Напряженным. К тому же, неприлично насмехаться над союзниками и покровителями. Пусть и вынужденными.

— Поверишь ты в легенды или нет, не важно, — зловеще-заговорщицкий тон Элиаса сменился назидательным. — Они рожают правила, которые нигде не прописаны, но ученики Гвендарлин обязаны их соблюдать.

— Ты о запрете покидать спальни в ночь духа?

Я скромно сложила руки на коленях, демонстрируя готовность слушать. Даже глаза опустила для пущей убедительности. Помнится, с Дот подобный трюк не раз проходил. Но Элиас ни на грамм не поверил в мою покорность. Сам не отличался послушанием. Слуги Ван-се-Росса шептались, что родители не раз получали гневные послания из колледжа о неподобающем поведении младшего отпрыска.

— Вижу, тебе не терпится выкинуть фортель, — проговорил он с герцогской снисходительностью. — Я бы не советовал. Из-за происхождения ты и так постоянно будешь влипать в неприятности. Зачем усугублять ситуацию?

Мне хватило выдержки скрыть презрение. Не впервой слышать грубость в собственный адрес. Но сейчас Элиас показался мне, как никогда, мерзким. Позёр! Да и что, собственно, он вообще понимает? С самого рождения на привилегированном положении. Получает всё, что захочет. И в колледже, наверняка, ему многое сходит с рук. Ещё бы, брат преподавателя!

— Так что за правила? — спросила я непринужденно.

— Их десятка полтора. Для начала запомни три. Во-первых, никогда не упоминай духа в присутствии мэтров. Они чтят легенду, но говорить о ней вслух не принято. Во-вторых, не вздумай ходить в лунную башню. Считается, там тоже живёт призрак. Старшекурсники подбивают новичков, устраивают испытание. Но если нарушителя застукают, от позора он не отмоется до конца учёбы. Этот грех не прощается. Почему? Не знаю. В-третьих, не смей заглядывать в зеркала-близнецы в течение учебного года. Только в первый день. Находятся умники, проникают в зал обманом. Думают, удастся узнать подробности о способностях. Но плата высока. Мэтры могут выставить из Гвендарлин взашей. Да и зеркала мстят за пренебрежение к традициям. Кое-кто терял рассудок. В общем, Лилит, наш колледж — место чрезвычайно весёлое. С каждым уголком связана мистическая история, а происшествия сыплются, как из рога изобилия. Редкая неделя обходится без них. Сначала жутковато, но потом привыкаешь.

Я не придумала, что ответить. Элиас будто поставил цель, заставить меня возненавидеть Гвендарлин сильнее. Я демонстративно уткнулась в окно, за которым простиралось поле, усыпанное клевером — цветами, которые обожала Ренет за неприхотливость и нежный цвет. Герцогский отпрыск решил более не набиваться в собеседники. Раскрыл книгу с видом истинного ценителя литературы. Ликбез закончился, и теперь мы снова оказались на разных сторонах огромной пропасти.

Следующие несколько часов прошли невыносимо скучно, зато без неприятностей. По крайней мере, крупных. Подавить раздражение пришлось дважды. На въезде в очередной посёлок к карете кинулась нищенка в лохмотьях с мольбой о подаении. Слуги прогнали бродяжку прочь, а Элиас брезгливо поморщился, будто увидел не женщину, а огромного таракана. Я сжала кулаки. Подумаешь, что она грязная. Не всем дано родиться в древних кланах!

Вскоре почувствовать себя нищенкой пришлось мне самой. Карета преодолела чавкающую жижу, в которую превратилась поселковая дорога после ночного ливня, и остановилась у порога трактира. Деревянное строение не отличалось презентабельностью, но запахи наружу вырывались отменные. Я невольно сглотнула слюну, прогоняя из мыслей дивное видение — тарелку с прожаренной сочной бараниной.

— Идём, — скомандовал Элиас. — На обед у нас полчаса. Иначе выбьемся из графика.

— Я тут подожду, — буркнула я под нос, сообразив, что у меня нет с собой даже меди, чтобы расплатиться за еду.

Младший герцог без труда угадал причину отказа. Достал из кармана несколько золотых монет и кинул хозяину заведения. Круглый, как бочонок, мужичок лично выскочил встречать высокого гостя и отвешивал поклоны, желая угодить.

— Накройте стол для меня и моей спутницы, — распорядился Элиас, выходя из кареты. — Накормите лошадей и слуг.

Я едва удержалась от смешка. О, да! Его светлость бесцеремонно ставил гневных жеребцов выше охраны. Последних отпрыск Ван-се-Росса явно ценил меньше. Прежде чем войти в трактир, он любовно оглядел коней, удостовераясь, что они не потеряли форму.

Следовало поблагодарить Элиаса за то, что не оставил голодной. Но язык не повернулся выдать «спасибо». Я последовала за герцогом, чувствуя себя униженной, будто меня втоптали в грязь, через которую мы только что проехали. Глупо. Я ведь никто. И всё же противно быть обязанной дрянному мальчишке. Даже в мелочах.

Других посетителей в трактире не оказалось, а Элиас не намеревался общаться со мной. Я спокойно уткнулась в тарелку с потрясающе вкусным рагу из мяса и овощей. Не замечала ни расшаркивающегося перед молодым господином хозяина заведения, ни снующих туда-сюда официантов. Желудку стало хорошо, а следом потеплело и на душе.

Спустя четверть часа, потягивая яблочный сок, я расслабилась и почти поверила, что остаток пути пройдёт без приключений. Но, увы. Одна из главных неприятностей дня как раз входила в трактир.

— Заберите транспорт! Только попробуйте повредить! В лягушек превращу!

Я чуть не поперхнулась сладким напитком, брезгливый спутник уронил нож.

На пороге стояла юная ведьма, опираясь на упомянутое средство передвижения, то бишь, на метлу. Разумеется, девица была не из тех могущественных особ, которые три столетия назад вели войну с магами и, в конце концов, оказались почти истреблены. Оставшиеся в живых ведьмы почти потеряли силу. Нынешнее поколение могло варить зелья-однодневки и заколдовывать метлы для перелётов на небольшие расстояния. Ведьмами их называли исключительно по привычке. Однако в Гвендарлин чертовок принимали.

Вошедшая в трактир девица выглядела на год-два старше меня и явно училась в магическом колледже. При её появлении я невольно перевела взгляд на собственное дорожное серое платье, внезапно показавшееся невероятно унылым. Наряд ведьмы затмевал всё вокруг. Буйство красных, оранжевых и жёлтых оттенков делали длинное одеяние похожим на ковёр из опавших листьев поздней осенью. Дополняли картину длинные волосы цвета меди, струящиеся по спине, и рыжая сумочка, на которой висел лисий хвост.

— О! Элиас! — вскричала ведьмочка, едва трактирщик самолично забрал её драгоценную метлу. — Какая, однако, встреча. Не думала, что Ван-се-Росса останавливаются в столь дешёвых заведениях.

— А я поражен, Джемма, твоему изумлению, — парировал Элиас с кривой усмешкой. — Ты не заметила карету нашего клана во дворе? Потеряла бдительность?

Но с зеленоглазой ведьмочки было непросто сбить спесь. Она наградила юного герцога снисходительным взглядом и устроилась на скамье напротив. Достала из сумочки конверт с гербом Гвендарлин и демонстративно извлекла лист бумаги.

— Интересно? — спросила Джемма Элиаса, лукаво приподнимая брови.

— Ни капли, — соврал тот, не моргнув глазом.

Именно соврал, это я явственно почувствовала проснувшимся магическим чутьем. Младшему герцогу страсть как хотелось узнать содержимое послания. В планы ведьмочки и не входило испытывать его терпение, она сама жаждала похвастаться. Развернула лист, на котором красовалась золотая птица в полёте.

— Проклятье! — не сдержался Элиас, глядя на Джемму почти с ненавистью.

— Спорим, тебе опять пришло девственно чистое письмо, — произнесла она елевым голосом, но не расслышать злорадства мог разве что глухой.

Я не знала, о чём речь, но легко поняла, что для «покровителя» птица, присланная рыжей нахалке, похлеще оплеухи. Элиас едва зубами не скрежетал от злости, взирая на рисующуюся девчонку.

— Кстати, Рашель написала, что Свена в этом году тоже облагодетельствовали, — продолжила источать яд Джемма. — Он получил серебренного коршуна. Ты не знал? Ах, да! Вам же запретили связываться в каникулы. Я наслышана о происшествии в твоём замке с ублюдком-полуцветом. Подозреваю, это она? Элиас, ты не считаешь унижительным трапезничать с ней за одним столом?

Ведьма презрительно кивнула в мою сторону, но взглядом не удостоила. По моему телу прошла волна раздражения, руки зачесались плеснуть язве в лицо остатки яблочного сока. Не из-за грубости в мой адрес. Вовсе нет. Врасплох застало упоминание Свена. Я не была готова услышать имя злейшего врага.

— О! Прошу прощения, дамы, — младший герцог нацепил на лицо маску благодушия. — Забыл вас друг другу представить. Какая оплошность! Лилит, это Джемма Паскуале. Думаю, ты и сама догадалась о родословной моей дорогой сокурсницы. Транспорт выдаёт её с рыжей головой. Джемма, это Лилит Вейн. Ей покровительствует моя мать — герцогиня Виктория. Наказала передать это всем заинтересованным.

Ведьма скорчила яростную гримасу, но ехидничать не рискнула. Имя герцогини Ван-се-Росса затыкало даже самые наглые рты. Джемма нарочито медленно сложила письмо в конверт и грациозно поднялась из-за стола, встряхнув густую шевелюру.

— Транспорт! — крикнула она трактирщику.

— Нам тоже пора, — шепнул Элиас, едва Джемма скрылась из виду с драгоценной метлой. — Первогодкам следует быть у портала раньше остальных. Вам поставят пропускные печати.

— Надеюсь, это не больно, — вырвалось у меня помимо воли.

— Вообще-то больно, — «обрадовал» Элиас и развёл руками, мол, ничего не поделаешь.

Когда мы вышли во двор, ведьма успела «оседлать» транспорт и приготовиться к взлёту.

— До встречи на занятиях, Элиас, — попрощалась она высокомерно, натягивая коричневые перчатки. — Надеюсь, полуцвет не испортит тебе репутацию. В голове не укладывается! Дурочка поверила, что Свет снизошёл до неё. Держите меня семеро! Свен! До неё!

Я сжала кулаки, а Джемма топнула ножкой в красном сапоге, требуя от метлы взвиться ввысь. Транспорт беспрекословно подчинился, поднимая ведьму.

— Чтоб тебе провалиться, — пожелала я тихо, чтобы никто, кроме Элиаса, не слышал. Я не сомневалась, младший герцог с радостью разделит «напутствие».

Кто бы знал, что оно сбудется! Не в буквальном смысле. Но почти.

Доселе послушная метла взбрыкнула, как сивый мерин, и сбросила пассажирку. Отнюдь не грациозно. И аккуратно в самую грязь. Ещё и древко по лбу угодило.

— Уффф, — выдохнула обалдевшая ведьма, лёжа на спине в коричневой жиже.

Я в ужасе попятилась. Элиас взирал на поверженную сокурсницу без тени сочувствия.

— Десять баллов, Лилит, — ошарашено пробормотал он.

К несчастью, реплику услышала и Джемма. Развернулась, вынужденно утопив руки в грязи. Посмотрела на меня волком. Как тетка Дот с экономкой Гертрудой вместе взятые. Я Джемму, в общем-то, понимала. Яркий наряд изгажен, с волос капала склизкая мерзость, перекошенное от гнева лицо украшала россыпь тёмных брызг.

— Ты! — прошипела она. — Ты!

Воздух заколыхался, мне в грудь полетел чёрный сгусток. Элиас, привыкший к выходкам учеников Гвендарлин, ловко отскочил в сторону. Меня же реакция подвела: я осталась столбом стоять на месте, не потрудившись защититься. Однако проклятье ведьмы не причинило вреда. На шее огнём вспыхнул трилистник — подарок герцогини Виктории, но кожу не обжог. Заряд ударил в «орудие» Джеммы, рикошетом отправив восвояси.

Рыжая чертовка истошно взывала, ощупывая голову и сильнее пачкая рыжую шевелюру. Элиас покатился со смеху, а мне захотелось провалиться сквозь землю. Голову ведьмы по бокам украшали рожки. Толстые и загнутые. Я такие в книгах на картинках видела. У вымышленных героев сказок!

— Нам пора, Лилит, — младший герцог вытер слезившиеся от хохота глаза. — Тебя, Джемма, взять в попутчики не могу. Не хотелось бы пачкать матушкину карету. К тому же, вряд ли ты захочешь демонстрировать приобретение перед обожаемым Свеном. Но я ему расскажу. Обязательно!

— Только посмей! — прошипела ведьма из лужи. — Такую порчу наведу, ни одна девчонка пять лет не взглянет! Будешь коротать время в компании леди Сесиль!

Элиас глянул на ведьму свысока, однако от новых комментариев воздержался. Я поняла: угрозу он воспринял всерьёз и не станет никого просвещать о позоре девушки.

— Не беспокойся, — бросил младший герцог мне, когда карета, разбрызгивая колесами грязь, покатила дальше. — Джемма не посмеет жаловаться педагогам. Не в её интересах. Твой магический выброс непроизвольный. Тебя не учили управлять силой. Она же, насылая проклятье, действовала осознанно. За это мэтры по голове не поладят. Да и рога ведьме светить не к лицу.

Я молчала. Ни испытывала ни малейшего желания обсуждать случившееся. Мало мне проблем со Свеном Фаули! Не успела добраться до Гвендарлин, приобрела ещё одного заклятого врага! Интересно, это можно считать рекордом?

Глава 4. Синий кот

Элиас не преувеличивал: печать — это чертовски больно! Будто кожу сдирают живьём!

Белые от волнения ученики друг за другом прикладывали пластины с гербом колледжа к щекам. Мэтры в наполовину чётных, наполовину белых плащах беззвучно произносили заклятья, впечатывая женскую фигуру с крыльями в плоть. Металл загорался яростным огнём и становился единым целым с нашими лицами. Алое клеймо сверкало пару минут, прежде чем боль стихала.

Глаза щипало от невыплаканных слёз, но я не показала слабость. Как и остальные четыре с лишним десятка первоодков, выстроившихся у края обрыва — перед порталом, наполненным бело-голубой дымкой. Новоиспеченные ученики потирали щеки и бросали на меня и троих мне подобных — несовместимых ублюдков и дылд — презрительные взгляды. Нормальным первоодкам было, как и положено, по тринадцать лет.

Мы четверо не спешили знакомиться, чтобы сильнее не раздражать полноценных магов. Однако изучали друг друга пристально, скользили взглядами по лицам и одежде. Меня особенно заинтересовала девчонка-ровесница с густыми неестественно-красными волосами до пояса. Я могла дать на отсечение пару пальцев, что в будущей сокурснице заложена огненная магия.

Мальчишки выглядели обычными. Толстячок-брюнет на год-полтора старше производил впечатление простофили. Но внешность могла быть обманчивой. Полуцветы впитывают настороженность с молоком матери, с ранних лет понимая, что доверие — непозволительная роскошь. Второй паренёк — единственный тринадцатилетка в разношёрстной компании — выделялся разве что длинным носом и мышиного цвета волосами, которые не мешало подравнять.

— Прошу внимания! — заговорил один из мэтров.

Его коллеги, как и старшие ученики, миновали портал. Первоодков традиционно перемещали в колледж последними. При одном взгляде на седеющего мужчину с умными черными глазами мне стало спокойнее. Было в благородных чертах что-то надежное, умиротворяющее.

— Меня зовут Рэм Дюваль. В Гвендарлин я преподаю историю цветовой магии. Заклятья помогаю отрабатывать лишь темным магам, независимо от дополнительных цветов. Сегодня я стану вашим гидом по замку и проводником к близнецам.

По стройному ряду пронёсся вздох предвкушения. Всем не терпелось заглянуть в зеркала: мальчикам — в правое, девочкам — в левое. По моей спине галопом проскакала стайка мурашек. Я внезапно осознала, что не хочу встречаться с близнецами на глазах у остальных. Вдруг опять случится казус? Хватит неприятностей для одного дня!

— Встаньте в очередь, — распорядился мэтр Дюваль. — Подходите ко мне по одному. Каждый должен расписаться в ведомости, в подтверждение, что вы получили печати. Ставьте подписи и прыгайте. Постарайтесь приземлиться на обе ноги. В первый раз это редко кому удаётся. Если получите травму, ждите с левой стороны. Вас проводят в целительский блок. Остальные — сразу направо.

Толстячок-полуцвет испуганно крикнул, опасаясь, что окажется в рядах травмированных. Мелкий мальчишка с мышиной шевелюрой приуныл, принялся оглядывать лица остальных в поисках признаков слабости. Мне самой не понравились наставления. Мэтр мог дать пару советов, как правильно пересекать портал (сгруппироваться, например), а не пугать учеников целебными процедурами.

Мы четверо оказались у обрыва последними. Пускай полноценные сигают в портал — хоть головой вниз, хоть пятой точкой. Мы подождём. Всё равно нас и к зеркалам раньше них не подпустят.

— Ну, кто первый? — спросил мэтр, вопросительно приподнимая брови, правую чуть выше левой.

Толстячок попятился, мелкий судорожно задышал. Никому не улыбалось оказаться

одному в окружении первогодок. Пока остальные полуцветы догонят, от первопроходца мокрого места не останется.

Впрочем, мне-то чего бояться? Трилистник наглядно продемонстрировал возможности. Я приготовилась открыть рот, но красноволосая девчонка опередила.

— Я пойду! — она бесстрашно шагнула к мэтру.

— Имя?

— Агния Бэртон.

Девчонка расписалась в ведомости, заговорщицки подмигнула нам и бесстрашно сиганула в портал. Только подошвы коричневых туфель сверкнули.

Я подошла к Дювалю следующей, представилась и взяла зачарованное перо, способное писать без чернил. Пристальный взгляд я почувствовала кожей. Мэтр, не стесняясь, изучал меня, проникая сквозь плоть глубоко в душу. На Агнию он так не смотрел. И ни одного другого ученика тоже. Значит, педагогу известна моя история. Наверняка, гадает, не спалю ли я древний замок проснувшейся чёрной магией.

— Добро пожаловать в Гвендарлин, Лилит, — улыбнулся Дюваль и кивнул на портал.

Я встала у бело-голубого марева. Глубоко вздохнула и... не прыгнула. Внезапно охватил необъяснимый ужас, леденя кровь. Я явственно осознала, что не хочу в магический колледж. Он — не просто чужеродная территория, а враждебная или даже смертельно опасная.

— Лилит? — насторожился мэтр.

Я яростно сжала зубы. Послать бы всё к демонам! Колледж, педагогов, магию!

Но выбор прост: Гвендарлин или темница. Здесь есть хотя бы шанс на выживание.

— Чтoб тебя! — обратилась я неизвестно к кому, и нырнула вниз, будто в прохладную речку, огибающую родной посёлок Бирюзовый.

С переходом вышла неувязочка. Я не упала, но приземлилась, как корова. Пошатнулась и принялась махать руками, чтобы удержать равновесие. Будто лететь собралась. Прямоком домой! По ту сторону — в убегающем в обе стороны коридоре небесного цвета — поджидала Агния. С видом победительницы. Рядом сидели двое мальчишек. Один согнулся пополам и держался за живот, второй схватился за нос, между пальцами сочилась кровь.

— Они неудачно приземлились, — сообщила красноволосая девчонка с деланным равнодушием. Но я не сомневалась: полноценные юные маги устроили полуцвету «тёплый» приём и поплатились за это.

Из бело-голубой дымки выпал ещё один нестандартный ученик — неуклюжий толстячок-брюнет. Приземлился на четвереньки, но и в таком положении не удержался, растянулся во весь рост, царапнув подбородок. К счастью, не сильно. Не успел он подняться, черту пересёк ещё один наш собрат. Мальчишка с мышинной шевелюрой продемонстрировал чудеса стойкости, словно всю жизнь сигал через порталы.

Последним прибыл мэтр Дюваль. Смерил насмешливым взглядом поверженных драчунов, но помощи не предложил и о причинах травм спросить не соизволил. Велел нам четверым следовать за ним. Я поплелась в хвосте, даже толстячок оказался резвее. Дурное предчувствие усилилось и копошилось внутри, как насекомое с множеством ножек.

Коридор небесного цвета петлял и извивался, пересекался с другими: красным, зеленым и коричневым. Стены украшали подставки с цветами и картины. Я плохо разбиралась в живописи, но каждое полотно в массивной раме точно стоило немало золотых монет. На нас сверху вниз взирали нарисованные маги в черно-белых плащах. Наверняка, бывшие ученики, добившиеся выдающихся успехов.

— Пришли, — оповестил мэтр Дюваль минут через пять, останавливаясь у резных голубых дверей. — Подождите здесь. Вам рано заходить в зал.

Педагог шагнул внутрь. На мгновение мы услышали шум сотен возбуждённых голосов. Толстячок приподнялся на цыпочки, чтобы разглядеть происходящее, пока двери не закрылись. Агния недовольно прищурилась и покачала головой, ей не нравилось «особое» отношение полноценных магов.

— Они заглядывают в зеркала, — пискнул младший мальчишка и добавил, потупив взгляд. — Нас запустят в последний момент.

— Откуда знаешь? — спросила Агния сурово.

— Старший брат предупреждал.

— Ему тоже пришлось торчать перед закрытыми дверями?

Мелкий замотал головой, став пунцовым.

— Нет. Лайдэн обычный. Не такой, как мы... — он смущенно примолк.

— Как тебя зовут? — поинтересовался толстячок, чтобы снять неловкость.

— Лиан. Лиан Прентис. А тебя?

— Шем Вертью.

Я произнесла имя под вопросительным взглядом Агнии. Ей представляться не требовалось. Все слышали, как она назвала себя возле портала. Больше мы не сказали ни слова, хотя проторчали в коридоре больше часа. Каждому было, что рассказать о себе, жизнь любого полуволшебника не сахар. Но мы не знали друг друга, и время для открытий не пришло.

Когда Дюваль, наконец, распахнул дверь и сделал приглашающий жест рукой, моя нервозность достигла апогея. Я с трудом сдерживалась, чтобы не удариться в панику. Вдруг черная магия вновь хлынет потоком? Что делать тогда? Кричать «спасайся, кто может?» Мэтр всё понял без слов. Обвел нас улыбчивым взглядом, положил ладонь на моё плечо.

— Не переживайте, — успокоил он. — Жаль, вы пропустили казусы, случившиеся с вашими будущими сокурсниками перед зеркалами. Сомневаюсь, что вам четверым удастся побить сегодняшние рекорды.

Не знаю, что придало сил — уверенный голос Дюваля или тепло сильной ладони, но дышать стало легче. Остальные тоже немного оттаяли. Лицо Шема утратило сочный салатный оттенок, Лиан выдавил полуулыбку. Одна Агния и бровью не повела. Она не боялась встречи с близнецами на глазах у полноценных. Или же просто плевала на чужое мнение.

На середину разноцветного зала мы прошагали под любопытными взглядами сотен глаз. Здесь собрался весь колледж. Ученики и педагоги наблюдали за нами, будто за зверушками, и гадали, какие проблемы мы способны преподнести. Я физически ощутила волну неприязни. Многие истинные маги считали, что полуволшебников следует топить после рождения. Ненавижу всех! Вот бы оказаться дома. Рядом с Ренет — единственной магией на свете, принимавшей меня такой, какая есть.

Я быстрым взглядом обвела кресла преподавателей. Седой пожилой мужчина с кучей бородкой, наверняка, директор Ив Бритт. Лицо суровое, словно из камня вытесанное. Неподалеку устроился мерзкий щеголь Алакс Риц, приезжавший по мою душу в герцогский замок. Презрительную усмешку невозможно не узнать. Остальных мэтров я прежде не видела. Мелькнуло лишь ещё одно знакомое лицо. Почти знакомое. Эмилио Ван-се-Росса, как и младший брат Элиас, внешне пошел в мать — герцогиню Викторию. Но он не выглядел надменным, как родственники.

— Кто первый? — спросил Дюваль.

Мальчишки попятились под смешки остальных учеников. Я не сдвинулась с места. Вперёд, как у портала, вышла Агния, равнодушно передёрнув плечами. Весь вид её свидетельствовал о пренебрежительном отношении к полноценным.

— В левое, — подсказал Дюваль шепотом.

Я впервые посмотрела на близнецов. В них, и правда, было что-то притягательное. Два чёрных стекла в серебряной оправе соединяли искусственные ветви. Зловещими зеркала не выглядели. Но и величественными я бы их называть не спешила. Они мне не понравились. В голову б точно не пришла мысль заглядывать в них посреди учебного года. Хватит и сомнительного «знакомства».

В зале повисла тишина предвкушения. Всем не терпелось узнать, что покажут близнецы Агнии. Полноценные ждали провала красноволосой девчонки. Они не сомневались, что полуцвет напортачит. А потом... потом разноцветное помещение наполнил шквал взволнованных голосов. По чёрному стеклу прошло яростное пламя. Очень опасное на вид. Но оно осталось внутри. Ни одна искорка не выскочила. Агния повернулась к полноценным и усмехнулась. Мол, рискните, подойдите. Мало не покажется.

Следующим у близнецов оказался Шем. Не по собственной воле. Дюваль сам выбрал «жертву», подтолкнул толстячка вперёд.

— В правое, — напомнил мэтр.

И вовремя. Паренёк, забывшись, направился к левой, женской половине. От страха у бедолаги шевелились волосы. Он вытер со лба пот рукавом и обернулся. По залу снова пронеслись смешки, но Дюваль предостерегающе поднял ладонь, и они смолкли. Жаль, мэтру не удалось столь же легко стереть ухмылки с губ и потушить презрение в глазах учеников.

Шем тяжело вздохнул и сжал кулаки. Будь его воля, кинулся бы наутёк, но пришлось остаться, пересилить ужас и посмотреть в чёрное стекло. Сначала показалось, что ничего не произошло, и зеркало не откликнулось. По рядам пронёсся шепоток. Полноценные вытягивали шеи, чтобы получше разглядеть, что творится у близнецов.

Вдруг кто-то присвистнул.

— Смотрите! Смотрите! Ого!

Чернота зеркал стала ещё гуще. Они скопили всю злую энергию на свете и готовились выплеснуть наружу, погубив каждого, кто окажется в пределах досягаемости. Я с трудом поборолa желание прикрыться руками. Но чернота, как и пламя Агнии, осталось внутри. Зато из стекла повалил густой дым. Черный, как на пожарище.

Зал огласили испуганные вскрики. Не каждый день ученикам доводилось видеть «рождение» мощного черного мага. Тем более, внешне Шем абсолютно не подходил для этой роли. Паренёк и сам струхнул. Шлёпнулся на пятую точку и пополз от близнецов прочь. Но на этот раз никто не посмел смеяться. Зловещая демонстрация встревожила полноценных всерьёз.

— Следующий! — распорядился Дюваль и кивнул Лиану. На располагающем лице метра промелькнула озабоченность. Реакция зеркал на Шема стала сюрпризом и для него. Неприятным сюрпризом.

Лиан приблизился к близнецам бочком. Крепко зажмурился, опасаясь, как бы достопримечательность Гвендарлин и его не облагодетельствовала жутью. Дюваль сердито кашлянул. Мальчишке пришлось приоткрыть один глаз, приобретший золотистый оттенок, затем второй. Зеркала податливо откликнулись. Но обошлось без переполоха. По стеклу пробежали бело-зелёные полосы, в воздухе запахло лекарством. Чем-то горьким, вроде мяты или полыни. Память нарисовала тетку Дот, глотающую настойки по любому поводу. В доме вечно витали ароматы всевозможных трав.

— Лекарь? — улыбнулся Дюваль. — Неплохо, неплохо. Ты следующая, Лилит.

Из-под ног выбили почву. Я покачнулась, к горлу подкатил ком, затрудняя дыхание. Если Шем умудрился перепугать полноценных, что случится, коли моя тёмная магия,

способная выжигать землю, проявит себя во всей красе?

— Смелее, — поторопил мэтр.

Душа протестовала, советуя не приближаться к близнецам. Но едва я сделала первый шаг, вперед потянуло магнитом. Ноги ускорились в обход разума. Мгновение, и я увидела отражение с непривычными ядовито-бирюзовыми глазами — цвета неестественного, отталкивающего. Но я мгновенно позабыла о нём, нервно вглядываясь в стекло.

Странное ощущение. Панический страх отступил, тревога осталась. Теперь я опасалась не того, что могли вытворить зеркала, я боялась их самих. Кто-то наблюдал изнутри, изучал, прощупывал. С намерениями отнюдь не добрыми. Руки зачесались схватить что-нибудь тяжелое и швырнуть в стекло. Пусть разлетится вдребезги! Как домашнее настольное зеркальце после близкого «знакомства» с черной кошкой Тирой.

Близнецы не торопились с вердиктом. В зале повисла кладбищенская тишина. После Шема все замерли в нервном ожидании, не смея потешаться. Но это оказалось затишьем перед бурей. Стекло не потемнело сильнее, как у толстячка, и не продемонстрировало других цветов. Раздался неприятный щелчок, и из зеркала на пол плюхнулся темно-синий мяч. Прокатился пару шагов и обзавелся лапами, хвостом и головой с острыми ушами. На меня взглянули серебристые глаза.

Я в ужасе попятилась под оглушительный хохот полноценных.

Да чтоб вас всех! От зловещих близнецов я ожидала, чего угодно — взрыва, смерча, торнадо! Но точно не появления кота ненормально окраса — аккурат под стать полувцвету! Живность, тем временем, рванула ко мне. Остановилась, понюхала ногу и принялась тереться, громко мурлыкая. Я сжала зубы, с трудом подавив желание закрыть лицо ладонями, чтобы не видеть глумящихся лиц. Вот бы сквозь пол провалиться! Вместо злого смеха чудились громовые раскаты.

Обида вонзила острые когти в плоть. В отличие от Агнии или Шема, я, в глазах полноценных, не представляла угрозы. Плохо! И опасно. Покровительство герцогини Ван-се-Росса и подаренный трилистник не спасут. Я смотрела на хохочущих учеников и чувствовала себя ничтожеством. Игрушкой в чужих руках. Глупой бабочкой, намертво прилипшей к паутине.

Среди веселящихся магов мелькнули белокурые локоны Свена Фаули. Он смеялся, как и все. Кривил «благородные» черты, наслаждаясь казусом, и я, пообещавшая себе держать эмоции в узде, дала слабинку. Воспоминания потянулись легкой ниточкой. От лживых ласковых слов скучающего в каникулы наглеца до фальшивого свидания в герцогском замке и медведя, поднимающего лапу для удара. Я, как наяву, увидела ярость в черных глазах зверя и...

Камень бросают в воду, и от него разбегаются круги, всё шире и шире. Они жаждут захватить максимум пространства, добраться до противоположного берега. Поддавшись нечаянной злости, я стала тем самым камнем. Узел, завязавшийся в груди, рассыпался в прах. Во всем стороны хлынула энергия. Мощная и темная. К счастью, не разрушительная, вроде той, что дома уничтожала траву.

Однако полноценным хватило и «легкого» выброса, чтобы в панике броситься врассыпную. Они толкали друг друга, стараясь поскорее выбраться из темно-коричневого тумана. Кто-то хныкал, кто-то чертыхался. Крупный парень в перекосившемся плаще споткнулся и плюхнулся под ноги двум девочкам. Одна — с длинными русыми косичками — с визгом кувыркнулась через него. Вторая почти удержалась, но кто-то толкнул её между лопаток, и она повторила подвиг подружки.

— Хватит! — заныл толстяк. Коленка девчонки пришлась в упитанный бок.

— Разлётся, увалень! — прошипела та в ответ.

У двух дверей, ведущих в коридор, образовались заторы. Широкие проемы не справлялись. Желающих выбраться наружу оказалось многовато. Ругательства звучали всё громче. Последней каплей стал громкий звук, похожий на свист хлыста. Кто-то еще

оплошал и не сдержал выплеск магии. Вверх повалил сизый дымок, и все, кому не посчастливилось оказаться в зоне поражения, закашлялись до хрипоты.

— ПРЕКРАТИТЬ! — перекрыл шум властный голос.

Директор Ив Бритт поднялся с кресла и взирал на происходящее с яростью. Некрасивое лицо, недавно казавшееся спокойным, стало опасным. Поднимет старый маг руку, и от древнего учебного заведения камня на камне не останется.

— Успокойтесь! — приказал директор, чуть понизив голос.

Требование всё равно прозвучало громом из-за тишины, внезапно воцарившейся в зале. Её нарушал только приглушенный кашель жертв внеплановой магической атаки.

— Разбиться на пары! Взяться за руки! Выходить медленно! А ты, — взгляд холодных выцветших глаз устремился на меня. — Подойди ближе.

Прежде я не подозревала, что выражение «сердце в пятки ушло» применимо к реальной ситуации. Может, оно трепыхалось и не в пятках, и не возле щиколоток, но на уровне коленок точно. Ещё бы! С первой попытки разогнала весь колледж! Интересно, за такое выставляют прочь без права на второй шанс или запирают в темнице, как страдал мэтр Риц?

— Спокойнее, девочка. Спокойнее, — проговорил мэтр Бритт, сбавив обороты. Сообщила, что гнев, обрушенный на мою голову, кончится очередным фортелем.

Я шла к директору, считая про себя до двадцати. Не самое плохое средство для подавления гнева. Как же я ненавижу их всех! Полноценных, уверенных, что я недостойна находиться в замке, видевшем становление величайших магов прошлого и современности.

Шаг. Ещё один. Ненависть — мой враг. Ближе. Ближе. Я — ручей. Спокойная вода, бегущая между камней. Выцветшие глаза директора не предвещают добра. Но мне нет дела ни до чего на свете. Я утекаю прочь, оставив оболочку.

— Лилит Вейн, — протянул мэтр Бритт.

«Полуцвет», — добавила я мысленно.

— Ты ведь понимаешь, что нужно учиться контролировать эмоции? — спросил директор, беря меня сморщенными длинными пальцами за подбородок. Совсем, как недавно герцогиня Виктория. — Твоя сила опасна, девочка. Ты же не хочешь причинить другим вред? И, тем самым, искалечить жизнь себе?

О, да! Я прекрасно расслышала угрозу!

— Не хочу, — шепнула с трудом.

— Не беспокойтесь, директор, — вмешался мэтр Дюваль, складывая руки за спиной. — Я помогу юной леди обуздать гнев. Думаю...

— Этим займусь я, — перебил Эмилио Ван-се-Росса.

— Но... — Дюваль удивленно приподнял брови.

— Мэтр Бритт, — средний герцог не заметил попытки вставить возражение. — За Лилит отвечает моя семья. Как темный маг, я в состоянии справиться с выбросами силы этой ученицы.

Директор поочередно посмотрел на подчиненных, взвешивая что-то в уме.

— Хорошо, — изрёк он с покровительственными нотками. — Будь по-вашему, Ван-се-Росса. Проводите подопечную до сектора полуцветов. И пусть заберет свое... э-э-э... имущество.

Мэтр Бритт взмахнул рукой, и я растерянно посмотрела под ноги, не понимая, о чём речь.

С синей морды обиженно глянули серебристые глаза. Ох, я совершенно забыла о коте! Энергетический выплеск взбудоражил и его. Шерсть стояла дыбом, делая животинку ещё несуразнее, пушистый хвост напоминал щётку.

— Идём, имущество, — я подхватила кота.

Средний герцог молчал всю дорогу до сектора полуцветов. Шёл рядом, о чем-то сосредоточенно раздумывая. Может, жалел, что вызвался в наставники? Наверняка, герцогиня Виктория и ему велела оберегать мою несносную персону. Он согласился, а теперь гадал, какими неприятностями обернётся покровительство. Я слишком устала, чтобы останавливаться на этой мысли или любоваться замком. Радовалась, что по пути не встретился ни один ученик. Хотя это странно. Не слегли же они разом, «искупавшись» в тумане?

— Все на ужине в главной столовой, — угадал мысли мэтр. — Полуцветы питаются отдельно. В своём секторе. Во избежание... э-э-э... сама понимаешь.

О, да! Я понимала. Нашлось бы немало желающих попрактиковаться на нашем брате за столом. Тарелку с супом на голову напаять магическим способом. Или какой другой едой форму изгадить. Так и исхудать недолго, если каждая трапеза превратится в сражение за неприкосновенность одежды и всех частей тела.

Мы остановились у разноцветной двери с черно-белой ручкой.

— Твой новый дом, Лилит, — объявил Эмилио Ван-се-Росса. — Сектор заколдован. Полноценным не войти. Для их и вашей безопасности. Жду тебя здесь завтра в семь утра. Лучше остужать гнев до занятий, согласна?

— Да, мэтр, — покорно вздохнула я, поглаживая вырывающегося кота. Ему не терпелось оказаться за дверью. Мне тоже, чтобы скрыться от пронзительных стальных глаз, точь-в-точь, как у матери — герцогини Виктории.

Но торопилась я напрасно.

В просторной столовой особого сектора шёл ужин. За овальным столом собралось два с лишним десятка подростков, включая моих новых знакомых: Агнию, Лиана и Шема. На меня одновременно глянули множество глаз самых своеобразных и немислимых оттенков. Из-за стола поднялся высокий парень с волосами цвета меди. Глаза отливали серебром, как у моей новой живности, но не столь ярко.

— Меня зовут Кайл Нестор, я — староста полуцветов, — представился парень и добавил строго: — Тебе сегодня нет здесь места, Лилит. Ты наказана за выброс черной энергии. Сожалею, но таковы правила. Не беспокойся, голодной ты не останешься. В спальне ждёт сухой паек. Кота тоже покормят. Теперь уходи. По винтовой лестнице и направо. Комната номер семь. Жить в ней будешь с Агнией Бэртон.

Следовало что-то ответить. Например, что я всё понимаю, раз таковы правила. Или пожелать приятного аппетита. Но день выдался невыносимо длинный и трудный. Я устала и не до конца остыла. Вдруг выплесну новую волну темной энергии при попытке пообщаться с себе подобными, не пожелавшими со мной поужинать. Не сказав ни слова, я опустила кота на пол и пошла к лестнице.

Спальня встретила тишиной и полутьмой. Впервые за день я почувствовала себя в безопасности. Огляделась. Шкафы для книг и одежды, два кресла, две кровати: одна с красной постелью, другая с синей. Мой дорожный сундук стоял у второй. Странно. С огненной силой Агнии всё понятно, но мой второй цвет неизвестен. Или это совпадение?

Я достала из сундука ночную сорочку, которую предусмотрительно положила сверху, проглотила сладкую булку из сухого пайка и подошла к окну со стаканом апельсинового сока в руке. За стеклом простиралось беспокойное море. Оно не сливалось вдаль с горизонтом, а терялось в сером густом тумане. По небу ползли мрачные, почти черные тучки. Но унылый пейзаж не усугубил плохое настроение. Наоборот, придавал моральных сил. Погода отражала эмоции.

Лежа в постели и глядя в потолок, я думала о Ренет и её теплых руках. Вспоминала черную кошку Тиру и вечно недовольную Дот. Сейчас я тосковала даже по ненавистному

виду на холме — по замку клана Ван-се-Росса, где начались мои беды. Он мне и приснился. Серые башни тянулись в ночное небо. Над ними разноцветными огнями громыхали фейерверки, не давая спать ближайшим посёлкам. Особенно нашему — Бирюзовому. Вся округа гуляла на ежегодном карнавале, длящемся неделю.

Внезапно сон изменился. Я оказалась в темном коридоре с подсвечником в руке. Как и несколько дней назад. Вновь шла на чарующий голос, шепчущий моё имя. Шаги заглушал ковер. Кто-то звал меня, жаждал встречи. Давно и отчаянно.

— Мяу!

Я с громким возгласом села на постели и завертела головой. Возле подушки разлегся синий кот. Животинка укоризненно смотрела немигающими серебристыми глазами.

— Мяу, — повторил кот сердито.

— Что? — возмутилась я. — Просто странный сон.

— Лилит... — шепнул чей-то голос. Тихий, потусторонний, пробирающий до мурашек. — Ты моя, Лилит София Вейн...

Я впечаталась спиной в стену, не понимая, сплю я или бодрствую.

Глава 5. Исчезнувший шарик

С криком взбесившегося медведя я всплеснула руками, выпуская злую черную энергию, и... сама отлетела к противоположной стене — врезалась спиной со всей силы. Хорошо хоть стена мягкая, как перина, пусть и выглядит стеклом. Её зачаровали аккуратно для случаев, как мой. Но мало всё равно не показалось. В голове загудело. Не от удара, а рикошета магического выброса.

— Кулон, — шепнули плохо слушающиеся губы. — Не помог...

— От собственной силы талисманы не защищают, — усмехнулся Эмилио Ван-се-Росса, наблюдавший за позорным падением снаружи.

Это всё его вина. Запер в стеклянной комнатухе и минут двадцать испытывал нервы на прочность. Вспомнил всё: и происхождение, и отношение полноценных к таким, как я, и даже Свена Фаули упомянул. Но я держалась. Сжимала зубы, ругалась про себя, но не позволяла ярости выплеснуться наружу. В завершение средний герцог напомнил о вчерашнем происшествии с Джеммой Паскуале, и я взорвалась. Не из-за воспоминания о рыжей нахалке. Вовсе нет! Ведьма заслужила и купание в грязи, и рожки. Я разозлилась на Элиаса. Поросенок! Взял и донёс старшему братцу о приключившемся казусе. Мог и помолчать в тряпочку!

— Ненавижу! — объявила я, сама плохо понимая, кого или что имею в виду.

— Неприятно, знаю. Зато, получая родной магией по шее, быстро учишься контролировать эмоции. Кстати, симпатичные получились рожки у ведьмы?

Мэтр явно веселился.

— Так себе, — проворчала я, поднимаясь и потирая бок. — Но хвост выйдет круче, если снова посмеет сунуться.

— Она посмеет. Зная Джемму Паскуале, можно не сомневаться. Ты готова ко второму раунду, Лилит?

Я посмотрела на Эмилио взглядом, способным сжечь заживо.

— Поаккуратней, — посоветовал мэтр. — Спалишь полколледжа, директор прислушается к предложению Алакса Рица запереть тебя в подземелье, чтобы не возиться.

Я в сердцах топнула ногой. Что за снисходительный тон?

И сразу дым повалил. Черный. Прямо под ногами. Стекло помещение быстро наполнилось дымом. Я повалилась на колени, задыхаясь от кашля.

— Какая прелесть, — процедил Эмилио и щелкнул пальцами.

Чернота растворилась, воздух внутри снова стал чистым, но горло и грудь болели чертовски. Успела надышаться мерзкой гарью, появившейся без намёка на огонь.

— А если серьезно, — объявил мэтр, провожая меня до сектора полуцветов после первой тренировки. — Не ходи по замку одна. Джемма не из тех, кто забывает обиды, а иметь во врагах ведьму опасно. Кулон моей матери не защитит от всего не свете.

Обитель полуцветов едва проснулась. Юные маги с неправильными глазами заканчивали водные процедуры и собирались на завтрак.

— От тебя несет дымом. Сильно. Ты побывала на пожаре? — удивилась Агния, заправляющая красную постель. На моей, сливаясь с покрывалом, вальяжно расположился синий котят. Он, без сомнений, чувствовал себя, как дома.

— Нет, — проворчала я, доставая полотенце, чтобы отправиться в девичью ванную. — Искупалась в магическом дыму.

На марафет понадобилось больше времени, чем я рассчитывала. Больше всего воняло от волос, пришлось вымыть голову. В результате опоздала на завтрак. Собратья-полуцветы встретили хмурыми взглядами. Я подумала, Кайл Нестор в наказание опять запретит садиться со всеми за стол. Но староста только неодобрительно поджал губы и сунул в руки лист с расписанием занятий.

— Не стоит быть такой враждебной, — посоветовал он, едва я устроилась между Шемом и Лианом. — Мы семья, Лилит. Мы заодно. Там — за дверью — враждебный мир. Рассчитывать можно только друг на друга. Мэтрам полагается нас защищать, но не забывай, они тоже полноценные маги.

— Знаю.

Пересилив вчерашнюю обиду, я пожелала всем приятного аппетита и с вдохновением уткнулась в тарелку с омлетом. После утреннего марафона, устроенным средним герцогом, желудок от голода в трубочку сворачивался, а впереди предстоял невыносимо длинный день и, как я подозревала, скверный.

Первым уроком в расписании значилась теория цветовой магии, и я снова четко осознала свою ущербность в глазах полноценных. Заниматься предстояло с тринадцатилетними учениками. Начинать с азов, как и они. В классе для нас выделили отдельный угол. Отгородили магическим занавесом, чтобы никто, кроме нас, не прошёл. А, главное, не долетел ни один предмет, отправленный простым или волшебным способом.

Агния устроилась за партой с Лианом, мне пришлось сесть с Шемом, не отошедшим после встречи с зеркалами. В чертах толстячка, по-прежнему, не проскальзывало и намёка, что перед нами будущий чёрный маг. Создавалось впечатление, что парень собственной тени боится. Шем нервно оглядывался, ожидая подвоха от «нормальных» сокурсников. Полноценные, и правда, пилились, перешептывались и тыкали пальцами в нашу сторону.

— Они точно что-то замышляют, — простонал Шем. Будь его воля, бросился бы наутёк.

— Пускай попробуют, — прошипела я, устав быть диковинной зверушкой в клетке. — Это не они, а мы вчера устроили веселье.

— Угу. Тебе хорошо. Ты свою истинную силу продемонстрировала. А мне близнецы показали лишь возможное будущее. Но не факт, что я до него доживу.

— Брось! Мне зеркала кота презентовали. Казус тысячелетия! У тебя хоть точно есть магическое будущее, а, вероятно, буду обычной кошатницей. Хотя нет, не обычной. Буду разводить зверушек неестественного цвета.

— ТИШИНА!

В класс вошла черноволосая женщина лет тридцати пяти в платье красном, как кровь. Окинула новых учеников высокомерным взглядом. Нас четверых она демонстративно не заметила, зато я уставилась во все глаза. Женщине-педагогу полагалось выглядеть строго. Однако дамочка даже шевелюру уложить в причёску не потрудились. Вьющиеся пряди ниспадали на спину волной. Пышное платье больше подходило для карнавала, нежели для учебного заведения.

— Меня зовут Летисия Дитрих. Предупреждаю сразу, на моих занятиях не допускаются три вещи: глупые вопросы, нарушение тишины без повода и применение магии без разрешения. Надеюсь, вы окажетесь сообразительнее ваших предшественников, не способных запомнить элементарные правила. Есть вопросы? Нет? Отлично! Закройте учебники, потом прочитаете. Поднимите руки, кому предстоит стать белыми магами.

В классе сидело четыре десятка учеников, вверх взметнулось три четверти рук.

— Теперь тёмные маги, — приказала Дитрих.

Включая нас с Шемом, таких набралось девять. Не знали основного цвета магии двое: Агния и девочка из полноценных с двумя русыми косичками и россыпью веснушек на пухлых щеках.

— Кто может назвать главные отличия светлых магов от тёмных? — спросила Дитрих, переводя взгляд с одного лица на другое, но не замечая наш угол. — Первый, кто расскажет сказочку о добре и зле, окажется малость подкопчен. Я не шучу.

В классе повисла та самая тишина, которую магиня недавно требовала. — Неужели, никто не знает? — усмехнулась Дитрих зловеще.

Неожиданно Лиан поднял руку. Агния предостерегающе дернула его за рукав. Но преподавательница сделала вид, что ничего не заметила.

— Значит, никто, — протянула она с деланным разочарованием. — Что ж, придётся устраивать наглядную демонстрацию. Добровольцы?

Теперь Дитрих напоминала хищника, замершего рядом добычей, не подозревающей о засаде. Несколько секунд, и смертоносный прыжок прекратит жалкое существование наивной зверушки.

— Подойди, — велела магиня смуглому мальчишке из темных. — И ты, — она насмешливо кивнула Лиану. — Ты же жаждал просветить полноценных. Вот и сделаешь это, показав разницу на собственной шкуре.

Лиан побледнел, Шем ахнул, мы с Агнией сжали кулаки. Но выбора не оставалось. Недальновидному мальчишке пришлось покинуть безопасную зону под одобрительное улюлюканье. Четыре десятка пар мечтали, чтобы Дитрих поджарила выскочку до хрустящей корочки.

— Как тебя зовут? — спросила она темного.

— Нильс Бернardu, — пробормотал тот нервно. Его не радовала перспектива превратиться в наглядное пособие.

Именем второго «подопытного» Дитрих не поинтересовалась. Поставила Нильса и Лиана напротив друг друга на расстоянии пяти метров и, плотно облизнув губы, велела:

— Нильс, ударь в полуволна силой. Без паники. Он останется цел. Я нейтрализую выброс.

Но мальчишка не спешил выполнять требование. Да, рядом стоял полуволна, но и в него бить опасно. Отвечай потом за увечья.

— Торопись! — рассердилась Дитрих. — Иначе я сама тебя зажарю.

Нильс часто задышал и нелепо взмахнул руками. Выброс вышел жалкий. Темный сгусток окутал пространство, но и отдаленно не напомнил вчерашний черный дым, повалившийся из зеркал. До цели он не добрался. Дитрих щелкнула пальцами, и темные завитки растворились в воздухе.

— Твоя очередь, мальчик, — обратилась она к Лиану.

Класс загудел. Полноценным не пришлось по вкусу возможность, предоставленная полуволну. Лиан напрягся, понимая в какую ловушку его загнали.

Ничего не поделаешь. Сам виноват.

— Тише! — Дитрих подняла ладонь, приказывая ученикам умолкнуть. — Вперед!

Лиан побледнел сильнее, кожа почти просвечивала. Правильнее было отказаться и выдержать гнев педагога. Но он решил. Поднял руки и...

Дитрих остановила заряд на полпути, но все увидели, как в грудь Нильса полетела призрачная бело-зеленая стрела, и зароптали громче.

— Закрывать рты! — приказала магиня яростно. — Иначе задам столько домашней работы, что до зимних каникул не расквитаетесь. Вы видели, что именно случилось? Разумеется, нет! Слишком сильно были заняты негодованием. Первое отличие магов — радиус поражения. Темные — разрушители, их магия калечит всех, кто окажется поблизости. Белые бьют прицельно, из них получаются убийцы не хуже, чем из темных.

Дитрих велела подопытным мальчишкам возвращаться по местам. Лиана проводили яростными взглядами, словно он причинил Нильсу реальный вред.

— Откройте тетради и записывайте! Второе отличие в контроле. Светлые лучше держат себя в руках, не выплескивают энергию направо и налево при каждой вспышке гнева. Поэтому легче достигают совершенства. Из них чаще получаются великие маги. Их назначают на высокие посты вовсе не из-за доброты и совестливости. Они способны на подлость не меньше темных, но работу выполняют лучше, ставя дело выше собственных интересов.

Класс наполнил торопливый скрип перьев, а Дитрих продолжала говорить, не заботясь, успеваем ли мы всё записать.

— Третье отличие в количестве. Большинство педагогов против того, чтобы я рассказывала это на первом же занятии. Но если вы не идиоты, сами скоро всё поймете. Темные маги вымирают. С каждым годом все меньше учеников поднимает руки, а количество светлых растёт. Кто-то скажет, это неплохо. Но годы идут, а мы не знаем причины сокращения темных. Ничего не происходит просто так. Незнание опасно.

В классе повисла мертвая тишина. О вымирании темных магов ученики не подозревали и растерянно таращились друг на друга. Дитрих удовлетворенно улыбнулась, ей нравилась театральность. Мне стало тошно. Мало того, что я — полуцвет, так ещё принадлежу к вымирающей породе магов. С другой стороны, в нас Шемом хотя бы теоретически заложена сила. Научимся управлять ею, сможем за себя постоять. Не умеем бить прицельно, говорите? Ничего! Зато радиус поражения о-го-го какой!

На следующих двух уроках не произошло ничего выдающегося. Рэм Дюваль, преподававший историю цветовой магии, начал занятие со знакомства с классом и вводом в предмет. Пообещал посветить несколько уроков истории колледжа — после того, как мы хорошенько ознакомимся с «географией» Гвендарлин и впитаем его древнюю и местами зловещую атмосферу.

Герман Шаадэй — пожилой мэтр с гривой нечесаных седых волос — преподавал предмет под названием вспомогательная магия. Весь урок он распилился, рассказывая, как важно уметь готовить зелья и черпать магию из других предметов, ведь не каждый одарен мощными чарами. Однако ученики считали иначе и с трудом сдерживали зевок. Чтобы призвать класс к порядку, мэтру пришлось пригрозить отправить нарушителей собирать пучеглазых жаб для создания эликсира бодрости.

После обеда ученики разбрелись на практические занятия по предназначению. Огневики пытались обуздать мощь пламени, лекари учились готовить целебные настойки, левитаторы заставляли парить в воздухе различные предметы и друг друга. Отдельно от остальных тренировались неопределенные маги, раз за разом стараясь понять, к какой магии приспособлены.

В другой изолированной группе работали полуцветы, хотя многие прекрасно знали о своих способностях. Мэтры присматривали за нами по очереди. Сегодня сомнительная честь выпала Рэму Дювалю. Он предоставил старожилов самим себе и занялся новичками. Презентовал Лиану две толстые книги «Целительство для начинающих: тома первый и второй». Вручил несколько пособий и Агнии, посоветовав заняться практикой, когда от зубов начнут отскакивать обратные заклятья, способные гасить огонь за секунды. Озаботив двух полуцветов чтением, Дюваль поманил пальцем меня и Шема.

— Начнем с простых упражнений, — он достал из кармана два белых шарика. — Положите их на стол и сядьте напротив. Ваша задача — уничтожить шарики. Не думайте, как вы это сделаете. Сосредоточьтесь на конечном результате. Сила сама выберет способ, тот, который вам идеально подходит.

На лице Шема во всей красе расцвела печаль. Он не сомневался, что шарик останется цел, невредим и даже с боков не потемнеет. Меня, напротив, переполняли опасения, что дело кончится взрывом. Не верила я в безобидность и безопасность собственной магии. На нас с интересом глазела Агния, не спешившая приступить к заданию. Один Лиан послушно читал первый том «Целительства», не обращая внимания на остальных.

— Начинайте, — велел Дюваль с предвкушающей улыбкой.

Мне не нравился его интерес. Какая мэтру разница, научатся ли полуцветы чему-то путному? Но я выбросила Дюваль из головы и переключилась на упражнение. Шем сидел метрах в двух от меня и, покраснев от натуги, пялился на шарик. Тот не шевелился, словно старания будущего великого черного мага его не касались. Мой тоже не реагировал. Оставался белым-белым и не собирался уничтожаться.

Меня взяло зло. Почему не к месту сила запросто преподносит сюрпризы — траву выжигает, разгоняет ко всем чертям колледж, а когда требуется результат, отправляется на боковую? Липкой паутиной потянулись неприятные воспоминания последних недель: насмешки Джеммы в трактире, косые взгляды полноценных, мерзкие комплименты Свена Фаули, на которые я купилась, словно простушка из любовных романов. Как наяву представились кудри злейшего врага, и руки зачесались сотворить пакость — крупную или мелкую, не важно. Да хоть шарик в лоб запустить!

— Бабах!

Подпрыгнул весь тренировочный зал. В буквальном смысле. Со стен посыпалась куски кирпичей. Несколько учеников шлепнулись на пол. Вместе со стульями.

— Это не я, — вырвалось с хрипом.

Ох, а ведь, правда, не я...

Постарался Шем и теперь сидел с ног до головы покрытый сажей и, выпучив глаза, взирал на воронку, где минуту назад стоял стол с треклятым шариком.

— Ну и ну, — протянул Рэм Дюваль, пока полуцветы поднимались и расставляли по местам мебель. — Вот это потенциал, Шем Вертью. Нам с тобой предстоит большая работа.

Шем вжал голову в плечи, мечтая провалиться в воронку вслед за шариком. Парнишка предпочел бы стать самым обычным магом, скромным, незаметным.

— Лилит, а где твой шарик?

Я перевела взгляд на стол и ахнула.

Пусто! Ни намека на шарик!

— Это не я, — вырвалось повторно.

— Сильно сомневаюсь, — Дюваль и не думал меня упрекать. — Однако следует выяснить, как именно ты заставила его исчезнуть.

Следующие два часа я гипнотизировала взглядом новый шарик, но эффекта не добилась. Он никуда не делся и не претерпел изменений. Мэтр не расстроился, подбадривающе похлопал по плечу.

— Получится в следующий раз. Не переживай.

После занятий Дюваль проводил нас до сектора полуцветов. Полноценные традиционно пялились всю дорогу, но в присутствии преподавателя помалкивали. В толпе мелькнула рыжая шевелюра Джеммы Паскуале. Моя рука непроизвольно потянулась к трилистнику на шее, но ведьма растворилась прежде, чем я разглядела ее толком.

— Мэтр Дюваль!

Нас нагнал парень чуть старше меня с жгучими черными кудрями и глазами зелеными, как молодая трава. В первый миг я заподозрила, что он полуцвет. Столь яркие цветовые решения присущи больше нашему брату, нежели полноценным магам. Но едва парень заговорил — уверенно и деловито — стало ясно: он определенно не из наших.

— Мэтр Дюваль, в черном секторе происшествие, меня прислала целительница Визра, — парень покосился на нас, не желая продолжать в присутствии полуцветов.

Но педагог не посчитал нас лишними.

— Познакомьтесь, это Ульрих Бернарду — староста четвертого курса, — представил он парня с неизменной улыбкой. — Говори, Ульрих. Что стряслось?

Я с интересом глянула на парня. Бернарду? Родственник мальчишки Нильса, «сражавшегося» против Лиана на теории цветовой магии. Ну-ну.

Ульрих недовольно поджал губы, но вынужденно продолжил.

— В целительский блок доставлен Брайс Райзен... э-э-э... с пяточком свиным вместо носа.

О, да! Нам стоило серьезных усилий, чтобы дружно не расхохотаться. Я во всей красе представила упомянутую часть тела, точнее, лица. Рожки Джеммы отдыхают!

Дюваль остался невозмутим. Видать, и не к такому привык за годы в Гвендарлин.

— Известно кто постарался?

— Да. Рашель Фаули. Мстила за лоб братца Свена.

Мое сердце ёкнуло. Подпрыгнуло и рухнуло вниз.

— Лоб Свена? — переспросил Дюваль недоуменно.

— Рашель решила, что это проделки Брайса. Парни с конца прошлого года в ссоре. Пару часов назад Свена шарик покалечил. Влетел в спальню и шарахнул по лбу со всего маху. Свен тоже в целительском блоке. Леди Визра лечит сотрясение.

— К-к-кой шарик? — голос Дюваля дрогнул.

— Обыкновенный, — пожал плечами Ульрих. — Белый. Вроде тех, что вы нам на первом курсе раздавали для упражнений.

В коридоре повисла гробовая тишина. Полуцветы усталились под ноги, одна Агния кинула на меня веселый взгляд. Да Шем покосился с толикой зависти.

— Благодарю за сообщение, Ульрих, — Дюваль опомнился и снова расплылся в улыбке. — Я разберусь. Ты свободен.

— Мэтр, — остановил педагога парень. — К ночи всё готово. Но не хватает одного участника. Рашель теперь не разрешат.

— Определенно, — мэтр закатил глаза. — Дай-ка подумаю, — он почесал подбородок. — Для разнообразия возьмем полуцвета. Лилит Вейн подойдет. Она успела проявить себя, показать мощь. Чего только дым на испытании стоил.

Ульриху выбор мэтра не понравился, но он покорно кивнул. Дюваль, молча, довел нас до сектора полуцветов и, пока остальные заходили друг за другом внутрь, оттащил меня в сторону за локоть.

— Лоб Свена Фаули, значит? — спросил он заговорщицки.

У меня от страха задрожали колени. — Я не нарочно.

— Охотно верю. Но не говори, что не думала о Фаули, когда смотрела на шарик.

Я тяжело вздохнула, мечтая оказаться подальше от пронизывающих черных глаз мэтра. — Думала, — призналась с тяжким вздохом.

Но Дюваль не сердился.

— Без паники, Лилит. Полуцветы тебя не выдадут. Они за своих горой. Я тоже не стану подливать масла в огонь. Но больше не вздумай во время магических упражнений вспоминать о неприятелях. Иначе кое-кто рискует остаться без головы.

— Да, мэтр.

— Иди отдыхай, — велел он, кивая на открытую дверь сектора. — В три часа ночи буду ждать здесь. Тебе выпала честь встретить первый рассвет года.

Я понятия не имела, что это значит. Наверняка, ничего хорошего. Однако собратья-полуцветы считали иначе. В столовой за ужином поднялся гул, едва они узнали о приглашении Дюваля. По всеобщему мнению, мне крупно повезло.

— Встреча рассвета — древняя традиция Гвендарлин, — принялся просвещать староста Кайл Нестор, отбросив назад длинные волосы цвета меди. — Педагоги по очереди выводят учеников небольшими группами каждую ночь. Исключение — ночь духа. Но первый рассвет учебного года — особое действо. Не буду рассказывать подробности. Сама всё увидишь.

Но я не хотела ничего видеть и с удовольствием поменялась бы местами с любым из полуцветов. Кайл заметил мою нервозность. После ужина подошел подбодрить. Поймал на выходе из кухни, соседствующей со столовой. Я не знала, чем себя занять и помогала дежурным убирать со стола. В отличие от полноценных магов, мы готовили себе сами.

— Не переживай, Лилит, — посоветовал староста.

Я не остановилась, подошла к столу и принялась собирать на поднос грязные тарелки.

— Понимаю, что ты чувствуешь, — Кайл пристроился рядом. — Первые дни в Гвендарлин всем полуцветам тяжело. Особенно тем, кто сходу привлёк внимание полноценных. Знаю, тебя тревожит казус с шариком. Забудь. Мы тебя не выдадим. Мы семья, Лилит. Помни об этом.

Кайл в знак поддержки положил ладонь поверх моей. Но в этом жесте не было ничего «семейного». В нем проскальзывало нечто совершенно иное — личное. Мне не понравилось ТАКОЕ внимание. Я поспешно отстранилась.

— Спасибо, Кайл, — поблагодарила сухо. — Рада, что мы друзья.

Глава 6. Первый рассвет года

Опасаясь проспать назначенный час, я подремала вечером, потом сидела в гостиной с книгой, поглядывая на большие бронзовые часы с черно-белым маятником. Синий кот устроился рядом на диване, следя за мной, прищурившись. Тишину ночного бдения нарушали мелкие капли мороси, ударяющиеся в стекло. Погода не менялась: туман прятал горизонт, море сердито ворчал.

Мне всё меньше нравилась затея Дюваля. Я привлекла достаточно внимания полноценных возле близнецов. Посещение мероприятия для избранных прибавит «популярности» и обернется новыми проблемами. Рашель Фаули, поразительно похожая на братца Свена, слыла всеобщей любимицей. Меня, в качестве её замены, полноценные не потерпят. И не простят. Не улыбалось становиться самым ненавидимым полувцветом в колледже, но, кажется, к этому всё и шло.

— Ппшшшшш...

Несуразная живность издала яростное шипение, шерсть на спине встала дыбом. Книга кувыркнулась и приземлилась на ковре.

— Что? — спросила я шепотом, оглядываясь.

Гостиная, как гостиная. Диваны, кресла, пуфики, столы и стулья. Ничего необычного.

Никого постороннего. Тишина и покой.

— Лилит...

Озноб пробрал до костей. Кто-то звал меня в глубине замка. Едва слышно. Или это ветер за высокими узкими окнами сыграл злую шутку? Ветер и дурное настроение?

— Тише, синий, — объявила я коту и подняла книгу. — Никого нет.

Но желание читать пропало. Я отложила увесистый том, повествующий о подвигах гениального выпускника Гвендарлин, жившего два столетия назад. Обняла колени, уткнулась в них подбородком. Черт бы побрал Свена! Если б не он, жила бы себе в Бирюзовом поселке с Ренет и Дот. Никакой магии. Никакой мощи!

— Мяу, — тихо прохныкал кот, напоминая, что надо держать себя в руках.

Злость не для меня. Она — мой враг. До тех пор, пока не научусь контролировать силу.

— Слушай, — обратилась я к питомцу. — Надо придумать тебе имя. Не то останешься синим.

Живность подарила снисходительный взгляд, не оценив юмора. Я улыбнулась, почти поверив, что кот понимает меня. Почему бы и нет? Он же волшебный.

— Может, Ральф? Нет? Тогда Байрон? Тоже не нравится? Симсон? Берт? Клаус?

Взгляд питомца становился все мрачнее. Внезапно он фыркнул в усы.

— Урсул, — вырвалось у меня, хотя это имя даже не крутилось в голове. — Тебя зовут Урсул?

Серебряные глазки блаженно прищурились.

— Договорились. Будешь Урсулом.

Часы негромко пробили три удара, и я ахнула. Следила-следила за временем и в последний момент отвлеклась. Подмигнув Урсулу, схватила заранее приготовленный черно-белый плащ и кинулась к выходу в надежде, что Рэм Дюваль пунктуален. Не хватало нарваться посреди ночи на учеников.

Обошлось. Мэтр ждал, как и договаривались. Истинный франт: волосы приглажены, рубашка накрахмалена, ворот стянут черной бабочкой. Хоть на бал, хоть на

великосветский визит.

— Доброй ночи, Лилит.

— Доброй.

— Возьми. Это приглашение для зрителя.

Дюваль протянул конверт с гербом Гвендарлин. Точь-в-точь, как держала в руках Джемма в трактире, хвастаясь перед Элиасом. Я торопливо извлекла лист, развернула и обнаружила птицу в полете. Не золотую, как у ведьмы, или серебряную, которую прислали Свену, а лишь контур.

— Что ты знаешь о первом рассвете года, Лилит? — спросил мэтр, приглашая следовать по коричневому коридору.

— Встречать его — большая честь. Это всё, пожалуй.

Я смутилась. Следовало подробнее расспросить полуцветов. Но нет, я предпочла фыркать и злиться, а теперь выгляжу дурочкой, не потрудившейся поинтересоваться, куда приглашена.

Но Дюваля обрадовал пробел.

— Замечательно. Значит, у меня есть возможность поведать о древней традиции. Она существует столько же, сколько и колледж. Её придумали основатели — супруги Ван-се-Рмун. С тех пор мы неизменно проводим обряд, приглашая тех, кто особенно отличился в предыдущем учебном году. Место в числе счастливиц нужно заслужить. Каждый участник вправе пригласить гостя. Рашель Фаули позвал брат, но раз она наказана, пришлось искать замену.

— Почему я?

Вопрос задался сам собой. Со страху, не иначе. Значит, технически я — гость Свена?!

Какая прелесть!

— Ты — сильный темный маг, Лилит. Позавчера мы все в этом убедились. Увы, два года упущено, предстоит многое наверстать. Почему бы не начать с самого интересного?

Мы миновали коричневый коридор, пересекли болотный и вошли и оранжевый, яркий, под цвет перезрелого апельсина. Пол устилали зеленые ковры с высоким ворсом, напоминая луговую траву. Шаги тонули, словно мы скользили по воздуху.

— В августе всем ученикам рассылаются конверты, — добавил Дюваль. — Большинству — пустые листы. Лишь десять счастливиц получают нарисованных птиц: двое — золотых, трое — серебрянных, пятеро — бронзовых. Первым во время обряда колледж передает великий дар, изменяющий к лучшему жизнь. Речь не о магии, а о некоем подарке, у каждого он свой. Вторым Гвендарлин дарует удачу во всех делах на весь год, третьим — удачу в учебе. Кстати, мы не знаем, кому какая птица достанется. Отбираем десять учеников, остальное решает жребий.

По спине проскакала новая стайка мурашек. Умопомрачительный расклад. Ненаглядный Свен получит магическую подмогу в любых начинаниях, а ведьма Джемма — великий дар. Уж не знание ли, как прихлопнуть меня на месте и уйти от ответственности?

Спасибо тебе, колледж! За «равные» возможности на старте!

Пройдя еще три коридора и четыре пролета по главной лестнице, мы уткнулись в тупик с радугой на стене. Я озадаченно покосилась на мэтра. Он не выглядел сконфуженным. Деловито закатал рукава и выставил вперед ладони, перебирая пальцами, будто поглаживал нарисованные цветные полосы. Они послушно откликнулись, закачались, как рябь на воде, и сгнулись, открывая овальную дверь — ростом с девушку, вроде меня.

— Это один из выходов на крышу, — пояснил Дюваль, наклоняя голову, чтобы не удариться о косяк. — Все они заколдованы. Во избежание неприятностей. В Гвендарлин

и без прогулок по крыше хватает... э-э-э... непростых мест.

Вверх убегали железные ступени винтовой лестницы. Крепкие, и все же не внушающие доверия из-за внешнего уродства и просветов под ногами. Неприятное ощущение усугубляло эхо, звук шагов множился, словно поднималась целая невидимая армия. Протянешь руку и коснешься кого-то не совсем живого в полумраке. Брррр, то еще удовольствие. Но мэтр шагал спокойно, и мне ничего не оставалось, как подавить нервозность.

Подумаешь, неприятный подъем. Наверху ждет чертовски «теплая» встреча.

О, да! Они ждали. Девятнадцать полноценных: счастливики и их гости. Взгляды обожгли огнем, став премилым дополнением к яростному ветру, хлестнувшему по лицу. Мэтры меня не заметили. Посмотрели мимо. Все кроме Эмилио. Но и он глянул холодно, не желая показывать заинтересованности при коллегах. Справедливо. Каждый сам за себя.

— Лилит, займи место с краю, — шепнул Дюваль и направился к остальным мэтрам.

Гости расположились аккуратной дугой. Не хватало меня одной. Я встала рядом с низкорослой девушкой с двумя русыми косами, оплетенными вокруг головы. Девушка покачнулася, желая отстраниться, но не посмела нарушать стройный ряд. Второй полукруг составляли кресла мэтров. Посередине выстроились участники действия — лицами к педагогам. Хорошо. Не будут пялиться на ненавистного полуцвета. Взирать на затылки Свена и Джеммы мне тоже не улыбалось, но это меньшее из зол.

По телу острыми иглами прошла дрожь. Морось кончилась, но ветер трепал волосы и плащи нещадно. Туман напоминал живую субстанцию. Чудилось, склизкие лапы касаются щек. О какой встрече рассвета может идти речь в этом мареве? Тьма уйдет, оставив серость и сырость. Ничего себе, благословение. И великая честь. Впрочем, какая печаль? Меня-то Гвендарлин не планировал ничем облагодетельствовать.

Джемма Паскуале, придерживая развивающуюся рыжую шевелюру, что-то шепнула черноволосому соседу — еще одному счастливику, получившему золотую птицу. Он повернулся, и я узнала Ульриха Бернаруду — парня, сообщившего Дювалю о казусе с шариком. Голову пронзила странная мысль. В уходящей ночи жгучей шевелюре полагалось выглядеть зловеще. Но мне померещился свет в статном облике Ульриха. Привиделся ореол аж на целое мгновение. Тьфу! Я мысленно обругала себя последними словами. Не хватало увлечься еще одним полноценным красавчиком.

— Друзья мои!

С центрального кресла поднялся директор Бритт. Ему приходилось повышать голос, чтобы перекрыть злой вой разбушевавшегося ветра. Непогода нарочно усложняла задачу, вознамериваясь сорвать древнее таинство.

— Не буду говорить много слов. Вы сами знаете, какой чести удостоены. Напомню лишь, как важно сосредоточиться, чтобы встреча рассвета прошла идеально. Успехов вам, избранники. Приступайте!

Я физически ощутила прошедшее по рядам волнение, смешенное со сладким предвкушением. Чужие эмоции накрыли крышу, оставив в воздухе терпкий аромат. Так пахнет горячий чай с ягодами в пасмурный дождливый вечер за окном. Первыми руки к небу подняли Джемма и Ульрих. Потянулись к нему, словно жаждали коснуться кончиками пальцев низких лохматых туч, царапнуть ногтями и стянуть, как одеяло, с задремавшего солнца.

Мгновенье, и ввысь взметнулся частокол рук, как молодой лес, мечтающий о внимании небесного светила. Всё вокруг заполнил шепот, звучавший в разноречии. Избранники читали особое заклятье, нарочно не попадая в такт. Слов не разобрать, только шипящие звуки — таинственные и чарующие. Отвращение, переполнявшее меня часы напролет, растворилось. Глаза приковались к небу.

Минуты тянулись медленно, тягуче. Ничего не происходило, всё тот же ветер лупил ледяными потоками, да тучи готовили новую порцию слез. Но в душе поселился

крохотный лучик надежды на благополучный исход. Не знаю, что на меня нашло. Сказалось всеобщее предвкушение, или в заклятье вплели особую магию? Но я застыла в ожидании чуда, забыв обо всем на свете.

— Сейчас! — громко крикнул Ульрих.

Десять пар рук схватили небо и сдернули прочь.

Или не небо. А морок, магическое покрывало, прятавшее колледж с момента нашего прибытия. Оно упало и рассыпалось в прах. Остатки сгинули, как пыль, вместе с порывом ветра — нового, теплого, веселого.

Вниз свободно проникли солнечные лучи, золотя все вокруг.

Не было мрака никогда. Только иллюзия.

Гвендарлин обретал истинный облик, переливаясь всеми цветами радуги.

А я смотрела и смотрела — в голубое небо, сливающееся на горизонте с морем. В пейзаже не осталось прежнего уныния. Вернулись краски. А с ними и желание жить.

Кто-то восторженно ахнул.

Десять шаров, похожих на огоньки — два золотых, три серебряных и пять бронзовых — вылетели из стены, из самых недр колледжа. Благословения, предназначенные избранникам, на несколько секунд зависли в воздухе, чтобы дать возможность полюбоваться собой. Обманчивая неподвижность и резкий бросок. Каждый шар без труда нашел владельца, пройдя сквозь плоть — прямоком в грудь. Ученики повалились на колени, чтобы мгновение спустя подняться с горящими от гордости глазами.

— Поздравляю! — директор Бритт снова поднялся и зааплодировал. — Вы получили дары Гвендарлин! Свершилось! Их суть каждый из вас познает в течение года. Не прогадайте. Воспользуйтесь ими с умом.

Мой восторг мгновенно притупился. Очарование, подаренное тайнством, растворялось, уступая место привычному беспокойству. Джемма с лисьей улыбкой на кокетливых губах пожала протянутую ладонь Свена. Ульрих приветливо кивнул кому-то из гостей, но заметил меня и отвернулся.

— Согласись, зрелище впечатляющее. Я вижу его из года в год, и всё равно радуюсь, как мальчишка. В первый раз накрывает с головой.

— Угу. Накрывает.

С крыши меня увел Эмилио Ван-се-Росса. В памятный зал со стеклянным прямоугольником — тренировать волю, а заодно получать по шее и остальным частям тела своей же темной магией. Объявил, что даже бессонная ночь не дает права пропускать особые занятия. Я не сопротивлялась. Эмоции захлестывали. Лучше выплеснуть злость с утра пораньше, чем пожинать плоды на занятиях.

Первый же выброс сбил с ног. Кувыркнувшись в воздухе, я плашмя влетела в зачарованное стекло. Рухнула на пол, приложившись спиной и затылком. В ушах загудело мощной трубой. Мягкий настил сгладил болезненные ощущения, но магический удар оказался слишком силен, почудилось, в голове взорвались карнавальные фейерверки. Я закашлялась, отмечая в уме, что это не последний рикошет. Внутри всё клокотало, горячий, как лава, гнев жаждал найти выход. Снова, снова и снова!

— Кто тебя взбесил, Лилит? Свен? Джемма? — спросил средний герцог, когда я врезалась в стену и сползла по ней на пол в четвертый раз подряд.

— Все! Пялятся, как на зверушку с двумя головами и пятью хвостами! И Дюваль хорош! Зачем потащил на обряд меня? Никого другого не нашел?!

— Мэтр Дюваль, — поправил Эмилио. — Он питает слабость к сильным ученикам. Точнее, к сильным ученикам с темной магией. А ты привлекла много внимание. Не

расстраивайся. Рэм Дюваль — талантливый педагог. И справедливый. Войдя в число его любимчиков, ты многому научишься.

Я поднялась с пола, отряхивая синюю форму.

— Почему же вы не позволили ему тренировать меня здесь?

В стальных глазах среднего герцога промелькнули задорные искорки.

— Я тоже питаю слабость к темным. Полагаю, леди Дитрих рассказала, что нас с каждым годом становится всё меньше. К тому же, мы с тобой соседи.

Он солгал. Без сомнения. Не назвал истинную причину. Мэтр Ван-се-Росса, как и младший брат, выполнял поручение матушки. По собственной воле палец о палец б не ударил. Обида захлестнула арканами, ранившими плоть, и стеклянный прямоугольник, как и накануне, наполнился черным дымом.

— Bravo, Лилит! — развеселился Эмилио. — Десять баллов. За постоянство!

Дыма прибавилось. Теперь я злилась на себя. И чего разобижалась, как изнеженная герцогская дочка? Подумаешь, что мэтру наплевать! Разве когда-то было иначе?

Захотела особого отношения? Идиотка!

Эмилио сжалился. Открыл магическую дверь. Я выползла на животе, сотрясаясь от кашля, того гляди, внутренности наружу вывалятся.

— Ненавижу, — прошипела под нос.

— В этом ты мастер, — мэтр подал руку, помогая подняться. — Но если не избавишься от этого мастерства, однажды оно тебя погубит...

По дороге к сектору полувцветов мы не встретили ни души. Древний колледж досматривал последние сны. Хорошо. Успею привести себя в порядок, пока остальные спят. От волос воняет — жуть! От одежды тоже. Если с тренировками так пойдет и дальше, никакого гардероба не хватит.

Эмилио шагал рядом, о чем-то сосредоточенно размышляя. Задумчивость придавала красивому лицу благородство и одухотворенность.

— Как поживает кот? — спросил он, остановившись у двери моего нового дома.

Я пожала плечами. Не поймешь, вежливость или издевка.

— Знаю, тебе кажется появление кота насмешкой, — средний герцог выразительно приподнял брови. — Не спеши ругать подарок. Связь с животными — один из самых загадочных и редких видов магии. Знаешь, почему герб Гвендарлин — птица? Нет? Я так и подумал. Пернатыми повелевала Гвенда Ван-се-Рмун. Она подчиняла их и даже умела видеть птичьими глазами.

Я открыла рот от изумления. Ну и дела!

— Кота зовут Урсул, — вырвалось на эмоциях. — Он сам сказал. То есть, не сказал, а вложил в сознание. Я предлагала другие имена, но ему они не понравились.

— Не удивительно, коты — животные с характером, — на губах Эмилио заиграла мальчишеская улыбка, превращая мэтра в своего парня. — Удачного дня, Лилит.

Агния спала, из-под красного одеяла торчала огненная макушка. В свете солнечных лучей, пробивающихся сквозь неплотно закрытые шторы, сочетание цветов выглядело особенно кричаще. На моей кровати сливался с покрывалом кот: улегся пузом кверху и вытянул лапы, на морде застыло довольное сытое выражение. Я хмыкнула про себя, достала из шкафа чистую одежду и отправилась в девичью ванную.

Пока приводила себя в удобоваримый для длинного дня вид, думала о среднем герцоге.

Несмотря на внешнее сходство с матерью и младшим братом, Эмилио разительно отличался от них. В облике отсутствовала надменность, а в уголках стальных глаз пряталась печаль. Интересно, по какой причине он выбрал профессию мэтра вместо беззаботной жизни в замке Ван-се-Росса? И почему до сих пор не женат? Сколько ему? Тридцать три? Тридцать четыре?

«Упрямец. Будто другого пути нет...»

Так сказала герцогиня Виктория о старшем сыне, упомянув его работу в Гвендарлин.

Наверняка, здесь тайна. И разбитое сердце заодно.

Кто ж постарался? Да так, что отпрыск известнейшей в Многоцветье четы сошел с проторенной дороги и выбрал иной путь?

Впрочем, мне-то какая разница?

Я не торопилась с водными процедурами и, выйдя из ванной, обнаружила, что другие отсеки заняты. Сектор полуцветов проснулся и готовился к очередному учебному дню. Сонная Агнияправляла постель. Меня встретила вопросительным взглядом.

— Ну? Как прошло?

Я взобралась с ногами на кровать, постаравшись не задеть кота. — Необычно. Но рассказывать лень.

— Придется, — огорошила Агния. — Староста Кайл велел передать, что ждёт за завтраком подробного отчета. Мол, всем полуцветам полезно послушать.

Я гневно фыркнула, ударив кулаком по коленке.

— А в услужение к нему не пойти?

В глазах Агнии, за минуту превратившихся из карих в фиалковые, промелькнуло удивление. Но она оставила расспросы при себе и убежала умываться.

Завтрак прошел отвратительно. Кайл Нестор подарил покровительственную улыбку, не скрывая особого интереса к моей персоне.

— Ждем подробности, Лилит.

Десятки глаз немыслимых расцветок засверкали от любопытства. Пришлось делиться впечатлениями, мямля и заикаясь. Я сама не понимала, каких эмоций подарила сегодняшняя ночь больше — положительных или отрицательных. Что перевешивало: раздражение, вызванное реакцией полноценных на мое присутствие на крыше, или восхищение, испытанное во время древнего таинства.

— Я не понял: тебе понравилось или нет? — уточнил Шем гнусаво.

Злость прошла волной. Пришлось бросить раздраженно, чтобы не выплеснуть плохое настроение иным способом:

— Зрелище — завораживающее, компания — дурная.

За столом поднялся одобрителный хохот. Полуцветы оценили выпад, полностью разделяя мнение. Узел в груди ослабил плетение, и я спокойно дожевала бутерброд, запивая крепким черным кофе: сладко-горьким, как я люблю. Отличная подпитка для тех, кто бодрствовал ночь напролет.

В расписании первым стоял предмет под нудным названием политический уклад Многоцветья. Ничего хорошего я от этой «науки» не ждала, наверняка, заунывная дребедень о вынужденном сотрудничестве и междоусобицах герцогств. Все и так знали, что «дружба» зависела от цветов магии и родственных связей. И богатства, разумеется. Ван-се-Росса, к примеру, никому в приятели не навязывались. Все сами старались угодить древнейшему клану страны.

Войдя в класс, я чуть не взвыла. За преподавательским столом вальяжно расположился Алакс Риц — любитель молодиться и кривить кокетливые черты при виде таких, как я. Сегодня, к счастью, он показательно не заметил наш отгороженный магией угол и принялся распинаться перед полноценными, рассказывая о важности предмета. На меня быстро напала тоска. Может, для тех, кто собирается сделать политическую карьеру или пробиться в совет Многоцветья, брюзжание Рица ценно. Но я-то тут причем?

Голос мэтра звучал всё дальше и дальше, уносясь напрямик в небытие. Кабинет поплыл, глаза, наполненные клейкой субстанцией, сомкнулись. Ещё чуть-чуть и...

— Не спи, — шикнул Шем и подтолкнул локтем.

— Не сплю, — проворчала я, щурясь на яркий солнечный свет, льющийся в окна. Сейчас бы гулять, а не киснуть в классе. Наслаждаться хорошей погодой.

Странно.

Стоило подумать, как взору предстало море. Ершистое, пенное, переливающееся. Волны лупили скалы, как лапы подводного чудища. Но черным камням не было дела до этих смешных потуг. Скалы стояли тут веками и простоят еще столько же. А вода... пусть течет, куда хочет. Она лишь отмеряет время и ни на что не влияет.

Я фыркнула в усы и, пружиня, пошла по карнизу нежного оливкового цвета — к открытому окну, за которым играла музыка. Скрипка. Она не пела. Плакала. Звучала рвано, всхлипывая. Мужчина в наполовину черном, наполовину белом плаще вознамерился покалечить смычком струны. Этого требовала история, терзающая душу.

Он почувствовал моё присутствие. Обернулся.

— Ну, здравствуй, Урсул. Обживаешься?

Мужчина отложил инструмент, протянул руку и почесал мне шею.

Я не сопротивлялась. Доверяла стальным глазам, точь-в-точь, как у матери и младшего брата. Мы доверяли. Я и синий кот.

В дверь постучали. В комнату, не дождавшись разрешения, вошла Летисия Дитрих.

— Эм, тебя хочет видеть директор, — проговорила она непривычно кротко.

И не скажешь, что вчера на занятии предстала истинной фурией.

— Зачем, знаешь? — спросил Эмилио Ван-се-Росса, почесывая меня (именно меня — я ощущала пальцы!) за ухом.

Дитрих замялась.

— Речь о лунной башне, — пробормотала нервно. — Ночью там видели призрака.

Средний герцог покачнулся.

— Не может быть!

— Знаю, в башне никого не замечали несколько лет. Почему теперь, не ясно. Но...

— Замолчи!

Я вздрогнула и поспешно спрыгнула на пол. Категорически не понравился тон мэтра: колючий, ледяной. Засеменила к запертой двери и застыла в тревожном ожидании.

— Эм...

— Не смей обсуждать это со мной! Не ты!

— Мяу! — возмутилась я, требуя выпустить в коридор.

Маги не отреагировали. Застыли, в упор глядя друг на друга. Того гляди искры полетят.

Я напряглась, ощущая, как шерсть встает дыбом. Сконцентрировалась и сиганула сквозь стену. Боль прошла от макушки до кончика хвоста. Приземляясь в ярко-красном коридоре на задеревеневшие лапы, я открыла глаза в другом месте — всё в том же классе под напыщенную речь Алакса Рица.

Глава 7. Ошибка магии

Две недели пролетели ураганом новых впечатлений и забот. Утренние тренировки, уроки, практика, домашние задания. И всё — единственное, о чем я могла думать, это о синей постели и продолжительном сне. Занятия с Эмилио выматывали, выжимали соки и награждали синяками, однако приносили пользу. Злость притупилась, и я перестала считать времяпрепровождение в колледже бессмысленным. Без иронии слушала мэтров, отмечая полезное и отбрасывая незначительное.

Самый интересный, на мой взгляд, предмет — искусство заклятий — вел директор Ив Бритт.

В классе стояла кладбищенская тишина, ученики побаивались гнева пожилого мэтра, хотя большинство и не прониклось важностью курса. Полноценные, да и многие полуцветы, предпочитали совершенствовать врожденную магию, игнорируя дополнительные навыки, как чужеродные.

— Вы — глупцы! — объявил Бритт на первом же уроке. — Думаете, приручите внутреннюю силу, и станете блестящими магами? Чушь! Истинная мощь в разносторонности, в глубине познаний. Для того и нужны заклятья. Они научат пользоваться любой магией, даже той, к которой у вас, отродясь, нет способностей. Да, это трудно, иногда почти невозможно. Вы не преуспеете, не доведете чужую магию до совершенства. Но, овладев азами, сможете применять при необходимости. По крайней мере, те из вас, у кого хватит мозгов и терпения.

Ученики кивали в такт, но, покидая класс, негодуя фыркали. Если б курс преподавал кто-то другой, вели б себя по-свински на занятиях. Как делали это на вспомогательной магии, игнорируя мэтра Шаадея. Окончательно распоясаться мешали угрозы педагога привлечь нарушителей к подготовке ингредиентов для зелий — отправить толочь сушеных насекомых или потрошить жаб. Старожилы говорили, к упомянутому средству Шаадей прибегал крайне редко, но коли подобное случалось, мало не казалось никому.

С большим рвением, нежели на первом занятии, я слушала объяснения Летисии Дитрих. Интерес проснулся, едва магиня объяснила, что раскроет секреты магических цветов и научит защищаться от любых противников, даже заведомо сильнее. Что-то, а это знание могло пригодиться. Ни Свен, ни Джемма не проявляли активности, но затишье не могло продолжаться вечно. За рожки и купание в гряди ведьма обиду затаила смертельную, да ненаглядный Свен вряд ли позабыл позорное изгнание из замка Ван-се-Росса.

В обители полуцветов жизнь текла без явных эксцессов. Пронизывающие взгляды Кайла Нестора не в счет. Я каждый вечер коротала в компании Агнии, Шема и Лиана, не давая старосте приблизиться. Если никого из друзей не наблюдалось рядом, пряталась в спальне, куда любому представителю мужского пола вход был заказан. Не на словах. Магией. Мэтры об этом заботились не первое столетие: мальчики не могли попасть в девичьи покои, натыкались на невидимые стены, и наоборот.

Я постепенно привыкала к колледжу, его порядкам и зловещей атмосфере. Тоска по родным, терзавшая душу в первые дни, чуть притупилась. Но мне катастрофически не хватало свежего воздуха. Дома я не сидела взаперти, много времени проводила в лесу, собирая ягоды и грибы, или сбегала к реке — подальше от ворчания тетки Дот. Здесь же прогулки полуцветам не полагались. Для нашей безопасности. Вдруг кто из полноценных столкнет со скалы?

Я придумала себе развлечение. Открывала окно спальни настежь и любовалась просторами, представляя, что сижу не в замке, а гуляю внизу. Я влюбилась в море. В нем ощущалась мощь, способная противостоять любому, даже великому магу. Иногда оно притупляло бдительность, успокаивалось, напоминая миролюбивое озеро, затем снова принималось бушевать, грозя замку всевозможными карами. Но он стоял слишком высоко, расвирепевшие волны до него не добирались даже в шторм.

Вид никогда не надоедал, преображаясь по несколько раз на дню. Многослойные пепельно-сизые облака спускались так низко, будто желали полюбоваться отражением, но потом сквозь них пробивались солнечные лучи, серебра воду. Небо очищалось и

казалось бездонным. Но приплывали фиолетовые дождевые тучи, заволакивая всё вокруг мглой. Чернело и море, чтобы показать дурной нрав. Тогда я закрывала окно и смотрела, как стекло противостоит ливню, а капли соревнуются в скорости, сбегаая вниз.

В общем, жизнь текла размеренно. Без серьезных происшествий. Единственным событием, нарушившим покой особого сектора, стало рассекречивание происхождения Лиана. Но досталось не ему, а полноценному братцу Лайдену. От своих же дружков, не подозревавших о необычной ситуации в семействе Прентис. Колледж жужжал несколько дней, ученики шепотом пересказывали шокирующие подробности. Лиан лишь философски пожимал плечами.

— Да, у нас необычная семья. Ну и что? У всех полуцветов история... э-э-э... деликатная.

— Угу, но не у каждого отец — герцог, — усмехнулся Шем с толикой зависти. — Да еще не отрицающий отцовства.

Лиан залился краской и уткнулся в «Целительство для начинающих». Шем выразительно посмотрел на нас с Агнией. Он прав. Как ни крути, а историю и близко не назовешь обычной. Прентис-старший, как и полагалось представителям знати, женился на ровне и произвел на свет наследника — Лайдена. Но супруга вскоре скончалась от неизлечимой хвори, и герцог, недолго погоревав, сочетался браком со служанкой, по которой неровно дышал с юности. Возразить никто не посмел, учитывая положение жениха и влияние герцогства. В этом союзе и родился младший сын — полуцвет, обитавший в замке на тех же правах, что старший брат.

— Не удивительно, что Лайден держал язык за зубами, — не унимался Шем, пока Лиан не слышал.

Мелкий отправлялся спать раньше. Привыкнув к роскоши, утром собирался медленнее остальных и вынужденно вставал за полчаса до всех. Не считая меня. Благодаря тренировкам с Эмилио, я в особом секторе числилась самой ранней пташкой.

Агния закатила глаза.

— Чем сплетничать, лучше расскажи свою историю.

Уязвленный Шем покраснел.

— Дамы вперед.

— Размечтался.

Считалось дурным тоном расспрашивать полуцветов о происхождении. Даже в кругу своих. По реакции Шема на родословную Лиана, я заподозрила, что и его папаша был богатым сильным магом. Темным магом. Но он, как водится, не пожелал афишировать наличие неправильного отпрыска. Что до Агнии, за две недели она ни слова не сказала о семье. Но учитывая привычку командовать и плевать на всех и вся, тут крылось что-то особенное. Моя история любопытными подробностями не изобиловала, но поддавшись всеобщей таинственности, я не спешила откровенничать.

Постепенно все темы на свете утратили актуальность.

Кроме одной.

Приближалась ночь духа. И только ленивый — шепотом или во весь голос — не рассказывал зловещие истории, происходившие в Гвендарлин в разные годы. О смельчаках (или идиотах), рискнувших покинуть спальню в новолуние. Лиан не замолкал ни на минуту, вспоминая всё, что слышал от старшего брата.

— Лайден говорил... Лайден видел...

Я хмыкала про себя. Как бы в колледже ни склоняли семейство Прентис, дома братья явно ладили. Впрочем, вряд ли у Лайдена был выбор. Еще вопрос, кто находился на более привилегированном положении. Это у Лиана мать — действующая герцогиня. И любимая жена отца в придачу.

Накануне новолуния мне опять приснился кошмар. Всё тот же — с блужданиями по коридорам на зловеющий голос. С одним отличием. От стены отделилась тень. Не та, что однажды сражалась за мою душу. Другая. На пол спрыгнул кошачий силуэт и превратился в... нет, не в Урсула. В Тиру. Черная кошка смотрела желтыми глазами, напоминающими в темноте спящего замка две луны.

«Проснись», — шепнула она требовательно.

Я открыла глаза и встретилась взглядом с Урсулом, сидящим на моей груди. — Мяу? — спросил он тревожно.

— Порядок, — ответила я, ни капли не усомнившись, что за вопрос задал синий кот.

С памятного проникновения в разум питомца, мне ещё трижды удавалось увидеть замок его глазами. Но без четких очертаний и ярких ощущений. По коридорам бродили тени, долетали обрывки фраз. Ничего похожего на подслушанный разговор среднего герцога с Дитрих. На разговор, о котором я старалась не думать, чувствуя себя преступницей, погревшей уши там, где не следовало.

Я помнила, что Элиас рассказал о месте, где на днях видели привидение, не появлявшееся несколько лет:

«Не вздумай ходить в лунную башню. Считается, там тоже живёт призрак. Старшекурсники подбивают новичков, устраивают испытание. Но если нарушителя застукают, от позора он не отмоешься до конца учёбы. Этот грех не прощается. Почему? Не знаю...»

Ещё сильнее мне не понравилась реакция Эмилио на возвращение призрака. Здесь крылась зловеющая история. Очень и очень нехорошая. Такая, в которую никому не стоит влезать. Особенно полупцвету.

Первым уроком, как нарочно, стояла теория цветовой магии, и мысли за завтраком вились вокруг Дитрих и загадочного обитателя лунной башни. Задумавшись, я упустила момент, как рядом устроился староста Кайл.

— Через две недели в замке осенний маскарад, — оповестил он знакомым покровительственным тоном. — Тема сезона — лесные животные. Будешь моей парой?

Я подавилась кофе. Парой Кайла? Да идите вы тем самым лесом, откуда упомянутая живность родом!

— А разве полупцветам место на празднике полноценных? — спросила я сурово.

— Маскарады — исключение. Главная задача для каждого участника — остаться неузнанным. Это не сложно. Все же в масках и париках. А наши меняющиеся глаза замаскирует особое зелье. Действия хватает на три часа. Обычно оно запрещено, но в ночь маскарада мэтры не придираются. Если не попадешься, разумеется.

Я поставила чашку на стол, чтобы не пролить содержимое на себя. Или на Кайла. Во втором случае — вовсе не случайно.

— Вынуждена отказаться. Не люблю маскарады.

Староста крикнул нечто нечленораздельное, явно не ожидая подобного исхода.

— Не любишь? — удивился сидящий напротив Шем. — Это отличная возможность побывать на шикарном празднике, не опасаясь за сохранность частей тела.

— У меня странные вкусы, — ответила я уклончиво, поднимаясь из-за стола.

Не хватало просвещать присутствующих, особенно наострившего уши Кайла, что подобное мероприятие послужило причиной моего появления на свет.

На теорию цветовой магии пошли с Агнией, задержавшейся из-за дежурства по кухне. Перемещаться по Гвендарлин безопаснее большой компанией. Но и к двум полупцветам полноценные не рисковали лезть. Особенно к огненной стерве, в первый же день

покалечившей крепких парней. Тех самых, которым досталось после прыжка через портал. Как о происшествии узнал весь замок, оставалось тайной. Уж не Дюваль ли постарался? Дабы напомнить ученикам, что связываться с нашим братом чревато.

Мы спешили. До начала урока оставались считанные минуты, а Дитрих ненавидела опоздания. Обрушивала гнев на любого полноценного, даже самого именитого и родовитого. Полуцветы пока не успели «отличиться», но проверять, что бывает в этом случае, нам с Агнией не улыбалось. Мы ловко лавировали в потоке учеников, вовремя уворачиваясь от столкновений.

Увы, спешка нас и подвела. Агния не заметила ловушку на лестнице — примитивную, рассчитанную на невнимательных простаков. Правая нога угодила прямоком в разлитую серебристую жидкость и намертво приклеилась к ступеньке.

— Проклятье! — прошипела Агния, сиюсь вытащить ногу из туфли.

Лучше идти босиком, нежели гневить Дитрих.

— Бесполезно, — досадливо поморщилась я. — Это магический клей. Так просто не выбраться. Лиан рассказывал.

— А он не объяснил, как отклеиться? — лицо Агнии пылало, почти сливаясь с волосами.

Я развела руками. Увы, эту часть истории я прослушала. А зря.

Полноценные заметили приключившийся казус и откровенно веселились. Приходить на помощь, разумеется, никто не спешил. Где они, а где мы! Так и надо никчемным полуцветам! Мимо пробежал Нильс Бернарду, «сражавшийся» на первом занятии с Лианом. На нас и не взглянул, поглощенный, судя по розовым от волнения щекам, собственными заботами. Остальные обходили наш край лестницы стороной, показывая пальцами и шушукаясь.

— Иди на урок, — велела Агния надрывно.

Нет, реветь она не собиралась. Не на ту напали. Но обида в голосе прозвучала явственно.

— Угу, — фыркнула я. — И оставить тебя на растерзание? Сидеть тут в одиночку — не вариант.

— А вариант — сидеть вдвоем до скончания времен? Сами всё равно проблему не решим.

— Не решим, — повторила я эхом, заметив вдалеке лояльно настроенного полноценного.

Но тут же выругалась. Элиас Ван-се-Росса, обещавший присматривать за мной в Гвендарлин, шел в компании Рашель Фаули — белокурой и утонченной, как гадкий брат. Младший герцог почувствовал мой взгляд. Глаза стального цвета округлились, изящные губы плотно сжались. Вынужденный покровитель столкнулся с неприятной дилеммой: проигнорировать увиденное или выставить себя в невыгодном свете перед Рашель и ей подобными. Впрочем, в беду угодила не я, а Агния. Помогать моим друзьям герцогиня Виктория не требовала.

Поравнявшись с нами, Рашель расхохоталась.

— Только посмотри на это отрепье, — скривилась она, показательно беря Элиаса под руку. — Так бездарно вляпаться! Хотя чему я удивляюсь? Что с полуцвета взять?

Младший герцог тактично промолчал. Непростое это дело — быть хорошим для всех.

— Ненавижу, — шепнула я, когда парочка удалилась на безопасное расстояние.

Под потолком требовательно заиграл марш, символизирующий начало урока (на перемену учеников Гвендарлин приглашал воздушный вальс). Агния закатила глаза и выругалась. Мы одни. Ни учеников, ни педагогов. На помощь прийти некому, а на теории цветовой магии привлекают ненужное внимание два пустых места. Не замечающая нас обычно Дитрих всенепременно исправит сию «несправедливость».

— Зря ты осталась, — досадливо протянула Агния.

— Знаю, ты бы меня бросила, — ответила я в тон, присаживаясь на ступеньку.

Сокурсница смолчала. Наверняка, не знала, как бы поступила, если б мы поменялись ролями. Я и сама не понимала, почему не ушла. Полуцветы должны держаться вместе? Чушь собачья. С Агнией мы вообще не подруги. Из троих так называемых друзей, мне ближе Шем. С первого дня проявляет дружелюбие. Не показное, как Кайл. Искреннее.

— Идиотки, — зашипел кто-то выше на лестнице. — Так и знал, что до сих пор сидите.

Агния странно кашлянула, у меня отвисла челюсть. К нам, шустро перебирая ногами и оглядываясь, спускался ни кто иной, как Элиас Ван-се-Росса. Собственной персоной!

— Сам ты... — начала Агния, но я шлепнула ее по руке.

Дура! Лучше б уgomонила огненный пыл, пока младший герцог не передумал.

Но Элиас не обратил на плененную лестницей девушку внимания. Поглядел, качая головой, на меня. Будто не Агния, а я опростоволосилась.

— Где твои мозги, Лилит? Кулон использовать не догадалась?

— А?

— Тот, что у тебя на шее висит?

— Э-э-э... Так он же... это... не обладает серьезной защитой и...

Элиас вздохнул и закатил глаза.

— Моя матушка внушила эту чушь? Ну-ну. В ее репертуаре темнить и недоговаривать. Трилистник — мощный темный артефакт из тайников семьи. Он не только чужую магию отражает, но и разрушает многие заклатья. Сожми его и тyani силу. Торопись.

Голова загудела, как огретаая скалкой тетюшки Дот. Мощный артефакт?! Из запасов Ван-се-Росса?! Да отправляйтесь вы непроходимой пустыней!

— Лилит! — грозный окрик младшего герцога вернул разбежавшиеся мысли на место.

Я сжала трилистник, ощущая кожей каждый изгиб.

Ничего. Обычный металл. Слабый амулетик. Максимум на что способен — наградить ведьму ее же наколдованными рожками.

— Тянись! — прорычал младший герцог.

Если б передо мной стоял не Элиас, от которого герцогиня Виктория потребовала всяческого содействия моей бедовой персоне, я бы решила, что ученики устроили гадкий розыгрыш. Делегировали самого смелого, а сами наблюдают из-за угла за моими бездарными потугами и ржут, как кони.

— Тянись!

Я сжала кулак сильнее, острые края больно вонзились вплоть: вот-вот кровь польет.

Первыми тепло ощутили пальцы. Словно коснулись прогретого на солнце песка. От них вверх — к плечу — побежали невидимые лучики, стимулируя каждый нерв. Глаза послушно закрылись, губы зашептали сами по себе:

— Растворись.

Агния охнула и покачнулась. Едва успела схватиться за перила, иначе б кувыркнулась вниз. Заколдованная ступенька отреагировала на мой приказ, но издевательским образом — прогнулась и вытолкнула ногу пленницы.

— В следующий раз не изображай тупицу, — посоветовал мне Элиас насмешливо. — А

лучше запасись антивредительским эликсиром. Хорошее средство против бездарных выходок местных «умников». Побрызгали б на ногу и сразу отклеились. Чего застыли? Хотите, чтобы Дитрих вас до летних каникул не простила?

Элиас хмыкнул и довольный собой умчался вверх по лестнице.

Агния посмотрела на меня, как на чудо-зверушку.

— С каких пор у тебя в друзьях полноценные?

— Элиас мне не друг, — огрызнулась я, схватила сокурсницу за руку и потянула в сторону нужного класса. Младший герцог прав. Мы пропустили десять минут урока.

— Не друг? Он по доброте душевной пришел на выручку?

— Герцогиня Виктория покровительствует моей семье. Мама — лучшая хранительница цветов и трав на юго-западе Многоцветья. Ею дорожат.

Я не видела лица Агнии, но смешок услышала явственно. — Поэтому тебе подарили семейный артефакт?

— Наверное, — бросила я раздраженно.

Без язвительных замечаний виски иголками кололи тревожные мысли. Одно дело — глупая безделушка, презентованная с герцогского плеча. Другое — реликвия влиятельнейшей в Многоцветье семьи. Какого демона?!

Гневный голос Дитрих мы услышали шагов за десять до двери. Кто-то прыткий и без нас довел магину до белого каления. Она громогласно обещала содрать с наглеца три шкуры и зажарить внутренности до хрустящей корочки.

— Может, не стоит? — предостерегающе округлила глаза Агния.

Но я уверенно взялась за дверную ручку. Не появиться на занятии хуже, чем опоздать.

Дитрих обернулась на скрип и замолкла на полуслове. Взгляд обжег раскаленным железом, и я поспешила уставиться в пол, отметив мимоходом в уме, что рядом с магией стоит Нильс Бернаруд и трясется, как травинка перед грозой. Извинения застряли в горле. Хорошо хоть Агнии хватило мозгов пробубнить их под нос. Для Дитрих, разумеется, наши сожаления ничего не значили. Если уж полноценному досталось, полупцветам на милость рассчитывать не приходилось.

— Никакого уважения к древнему магическому колледжу, — процедила магия яростно. — Кем вы себя возомнили? Полноправными ученицами? Вынуждена разочаровать. Вы — никто. Ошибка магии.

Дитрих замолчала и прошла вдоль парт, о чем-то сосредоточенно раздумывая.

— Сядьте на место, — велела она Агнии и Нильсу. — А ты, — темные глаза плотоядно блеснули, — останься. Мы обсудим, что такое полупцветы. Ты станешь отличным наглядным пособием.

Зловещая интонация Дитрих встревожила учеников. Никто не посмел смеяться. Себе дороже. Колющие взгляды приковались к моему лицу. Но я спрятала волнение. Не дождутся! Главное, чтобы злость не хлынула. Вряд ли стерве-преподавательнице улыбается подкоптить бледную кожу.

— Цветовая магия, — протянула Дитрих мечтательно. — В ней скрыто пламя. Не такое, что извергают огневики. Иное. Мощное. Живущее внутри магов и питающее каждого из нас силой. Обычно оно невидимо, но при определенных обстоятельствах пламя можно разглядеть. Или его искры. Два однородных пламени способны породить третье — живое, яркое, насыщенное. Настоящее. Но, когда встречаются несовместимые цветовые огни, происходит сбой. Они в силах подарить жизнь, но сосуд не наполняется истинным пламенем, а лишь его отголосками, тенями. Называйте, как ходите. Главное, такая жизнь взята взаймы, она не в состоянии передать магический огонь дальше.

Класс поглотила тишина, словно огромное животное, вроде кита, утянуло всех в прожорливую глотку, оставив все звуки снаружи. Но я физически ощущала волны усилившейся неприязни. Да, мы и раньше знали, что полуцветы несовместимы, бесплодны и часто извергают неправильную магию. Однако монолог Дитрих о пламени перевел отношение ко мне подобным на новый уровень, но не вверх, а вниз — еще на несколько ступенек.

— Каково быть пустышкой? — спросила магиня проникновенно, просвечивая меня презрительным взглядом.

Самым правильным было смолчать. Но я равнодушно передернула плечами.

— Любой опыт субъективен.

Полноценные ахнули. Агния с Лианом тоже, а Шем и вовсе едва не свалился со стула с перепуга. Дитрих дернулась. Она с удовольствием бы влепила мне пощечину. Однако предпочла не унижаться, накидываясь на ублюдка.

— Я не зря упоминала наглядную демонстрацию, — объявила мстительно. — Смотрите.

Магиня выставила вперед руку — ладонью вверх — и зашептала заклинание на мертвом языке, который преподавался на старших курсах избранным студентам. Тем, кто изучал особые подвиды темной магии. Он поддавался не всем. Большинство магов слышали не слова, а пугающие шипящие звуки, видели в книгах пустые страницы вместо строк. Вот и сейчас ученики задышали часто-часто от волнения. Кто-то не удержался от панического замечания: «натуральная змея», подразумевая, разумеется, не саму Дитрих, а издаваемые ею звуки.

Лишь я устояла на преподавательницу бараном. Никакого шипения. С ее губ лилась связанная речь. Я не могла разобрать отдельных слов, но общий смысл улавливала четко, словно кто-то впечатывал его в мой разум. Магиня призывала цветное пламя, умащивала его дифирамбами и умоляла явиться взору собравшихся. Пламя откликнулось. Не сразу, будто тянуло время, наслаждаясь приторными похвалами. Но насытившись, подарило черно-красные искры, вылетевшие из ладони Дитрих.

— Вот и доказательство! — воскликнула магиня. — Я — настоящий маг!

Ученики зааплодировали, а я с трудом сдержала рвотный рефлекс. Ну и пусть мне не светят цветные искры «истинного пламени», и я без огня траву на расстоянии нескольких десятков метров выжигаю!

— Твоя очередь, полуцвет, — осклабилась в ухмылке Дитрих. — Протяни ладонь.

Я не посмела послушаться. Сама нарвалась на неприятности. Точнее, нарвалась Агния. Но раз я по собственной воле осталась с ней в коридоре, надо вытерпеть экзекуцию и чужое злорадование.

Вновь зазвучал мертвый язык. Все те же увещевания и хвалебные речи. Я стояла лицом к классу, но от большинства любопытных глаз меня закрывала Дитрих. Магиня взирала насмешливо, наслаждаясь моей никчемностью и «пустотой». Упивалась собственным превосходством.

Всё изменилось вмиг. Зрачки глубоких небесных глаз преподавательницы расширились, речь оборвалась. Но я почувствовала ЭТО еще раньше. Первым потеплел затылок, от него горячая волна побежала дальше — к вытянутой ладони, к самым кончикам пальцев. Я перевела на них изумленный взгляд и едва сдержала крик. Нет, я не увидела ярких искр, сыплющихся вниз, как у магини. Но по коже пробежали тонкие молнии. Едва заметные, черно-синие.

— Сядь на место! — приказала Дитрих прежде, чем молнии заметил кто-то еще. В голосе вместе с яростью прозвучал страх.

Дважды повторять не требовалось. Я миновала грань, отделяющую угол полуцветов от полноценных магов со скоростью прыткого зайца, не понимая, что сейчас приключилось. Плюхнулась рядом с Шемом, не смея глядеть на стерву-магиню.

Но она быстро взяла себя в руки.

— Продолжим урок. Что касается опоздавших, завтра вас ждет отработка наказания в кабинете мэтра Шаадея. Не сомневаюсь, он обрадуется помощникам. Это и вас касается, Нильс Бернару. Появление в классе даже на секунду позже меня неприемлемо.

Я покосилась на проштрафившегося мальчишку. Но не заметила и намека на огорчение. На бледном лице застыла печать обреченности. Кажется, наказание Дитрих стало наименьшей из его проблем.

Глава 8. Ночь духа

Я весь день украдкой рассматривала ладони. И на оставшихся уроках, и во время обеда в секторе полуцветов, и в классе мэтра Шаадея, куда мы с Агнией и мальчишкой Нильсом явились отрабатывать наказание. Ладони, как ладони. Исчерченные линиями и не столь изнеженные, как у многих учениц. И всё же особенные, показавшие подобие цветowych искр.

Невозможно, но факт. Я сама это видела. Как и стерва Дитрих.

— Чего копаешься? — спросила Агния сердито. — По-прежнему не жалеешь, что осталась со мной в коридоре?

— Не жалею, — буркнула я и снова взялась за серебряный нож.

Потрошить рыб ради икры не самое приятное занятие на свете, но сама виновата. Хорошо хоть мэтр Шаадей, озаботивший нас троих «важным» делом, не стоял над душой. Пообещал вернуться к девяти вечера, объявив, что, если не разделаемся с парой бочек к этому времени, продолжим завтра. Агнию такой вариант не устроил, и она принялась за дело с рвением лучшей ученицы. Я копалась, от запаха рыбьих потрохов мутило — того гляди, наизнанку вывернет.

От Нильса, нарочно севшего от нас на расстоянии, прока было еще меньше. Он не привык марать руки, его нож не резал, а гладил белые брюха рыбин, и с каждой он возился минут пятнадцать. К тому же, мысли его витали точно не здесь. Отсутствующий взгляд и тяжкие вздохи подтверждали мою гипотезу о неприятностях, в которые загремел полноценный мальчишка. Впрочем, мне-то какое дело?

В девятом часу в класс заглянули два старшекурсника. Бросили косые взгляды на нас с Агнией, но предпочли не задираться. Два полуцвета — не один. Тем более, пришли они к Нильсу. Рыжеволосый верзила наклонился к уху мальчишки и что-то зашептал. Я не прислушивалась, но разобрала два знакомых слова «лунная башня», и напряглась. Элиас рассказывал, что старшие ученики устраивают испытания для новичков, подбивая на ночные вылазки в упомянутую часть замка. В запрещенную часть. В ту самую, где, по словам Дитрих, на днях видели призрака.

Нильс тяжело вздохнул, но кивнул, подчиняясь воле парней.

«Ну и дурак», — подумала я, но вслух ничего не сказала. Хочет маленький идиот нарваться на исключение — это право. Вмешиваться в дела полноценных — себе дороже. Я завела в Гвендарлин достаточно врагов, чтобы множить их каждую неделю.

Ужинать нам с Агнией пришлось на кухне. Остальные обитатели особого сектора покончили с трапезой, и дежурные навели в столовой порядок. Ели молча. Уставшая подруга запихивала в рот всё подряд, у меня кусок с трудом лез в горло. Даже после душа чудился мерзкий запах сырой рыбы и ее внутренностей. В итоге я ограничилась чаем с медовыми печеньями.

Покинув кухню, мы наткнулись на собрание в общей гостиной.

Солировал Кайл Нестор. Стоял перед полуцветами с важным видом мэтра.

— Напоминаю, сегодня ночь духа. Вы уснете, едва доберетесь до постелей. Если вдруг очнетесь до утра, не забывайте главное правило Гвендарлин: ученикам запрещено покидать сектора в новолуние. Но даже в собственных спальнях будьте осторожны. Не забывайте о призраках, высасывающих силы. Приятных снов желать не стану. Нынче ночь кошмаров. Завтра большинство из нас проснется разбитыми.

Лиан обреченно вздохнул, Шем испуганно вжал голову в плечи и огляделся, ища на лицах старожилов недоверие к словам старосты или веселье. Но все стояли напряженными, не сомневаясь, что всё случится именно так, как сказал Кайл.

— Плевать, — шепнула я Шему. — Даже если в замке живут духи, их точно не больше учеников. На каждого страшилок не хватит.

— А вдруг они чересчур деятельные. Ночь-то длинная.

Остаток вечера я провела в постели с библиотечной книгой, за которой сбегала до наказания у мэтра Шаадея. Точнее, с брошюрой. Настоящей книгой тему не удостоили. Речь шла о нас — полуцветах. А, точнее, о наших особенностях. Пролистав главу за главой, я убедилась, что Дитрих права: несовместимые ублюдки испокон веков полностью лишены цветовых искр, как и едва заметных молний. Даже сильные полуцветы. Да, чем могущественнее отец с матерью, тем больше способен продемонстрировать неправильный ребенок. Но он все равно пустышка. Сосуд, наполненный не пламенем, а его тенью. Иное, по определению, невозможно.

Значит, либо нам с магией померещилось, причем, обоим сразу. Либо...

Я понятия не имела, что следует за этим «либо».

Чем дальше я читала, тем сильнее тонкой иглой кололо ощущение недосказанности. В книжке мельком упоминалось, что полуцветы появились примерно восемь столетий назад. Прежде в связях несовместимых магов дети попросту не рождались. Однако почему ситуация изменилась, в брошюре объяснить не потрудились. Или не знали ответа. Может, магия дала сбой? Не случайно Дитрих назвала нас ошибкой.

Зато из тоненькой книжонки я почерпнула, что полуцветы чаще получают способности по женской линии. От матерей или бабушек. Но это точно не мой случай. Мать Ренет — Ива — была светлой магией. Повелевала растениями, как и дед. Не всеми подряд, а лесными.

Помогала укрепнуть слабеньким стволам, не знавшим листвы, делала плодовитыми поникшие орешники и дикую малину. Но особенно любила сосны. Иногда Ренет расставляла по вазам мохнатые ветки этого хвойного дерева — в память о матери.

Я захлопнула книжонку. Родиться полуцветом мерзко. Но еще хуже оказаться нестандартным полуцветом. Унаследуй я способности Ренет или Ивы, о будущем можно было бы не беспокоиться. Хранитель растений без работы не останется при любом раскладе. Мне же досталась бешенная черная мощь и странная связь с Урсулом. Тоже мне счастье — стать мастером подслушивания чужих разговоров!

Что до происшествия на уроке, тут я почти не волновалась. Дитрих растерялась при виде молний. Она не станет делать происшествие всеобщим достоянием. Промолчит и постарается убедить себя, что синие всполохи ей померещились.

Я потеряла лоб.

Синие молнии. Синий кот. Значит, моя магия черно-синяя?

Не худший вариант. Синий — благородный цвет. Даже в сочетании с тьмой.

Лампы погасли раньше обычного. Агния на соседней кровати зловещим шепотом попыталась вывести, верю ли я в призраков, высасывающих силу. Но я не поддержала ночную беседу. День выдался насыщенным, глаза слипались. Сон принимал в крепкие объятия.

Приснился дом. Поселок Бирюзовый с быстрой холодной речкой, где даже в жару купались лишь смельчаки. В нашем двухэтажном деревянном жилище, построенном еще для деда, пахло пирогами. Дот крутилась у печи в заляпанном переднике, Ренет сидела за столом, потягивая малиновый чай, и вежливо выслушивала ворчания старшей сестры на соседей. Как же я соскучилась по ним обоим! Вот бы сидеть рядом с мамой, вдыхать аромат цветов в ее волосах. И пусть Дот хоть криком изойдет. Это такая мелочь!

Увы, сознание уже уносилось обратно. В древний магический колледж.

Я шла по коридору Гвендарлин с подсвечников в руке, прислушиваясь к чарующему голосу, повторяющему мое имя.

— Лилит, наконец-то. Приди же ко мне. Я так давно тебя жду.

Босые ноги тонули в высоком ворсе ковра, нарисованные люди с портретов следили за

мной, не моргая. А я всё шла и шла, не ведая, где закончится путь. Я шла на голос. Туда, где жаждали встречи. Неважно кто. И почему.

— Мяу!

Под ногами метнулась синяя тень. Серебристые глаза глянули с укором.

Я покачнулась, и горячий воск свечи закапал на руку.

— Уффф, — выдохнула я, морщась от боли.

Ну и реальные ощущения для сна!

— Мяу! — повторил Урсул сердито и впился когтями в босую ногу.

Я аж заплясала на месте нечто похожее на польку. Если это сон, то...

Озноб прошиб кристаллами инея.

Что если...

— Я не сплю, да? — спросила я синего кота.

Серебристые глаза выразительно прищурились.

Вот тут, наверное, следовало испугаться. Ведь я покинула спальню и сектор полуцветов в состоянии некоего транса, повинуюсь странному голосу. И не когда-нибудь, а в ночь духа! Но мне ни капельки не было страшно. Обычно враждебный замок внезапно перестал казаться таковым. Я физически ощущала тепло, исходящее от вековых стен. Магическое. Дружелюбное.

— Где это я, интересно? — спросила я Урсула. — И как добраться до нашего сектора?

— Молча! — шикнул кто-то яростным шепотом.

Из темноты вывернули две фигуры, закутанные в темные плащи, чуть не доведя меня до заикания. Но я удержала заплывавший подсвечник, и его свет выхватил перекошенное от злости лицо Элиаса.

— Объясни мне непонятливому, какого демона я распинался, рассказывая о правилах Гвендарлин?! — прошипел он, больно впиваясь мне в руку. — О ночи духа?!

— Хочешь сказать, это твой двойник разгуливает по коридорам? — не осталась в долгу я. Ночь новолуния придавала смелости и наглости.

Младший герцог перекосялся и приготовился к новой тираде, но его спутник выступил вперед, жестом призывая к тишине. Я узнала старосту четвертого курса Ульриха Бернарду

— счастливчика, получившего от колледжа особый дар, и старшего брата мальчишки Нильса.

— Элиас, у нас мало времени, — объявил он.

— Верно, — буркнул младший герцог без особой охоты. — Но Лилит оставлять здесь нельзя. Сцапают преподаватели, мать мне голову оторвет. Или другие части тела. Не менее ценные.

— Потатишь ее с собой? — рассердился Ульрих.

Элиасу не понравился тон старосты. Он задиристо сложил руки на груди.

— Ты хочешь найти брата или нет?

— Хочу, — кивнул Ульрих. — Но начинаю сомневаться, что от тебя есть прок. Похоже, родовой дар поиска обошел тебя стороной.

Элиас плотно сжал губы, а я вспомнила рассказы Дот. Герцог Эдвард умел находить

любую потерянную вещь, и эта способность передалась сыновьям.

— Кажется, я знаю, где Нильс, — оповестила я готовых к ссоре парней. — Он отбывал наказание у мэтра Шаадея, как и я. В класс заходили старшекурсники. Они шептались с Нильсом о лунной башне.

Ульрих застонал, потрясая кулаками.

— Мелкий кретин. Просил же его не вестись на провокации.

— Я тоже кое-кого просил, — Элиас покосился на меня. Но поймал ответный огненный взгляд и пробурчал: — Пошли. Надо торопиться. Мэтры любят патрулировать коридоры в ночь духа, а до лунной башни топать и топать.

Ульрих без предупреждения вырвал из моих рук подсвечник и, задув огоньки, поставил на пол у стены. Пошли в крошечной тьме: парни впереди, я сзади. Но если им отсутствие света доставляло немало неудобств, оба то и дело спотыкались и чертыхались под нос, я трудностей не испытывала. Может, мне передалась способность шагнувшего рядом Урсула видеть в темноте, или открылся новый дар, но глаза легко распознавали каждый предмет вокруг, словно в Гвендарлин царила не ночь, а сумерки.

Ощущение глубокого спокойствия не покидало. Замок оставался дружелюбной территорией, готовой раскрывать тайны и беречь от бед. Колледж не был домом, но жаждал стать радушным хозяином, с почестями принимающим гостей. Или одну единственную гостью. Меня. Я кожей чувствовала его дыхание. Живое и волнительное.

— Надеюсь, мы не натолкнемся на призрака лунной башни, — проворчал Ульрих, устав от гнетущей тишины. — Говорят, он снова объявился.

— Чей это призрак? — не удержалась от вопроса я, забыв, что спрашивать полноценного глупо и опасно.

Ульрих не удостоил меня ответом. Элиас полминуты раздумывал, но всё-таки заговорил, демонстративно не глядя на старосту.

— Никто не знает. Тут кроется жуткая тайна.

Я чуть не съязвила, что его братцу это явно известно, но вовремя вспомнила, что мне не полагалось слышать разговор Эмилио с Дитрих. Да еще в теле синего кота.

— Поговаривают, в башне произошло преступление, — добавил младший герцог.

— А я слышал, речь о самоубийстве ученика, — бросил Ульрих тоном, одобренным превосходством.

— О самоубийстве, — повторил Элиас эхом. И замолчал, не пожелав развивать тему. Только странный вздох сорвался с губ. Горький вздох.

Странно, что Ульрих вообще поднял эту тему. Она не приветствовалась. Считалось, что тот, кто обрывал собственную жизнь, совершал преступление не лучше убийства. Или хуже. Ведь каждый маг (полноценный, разумеется) — это воплощение магического цвета. Уничтожая себя, самоубийца разрушал и магию. Разрывал нить, связывающую многие поколения семьи. Нить, предназначенную потомкам. Такое не прощалось.

В тишине мы миновали еще три коридора, непонятно какого цвета. Даже мне они казались серыми и отличались друг от друга едва заметными оттенками. Пройдя «перекресток», мы попали в полукруглый зал с пятью дверями. Ульрих без колебания выбрал среднюю, недружелюбно скрипнувшую. Она словно не желала пропускать нас дальше или предупреждала об опасности. Я задалась вопросом: насколько далеко мы от сектора полувцветов? Ну и угоразило!

— Почти дошли, — шепнул Ульрих, останавливаясь у убегающей вверх винтовой лестницы с потрескавшимися ступенями. — Ты чувствуешь потерянную вещь?

— Это ты про брата? — усмехнулся Элиас.

— Сегодня он именно вещь, — спокойно ответил Ульрих. — Никчемная.

Младший герцог напрягся, вытянулся, напомнив охотничьего пса, пытающегося учуять добычу.

— Нильс рядом. Но наверх не поднимался.

— Значит, идет длинной дорогой, — процедил Ульрих. — Подождем.

Парни уселись на ковер, я прислонилась к стене. Никто не спешил нарушать молчание, чтобы не спугнуть мальчишку Нильса. Надо брать тепленьким, не то рванет прочь и точно наткнется на мэтров. Чудо, что этого до сих пор не произошло. Ни с ним, ни с нами тремя. На мгновение тело окатил страх. Что случится, если нас поймают. Исключат? Без сомнения. Но что потом? Что делают с полувцветами, не обученными контролировать мощь?

От одной мысли, что мне грозит темница до конца дней, захотелось кинуться наутек. Но я сдержала порыв, мысленно обозвав себя трусихой. Со мной Элиас — герцогский сынок и младший брат преподавателя. Может, ради него сделают исключение для всех?

А, впрочем, к дьяволу блат!

«Мы не попадемся», — пообещала я себе.

Или не я?

Кто-то другой сказал это в голове. Или сам замок вложил мысль в разум.

— Ш-ш-ш, — Ульрих молниеносным движением приложил палец к губам, хотя ни я, ни Элиас не шевелились. Прислушался и тихо охнул.

Я и сама почувствовала неладное. Кожей ощутила магию. Прежде чем она проявилась во всей красе. По телу — от затылка до пальцев ног — пронеслась теплая волна, будоража каждый нерв. Что-то надвигалось. Опасное? Я не была уверена. Но точно мощное и тревожное. Я нутром почуяла тоску. На глаза навернулись несвойственные слезы, словно мне передались чужие эмоции.

— Ох, — Элиас вскочил и попятился на негнущихся ногах.

Ступени, ведущие в лунную башню, замерцали, покрывшись сотней крохотных звезд. Проем наверху заполнил свет — ярко-синий, слепящий. Мы трое приросли к полу. Я прикрыла лицо рукой, силясь разглядеть то, что скрывалось за синевой. Чудился шепот. Слов не разобрать, но голос, без сомнения, принадлежал юной девушке. Она говорила так быстро, словно требовалось рассказать самое сокровенное за считанные секунды. Не успеет, другой возможности не представится.

— Вы видите, что там? — спросил Ульрих резко.

Я мимоходом отметила, что в его голосе не прозвучало паники. Староста нервничал, но не настолько, чтобы впасть в истерику.

— Только свет, — ответил Элиас взволнованно. Его происходящее пугало гораздо сильнее.

— Свет, — повторила я эхом и ахнула.

Из синевы выплыла фигура. Серая и нечеткая, вроде пыльного облака. Поползла вниз рывками. Что-то тянуло ее назад, словно дух — или кто она там — привязан к лунной башне чем-то прочнее любого каната. Мы стояли не в силах оторвать от фигуры глаз. Она завораживала, притупляя чувство опасности.

— Мяу! — громко возмутился под ногами Урсул. Его предупреждение пронеслось по коридорам громовым раскатом.

Я очнулась первая и потянула за рукава парней, не вспомнив, что полувцветам не стоит прикасаться к полноценным. Но их нечаянная вольность не смутила. Элиас оторвался взгляд от духа и крепко сжал мою ладонь. На красивом лице, освещаемом призрачным

светом, не осталось красок.

— Уходим! — распорядился Ульрих и подтолкнул нас.

Мы побежали в темноту. По коридору, по которому, по словам младшего герцога, полагалось прийти мальчишке Нильсу. Мы больше не заботились о тишине. Лишь бы не врезаться в стены или иные препятствия. Путеводителем служило ярко-синее, чуть светящееся пятно впереди. Это Урсул улепетывал подальше от лунной башни. Моё сердце колотилось, как одержимое. Еще бы! Каких-то пару недель назад насмеялась над легендами Гвендарлин, уверяя, что не верю в призраков!

— Лилит!

Девичий голос разорвал все слои мироздания. Не прежний, преследующий во сне и выманивший сегодня из спальни. Другой. Отчаянный. Он гроыхнул под потолком и застучал в голове.

— Лилит! Лилит! ЛИЛИТ!

— Что ей надо? — прохныкала я на бегу. — Зачем зовет?

— Кто? — нервно переспросил Элиас, не отпуская мою руку.

Ни он, ни Ульрих, топающий в паре метров позади, не слышали зловещего призыва, и мне не хватило мужества ответить. Разве голоса — не признак сумасшествия?

— Лилит! — не унимался призрак. Но крики звучали тише. Мы отрывались от преследования. — Ты в опасности, Лилит! Они не оставят тебя в покое...

Синее пятно дернулось в сторону — к стене.

Увы, мы с Элиасом не обладали молниеносной реакцией Урсула.

БУМ!

Я кувыркнулась, налетев на что-то теплое. Живое! Младший герцог смачно выругался, под ним раздалось горестное хныканье. Я отшатнулась. Прямо на пятой точке. Еще один дух?! Телесный?! Кто ж разберет, какая еще нечисть водится в этом доисторическом замке!

Одному Ульриху повезло. Он вовремя сориентировался и избежал падения.

— Идиот, — прошипел он не хуже Урсула, хотя в коротком слове полностью отсутствовали шипящие буквы.

Телесный призрак под Элиасом всхлипнул.

— У-у-ульрих?

— Нет, злой дух Гвендарлин!

— Тьфу ты! — рассердился младший герцог и выдохнул с выражением. — Нильс! Чтоб тебя!

— Я... я... — просипел младший брат старосты. — Я...

— Бестолочь! Недостойная учиться в этих стенах! — припечатал Ульрих и явно вознамерился произнести целую речь, но вскочивший Элиас закрыл ему ладонью рот.

— Тихо, — зашептал он панически. — Кто-то идёт.

В другом конце коридора — метрах в ста от нас — заплесало множество огоньков. От четырех подсвечников в чьих-то руках!

— Мэтры, — простонал Ульрих.

Нильс испуганно заерзал. Мы с Элиасом умудрились столкнуться в темноте. Куда

бежать? Позади лунная башня и обитающая в ней нечисть. Впереди точно мэтры. Ученики не рискнут бродить в ночь духа, освещая путь таким количеством свечей. Мой сегодняшний вояж ни в счет. В магическом трансе не до логики.

— Мяу, — позвал Урсул. Негромко, чтобы услышали лишь мы.

Синяя тень скользнула под ногами и резким прыжком бросилась в стену. Прошла сквозь нее с тихим скрипом, оставив нас четверых на растерзание педагогам.

— Ну и котик, — протянул едва слышно Ульрих и с тяжелым вздохом посмотрел на огни подсвечников. Мэтры с каждой секундой сокращали расстояние.

— Котяра — позер, — прошептал Элиас.

Выбора не оставалось. Кроме...

«Мяу», — раздалось в моей голове.

Урсул звал из-за стены. Но что я могла? Отодвинуть её голыми руками?

Пальцы сами коснулись древних камней. Холодных и влажных. Но не почувствовали вековой сырости. Вернулось знакомое тепло, разливаясь вместе с кровью по венам. Я надавила на стену, и камни поехали прочь, образуя арку, за которой прятался коридор, заполненный синим тусклым светом.

Нильс присвистнул и получил подзатыльник от братца.

— Уходим, — шепнула я.

Парни не шелохнулись. Я не видела выражения их лиц, но неровное дыхание свидетельствовало, что подобной магии им наблюдать в Гвендарлин не доводилось.

Огоньки педагогов приближались. Осталось метров сорок. А то и меньше. До нас донеслись голоса. Я узнала Алакса Рица и шагнула к арке.

— Как хотите, — объявила парням нервным шепотом.

Появление вредного мэтра стало сигналом и для Элиаса. Он ринулся за мной. Ульрих пробурчал что-то под нос, но предпочел последовать за полуцветом, нежели встретиться нос к носу с Рицем и его компанией. Подхватил за шкирку нерадивого братца и поволок по полу.

Едва все оказались внутри, я легким движением вернула древние камни на место. Но странное дело, стена преобразилась. Мы могли видеть покинутый коридор, словно через плотное мутноватое стекло. Элиас часто задышал в ухо, думая, о том же, что и я: не прозрачна ли стена снаружи? Нильс что-то нервно пискнул, но Ульрих пихнул его в бок.

— Какой смысл бродить тут по ночам? — раздался недовольный голос Рица совсем рядом. — Ученики не столь глупы, чтобы нарушать правила в ночь духа.

— Увы, этого не скажешь о первогодках, — насмешливо ответила Летисия Дитрих. — Для них древние правила — пустой звук.

— Маленькие идиоты, — процедил мэтр и зевнул.

— Тебе не обязательно ходить с нами, Алакс, — добавил новый голос, и мы с Элиасом вздрогнули, узнав Эмилио. — Остался бы в спальне, видел бы десятый сон.

— Боюсь, обязательно, — ответил вместо коллеги четвертый участник маленького отряда — Рэм Дюваль. С нотками разочарования. Его явно не вдохновляла компания Рица. — Директор Бритт считает, что всем мэтрам без исключения следует проводить ночь духа на ногах.

Педагоги подошли к особой стене вплотную, и остановились, не замечая ни приключившейся с ней странности, ни застывших нас. Я с облегчением выдохнула и сжала ладонь Элиаса, но в синем полумраке перепутала его с Ульрихом. Староста вздрогнул, а я отшатнулась, как от змеи, едва не ударившись лбом о стену. По телу

пронесся жар. От смущения или негодования — не поймешь.

— Этот коридор ведет в лунную башню, — проговорила Дитрих нервно. — Стоит ли туда подниматься?

— Вы боитесь призраков, Летисия? — мягко спросил Дюваль.

Магиня фыркнула, готовясь к достойному ответу, но ее опередил Эмилио.

— Не стоит будить тех, кто давно спит, — объявил он туманно. — Предлагаю осмотреть зал близнецов. Это место нарушители-смельчаки предпочитают любым легендам о духах.

Зря средний герцог произнес последнее слово. Очень зря.

Дух ни преминул откликнуться.

По коридору пронесся порыв ветра, взлохматил волосы мэтров и задул огоньки свечей. Мы охнули в унисон, но, к счастью, прозрачная с одной стороны стена заглушала любые звуки. К тому же, педагогам было не до нас. Их обескураженные лица (а у Рица откровенно напуганное) осветили мерцающие лучи: синие, серые, серебристые. Призрак надвигался стремительно, намереваясь уничтожить на своем пути всех.

— Ой, мамочки, — пискнул Нильс и плюхнулся на пятую точку.

— Бежим! — завопил Алакс Риц.

Дюваль попытался сотворить незнакомую магию, но вырвавшийся из его рук сгусток черной энергии, растворился, не набрав силу.

— Уходим! — вторил он улепетывающему Рицу.

Но Эмилио Ван-се-Росса не сдвинулся с места. Он не обращал внимания ни на призывы коллег, ни на тянущую его за рукав Летисию Дитрих. Смотрел вперед. Без страха. На красивом лице застыли обреченность и пронзительная тоска.

Призрак обрушился из-под потолка беспощадной лавиной, чтобы проглотить жертв, но резко остановился в сантиметрах от Эмилио, будто налетел на невидимую преграду.

— Ох, — Дитрих повалилась на колени, прикрыв голову руками.

Серая тень замерцала, медленно обретая форму, напоминающую стройную женскую фигуру. Она поворачивала призрачную голову, разглядывая среднего герцога.

— Марго? — спросил он хрипло. — Это ты, Марго?

Справа от меня раздался глухой стук. Элиас дернулся и ударился о стену.

Тень издала отчаянный вопль и рванула назад — в лунную башню.

— Стой! — закричал Эмилио вслед. — Поговори со мной!

Но свет погас, оставив мэтров в темноте.

— Нет! — застонал средний герцог под горестные всхлипы. У его ног рыдала навзрыд Летисия Дитрих.

Прошло минут пять с ухода мэтров, а мы стояли за стеной, не в силах произнести ни слова. Только Нильс подозрительно сопел, так и не встав с пола. В моей голове всё перемешалось от переизбытка впечатлений, самым сильным из которых стала плачущая Дитрих. Кто бы мог подумать, что у стервозной магини есть чувства. Кем бы ни была таинственная призрачная девица, при жизни ее связывало с двумя нашими мэтрами нечто очень личное.

Первым нарушил молчание Ульрих.

— Кто такая эта Марго? — спросил он Элиаса. — Ты ведь знаешь. По лицу вижу.

Но младший герцог ошетинился.

— Не твое дело! — прорычал он угрожающе.

— Ну и демоны с тобой, — махнул рукой староста. — Надо выбирать.

Он вопросительно посмотрел на меня.

Я выдержала пронзительный взгляд ярких зеленых глаз и кивнула. Подняла руки, чтобы, как раньше, надавить на стену, но в голове взорвался целый фейерверк. Перед глазами побежали синие всполохи, складываясь в лабиринт коридоров с множеством комнат и залов. Настоящая карта! Карта Гвендарлин, географию которого я почти не знала!

— Ого! Кажется, это короткий путь, — не веря самой себе, я показала на синий коридор за нашими спинами, простирающийся вглубь колледжа.

— Ловушка, — бросил Ульрих небрежно.

— Нет, — я упрямо мотнула головой. — Пойдем отсюда, не столкнемся с мэтрами. Не знаю, почему, но замок хочет со мной дружить.

Староста усмехнулся, а Элиас выпятил грудь.

— Я рискну. Пойду с Лилит, — он повернулся ко мне. — Сможешь, выпустить этих двух олухов в обычный коридор?

— Еще чего? — воспротивился Ульрих. — Пропадать, так всем сразу.

Но мы не пропали. Древний магический колледж продемонстрировал дружелюбие во всей красе, прокладывая короткую дорогу внутри стен. Я шла впереди вместе с гордо вышагивающим рядом Урсолом. Полноценные плелись сзади, озадаченно озираясь по сторонам. Молчали, и на том спасибо. Я так вымоталась, что мысли вились лишь вокруг синей постели. К демонам загадки и нечисть! Спать хочу!

Коридор благополучно вывел нас к сектору темных. Я легко отрыла арку в стене, выпуская спутников наружу.

— Давай провожу, — предложил Элиас. — До твоего сектора.

— Угу, — буркнула я. — А на обратной дороге попадешься мэтрам. Твоя матушка меня потом на месте испепелит. Нет уж, увольте.

— Она права, — поддержал меня Ульрих. — У мэтров сегодня достаточно впечатлений. Ни к чему прибавлять еще и пойманного нарушителя.

Элиас нехотя сдался и пожелал спокойной ночи. Ульрих бросил на меня колючий взгляд, но переборол себя и выдал короткое слово «спасибо». Но тут же «реабилитировался», подарив звонкий подзатыльник негоднику Нильсу.

До сектора полувцветов я добралась без приключений. Более того, умудрилась сойти с магической синей «тропы» не в коридор, а сразу в общую гостиную с родными креслами, пуфиками и диванами.

С диванами?!

Стоп!

Я в ужасе попятилась и зажала рот ладонями.

На одном из диванов спал Шем, постанывая и нервно перебирая ногами. Над ним нависла фигура в черном плаще с капюшоном. Костлявая рука гладила непослушные вихры будущего темного мага. От головы мальчишки к острым ногтям тянулись золотистые нити. Неужели, та самая жизненная сила, что по легенде дух вытягивал из учеников в новолуние?!

— Прочь! — шикнула я, хотя коленки дрожали не хуже, чем у Дитрих перед другим призраком. — Пошшшшла... пшшел вон!

Урсул зашипел, приняв боевую стойку.

Шем дернулся и открыл заспанные глаза. Увидел над собой нечисть и с воплем скатился с дивана. Прижал к себе одеяло, будто оно могло защитить от духа.

Фигура в черном издала яростный возглас.

— Проклятые дети! — крикнул хриплый женский голос. — Ненавижу вас! Ненавижу!

Дух взвился в воздух и рванул к окну. Я приготовилась услышать звон бьющегося стекла.

Но нет, незваная гостья благополучно прошла сквозь него и растворилась в ночи.

Глава 9. Явление темного мага

Утром, как и обещал Кайл Нестор, многие полувцветы проснулись разбитыми и за завтраком клевали носами, роняя кто хлеб — неизменно маслом вниз, кто ложки с кашей — преимущественно на себя. Уроки отменили. Мэтры не сомневались: после ночи духа толку от учеников никакого. Закончив трапезу, большинство обитателей особого сектора отправились досматривать сны, молясь, чтобы те оказались приятными.

Мы вчетвером устроились в углу общей гостиной. Подальше от памятного дивана.

Увы, друзья нам с Шемом не поверили. Агния смеялась до слез. Дух, вылетающий в окно? Да бросьте! Лиан прятал улыбку, уткнувшись в целительский учебник, и все же веселился от души. Шем побагровел от обиды, а я представила, что случится, если заикнусь, как брожу по замку внутри стен и выхожу из спальни в трансе на мистические голоса. Представила и зареклась рассказывать.

Однако поговорить о таинственном пришлось.

Днем меня вызвал Эмилио Ван-се-Росса. Прислал письмо по внутренней почте: не разбивающиеся колбы с посланиями внутри носились по трубам — из преподавательской в ученические сектора и обратно. Средний герцог решил, что выходной день — не повод отменять тренировку. Однако перенес ее с раннего утра на послеобеденное время.

Выглядел Эмилио паршиво. Будто пил в трактире ночь напролет. А то и не одну. Встреча с призраком здорово потрянула беднягу-мэтра. Разглядывая небритые щеки и черноту под стальными глазами, я сделала вывод, что таинственная Марго — его почившая возлюбленная, которая либо сама наложила на себя руки в лунной башне, либо стала жертвой преступления.

Интересно, а Дитрих в этой истории каким боком? Может, красавчик-брюнет не устоял перед ее чарами? Стерва-то чертовски хороша собой. А разбитое сердце настоящей невесты аукнулось трагедией?

— Лилит, где сегодня витают твои мысли? — спросил Эмилио ворчливо.

Последние пятнадцать минут я читала презентованную мэтром брошюру о полувцветах.

Она разительно отличалась от той, что хранилась в библиотеке. Речь шла о нашей никчемности и предпочтительном истреблении. Средний герцог не сомневался, что «увлекательное» чтиво вызовет эмоциональный взрыв, однако я переворачивала страницу за страницей и оставалась спокойной, как море в штиль.

— Надеюсь, тебя не дух контузил?

Мэтр и мысли не допустил, что я делаю успехи в контроле эмоций.

— Возможно, и дух, — пробурчала я и швырнула брошюру в стекло особенной тренировочной «площадки».

Помнится, Элиас предупреждал, что с мэтрами нельзя говорить о духе Гвендарлин. Ну и пусть. Его старший братец сам затеял этот разговор.

— Дух? Серьезно? — Эмилио подозрительно сузил глаза. — Ночью что-то случилось, Лилит?

Я задумалась. Передо мной преподаватель, знающий о Гвендарлин побольше любого ученика. Может, рассказать о женщине в черном плаще, напавшей на Шема. Одно дело — призраки в башнях, другое — нечисть, высасывающая силу в нашем секторе, в который полноценные попасть не способны.

— Я видела треклятого духа, — призналась с печальным вздохом. — Мне не спалось. Спустилась в общую гостиную, а там...

Эмилио не засмеялся, как Агния с Лианом, не отпустил ни единой шуточки. Ему крайне не понравился рассказ. Стальные глаза потемнели, в них поселилась ночь. Мрачная, вроде вчерашней.

— Что-то не так, да? — спросила я осторожно.

Мэтр потер переносицу, раздумывая, что мне можно сказать.

— В последний год дух проявляет странную активность, — протянул он хмуро. — Такого не случалось полтора десятка лет. Это не к добру.

— Значит, дух — женщина?

— Вряд ли. Учеником я видел его — настоящего. Впечатлений хватило надолго. Это точно мужчина. Но у него есть помощники.

Если б не приключения минувшей ночи, я бы решила, что герцог меня разыгрывает. Но подобное не к лицу мужчине, несколько часов назад умолявшего призрака остановиться.

— Значит...

Эмилио поднял руку, призывая к молчанию.

— Вижу, сегодня тренировка не задалась. Отложим ее до завтрашнего утра, — он посмотрел очень внимательно и добавил: — Будь осторожна, Лилит.

Я смолчала, хотя на языке вертелся миллион вопросов. Кто я такая, чтобы лезть с ними к мэтру? У нас не панибратские отношения. Он возится со мной по приказу матери. Наверняка, я ему отвратительна. Не удивлюсь, если мечтает вернуться к себе и вымыть руки. В брошюре-то написано, что мы хуже грязи.

В коридоре нас нагнал запыхавшийся Элиас. Я заподозрила, ему нужен братец-преподаватель, но, оказалось, парень явился по мою душу.

— Лилит с подружкой-полуцветом разозлила Дитрих и нарвалась на наказание у Шаадея, — объяснил Элиас снисходительным тоном. — Небольшой ликбез не помешает.

— Дитрих? — переспросил Эмилио глухо. — Ну-ну.

Элиас вдруг странно кашлянул и покраснел.

— Ну я это... того... провожу Лилит.

— Проводи, — разрешил старший брат и долго смотрел нам вслед. Я спиной чувствовала пронзительный взгляд, разбирающий на кусочки.

Коридоры пустовали. Полноценные, как и полуцветы, предпочитали отсыпаться после ночи духа или заниматься личными делами в секторах. Элиас это предвидел, иначе бы не вызвался в провожатые. Ни к чему популярному ученику светится в «грязной» компании. Впрочем, меня устраивало отсутствие свидетелей. Пустым колледж нравился гораздо больше. Цветные коридоры, морской вид из окон и атмосфера старины, исходящая от самих стен. Никаких презрительных взглядов или смешков.

— Ты всё еще чувствуешь связь с замком? — спросил Элиас, когда мы отошли на безопасное расстояние от Эмилио.

Я мысленно потянулась к колледжу. Тепло не исчезло, но стало менее явным.

— Чувствую, но приходится напрягаться. Ночью усилия не требовались.

— Хм... — Элиас почесал затылок. — Возможно, дело во времени суток. Или в самой ночи духа. В любом случае, интересный у тебя дар. Полезный.

— Кому полезный?

Я нутром почуяла подвох. Но младший герцог перевел тему.

— Я не спросил вчера при Ульрихе. Но ответь, какого демона ты шаталась по коридорам?

— Заскучала в секторе ублюдков.

— Я серьезно.

— Я тоже.

Наши глаза встретились, и я разглядела в них ярость, похожую на ту, что видела у его матушки. Правду говорят: кровь — не вода. Но я тоже упертая. Даром, что полуцвет.

— Лучше скажи, кто такая Марго?

Элиас фыркнул.

— Разбежался.

— Подружка твоего братца? — не унималась я.

Вчерашняя ночь разрушила стену между нами, смысла различия происхождения, проложила мосты над бескрайней пропастью.

— Нет, — голос Элиаса дрогнул.

— Но...

— Не лезь в это, Лилит.

Слова прозвучали не как приказ или отповедь. А как просьба.

Возражения повисли в воздухе. Хотя я не собиралась отступать. Не хочет Элиас откровенничать, найду другой способ выяснить правду. Я одна слышала голос призрачной девицы, пророчившей мне беды, а, значит, ее история меня очень даже касается.

Мы в молчании завернули за угол и споткнулись о несуществующее препятствие.

На ступенях сидели Ульрих Бернаруду и Рашель Фаули. Контрастная пара. Жгучий брюнет и изящная блондинка. По телу понеслась волна злости, не соизволившая проявиться на тренировке с Эмилио. Я вдруг остро ощутила собственную ущербность. Нет, я не уродина. Но какое дело Ульриху до никчемного полуцвета, если рядом, воркуя, сидит первая красавица Гвендарлин.

Ох ты, пропасть! Мне что, нравится Ульрих?!

Демоны всех побери! Не хватило опыта общения с братцем Рашель — мерзавцем Свеном?!

Забыла медведя?!

Сладкая парочка не ожидала вторжения. На лицах мелькнула растерянность, однако голубки быстро взяли себя в руки. Но вот странность, я не увидела привычного презрения.

В небесных глазах Рашель светилось любопытство, а Ульрих — о, ужас! — подарил легкий приветственный кивок.

— Идем, — позвал Элиас настойчиво.

Ватные ноги справились с трудом. Нет, ну что за дура? Второй раз покупаюсь на внешность полноценного парня. Разве нельзя увлечься полуцветом? Вон их сколько в особом секторе. Бери, не хочу.

Только, и правда, не хочу. А от Кайла, лезущего с недвусмысленными намеками, впору взвыть раненой волчицей.

— У нас есть к тебе дело, Лилит, — вернул меня в серебристый коридор Элиас.

Сердце сделало кувырок.

— У «нас»?

— У нашей небольшой компании, в которую входят Рашель и Ульрих.

— Идите вы... э-э-э... пустыней.

Элиас хихикнул.

— Родись ты полноценной, была бы чертовски популярной. Я серьезно, Лилит. В Гвендарлин любят стерв.

Я упорно молчала, с трудом подавляя желание треснуть младшего герцога по макушке. Не обязательно с помощью магии. Собственная длань вполне сойдет в качестве грозного оружия.

— Не ершишь, Лилит, — не унимался Элиас. — Нам пригодится твоя помощь. Для одного важного мероприятия. Не отказывайся. Тебе не помешают влиятельные друз... — слово застряло у парня в горле острой костью. — Знакомые.

Мы дошли до сектора полуцветов. Остановились в тишине. Я не собиралась соглашаться на авантюру (хватит с меня вчерашней ночи!). Да еще на авантюру в компании Ульриха. Но Элиас посчитал вопрос решенным.

— Это случится в ночь маскарада. Мы сами тебя найдем.

Я скрылась в секторе, ничего не ответив. Но в душе росло подозрение, что отвертеться от затеи «небольшой компании» не выйдет.

После обеда в сектор полуцветов доставили письма из дома. Первые письма. Они передавались ученикам раз в три недели, если не случалось ничего из ряда вон. Позабыв обо всем на свете, я разорвала конверт с аккуратным почерком Ренет. Она исписала пять листов, но ничего выдающегося не поведала. Разве что пересказала новости соседей, которые меня не интересовали.

Для мамы письмо стало отдушиной. Она писала обо всем на свете, лишь бы писать и передать в послании частичку себя. Ренет ни словом не обмолвилась о собственной тоске, но я угадала ее между строк. Ощутила кожей. Потому что сама скучала. Прежде мы ни разу не расставались дольше, чем на пару дней.

В заключении Ренет передала горячий привет от Дот и...

Я вскрикнула.

Самый важную, но горькую информацию мама оставила напоследок.

«Не хотела огорчать тебя, Лил. Но у нас не принято врать друг другу. Тира перестала приходить. Мы не видели ее со дня твоего отъезда. Я искала ее в нашем поселке, поспрашивала в соседних. Но кошка, словно сквозь землю провалилась. Я не теряю надежды, Лил. Может, еще объявится. Люблю тебя. Мама»

Я часто заморгала в попытке прогнать предательские слезинки. Неужели, с черной кошкой приключилась беда? Тира была мне другом. Не хотелось думать, что это конец. Сжав зубы, чтобы заглушить горечь, я посмотрела на приятелей. Лиан читал письмо из дома с блаженной улыбкой, Агния хмурила изогнутые брови, а Шем... Шем сидел, уставившись в одну точку. Кулачище сжимал невинный лист бумаги. Что ж, не я одна получила неприятные новости.

Внезапно парень вскочил и бросился к лестнице, ведущей в мальчишеские спальни.

— Шем! — окрикнул его Лиан. — Шем, ты чего?

— Оставь его, — посоветовала я. — Ему не нужна компания. Захочет, сам расскажет.

Или не захочет. Я вот предпочитаю переживать неприятности в одиночку. К чему демонстрировать раны. У каждого в этом секторе своих хватает.

Вечером первогодок, включая четырех полуцветов, собрали в черно-белом зале для важного объявления. Я ожидала увидеть самого директора Бритта или кого-то вроде Дюваля. Однако к ученикам, расположившимся в жестких серых креслах, вышла

воспитательница — леди Сесиль Ларс. О, я отлично помнила уродливую мегеру! Она приезжала летом в замок Ван-се-Росса вместе Алаксом Ричем по мою душу и кривилась, пока герцогиня Виктория не заткнула её поганный рот. В Гвендарлин мы не пересекались. Как и всем полноценным, вход в сектор полуцветов, леди Сесиль заказан.

— Дорогие дети, — проговорила она с фальшивой ласковой интонацией. — С завтрашнего дня у вас начнется особенный курс. Знания, которые он подарит, пригодятся не меньше волшебства. Леди под моим началом займутся обучению хозяйственным делам: вышивкой, организацией приемов, составлением меню, подбором слуг...

Я закатила глаза. Только этого не хватало! Где мне устраивать приемы? В доме Ренет и Дот? А кого приглашать? Соседей, шарахающихся, как от чумной?

— Юноши в компании наших уважаемых мэтров обучатся искусству переговоров с влиятельными соседями и развлечению важных гостей.

Шем беззвучно фыркнул. Лиан вытянул шею, слушая леди Сесиль, но покосился на полноценных и сник. Да, емугодились бы «ценные» навыки, но какой толк от обучения в компании, считающей нас хуже грязи под ногами?

Леди Сесиль всё не замолкала. Несла ахиною о важности курса, источая завуалированный яд. Агния силилась скрыть смех, меня же откровенно тянуло в сон. Вот скука смертная. Поскорее бы отсюда. Куда угодно!

Пожелание сбылось, едва я додумала мысль до конца. Декорации сменились, открыв взору оливковый карниз и великолепный закат с ржаво-красной дорожкой на морской воде. Лапы ступали бесшумно. Пружинили, приближаясь к знакомому окну, из которого, как и в прошлый раз, звучал плач скрипки. Она не рыдала. Лила слезы тихо, пряча горе от посторонних. Смычок гладил струны нежно, боясь поранить и вызвать новую боль.

Я осторожно заглянула в окно, опасаясь быть замеченной. Эмилио Ван-се-Росса играл, закрыв глаза. Не видел ни меня на подоконнике, ни другого зрителя, застывшего в дверях с мукой на лице — Летисию Дитрих. Магиня в ярко-алом платье прислонилась к косяку и жадно ловила каждую ноту. Она смотрела на Эмилио с тоской и обожанием, с коим взирают влюбленные женщины.

Дитрих, как и я, желала продлить наполненное печальным волшебством мгновение, но половица скрипнула под каблуком, и средний герцог оборвал игру.

— Что ты тут забыла? — спросил он грубо.

— Хотела поговорить. О вчерашнем.

— Нет! — бросил Эмилио резко и отложил скрипку со смычком. — Уходи.

— Но тебе же больно. Нельзя изводить себя. Терзать до бесконечности.

Дитрих шагнула к нему и коснулась пальцами щеки.

— Пожалуйста, Эм...

Дальнейшее произошло слишком быстро. Вот они стоят, глядя друг на друга в упор, но внезапно Эмилио впечатал магиню в стену. Ударит? Наотмашь? Что же еще? Но нет. Ладони жадно скользнули по стройному телу вниз, а губы... губы... Ох, я поняла, что краснею. Если, конечно, коты способны краснеть. Особенно, синие коты. Но мне не доводилось видеть чужую страсть. Таковую, от которой способно разгореться пламя.

Уносить ноги! Скорее! Подальше от двух магов, потерявших голову от желания!

Я торопливо смирала взглядом расстояние от подоконника до карниза, однако повод для побега снялся с повестки дня. Эмилио отстранился от Дитрих столь же резко, как и кинулся ее целовать и расстегивать платье.

— Прости, — шепнул он, тяжело дыша. — Это неправильно. Я не могу.

— Эм...

— Не смей, — средний герцог поднял ладонь, будто вознамерился зажать Дитрих рот. — Зачем ты вообще вернулась в мою жизнь? Зачем бередишь старые раны?

— Мне нужна была работа.

— Именно в Гвендарлин? Не лги. Мне ты врать никогда не умела.

— Но...

— Как ты не понимаешь! Каждый раз, когда я на тебя смотрю, то... — он запнулся, с губ сорвался горестный стон. — Глядя на тебя, я вспоминаю, что мы натворили.

— Вот об этом я и говорю! Ты погряз в чувстве вины. Это несправедливо! Сколько можно калечить себе жизнь? Ты ничего не мог изменить. Прими это, Эм!

Эмилио отвернулся и, молча, застегнул рубашку.

— Вчерашнее происшествие, — не унималась Дитрих. — Нет никаких доказательств, что это... это она. Ты увидел лишь то, что хотел.

Средний герцог не потрудился посмотреть на магиню.

— Уходи, Летисия.

Она не шелохнулась.

— Отлично, тогда уйду я.

Эмилио скрылся за дверью, проигнорировав протянутые к нему руки. Дитрих качнулась и прислонилась к стене, к которой недавно прижимал ее несостоявшийся любовник. Но силы оставили магиню. Она съехала на пол, закрывая лицо ладонями...

— Скука смертная...

Я открыла глаза и встретила с насмешливым взглядом Агнии.

— Просыпайся. Экзекуция почти закончилась. Леди-зануда прощается и напоминает, как важно вести себя благочестиво. В том числе, не дрыхнуть в ее присутствии.

— Агния шутит, — улыбнулся Шем, пока я таращилась по сторонам. — А чего ты такая... э-э-э... красная? В смысле, щеки?

Я негодуяще фыркнула. Будешь тут красной!

Демоны б побрали Урсула! С его пристрастием таскаться к Эмилио в самые неподходящие моменты! Да и в остальные тоже! Хотя пищи для размышления он мне подкинул в немалом количестве. О сладкой парочке и призраке. Недаром Элиас замялся, упомянув при братце Дитрих. Но это всё после. Когда-нибудь. В одиночестве. Пока же леди-зануда... Тьфу! Леди Сесиль заканчивала речь и отпускала нас восвояси.

Из черно-белого зала мы четверо вышли последними. Ни к чему переходить дорогу полноценным. Во всех смыслах. Я, улыбаясь, слушала рассуждения Агнии, как «важно» полувцветам владеть искусством встречи гостей, и пропустила неладное.

Последующие события потом пришлось тщательно восстанавливать в хронологическом порядке, но произошли они за секунды. В толпе мелькнули светлые кудри Свена Фаули, и сердце сделало двойное сальто. В воздух — аккуратно над моей бедовой головой — влетело что-то маленькое, блестящее. Трилистник под платьем затрепыхался, вознамерившись отправиться в дальние странствия. Руки взметнулись к нему, а глаза выхватили насмешливый взгляд в другом конце коридора. Джемма Паскуале! Чертова ведьма! Она веселилась, взирая на мои попытки остановить удирающее имущество.

Ладони ведьмы поднялись высоко над головой. Воздух заколыхался. Волна прошла над макушками первоодок. В меня. Но темный амулет семейства Ван-се-Росса справился с возложенными обязанностями. Отразил удар. Но, увы, отправил не в зачинщицу.

Скрикошетил в бок.

От грохота заложило уши.

— Ой, мамочки, — пискнул Лиан.

Агния издала нечто похожее на скрытый смешок, а Шем...

— Демонов на ваши головы! — пообещала я, глядя вслед улепетывающей ведьме.

На месте Шема стояло чудище, с ног до головы покрытое черной мерзостью, вроде смолы. Волосы слиплись, одежда намертво приклеилась к телу. Остались одни глаза, в которых отражался ужас, смешанный со стыдом. Полноценные покатились со смеху. Я их, в общем-то, понимала. Видочек у нашего приятеля получился тот еще. Детишек непоседливых пугать, чтоб неповадно было не слушаться взрослых.

Однако...

— Заткнитесь! — велела я мелюзге, для вида закатывая рукава. — Сожгу живьем!

Кое-то притих, но большинство не впечатлила угроза. Гадкие дети хохотали, тыча на бедолагу пальцами.

— Уходим отсюда, — объявила Агния. — Шем... Ах ты, пропасть!

Нервная система будущего темного мага не выдержала дружного ржания первогодок. Из ушей повалил черный дым. В буквальном смысле. Как из близнецов в первый день в Гвендарлин. Количество весельчаков мгновенно сократилось в разы. Самые сообразительные рванули к ближайшим дверям в надежде, что вековые стены способны защитить от потерявшего контроль полуцвета.

— Спасайтесь! — завопил кто-то.

Под потолком прошел огненный всполох. Не красный, как у Агнии, а темно-серый, неестественный, а оттого еще более зловещий. Словно Шем отнял цвет у самого пламени.

— Бежим! — Лиан схватил нас с Агнией за руки.

Но я вырвалась. Бросилась к Шему.

— Смотри на меня! Сосредоточься!

Пальцы сжали защитный трилистник. Поможет? Или нет?

— Лилит! — заорала Агния. — Уходи!

Поздно.

Серое пламя обступило нас с Шемом правильным овалом. Обдало жаром с ног до середины спины. Кончики волос затрещали.

— Шем! Остановись!

Страха не было. Страха смерти. Пугала боль. Не самая легкая смерть — сгореть заживо. Десять баллов, Лилит! Не этой ли жутью ты страшила полноценных пару минут назад?

— Остановись же!

Но в глазах Шема — красных, как у истинного демона, не отражалось и намека на понимание. Приятель оказался во власти собственного дара. Тот поглотил его волю, сковал плоть. Не достучаться. Не спастись.

Серые языки пламени поползли по стенам, лаская древние камни. Картина была бы завораживающей, если б не несла смерть. Хорошо, что в коридоре никого не осталось. Кроме обездвиженного Шема и дуры меня, не унесшей вовремя ноги. Героиня чертова! А ведь замок однажды горел. Пожар унес жизни основателей колледжа Гвенды и

Дарлина Ван-се-Рмун. Об этом написали немало книг. Увы, гибели двух бестолковых полуцветов не удостоят и строчки.

— ШЕМ!

Почудилось, что тлеет одежда.

— Шшшшшшш

Я закашлялась, больно прикусив язык. Едкий дым проник в легкие, не давая сделать ни одного вдоха. Трилистник вдавился в ладонь, раня до крови. Падая на пол, я ощутила его проснувшуюся силу. Рядом плашмя рухнул Шем. Серое пламя сомкнулось над нами. Но пощадило. Или встретилось с преградой, созданной кулоном.

Какая разница?

Я задыхалась от кашля. Никакая невидимая защита не спасет. Маги не способны жить без воздуха. Что хуже: умереть от огня или удушья?

Сознание уплывало.

Мои лапы шагали вверх по побитой временем винтовой лестнице. На тихий плач скрипки. О, боги! Урсул вновь преследует Эмилио! Не отстанет от мэтра даже в миг моей смерти!

Поворот. Еще один.

Площадка, залитая лунным светом. А в середине...

Нет, там был не Эмилио Ван-се-Росса.

Спиной к входу стояла девушка в синем платье и каштановыми волосами. Почти, как у меня. Она нежно водила смычком по струнам. Скрипка плакала в ответ. Не печально, как в руках среднего герцога. Горько. Но то была невыносимая горечь, скручивающая внутренности, разрывающая сердца.

— Вот и ты, Лилит, — проговорила девушка, опуская смычок.

Она не оборачивалась. Я не видела ее лица.

— Тебе рано сюда, девочка. Хотя ОНИ считают иначе. Думают, твоя жизнь принадлежит ИМ. Так и есть, на самом деле. Но ведь ты способна с этим поспорить, верно?

Изо рта вырвался хрип. Из моего рта. Не Урсула.

Последнее, что я увидела — мужчину в черно-белом плаще, раздвигающего руками серое пламя Шема. К нам — поверженным — подобно божеству шагал Рэм Дюваль. Огонь послушно расступался перед ним, оседал, склонялся в почтительном поклоне. Длинные холодные пальцы коснулись моего лба.

— Дыши, Лилит. Тебе рано умирать.

«Рано», — шепнул к голове еще один голос. Тот, что выманил из спальни в ночь духа.

Шепнул ехидно, намекая, что заберет мою жизнь в строго отведенное время.

— Не дамся, — прохрипела я, прежде чем навалилась тьма.

Глава 10. Свидание по-дружески

Я провалялась в кровати больше недели, выздоравливая после атаки Шема. Первые сутки

— в лазарете, затем в нашей с Агнией спальне.

— Полуцвету не положено здесь задерживаться, — объявила хозяйка целительского блока леди Визра, прежде чем отправить восвояси.

Прозвучало грубовато, но сухопарая дама с легкой сединой в русых прядях лишь следовала правилам. С ее стороны не ощущалось неприязни или презрения. Леди Визра вела себя любезно, снабдила лекарствами и трижды присылала письма в блок полуцветов, справляясь о моем самочувствии. Шему помощь целительницы не понадобилась. Своими силами отошел от легкой контузии после встречи виска с полом. Он даже дымом не надышался! Родной дар не коснулся темного мага.

Нет, я не злилась на Шема. Какие обиды? На собственной шкуре проверяла, каково не уметь контролировать мощь. Мэтры тоже решили не припоминать парню подкопченный коридор. Однако директор подстраховался и назначил парню дополнительные занятия с Дювалем. В том же зале, где тренировалась я с Эмилио. Но не в утренние часы, а по вечерам. Я искренне посочувствовала сокурснику. Врезаться в магическое стекло — удовольствие сомнительное. Но всё лучше, чем темница до конца дней.

Увы, Свен и Джемма избежали наказания. Никто из полуцветов не заметил их в памятном коридоре, а полноценные не подтвердили моей версии. Да, Рэм Дюваль нашел обгоревший магический кубик, зачарованный лишать талисманы сил. Но чьими стараниями он взлетел в воздух, без свидетелей не определить. Мои же слова — всего лишь мои слова. Кому интересно мнение полуцвета, точащего зуб на мага из благочестивого семейства Фаули?

В общую гостиную я спустилась за три дня до осеннего маскарада. Ранним утром.

Застала на диване у окна Шема за чтением толстенной книги.

— Привет, — парень неловко улыбнулся.

Он давно жаждал со мной объясниться, но в охраняемую магией девичью спальню попасть не мог, передавал пожелания скорейшего выздоровления через Агнию.

— Читаю параграфы о красных магах, — пояснил Шем, откладывая учебник. — Мэтр Риц обещал спустить три шкуры, если не перечислю цвета, с которыми они дружат, а с какими враждуют. Я у него теперь вроде любимой зверушки.

— Сожалею, — я присела на край дивана. — Риц — тот еще гад.

— Угу, — Шем помолчал. — Лилит, мне жаль, что я тебя ранил.

— Брось, — отмахнулась я. — Сама напросилась. Не полезла бы тебя останавливать, не подгорела бы, как блинчик на сковородке.

На лице бедолаги не осталось ни кровинки, пришлось заверять, что я пошутила и вообще чувствую себя прекрасно, хоть прямо сейчас готова горы сворачивать и моря осушать. Шем слушал, грустно кивая и поглаживая пухлыми пальцами корешок книги.

— Я сам испугался, — признался он, когда мое красноречие иссякло. — Дело даже не в полноценных, ржавших, как кони. Они лишь подлили масла в огонь... Тьфу! Зря я про огонь. Лучше не упоминать. От греха.

— Ты расстроился из-за письма? — осторожно спросила я. — Из дома?

Шем взлохматил пятерней густые черные волосы.

— Нет у меня больше дома, Лилит.

Я уставилась на сокурсника, как бестолковая курица, а он развел руками.

— Маму новый герцог выгнал. Развалюху нашу отдал другой семье.

— П-п-почему?

— Старый герцог умер. Это он разрешил нам остаться после моего рождения. В качестве напоминания сыну о грехе.

Я охнула.

— Новый герцог — твой...

— Не называй его... так.

— Прости.

На втором ярусе скрипнули половицы, кто-то торопливо зашагал по лестнице. Шем раскрыл учебник на первой попавшей странице и уткнулся в нее, пряча эмоции от посторонних.

— О!

Перед нами предстал заспанный Кайл Нестор. Он явно не ожидал застать кого-то в общей гостиной в такую рань. Особенно меня.

— Лилит, рад видеть, — надоедливый староста быстро пришел в себя, приосанился и поправил включенную спросонья рыжую шевелюру. — Боялся, ты не успеешь выздороветь до осеннего маскарада, и я останусь без пары.

У меня отвисла челюсть. Еще чуть-чуть, и об пол ударится!

— Э-э-э...

На большее не хватило ни сил, ни воображения. В свете ночи духа и последующих событий, я напрочь забыла о бредовой затее Кайла пойти вместе на маскарад.

— Ты и так останешься без пары, — неожиданно вмешался Шем, захлопывая ни в чем неповинный учебник. — Лилит идёт со мной. Она — моя девушка. Ты не в курсе?

Староста особого сектора издал свистящий звук и попятился, а в Шема словно демон вселился, подарив смелость и нахальство.

— Извини нас, Кайл. Мы с Лилит как раз обсуждали предстоящее событие. Ты нам мешаешь.

— Хм... — парень нервно сглотнул. — Ну тогда я это... того...

Он вихрем умчался вверх по лестнице к себе, ни разу не оглянувшись, а я повернулась к Шему и покрутила пальцем у виска, плохо понимая, к кому относится некрасивый жест: к старосте или сокурснику.

Шем прыснул, откровенно веселясь.

— Знаю, гордиться нечем. Но после происшествия в коридоре меня побаиваются. И полноценные, и полуцветы.

Я закатила глаза. Ну-ну. Выброс черной магии не только повысил авторитет парня в колледже, но и поднял самооценку.

— Слушай, Лилит, ты же поняла, что я не всерьез. Про девушку.

Шёки Шема порозовели, делая его похожим на самого себя — добродушного толстячка.

— Ага.

— Но на маскарад мы всё равно пойдем вместе. По-дружески. Надо же поддерживать легенду, чтобы Кайл отвязался. Родители Лиана прислали мне костюм.

— Неувязочка, — объявила я. — У меня-то нет костюма.

— Есть, — возразил Шем удивленно. — Агния сказала, на днях прислали. Из замка Ван-се-Росса. Она всех извела, пуская слюни от зависти.

— Чего? — челюсть повторно отвисла ниже колен.

Шем продолжал что-то говорить, но я не слышала, неслась, прыгая через ступеньки, в спальню. Маскарадный костюм из замка Ван-се-Росса?! С какого перепуга? Что этому семейству от меня надо? Сначала герцогиня Виктория дарит артефакт из личных запасов, затем вынуждает отпрысков сдувать пылинки. Теперь наряд на праздник, на который я не собиралась. Что эти чертовы герцоги задумали?!

Агния сидела на красной постели и терла сонные глаза. На мое появление отреагировала зевком и протянула без вдохновения:

— За тобой дух гонится? Опять влетел в окно?

— Где костюм? Маскарадный?

— В гар... гар... — Агния снова зевнула. — В гардеробной. Девочка со старшего курса — Милли Дорвис — велела собрать наряды вместе, чтобы опрыскать чароотталкивающей настойкой. На всякий случай.

— Идем!

— Сама дорогу найдешь, не заблудишься.

Но я схватила соседку за руку.

— Я понятия не имею, как выглядит костюм. А ты знаешь.

Агния не ожидала натиска и съехала на пол вместе с одеялом.

— Демоны с тобой, — проворчала она, поднимаясь.

Накинула поверх ночной сорочки халат с языками пламени на черной блестящей ткани и, не торопясь, поплелась следом. По дороге подмигнула парню, тащавшему в мальчишеский блок блюдо с бутербродами, стянула один и, не обращая внимания на протест владельца, принялась жевать.

— Еще бы кто кофе принес, — протянула Агния, заходя вслед за мной в гардеробную — просторную комнату с рядами вешалок, преимущественно пустыми. Полуцветы — не богачи, чтобы держать здесь одежду, не помещавшуюся в спальнях.

При виде наряда с герцогского «плеча», челюсть отвисла в третий раз подряд. Мне прислали костюм пумы! Бежево-рыжее платье с переливами — темное к низу, светлое кверху. Ворот почти белый, капюшон с ушками — серый, а прилегающая к костюму маска с вычерченным кошачьим носом — черная. Рукоятка еще одного атрибута наряда — пышного черного веера — сделана в форме когтистой лапы.

— Дорогой подарок, — протянула Агния многозначительно.

Сердце кольнуло. словно та самая пума впиалась.

— А у тебя какой костюм? — выдала я первое пришедшее на ум.

— Ящерицы, — скривилась подруга. — Красивый, конечно. Но... Папочка обожает позабавиться. Всегда шутил, что мне, как ящерице, всё нипочем. Даже если потеряю конечность, отращу новую.

Агния запнулась, сообразив, что я стою с открытым ртом. Она впервые заговорила о семье и упомянула отца, а они у большинства полуцветов отсутствуют, как вид.

— Итак, Ван-се-Росса, — бойко вернулась подруга к прежней теме. — Они — родственники?

— Нет, — отрезала я, ощупывая пояс, покрытый мехом.

— А иначе какой смысл тебя опекать?

— Хороший вопрос.

— Спорим, мэтр Эмилио — твой отец. По возрасту подходит.

— Глупости, — я отвернулась от треклятого костюма.

Демоны б побрали карнавалы с безудержным весельем и масками!

Но Агния не унималась, смотрела испытывающе глазами цвета перезрелых апельсинов.

— Ладно, — сдалась я, но лишь потому, что бесили предположения о родстве с герцогским семейством. — Я родилась после ночи на карнавале в замке Ван-се-Росса. Мой отец явился в костюме шута, мама не видела его лица. Но это точно не Эмилио. Средний герцог нравился ей в то время, его бы она в любом обличье узнала.

— Мать могла солгать.

— У нас нет тайн друг от друга.

Я примолкла, сообразив вдруг, сколько секретов от Ренет завелось за последние недели. Включая вгоняющие в транс голоса, странная «дружба» с колледжем и глупые мысли о красавчике Ульрихе Бернаруду.

— Ну, раз ты такая доверчивая, твое дело, — протянула Агния ядовито. — Однако помни, чужим ублюдкам не дарят фамильные амулеты и не презентуют наряды на праздники.

За три последующих дня я накрутила себя до умопомрачения и почти поверила, что Эмилио — мой отец. Но в вечер маскарада, стоя у зеркала в присланном Ван-се-Росса платье, отмела эту мысль, как безумную. Доказательство смотрело мне в глаза — светлокари́е, спасибо особенной настойке, прячущей на время «наказание» полуцветов. Никакого сходства с Эмилио. Вообще! А раз и на Ренет я не похожа ни капельки, значит, средний герцог тут ни сном, ни духом.

Платье пумы сидело идеально. Я в жизни не выглядела так сногшибательно и не чувствовала себя настолько уверенной. Губы сами расплывались в кокетливой улыбке. Хотелось кружиться и кружиться, танцевать до одурения, пока ноги не откажут меня держать. Позабыть о том, кто я есть. О том, что мне не место на балу.

Рядом хмурилась Агния, придирчиво рассматривая отражение в зеленом, закрытом до подбородка платье и черном парике, полностью скрывающем красные волосы, а с ними и огненную сущность. На мой взгляд, блестящий наряд чересчур облегал стройную фигуру подруги, выделяя каждый изгиб верхней части туловища. Но Агнии это шло.

— Пойдем, тебя Шем заждался, — объявила она, оторвавшись, наконец, от созерцания самой себя. — Жаль, я без пары. Но ничего. Найду кого-нибудь на балу. Позабавлюсь, дура полноценных.

Я подавила вздох. Вечер обещал быть длинным.

Шем ждал внизу. При полном параде. В компании бледного Лиана.

— Ого!

Ёж? Серьезно? Темный маг, напугавший полколледжа?

— Не нравится?

— Неожиданное решение, но тебе идет, — ответила я, разглядывая колючки на спине фальшивого ухажера. — Из чего они?

— Это кожа, а внутри опилки, — встрял Лиан. — А как вам мои рога?

Он принялся наклонять голову, демонстрируя атрибут оленьего костюма.

— Смотри, чтобы не поотшибали, — припечатала Агния и первая направилась к выходу.

— Не накаркай, — буркнул Шем. — Если нас раскроют, мало не покажется. Официально полупцветам запрещено приходить на маскарад.

Так и было. Старшекурсники предупредили, что полноценные, включая мэтров, закрывали на наше присутствие глаза. Но если кто-то попадался с поличным, позволив себя узнать, наказывали строго.

В коридорах пахло лесом. Не только благодаря ветвям с живой желто-красной листвой на стенах. Работала особая магия, призванная вдохнуть в праздник особую атмосферу. Мы поспешили смешаться с толпой, чтобы не привлекать ненужное внимание. Агния усккала вперед, блестящий зеленый наряд мелькал все дальше и дальше. Лиан плелся позади, шаркая башмаками-копытами. Шем вышагивал гордо, держа меня под руку, будто он властитель замка, а я — герцогиня.

На нас никто не обращал внимания, костюмы и маски прятали истинный облик, а настойка — треклятые глаза. Однако меня беспокоило тупое покалывание в груди, отдаваясь в такт шагам. Сегодня что-то случится. Я это чувствовала. Хорошее или плохое, предсказать не получалось, но точно судьбоносное. Эх, зря я выздоровела так рано. Лучше бы пропустила осенний маскарад.

В голове бабахнуло, ноги подкосились.

МАСКАРАД!

Я устояла лишь благодаря Шему, позабывшему о собственной неуклюжести. — Ты чего? — спросил он шепотом.

— Каблуки подвели, — соврала я.

В ушах зазвучал голос Элиаса.

«Это случится в ночь маскарада. Мы сами тебя найдем»

Ох ты, пропасть! Я совсем забыла об обещании младшего герцога втянуть меня в новые неприятности. Вместе с Рашель и Ульрихом. Сердце подпрыгнуло при воспоминании о старосте четвертого курса с яркими зелеными глазами. Но я мысленно чертыхнулась, прогоняя видение. Демоны с этими полноценными! Пусть ищут меня сколько угодно. В маскарадном костюме я сама себя не узнаю.

«Идиотка», — шикнул в ухо кто-то невидимый.

Я закусила губу. Конечно, идиотка. Наряд прислан из замка Ван-се-Росса. Элиас точно знает, как я выгляжу. Плюс он умеет находить любые потерянные вещи. В том числе, одушевленные.

— Пришли, — объявил Шем, заводя меня в праздничный зал.

В глазах зарябило от красок осеннего леса. Пол украшали нарисованная опавшая листва, стены — деревья в золотистых нарядах. Зеркальный потолок отражал это буйство, приумножая его. Но впечатлила не яркость, а габариты. Я ощутила себя муравьишкой в настоящем лесу. Гвендарлин, конечно, древний замок, но откуда столь огромное помещение? Здесь запросто вместятся четыре зала с Близнецами.

Я мысленно потянулась к карте замка в голове. Молнии отозвались, послушно побежали друг к другу, складываясь в классы, спальни и сектора. Ага, бальный зал. Но он обычный, вовсе не исполинских размеров. Поняла! Магия временного расширения! О ней на уроках рассказывал мэтр Дюваль. Просто, но грандиозно! Жаль, мою способность связываться с замком, так легко не объяснить.

Пары заполнили большую часть зала. Костюмы животных усиливали ощущение, что мы находимся посреди леса. Я залюбовалась танцующими учениками. Они кружились, сливаясь с музыкой, чувствовали ее, пропускали через себя. И не поймешь, что первично: мелодия или танцующие пары. Атмосфера праздника проникала в каждый уголок помещения, заполняла сердца, как сосуды. На мгновение в душу прокралась

зависть. Разве не здорово — быть частью всего этого? По-настоящему, а не мимоходом — под маской?

— Потанцуем? — спросил Шем, но дрожь в голосе выдала его с потрохами.

Он предпочел бы проторчать весь вечер у стены, нежели присоединиться к кружащимся по залу ученикам. Я искусством танца тоже не владела (пара комичных уроков дома с Ренет не в счет!), поэтому потянула «жениха» к диванчику в форме переплетенных веток. Захватила по дороге два бокала сока с подноса официанта и устроилась с удобством.

— Странно быть здесь, — пробормотал Шем. — Неуютно.

— Пожалуй, — протянула я, выхватив взглядом Агнию, кружащуюся с парнем в костюме волка. Подруга что-то вдохновенно щебетала ему на ухо, а он вел ее в танце, как дорожную вазу с рубинами или бриллиантами по бокам.

Шем усмехнулся.

— Хотя кто-то развлекается.

— Угу, — буркнула я осуждающе.

Шутки шутками, но сближение с полуцветами — не вариант для полноценных. Это еще хуже, чем выбрать ровню с несовместимой магией. А уж отношения на маскарадах...

— Почему ты отвалил от меня Кайла? — спросила я, отгоняя образы родителей: белокурой девушки в костюме, украшенном лилиями, и парня в маске шута.

— Кайл тебе неприятен, а мы — друзья, — ответил Шем простодушно. — Я видел, как он сегодня примерял костюм лиса, но ему больше к лицу образ свиньи.

Я хихикнула, чуть не расплескав сок. И припечатала: — С огромным пяточком!

Шем радостно закивал, рисуя в уме старосту с упомянутым «украшением», но заговорил о серьезных вещах.

— Кайл долго встречался с Милли Дорвис — своей однокурсницей. Но появилась ты, и он ее бросил. Решил, ты — выгодная партия. С такой-то силой. Я слышал, как он языком трепал перед парнями из наших. Мол, он — староста, быстро тебя завоюет.

— Чего?

Бокал в руке опасно накренился, а по телу пронеслась невидимая субстанция — та, что дома выжигала невинную траву. Представилась Милли. Миловидная пухлощекая девушка с волосами цвета соломы. Спокойная, улыбчивая. Неужели, я завела в колледже еще одного врага? В родном секторе? Врага, способного проникнуть в мою спальню?

— Забудь эту историю, — посоветовал Шем мягко. — Среди полуцветов тоже попадаются идиоты. К тому же, Кайл больше не проблема. Он вернулся к Милли. На маскарад они пошли вместе.

Я вытаращила глаза.

— Милли его простила?

Ну и ну! Я бы врезала. И не обязательно магическим способом.

— Простила, — кивнул Шем грустно. — А куда деваться? Полуцветы могут рассчитывать только на партию с себе подобными. Или жить в одиночестве. До конца дней. Милли решила, что Кайл — меньшее из зол. Наверное. Не может же она всерьез влюбиться в этого позера.

Шем издал тяжелый вздох, и его печаль передалась мне. Я почти перестала слышать оркестр, играющий у противоположной стены. Воздушный вальс зазвучал в некоем ином измерении. Прежде я запрещала себе думать о будущем. Понимала, пока жива Ренет, у меня будет дом, а все остальные варианты вычеркивала, не давая оформиться в голове во

что-то конкретное и пугающее.

Однако Шем прав. Полуцвета не ждет ничего путного. Ни в карьерном вопросе, ни в личном. Только и остается — связать жизнь с таким же презируемым всеми ублюдком и поселиться на отшибе. Но я не хочу подобной судьбы. У меня есть сила. А еще самолюбие, подаренное не иначе, как неизвестным папашей. Ренет-то у нас никогда ни на что не ропщет, радуется тому, что есть.

— Шем, я неправильный полуцвет. Мне хочется большего.

— Всем хочется, — успокоил приятель. — Мы же живые. А не марионетки, которых полноценные маги дергают за ниточки.

— А ты у нас, оказывается, философ, — превратила я серьезный разговор в шутку.

Но фраза потонула в громком смехе и нескольких растерянных восклицаниях. Девушка в костюме хищной птицы проявила «чудеса» неуклюжести. Проходя мимо нашего дивана, умудрилась споткнуться о собственный подол из перьев и свалиться прямо на обалдевшего Шема. Локоть больно ударил его в грудь, а вишневый сок залил светлое ежиное «брюхо».

Девушка вскочила и приложила руки к груди, невербально демонстрируя сожаления, а ее спутник-змея рассыпался в словесных извинениях.

— Какая досада! — восклицал он, размахивая руками. — Такая неприятность! Я провожу вас в умывальную комнату. Там есть мощный пятновыводитель. Обещаю, следа не останется!

— Сходи, — велела я Шему.

В самом деле, не разгуливать же по балюкду с уродливым бордовым пятнищем!

Но едва ёж и не прекращающий извиняться змея скрылись из виду, по телу прошел странный озноб. Под платьем отозвался трилистник, потеплел, предупреждая о неладном. Неужели, происшествие — не случайность, и Шем в беде?!

Стоп! Амулет Ван-се-Росса защищает не его!

Я вскочила с дивана и встретила взглядом девушкой в костюме птицы. Она стояла в стороне, расплывшись в улыбке победительницы. Сквозь прорези маски блеснули знакомые раскосые зеленые глаза.

Джемма!

Демоны! Меня нарочно оставили одну!

«Бежать!» — молнией мелькнуло в голове.

Подобрав длинный подол, я кинулась к выходу. Подальше от ведьмы.

Но не сделала и десятка шагов. Меня крепко схватили за талию.

— Куда торопитесь, леди Лилит? Вы должны мне танец, — проникновенно шепнул знакомый голос.

До боли знакомый голос. До тошноты!

— Ты!

О, да! Передо мной стоял Свен Фаули собственной персоной.

В костюме черного медведя!

— Негодяй!

Рука взметнулась для пощечины, но остановилась на полпути. Холодное лезвие коснулось левого бока. Закаленную сталь я почувствовала сквозь платье.

— Только дернись, — зашипел тот, кем я, как дура, любовалась пару месяцев назад. — Проткну. Твой кулон не поможет. Он отражает магию, а нож — обычный, зато очень острый, разрежет плоть, пискнуть не успеешь.

На глаза навернулись слезы беспомощности. Вокруг, словно в осенний листопад, кружились пары, но никто не замечал настигшей меня опасности. А, впрочем, разве б кто-то пришел на помощь, узнав, что я полуцвет? Музыка перестала казаться волшебной. Она гремела, как беспощадный гром, неся разрушения или саму смерть.

— Чего ты хочешь? — язык едва шевелился, а сила — моя хваленая сила — ушла в землю, словно влага в зной. Страх полностью поглотил мощь, не оставив и намека на былые возможности, выплескивающиеся на тренировках с Эмилио.

— О! Я жажду расплаты, полуцвет. Ты испоганила мне лето.

— Я не...

— Закрой мерзкий рот!

Пальцы Свена коснулись моей маски.

Я с трудом сдержала крик. Пропала! Негодяй раскроет мою личность! Посреди бального зала. На маскараде, где полуцвету находиться не полагается!

Но мольбы, завертевшиеся на языке, остались не озвученными. На помощь пришло самолюбие. Да, сегодня я потеряю слишком много. Но не позволю Свену унижить меня еще сильнее. Не доставлю удовольствия, прося о пощаде!

Маска медленно поехала вниз...

— Прошу прощения. Но леди-пума обещала мне танец.

Парень в костюме волка, что недавно кружил по залу с Агнией, склонился в поклоне.

Я вздрогнула, узнав голос Ульриха Бернарду. Острое лезвие разрезало ткань платья и царапнуло бок. К счастью, не сильно.

— Вы ошиблись, господин волк, — усмехнулся Свен. — Уходите. Мешаете.

Что стряслось дальше, я не поняла. Ульрих не издал ни звука, не шелохнулся, но, без сомнения, что-то сотворил. Магическое. Свен вскрикнул и уронил нож. Затряс рукой, с которой на осенний пол хлынула кровь. Обернувшиеся на шум ученики заохали, запричитали, требуя немедленно позвать целительницу Виэру. Я вытаращила глаза, взирая на ладонь злейшего врага. Нож разрезал плоть до кости!

— Идем, — шепнул Ульрих, воспользовавшись суматохой, и обхватил меня за талию. — У нас есть важное дело.

От поясницы до затылка прошла дрожь, дыхание участилось. Но я позволила парню с невероятными зелеными глазами вывести меня из зала — навстречу новым неприятностям.

Глава 11. Сокровище в стене

В коридоре Ульрих отпустил мою талию, но крепко сжал ладонь и повел в сторону зала, где хранились близнецы. Парень не назвал пункт назначения. Вообще не проронил ни слова. Я сама выяснила направление, потянувшись к карте из молний в голове. Пробрал озноб. Но я послала подозрения непроходимой топью. Да, мне обещали опасную вылазку. Но не самоубийцы же Ульрих с Элиасом, чтобы лезть к зеркалам.

Коридоры пустовали, весь колледж собрался в расширенном магией бальном зале. В отличие от ночи духа, сегодня на стенах горели факелы, освещая путь. Самые обычные, пропитанные жиром и смолой. Но мне чудилось, жар от них идет невыносимый. Или это рука Ульрих заставляла тело пылать? Спасибо, что на лице маска. Наверняка, щеки покраснелись, как у Дот во время готовки.

— Надеюсь, мы идем не в зал близнецов?

Я нарочно нарушила молчание. Пусть нагрубит, скажет гадость, демонстрируя отношение к полувцветам. Глядишь, это охладит мой пыл.

Но ожидания не оправдались.

— Конечно, нет, — ответил Ульрих без намека на агрессию.

Мы миновали бирюзовый коридор, свернули в фишашковский. В лицо дунул порыв ветра, огонь факелов заметался, словно зверь, жаждущий поймать добычу.

— Тьфу, Брайс! — выругался Ульрих. — Даже защиту поставить не может! Ловушка должна сообщать о приближении неприятелей, а не показываться им самим.

Он опустился на корточки и ощупал пол возле стены. Пальцы поймали нечто невидимое, потянули и зашевелились, словно плели веревочку из нитей. Я с любопытством наблюдала за действиями парня, ощущая, как с каждым его движением порывы ветра слабеют. Теперь он не дул, а нежно гладил лицо, всё тише и тише.

— Брайс — это...

— Брайс Райзен.

— Знакомое имя.

— Наверняка. Он постоянно влипает в истории. Прежде приходился лучшим другом твоему приятелю — Свену Фаули. Но перед каникулами они поругались. С тех пор не разговаривают. Недавно ситуация обострилась. Из-за белого шарика.

— Из-за шарика, — пролепетала я. — Ну да, ну да...

Твою ж, налево! Брайсу досталось от Рашель Фаули, решившей, что тот магией покалечил лоб дражайшего братца. А ведь постаралась-то я.

— Идём, — Ульрих поднялся и аккуратно расправил края отделанного мехом плаща. — Нас заждались.

О, да! Они ждали. Толпа полноценных в масках. В нескольких метрах от зала близнецов — в длинном коридоре с арками. Через них просматривалось просторное помещение на этаж ниже с неработающим фонтаном в форме кита посередине и кадками с цветами вдоль стен. Ученики разделились на две группы. В одной стояла дюжина магов — явно не первогодок. Я нутром ощутила их волнение, смешанное с предвкушением чего-то особенного. Во второй группе насчитывалось пять полноценных: белка, лось, коршун, енот и лиса. От них исходили уверенность и превосходство.

— Наконец-то, — заговорила лиса, и я узнала голос Рашель Фаули.

— Кое-кто никак не научится ставить защиту, — спокойно ответил Ульрих. — Пришлось исправлять.

Староста покосился на лося, но тот свел всё к шутке: игриво наклонил голову,

демонстрируя мощные рога. Рашель фыркнула, не одоблив подобного поведения, и отошла подальше от Брайса. Коршун предостерегающе кашлянул, призывая остальных к порядку и сдержанности. Ему не пришелся по душе разлад в маленькой группе на глазах остальных. Но еще сильнее коршун не одобрял присутствие полуцвета. Ткнул пальцем в мою сторону.

— Зря вы двое это затеяли и остальных втянули, — объявил он, поочередно посмотрев на Ульриха и енота.

Последний махнул рукой.

— С этим разберемся позже, — буркнул он голосом Элиаса. — Пора приступать.

Сердце на всех парах умчалось в пятки. Или коленки. Что эта толпа собралась со мной вытворить?! Но оказалось, моя нескромная персона пока никого не интересовала. Вперед выступила белка. В росте она уступала всем. Макушка едва доставала плеча Рашель, но двигалась девчонка бойко, чувствуя себя хозяйкой положения. Остановилась у стены напротив самой широкой арки. Постучала по камням когтистой лапкой, то есть, рукой в перчатке с особым «маникюром».

— Вы все прошли часть испытания, — обратилась девчонка ко второй группе. — Но это ничего не значит, пока не проявите себя на финальной стадии. Внутри стены спрятано сокровище. Достать его не дано никому из ныне живущих. Но благодаря заклятью, которое вы, надеюсь, выучили, к сокровищу возможно прикоснуться. Победит тот, кто опишет его наиболее детально. Начали!

Маги занервничали. Никто не торопился выступить первым.

— Ну же? — усмехнулась белка ядовито. — Вам расхотелось стать частью ордена?

Ордена?

Я поежилась. Это еще что за дурацкие игры? Тайное общество для избранных учеников, считающих себя исключительными? Неудивительно, что Рашель в него входит. И Элиас туда же! А вот Ульрих... Что ж, значит, и ему нравится выставлять себя выше других.

Странно, что Свена с Джеммой не взяли.

Храбрее всех оказался парень в костюме шакала. Широко шагая, подошел к стене. Вытащил из внутреннего кармана склянку с серебристой жидкостью, глотнул из нее и торопливо зашептал упомянутое белкой заклятье. На мертвом языке! Языке, что недавно использовала Летисия Дитрих, доказывая ученикам, что я — пустой сосуд. Значение сливающихся воедино слов вновь не укрылось от моего сознания. Шакал обращался к древнему колледжу, прося о милости и возможности прикоснуться к самым сокровенным местным тайнам.

— Я готов, — выдохнул он в завершении на языке обычном.

Выставил руку вперед и коснулся кончиками пальцев сырого камня. Мгновение, и ладонь почти полностью вошла в стену. Ученики возбужденно ахнули, а я чуть не топнула ногой с досады. Значит, не у меня одной получается «дружить» с Гвендарлин?!

Однако...

— Да чтоб тебя!

Шакал взвыл. Выдернул дымящуюся руку и затряс ею, запрыгав на месте.

— Ни черта ты не готов, — припечатал енот Элиас.

— Угомонись, темный, — осадил его белка и расправила плечи. — Следующий!

Не сложилось «дружбы» с колледжем и у двух других участниц странной церемонии — девчонок в похожих костюмах рысей. Одна расшибла руку. Второй повезло больше, пальцы вошли в твердую поверхность, как в подтаявшее масло. Но ненадолго. Обошлось без дыма, однако рысь долго дула на обожженную кожу, едва не плача от боли и досады.

Четвертая попытка удалась. Почти. Девушка-кобра понравилась каменной стене, рука нащупала сокровище.

— М-м-м... что-то мохнатое?

— Тьфу! — не сдержался коршун. — Сама ты...

Он покосился на гладкий костюм кобры и примолк.

— Следующий, — протянула белка с тоской.

Полноценные сменяли друг друга у стены — пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый — и всё та же история: дымящиеся пальцы, удары о камень и разочарование.

Участники таинственного ордена мрачно переглядывались. Чего бы они ни ожидали от испытуемых, результат не вдохновлял и откровенно тревожил.

— Тут что-то глиняное! — обрадовано объявил одиннадцатый участник церемонии — носорог. Голова упомянутого животного накрывала его собственную и выглядела зловещей, мертвой. — Погодите. Кажется, я нащупал рисунок. Ой!

Под пугающий скрежет парня отбросило прочь. Еще бы полметра, и улетел сквозь арку на этаж ниже. Бедняга застонал от боли. Подняться ему помогла кобра, что-то подбадривающее шепча на ухо.

— Ты последний, — сказала белка двенадцатому испытуемому — белому волку.

— Значит, мне повезло, — высокомерно ухмыльнулся тот. — Кто-то же должен сегодня пройти финальную стадию и примкнуть к ордену.

Он с деловым видом встряхнул кисти, разминаясь и упиваясь собственной уверенностью. Меня передернуло от отвращения. Позер чертов! Однако его рука вошла легко. Слишком легко. Как ни у кого другого. В коридоре повисла могильная тишина. Все ждали результата. Положительного результата. А как иначе? Кандидат, и правда, остался единственным.

— Ну-ну, — хмыкнул белый волк. — Так и знал, что это подвох. Внутри пусто.

Одиннадцать испытуемых выругались в унисон.

— Нечестно, — буркнула одна из рысей.

Ульрих, Элиас и Брайс хмуро переглянулись. Белка нервно мотнула головой, а коршун сплюнул на пол. Одна лиса Рашель не шелохнулась. Лишь взгляд устремился к древней стене, словно пытался заглянуть внутрь. Я невольно проследила за ним, всеми мыслями устремившись туда, где прятали мнимое сокровище. К пустоте.

Однако...

— Ты ошибся, — проговорил, наконец, коршун.

Я это тоже поняла. Потому что...

— Чушь! — сжал кулаки белый волк. — Вы — клоуны! Решили выставить нас идиотами?

Коридор наполнился недовольным шепотком.

— Там есть сокровище! — сердито высказала белка. — Не наша вина, что вы все не подошли.

— Правда? — белый волк шагнул ближе. — И что же это? Ну, говорите!

— Это кубок с выгравированной летучей мышью...

Не знаю, как так случилось, что я открыла рот. Посмела заговорить, произнести эти слова.

На меня уставились восемнадцать пар глаз. Пронзили насквозь, будто ядовитыми стрелами.

— От... откуда ты знаешь? — хрипло спросила белка.

Но мой язык прилип к гортани. До разума дошло, какую глупость совершила.

— Ты ей сказал?! — накинулся коршун на Элиаса. — Как ты посмел?!

Тот испуганно замотал головой.

— Нет. Клянусь! Я бы не...

— Ты? — коршун повернулся к Ульриху.

Староста четвертого курса гордо расправил плечи.

— С какой стати?

— Тогда как она узнала? — не унимался коршун. Спрашивать меня напрямую он явно считал ниже достоинства.

Элиас нервно потер лоб.

— Тео, мы же говорили, Лилит — особенная. Умеет разные штуки. С колледжем.

— Бред!

— Да нет же...

— Прекратите балаган! — прервал спор громкий окрик Рашель.

Она подняла руку над головой, напомнив Джемму перед нападением в коридоре и рикошета в Шема. Щелкнула пальцами и грозно приказала:

— Испытуемые, пошли вон! Живо!

Я ждала ропота. Или смешков. Особенно от белого волка. Однако все двенадцать учеников послушно развернулись и зашагали в такт. Словно увлекаемые единой силой. А, впрочем, так оно и было. Мощная магия гнала их прочь. Ее вибрация легко ощущалась в воздухе.

— Итак, — Рашель обвела строгим взглядом пятерых приятелей, когда шаги несостоявшихся участников тайного собрания стихли в глубине замка. — Какого демона тут произошло? Я не про эту дурочку, — изящный пальчик указал на меня. — Кто-нибудь объяснит, почему не сработало?

— Хороший вопрос, — озабоченно пробормотала белка. — В свитках сказано, что колледж ни разу не отвергал всех испытуемых. За всю историю существования ордена. Нас должно быть восемь.

Повисло молчание, наполненное тревогой. Игра — если это игра — значила для шестерки чертовски много.

— Я спрошу брата, — проговорил Элиас тихо.

— Мэтра? — ухмыльнулся лось Брайс. — Рехнулся?

— Эмилио четыре года был в ордене, — осадил приятеля младший герцог. — Два года руководил им. Он понимает важность нашего дела. Как никто.

— Не вздумай, — приказал коршун (Тео, как назвал его Элиас), и я поняла, что он тут главный. — А ты, — он повернулся к белке, — снова просмотри свитки.

— Но... — девчонка явно желала объявить, что и так знает их содержание, но Тео повторил с нажимом:

— Изучи еще раз, — он с ненавистью покосился на стену, где прятался кубок, и добавил:

— А теперь, леди и господа, объясните, как полуцвет решил нашу задачку?

Рашель показательно фыркнула. Элиас стащил маску с мордой енота, подарил первой красавице Гвендарлин сердитую гримасу и переключился на Тео.

— Как-как? Обратись к первоисточнику, — посоветовал насмешливо. — Лилит не кусается.

— Может, и так, но запачкаешься запросто, — бездарно сострил Брайс.

— Ты и без полуцвета с этим неплохо справляешься, — вставила Рашель, явно не померившаяся с парнем после истории с белым шариком.

— Хватит! — шикнула белка. — Допекли! Оба! Договорились же, в ордене никаких склок!

Рашель и Брайс промолчали. Смерили друг друга недобрыми взглядами и разошлись.

— Говори, полуцвет, — велела белка. Коротышка глядела снизу вверх, но голос звучал требовательно, властно. — Как ты узнала про кубок?

Элиас поспешно кивнул мне, мол, не трусь, в обиду не дам.

Я не трусила. Но чувствовала себя товаром дня на ярмарке, к которому прицениваются все, кому не лень. Взгляд Ульриха был самым... э-э-э... горячим.

— Я вижу кубок, — проговорила через силу. — Вот и всё.

— Сквозь стену? — уточнил Тео недовольно.

— Прямо сейчас? — вторила ему белка.

Я кивнула, уставившись в пол. Что теперь? Побьют? Магическим способом?

Нет. Не дамся. Да и Элиас не позволит. И Ульрих, наверное, тоже. Мне хотелось в это верить. Спас же он меня от Свена. Для дела, конечно. Но все же.

— Коснуться кубка сможешь?

Вопрос задал именно он. Мой сегодняшний герой.

— Не знаю.

Рашель засмеялась.

— Без заклинания? Ну-ну. Успехов полуцвету.

— Пусть попробует, — благодетельствовал разрешением Тео. Но всё тут же стало на свои места. — Поглядим, как колледж врежет ей за наглость.

Следовало остаться на месте. Отказаться. Но что-то заставило ноги сделать шаг. Один, другой, третий. Кубок манил внутри стены. Или же призыв посылали сами древние камни. Не глядя на полноценных, я остановилась напротив сокровища. Подняла ладонь, чтобы повторить подвиг испытуемых, просунуть ее к кубку. Почти коснулась пальцами стены, но передумала в последний миг. Под возгласы шестерки, раздвинула камни обеими руками.

— Так сойдет?

Я повернулась к ним, крепко держа треклятый сосуд с летучей мышью.

Вот вам и никто из ныне живущих!

— Убиться... — простонал Брайс, схватившись за голову.

— Я же говорил, Лилит — особенная! — возликовал Элиас и победно вскинул руку.

Остальные молчали. Переваривали мой безумный поступок. И наличие кубка в неподходящих руках. Жаль, под масками невидны лиц. Я бы насладилась растерянностью

учеников. Страхом. Потому что это, правда, страшно, когда тот, кто заведомо ниже вас, кто хуже грязи под ногами, способен на свершения, о которых вы не смеете мечтать.

Зато в моем случае, это чертовски приятно.

Плевать на последствия. Сейчас — в этот короткий миг — я чувствовала себя особенной.

Первой очнулась Рашель.

— Это иллюзия, — предположила она неуверенно.

— Возьми, — я протянула ей кубок. — Он настоящий.

Сестрица дражайшего Свена невольно спрятала руки за спину.

Ко мне шагнул Ульрих.

— Дай, — он вырвал пресловутый сосуд. Потряс его под внимательными взглядами остальных. — Тяжелый. И старый.

— Еще бы, — вставила белка. — Два века пролежал в стене.

Коршун Тео не выдержал. В один прыжок оказался перед Ульрихом и ощупал кубок.

— Не понимаю, — пробормотал он. — Как колледж мог открыться... э-э-э... этой...

— Не тот вопрос задаешь, — белка тоже коснулась кубка. — Важнее, как она добралась до сокровища без заклинания.

Вот теперь тишина стала мертвой. Будто коридор вместо магов заполнили статуи. Все звуки исчезли, ушли в древние стены. «Статуи» не шевелились, и все же мне чудилось, что я чувствую их сердца, наполненные ужасом. Именно чувствую, не слышу. Распознаю частые удары, улавливая вибрацию в воздухе.

Но оцепенение прошло.

Его спугнул ветер. Ударил в скрытые под масками лица, донес шарканье мужских ног.

— Ловушка сработала, — выдохнул Брайс, пятясь.

— Ш-ш-ш, — Тео поднял ладонь, призывая к молчанию.

Все нервно прислушались. К тяжелым шагам присоединилась рваная мелодия. Кто-то, ужасно фальшивя, насвистывал популярную свадебную песенку.

— Не может быть, — Рашель прижала ладонь ко рту, будто боролась с тошнотой.

Ульрих ударил кулаком о стену.

— Директор Бритт.

Я чуть не плюхнулась прямо на пол. Какая прелесть! Только главного мэтра Гвендарлин тут и не хватало! Доказывай, что не желала вытаскивать из вековых камней спрятанные сокровища!

— Валим, — застонал Брайс. — Живо!

— Без паники! — велел Тео. — Директор далеко. Ловушка в трех минутах отсюда. Та-а-ак. Он идет с западной стороны, отрезав нам короткий путь.

Мои колени повторно дрогнули. Ну, спасибо, орден! Или как там вас всех?

— Лилит! — Элиас подскочил ко мне. — Можешь открыть проход в стене? Как в ночь духа?

Я пожала плечами. — Не знаю.

— Еще не хватало — связываться с полуцветом, — скривилась Рашель.

— Твое право, — в тон ответил Ульрих. — Отправляйся в лапы Бритту. А мы с Элиасом рискнем. Ну?

Я не сразу поняла, что парень поменял собеседника и обращается ко мне.

— Так и будешь изображать жертву заклятья оцепенения? «Сам ты — жертва!» — выругалась я мысленно.

Но взяла себя в руки. Выброс черной магии здесь точно лишний. Ощущая кожей колючие взгляды, я осмотрела стену. Провела пальцами по холодным камням, примеряясь.

Уверенность в успехе отсутствовала напрочь. Разум советовал бежать, пока директор не оказался на критическом расстоянии.

Ульрих стоял совсем близко, почти дышал в ухо.

— Отойди, — велела я. — Нервируешь.

— Какие мы нежные, — бросила Рашель. — А Свен говорил, деревенщина деревенщиной.

— Зато ты утонченной некуда. Смотри совсем не истончись.

О, боги! Я снова открыла рот?! Спина покрылась липким потом от страха. Грубить любимице Гвендарлин при пяти свидетелях? Самоубийца! Ладно, при четырех. Элиас не в счет. Но от расправы всё равно не отвертеться. Наверное...

Дрожащие ладони сами вдавились в стену. От кончиков пальцев прошло знакомое тепло. Погладило затылок, расслабило узел в груди. Камни медленно поехали в стороны, обнажая тусклый синий свет. Расщелина увеличивалась, постепенно превращаясь в арку, за которой начинался тайный коридор.

Я не видела лиц полноценных. Но слышала дыхание. Не восторженное. Ещё чего! Но толика благоговейности в нем присутствовала. Этого не спрячешь.

— Издевательство, — прошептал Брайс обиженно. — Такой дар! И кому?

— Уходим, — скомандовал Элиас и подтолкнул меня внутрь.

Остальные не хотели следовать за нами. Не доверяли. Или считали ниже достоинства доверять полувцвету. Но ушей достигла знакомая свадебная песенка. Не принесенная ветром благодаря ловушке. Настоящая. Директор Бритт почти достиг зала с фонтаном. Еще чуть-чуть, и участники тайного ордена попадутся с поличным. А это в их планы не входило.

Стена сомкнулась, приняв последнего гостя — коршуна Тео. Он обернулся на прозрачную перегородку и протянул к ней пальцы. Но коснуться не рискнул.

— Она прозрачная только с этой стороны, — успокоил Ульрих. — Нас не видно.

— Угу, — буркнул Тео и ахнул, хлопнув себя по лбу. — Тайник остался открыт!

Полноценные вскрикнули в разнбой. Брайс сплюнул на пол.

— К чертям! — фыкнул Элиас. — Пусть сначала найдут причастных. Колледж испокон веков защищает орден.

— Хватит чертыхаться! — потребовала белка сердито. — Вам, темным, лишь бы призывать чертей да демонов.

— Кто виноват, что среди нас ты единственная светлая, — усмехнулся Брайс. — Гвендарлин предпочитает черную магию.

— Тихо! — пугающим шепотом призвал приятелей к порядку Тео. — Директор. Близко.

Все невольно отпрянули от прозрачной стены. Кроме меня.

Главный мэтр Гвендарлин шёл, не спеша. С видом истинного хозяина замка. Прежде в его облике я видела суровость и благородство, но сегодня выхватила нечто новое, тревожное. Седовласый мужчина с кудрей бородкой, насвистывающий песенку, напомнил вальяжного хищника, который лишь притворяется расслабленным. Он всегда готов к смертоносному прыжку, едва жертва окажется близко. В нем нет ни доброты, ни сострадания.

Заметит — не заметит?

Разумеется, первое.

Мэтр Бритт качнулся, песнь оборвалась.

— Проклятье! — простонал он, разглядывая открытый тайник метрах в десяти левее нашего укрытия. — Но как? Как?!

Полноценные не смели дышать. Мой страх притупился, я вновь ощущала расположение колледжа. Гвендарлин предпочитает темных? Отлично! Бритт — маг светлый.

Директор пошарил за пазухой, взмахнул рукой и к потолку взметнулись крохотные птички, словно золотые шарики с перышками.

— Передайте мэтрам, тайник духа открыт, — приказал Бритт. — Пусть перекроют окрестности бального зала. Туда направляются двенадцать учеников. Это испытуемые. Их надо задержать, а с остальных снять маски. Под видом чрезвычайных обстоятельств. Объяснение придумаем. Главное, выяснить, кого не хватает. Торопитесь!

Директор зашагал прочь. Быстро, уверенно, словно и не шаркал ногами несколько минут назад. Брайс застонал, как девчонка. Рашель покачнулась, чуть не рухнув на Ульриха. Тео стащил маску коршуна, словно она внезапно стала мешать. У него оказались острые черты лица, но не отталкивающие. Взрослые.

— Лилит, — Элиас схватил меня за локоть. — Ты можешь? Как в прошлый раз?

Я кивнула. Потянулась к карте, которая сама прокладывала кратчайший путь к бальному залу. Стены между помещениями расширялись, создавая магический синий коридор. Вот только... я увидела новые линии — золотистые, отделяющие пункт назначения от остального замка. Препграда! Нашему пути она не помеха, но...

— Дойти — не проблема. Но как мы выйдем на глазах у всех?

— С этим разберемся потом, — отрезал Ульрих. — Надо торопиться.

— А с кубком что делать? — встревожено спросила Рашель.

— О, боги! — вскричала белка. — И что вы, темные, на уроках по заклетьям и вспомогательной магии делаете?

Коротышка, прищурившись, посмотрела на кубок в руках Ульриха, что-то прошептала, и внушительный сосуд с треском сжался, превратившись в заколку с двумя нежно-голубыми камушками.

— Идем! — скомандовала белка, пристраивая украшения у себя на волосах.

Мы с младшим герцогом шагали впереди, ловко сворачивая то вправо, то влево. Я спиной ощущала нервозность остальных. Чем бы ни занимался орден, по головке за это мэтры не погладят. Наверняка, в процессе нарушен ни один десяток незыблемых правил Гвендарлин. Интересно, кто-нибудь поверит, что я в их рядах случайно? С другой стороны, это не они вытащили кубок из стены.

— Допустим, мы выберемся незамеченными, — шепнула я Элиасу. — Но испытуемые сдадут вас с потрохами. Ради собственных шкур.

— Не сдадут, — усмехнулся младший герцог. — Пойло, что они глотали, не способствовало успеху на испытании. Это зелье забвения. Стирает из памяти всё, что связано с орденом. Древний рецепт, противоядия не существует.

— Но зачем...

— Принимать его перед попыткой засунуть руку в стену? — усмехнулся Элиас. — Потому что по своей воле никто не согласится. Приходится хитрить. Зелье действует не сразу. Нужно активировать его в течение суток особым заклятьем. Рашель сделала это, отправляя олухов прочь. Мы умеем подчищать за собой. Хм. В большинстве случаев.

— Но мэтры тоже не идиоты.

— Нас охраняет мощнейшая магия, Лилит. Большинство мэтров понятия не имеют, с чем имеют дело, а посвященные никогда не предадут орден, пусть больше и не входят в него.

— Твой брат?

— Да. И Дитрих.

Я споткнулась. Дитрих? Ого!

Эта магиня — кладезь сюрпризов.

— Хорошо болтать, — приказал позади Тео. — Лучше озадачьте мозги насущной проблемой.

Остаток пути прошли молча. Я ловила себя на мысли, что происходящее напоминает сон.

В самом деле, неужели, я утерла носы полноценным и стала соучастницей преступления, ради раскрытия которого директор Бритт готов сорвать со всех маски?

Маски?! Ох! Там же Шем, Агния, Лиан и остальные полуцветы! Им запрещено посещать маскарад! А, значит, пиши пропало...

— Это то, что я думаю? — осведомился Элиас нервно, указывая пальцем на золотистую дымку в оливковом коридоре снаружи.

— Да, преграда, — ответила я сердито. Душа разрывалась от обиды за собратьев, попавших под раздачу ни за что.

Внутри особой дороги ничто не мешало идти дальше, и я прибавила шаг под учащенный стук сердца. Вот и коридор, который мы с Ульрихом покинули вечность назад, и дверь в бальный зал, прекрасно видная через прозрачную стену. Здесь не выйти. Алакс Риц с приподнятой маской оленя (хватило наглости выбрать благородное животное!) говорил с Дитрих, облачившейся в костюм птицы с золотистым оперением.

— Поздно, — простонал Брайс.

Навстречу Рицу с Дитрих шагал директор Бритт в компании других мэтров. Плащ парусом развивался за спиной, делая фигуру пожилого мэтра значительнее.

— Пора, — объявил он воодушевленно. Разве что руки не потер в предвкушении.

— Директор, вы уверены, что стоит... — вставил Эмилио Ван-се-Росса, которому очень шел образ горносталя.

Бритт не удостоил среднего герцога ответом и рывком распахнул дверь в зал. Музыка мгновенно стихла, оставив недовольный ропот, но и он растворился, едва ученики сообразили, кто стал причиной окончания вечеринки. Мэтры последовали за директором, и у нас появился шанс выскочить в коридор и прокрасться в зал, воспользовавшись суматохой. Но в последний момент в коридоре осталась леди Сесиль в идеально подходящем костюме вороны.

— Старая ведьма! — выругался Тео.

— У меня идея! — радостно оповестила всех белка. — Только Брайсу придется получить по физиономии. От Рашель.

— Чего? — спросили упомянутые члены ордена в один голос.

— Ваша ссора никого не удивит, — пожала плечами белка. — Элиас, у тебя осталась хлопущка скунса?

— Да, но вонь будет стоять страшная.

— То, что надо. Отдай Брайсу. Взорвет в ответственный момент.

— Но... — воспротивился тот.

— Хочешь отвечать за скунса? Или за орден?

Брайс чуть не рычал от обиды. Но отвечать за орден явно не желал.

— Ладно. Должна будешь по гроб жизни, Юмми Свон!

— Мне тоже, — вставила Рашель.

— Договорились. Теперь надо подойти вплотную к залу. В смысле, стена к стене.

Белка, которую за вечер впервые назвали по имени, обращалась ко мне, но не прямо, а будто ко всем сразу.

— Без проблем, — буркнула я.

Достали! Будто это мне требовалась помощь, а не им.

Пришлось сделать крюк, но время в запасе оставалось. Директор, встав в нескольких шагах от входной двери, произносил речь. Нёс ахинею, объясняя, что неизвестные ученики вскрыли кабинет мэтра Рица, украв личные ценности, и виновных следует непременно призвать к ответу. Он-де сожалеет о крайних мерах, но ввиду дороговизны пропавших предметов вынужден к упомянутым мерам прибегнуть. Гости маскарада не обрадовались новости, зал наполнил недовольный шепоток. Похоже, не только полуцведам не улыбалось раскрываться личности. Маски многих сегодня сподвигли на «приключения».

— Начинайте ссориться, — велела белка, поднимая руки над головой.

— Плохая идея, — пробормотал Ульрих. — Магию Юмми могут распознать.

— Ни за что, — ответил Элиас шепотом. — Директор не поверит, что его любимица в ордене.

Рашель встала напротив Брайса, закрыла глаза, вспоминая причиненные обиды. Удалось на славу, ибо завопила сестрица Свена так, будто парень проклял ее род до седьмого колена.

— Да пошел ты, Брайс Райзен! Никчемный кретин! Криворукий недоумок!

Пальцы Юмми задрожали, и мы, как наяву, увидели ссорящуюся парочку посреди бального зала. Во плоти! Хотя оба, по-прежнему, стояли рядом за призрачной стеной.

— Давай, — шепнула Юмми Брайсу.

— Сама дура! — заорал он на Рашель. — Получи!

Хлопущка ударилась об пол. От грохота заложило уши. А нос... о, боги! Подобного запаха мне встречать не доводилось. Даже когда у Дот протухла забытая в сенях рыба. Мы кашляли, едва стоя на ногах. Задыхались. И не мы одни. Юмми непостижимым образом переместила запах и наружу. Участники маскарада согнулась пополам.

— Давай же, Лилит! — хрипло потребовал Элиас. — Твой черед.

Горло разрывалось, руки дрожали. Но я сдержала приступ тошноты. Раздвинула камни, сломав пару ногтей, и первой свалилась на осенний маскарадный пол. Сверху плюхнулась Рашель и торопливо откатилась, будто прикосновение к полуцвету могло наградить неизлечимой хворью. Следом, сотрясаясь от кашля, выбрались и остальные. На нас никто не обращал внимания. Ни ученики, ни преподаватели. Зал окутала плотная

серая дымка. В двух шагах ничего не разглядеть.

— Закрывай проход! Скорее! — потребовал в ухо Элиас.

Они с Ульрихом подняли меня на ноги и поставили вплотную к арке. Серый зловонный туман поселился и в голове, но я положила ладони на камни и героически вернула их на место. Последним, что я увидела перед тем, как повторно грохнуться на пол с нарисованной желто-красной листвой, стал Элиас. Он провел ногтями по обеим щекам, оставляя кровоточащие царапины.

Понадобится объяснение, — сказал он Ульриху. — Испорченному маникюру Лилит.

Глава 12. Белка в колесе

— Нудятина, — пробурчала Агния, протыкая ткань иглой с таким видом, словно вознамерилась заколоть кого-то насмерть.

— Ты прежде никогда не вышивала? — спросила я с легкой усмешкой.

Признаться, я сама ненавидела корпеть над пальцами, но под чутким руководством тетки Дот овладела сим искусством в совершенстве.

Агния фыркнула.

— Ещё чего! Меня учили другим полезным в хозяйстве вещам. Охоте или... — она запнулась и, сделав пару поспешных стежков, укола палец до крови.

Крупные алые капли испортили и без того невыдающуюся работу. На радость леди Сесиль, неустанно курсирующей между хмурыми ученицами. Воспитательница на обещанных особенных занятиях не стеснялась в выражениях и радовалась любой возможности поупражнять горло.

— Никчемный полуцвет! — обрушилась она на Агнию.

Не в прямом смысле обрушилась, разумеется. Нас, как и на других уроках, отделяла от остальных защитная магическая стена.

— Полюбуйтесь на эту бестолочь! Она даже иголку в руках держать не умеет. Полагаешь, что достойна большего, полуцвет Бэртон?

— Почему нет? — не сдержалась Агния под возмущенные возгласы полноценных девиц.

— Неделя отработки у мэтра Шаадея! — объявила леди Сесиль и показательно замахнулась указкой. Стену пробить та не могла, но жест выглядел обидно.

Агния мстительно посмотрела вслед воспитательнице, словно прицеливалась, с какой стороны ее удобнее поджарить, а я покачала головой.

— И чего ты добилась?

Подруга отбросила прочь злосчастные пальцы.

— Плевать. Старая перечница даже не педагог. Ты в курсе, что ее родители — простые крестьяне? А ведет себя, как герцогиня.

Я вновь призадумалась о тайнах происхождения Агнии, но отринула неуместные мысли.

— Здесь у леди Сесиль реальная власть. А у тебя нет. Смирись, если не хочешь поселиться у мэтра Шаадея до выпускного бала.

Агния скривилась, а я задним числом отругала себя. Зря упомянула бал. Прошло четыре дня с вошедшего в историю маскарада, а колледж до сих пор стоял на ушах. Не удивительно. Хлопушку скунса в замке до конца времен не забудут. На ее фоне странное требование директора снять маски меркло и не казалось чем-то из ряда вон.

У подруги имелся и личный повод для расстройства. На маскараде она пользовалась успехом, двое полноценных парней едва не подрались в споре за танец с таинственной незнакомкой. Но — спасибо Бритту — выяснилось, что сыр-бор разгорелся из-за полуцвета, и скандал вышел на новый виток. Ученики помирали со смеху, а драчуны ходили по замку красные от стыда и грозились поквитаться с нахалкой Агнией.

Сорванные маски не прошли даром и для остальных полуцветов. Нас наказали, велев месяц не покидать родной сектор в свободное от занятий время. Но учитывая, что мы и так лишний раз не высывались, директор Бритт добавил дополнительную экзекуцию: нас отправили убираться в пострадавшем бальном зале. Своими руками. Без заклятий. Тошнотворный запах вьелся в стены и «удовольствие» вышло отменным.

Успокаивал лишь тот факт, что нам в компанию отправили зачинщиков скунсовой атаки

— Брайса Райзена и Рашель Фаули. Сестрица дражайшего Свена едва не теряла сознание от вони, но самозабвенно терла пол тряпкой, явно мысленно уговаривая себя, что это наказание лучше другого — за членство в ордене. Брайс явился в знакомой маске лося. Но мэтр Дюваль сорвал ее и наградил парня звонким подзатыльником. Я, наконец, смогла разглядеть его внешность. Ну-ну. Тот же типаж, что у Свена: белокурый, утонченный, знающий себе цену.

Я ожидала и персонального наказания — за «расцарапанные» щеки Элиаса. Но его не последовало. Не считая внезапно прекратившихся занятий с Эмилио. Не обиделся же средний герцог, в самом деле? Зато Шем точно оскорбился — из-за моего внезапного исчезновения с бала. Пришлось соврать, что пряталась от назойливого ухажера из полноценных. Ложь терзала душу не хуже когтей Тиры или Урсула, но об ордене и вытащенном из стены сокровище приятелям не расскажешь. Я доверяла им. Но не настолько, чтобы посвящать в столь странные секреты.

За четыре дня, не считая совместной уборки с Рашель и Брайсом, никого из странного сборища я не видела. Варилась в собственном соку, сильнее тревожась. Некстати вспоминалось выражение лица директора Бритта, когда он обнаружил открытый тайник, панику в голосе и желание вычислить виновника любыми средствами.

— Заснула? — Агния подтолкнула меня в бок, покосившись на идеально вышитые маки. — Пытка закончилась. Леди-зануда ушла.

— Подумаешь, — отмахнулась я. Сегодняшний день тянулся, как никогда медленно. — У нас еще два урока: вспомогательная магия у Шаадея и политический уклад у Рица.

— Угу. Опять нудятина.

— Давай еще и этих мэтров разозли. Добавят недельку увлекательного потрошения склизких жаб или угрей, — я убрала неоконченную работу в сумку. И чего, спрашивается, старалась? Всё равно никто не похвалит. Уж точно не леди Сесиль, кудахчущая над уродливыми вышивками полноценных девчонок.

В коридоре Агния припустилась, словно за нами гнался настоящий скунс, и мы достигли кабинета Шаадея за считанные минуты. Друзья-полуцветы уже поджидали за партами.

— Нас прогнали с особого занятия, — пожаловался Лиан. — Сегодня была верховая езда. Риц сказал: ему некогда следить, чтобы полуцветов не скинули с лошадей. Без нас забот хватает. Не честно! Я верхом с начала учебного года не ездил.

Шем крикнул. Ему не улыбалось не только падать с коня, но и вообще к нем подходить.

— Да, обидно, — посочувствовала Лиану Агния. — Я бы тоже не отказалась от конной прогулки. Дома каждое утро каталась. До завтрака.

Я закатила глаза. Ох уж, эта Агния! То кроется, изображая глухоту и немому, то козыряет положением не к месту. Я тоже не делаю происхождение всеобщим достоянием. Просто молчу, и все дела. Шем заметил мою реакцию на слова подруги и подарил понимающую улыбку. Ему не нравилось, что Агния и Лиан считали себя особенными.

— Что это? — я заметила на столе две цепи толщиной в три пальца — одну на моей стороне парты, другую — напротив Шема.

— Наверное, Шаадей устроит практическое занятие, — нахмурилась Агния. — Говорила же, нас ждет очередная нудятина.

— Зря ты так. Вспомогательная магия полезна. Может пригодиться. Особенно нам.

— Когда применишь чужеродную магию Шаадея для реальной защиты, буду должна тебе золотой, — поддела подруга.

В ядовитом замечании Агнии присутствовал резон. Урокам вечно растрепанного мэтра полагалось приносить пользу. Но пока никто из класса не показал прыти на практических занятиях. Разве что Шем как-то раз подпалил яблоко, которое требовалось разрезать силой мысли.

— Начнем!

В кабинет влетел Шаадей в перекосившемся сюртуке из-за неправильно застегнутых пуговиц. Мэтра не волновал ни собственный внешний вид, ни готовность учеников к уроку. Терпение он терял редко. Но если это случалось, наказание нарушитель запоминал надолго.

— Сегодня вы попробуете применить заклятье, разрушающее чужую магию. На цепи наложены чары прочности. Но те из вас, кому хватит ума внимательно послушать, легко с ними справятся. Нужны лишь концентрация и хорошее воображение. Итак...

Мэтр объяснил, что самое главное — в деталях представить, как звенья цепи разлетаются. Затем сжать кулак до боли, выждать несколько секунд, прошептать «растворись» и резким движением разжать пальцы в направлении цепи.

Класс наполнило шипение. Буква «с» в упомянутом слове множилась с каждой попыткой сладить с несговорчивыми цепями. Никто не преуспел, и обозленные ученики напоминали вставших в стойку змей. У нас — за магическим занавесом — тоже царило «веселье». Лиан, вытянув шею, гипнотизировал цепь взглядом, но, скорее, умоляющим, нежели требовательным. Шем превзошел всех по воспроизводству шипящих звуков. А Агния...

— Да ну к черту! — разъярилась она и взмахнула руками.

В цепь ударило пламя, но скрикошетило, обожгло пальцы огненной девчонки. — Мерзость! — объявила она, дуя на пострадавшую кожу.

— Держи, — будущий лекарь Лиан вытащил из школьной сумки пузырек с лечебным кремом. — Он от ран, но и от ожогов поможет.

Мэтр Шаадей заметил приключившийся казус, но, к счастью, обошелся без дополнительных экзекуций. Лишь головой негодуя качнул.

Я с обидой уставилась на цепь. Что за напасть? В отличие от других учеников, я жажду овладеть вспомогательной магией. Но результат, как у всех. Нулевой!

— Давай же. Давай!

В мыслях звенья цепи легко распадались с металлическим лязгом. Или ржавели на глазах, превращаясь в прах. На деле же стойко изображали неподвижность. Ни намек на шевеление. Я прищурилась — так, что глаза заслезились. Сквозь пелену почудилось, что цепь дернулась. Но, увы. Уловка не сработала. Цельность противницы не нарушилась.

— Надеюсь, Риц не устроит ничего практического, — устало процедил Шем в конце урока Шаадея. — Иначе я последую примеру Агнии, но подпалю кого-то одушевленного.

— Отлично, — плотоядно улыбнулась наша подруга. — Составишь мне компанию за потрошением жаб!

Верный себе Риц воздержался от практики. Его «конек» — словоизвержение, бесконечная болтовня с выражением, придыханием и неуместными паузами. Полноценные глазели мэтру в рот, поддерживая атмосферу театральности. Но вовсе не потому, что речи Рица вдохновляли. Все знали о его жажде восхищения, как и о мстительности. Предпочитали не нарываться. На наш угол мэтр никогда не смотрел, и изображать подобострастность не требовалось.

Как ни странно, сегодня я заинтересовалась уроком. Риц рассказывал о влиятельном клане огневиков, с которым никто не рисковал связываться. Из-за невероятной силы и жестокости.

— Их фамилия Темнопламень. Они не местные. Прибыли в Многоцветье из-за моря два века назад. В то время богатством не обладали. Но благодаря мощи добились и влияния, и положения. А несколько выгодных браков значительно улучшило материальное положение клана. Особенность семьи в том, что вред им способен нанести только огонь кровных родственников. Любое другое пламя не оставит на теле следа.

Полноценные вытаращили глаза. Никто прежде не слышал о подобном.

— Не твои родственники? — шепотом спросил Агнию Лиан.

— Вот ещё! — фыркнула та. — Я, по-твоему, жестокая?

Лиан покраснел, а мы с Шемом переглянулись. Нет, Агния, конечно, не жестокая. Но характер не сахарный. Кто знает, чем в будущем обернется извечное недовольство и привычка язвить?

— Глава семьи Темнопламень входит в совет Многоцветья — высшей власти страны, — продолжил Риц. — Он единственный из советников, кто не обладает герцогским титулом. К слову, в совете есть еще одно исключение? Кто-нибудь знает, какое?

Девочка с жгучими черными косами вскинула руку.

— В совете есть женщина. Единственная на всю страну. Виктория Ван-се-Росса.

— Верно, — похвалил Риц ученицу.

Я вытаращила глаза. Госпожа в совете Многоцветья?! Ну, дела!

Живя в родном герцогстве, я не интересовалась политикой. Зачем сие полуцвету, которого даже учиться не брали? Слышала только, что есть такой совет. В основном же каждое герцогство само по себе. У кого-то больше влияния, у кого-то меньше. Лишь, оказавшись в колледже, я узнала, что совет решает глобальные вопросы, а его власть столь сильна, что решения не обсуждаются. Следовало, конечно, догадаться, что Ван-се-Росса в него входят. Но одно дело Эдвард. Другое — Виктория. Вот и ответ — кто у них глава семьи!

После урока Рица Агния попросила зайти с ней в библиотеку, чтобы пополнить запасы развлекательного чтения. Вздорная подруга обожала сентиментальные романы. Читала их втайне от всех. Я стала исключением. Трудно сохранить секрет, живя в одной спальне. Впрочем, моя осведомленность приносила Агнии и пользу. Ходить по замку за новыми книгами лучше с другим полуцветом, а не в одиночку.

Сегодня я с удовольствием составила подруге компанию. Пока она придирчиво перебирала карточки с названиями книг, я обратилась к хозяйке библиотеки леди Филомене — тощей даме в летах с белоснежным каре. После загадочных происшествий меня заинтересовала история Гвендарлин. Вдруг удастся почерпнуть что-то полезное из книг.

— Я слышала, мэтр Дюваль еще не преступил к спецкурсу по истории колледжа, — сурово отчеканила леди Филомена в ответ на мою просьбу.

— Верно, — я едва не попятилась. Библиотекарша всегда смотрела так, словно ученики виновны во всех смертных грехах. — Но мне интересно. Для себя.

— Для себя? — переспросила дама, будто сомневалась, что полуцвет способен чем-то интересоваться. — Ну, хорошо. Заполни читательскую карточку.

Она ушла недовольная, а, вернувшись, подала увесистый том с таким видом, словно боялась, что назад его не получит. Но я не собиралась отказываться от добычи. Правда, пришлось призвать на помощь всё самообладание, чтобы не тряслись руки, пока книга укладывалась в школьную сумку. Не ровен час, обвинят в неподобающем отношении к библиотечной собственности.

По дороге к родному сектору Агния блаженно улыбалась, предвкушая приятный вечер за чтением. Уроков сегодня почти не задали, а наказание у Шаадея ей предстояло отбывать с завтрашнего дня. Я немного завидовала настроению подруги. Да, у меня тоже есть, что почитать, но положительных эмоций это вряд ли прибавит. Колледж, с историей которого предстояло познакомиться поближе, дважды выручал из патовых ситуаций, однако душу грызли сомнения. Вдруг за помощь древнее строение возжелает получить что-то взамен. Я не верила в бесплатные дары.

— Эй, ящерица!

Да-а-а-а. Директор Бритт поступил крайне недальновидно, рассекретив личности полуцветов на осеннем маскараде. Позади нас стоял парень с гривой серебристых волос и выделял странные фокусы руками. Глаза блестели от предвкушения. Планка мстительности этого полноценного поднялась выше башен Гвендарлин.

— Э-э-э.... - растерянно пролепетала обычно уверенная в себе Агния.

Я ее понимала. Не пламенем же обороняться.

— Прекрати сейчас же, Тим!

К парню, сжав кулаки, кинулась низкорослая девушка с русыми косами вокруг головы. Я ее помнила. Стояла рядом с ней на встрече первого рассвета года. Тогда она качнулась, желая отстраниться от меня.

Больше мы не встречались. Но ее голос...

— Я сказала — не смей колдовать вне урока!

Ух, ты! Юмми! Белка из ордена!

Она почти достигла мстительного ухажера Агнии, но...

— Получи, полуцвет!

Серебряный вихрь рванул, как ураган, вознамерившийся потрепать крыши и поля. Агния инстинктивно прикрылась руками. А я вспомнила младшего герцога, отпрыгнувшего от заклятья ведьмы на постоялом дворе, вцепилась в подругу и дернула ее в сторону.

Не сработало. Хитрый заряд изменил направление. Еще секунда и...

Но Агния слишком близко стояла ко мне. Настолько близко, чтобы среагировал защитный кулон клана Ван-се-Росса.

Увы, пакостника Тима с серебристыми патлами реакция тоже не подвела. Он ловко распластался на полу, и треклятый заряд ударил в Юмми.

— Проклятье, — простонал полноценный, глядя вверх.

Еще бы! Девчонка из ордена парила под потолком внутри странной конструкции, напоминающей колесо. Но не обычное. Магическое. По его краям бежали тоненькие молнии. Но самое худшее — гадкое приспособление крутилось. Юмми приходилось шустро перебирать ногами, чтобы не свалиться.

Истинная белка в колесе!

Тьфу ты, пропасть!

— Освободи её! — заорала я полноценному.

Но он замотал головой. Не из вредности. В глазах отражалась паника. Он понятия не имел, как исправить собственную пакость.

— Помогите! — завопила белка истошно.

Колесо закрутилось сильнее. Девчонка едва успевала бежать. Но кроме никчемного мальчишки, Агнии и меня в коридоре никого не было. Подруга растерянно прижалась к стене, зараза Тим пополз прочь, а я...

Что там говорил Шаадей? Концентрация и хорошее воображение?

Сжать кулак, в деталях представить, как цепь, то бишь, колесо разле... исчезает. И прошептать «растворись».

Самое время проверить прием вспомогательной магии. Белка споткнулась на бегу и с визгом крутанулась вместе с колесом. Молнии заискрили, угрожающе затрещали.

Мои пальцы разжались.

«Раство...» — начал разум.

— Ван-гна! — вырвалось изо рта.

БУМ!

Мерзкая магическая конструкция разрушилось, распалась на кусочки, которые тут же погасли, как падающие звезды. Юмми бы тоже упала. Из-под потолка. Чертовски больно! Но что-то остановило ее падение. Опустило на пол мягко. Растрепанную. Со слезами ужаса и обиды в огромных серых глазах.

Я обернулась. Позади стоял бледный Ульрих.

— Убью Тима, — прорычал он, опуская руки после магического паса.

— С-с-сволочь, — прохныкала Юмми.

Я завертела головой в поисках организатора бедлама, но того и след простыл. Гад!

Ульрих достал из-под мантии кружевной платок с буквой «Б» и протянул Юмми.

— Неплохо ты ее вытащила, — сказал он мне. — Правда, о приземлении не подумала.

— Не подумала, — развела я руками. — Только о молниях в колесе.

Белка вытерла слезившиеся глаза. Посмотрела на меня хмуро.

— Спасибо.

Я подумала, что ослышалась. Но нет. Полноценная девчонка однозначно произнесла это важное слово. Слишком многозначительное, учитывая, кто я, и кто она.

— Значит, ты знаешь мертвый язык? — заговорила Юмми более уверенным тоном.

— Мертвый? — переспросила я, сделав шаг назад.

О, да! Я знала его. Точнее понимала общий смысл, но не значение отдельных слов.

— Ты же сказала «растворись» на мертвом языке. Ван-гна. Хотя чему я удивляюсь. Тебе полагается его знать, раз в ночь маскарада ты...

Ульрих предостерегающе кашлянул и едва заметно кивнул на Агнию.

Подруга предусмотрительно молчала. Но открыть рот ей мешало исключительно присутствие полноценных. Судя по горящим глазам, приобретших оливковый цвет, позже нам предстоял обстоятельный разговор.

— Будем вызывать мэтров? — спросил Ульрих Юмми.

Та закатила глаза.

— Представляешь, какая шумиха поднимется? Нападение на полуцвета из-за осеннего маскарада, точнее из-за «гениальной» затеи директора с масками. Рикошет в старосту. И вообще, не надо мне такого счастья. Сами с Тимом разберемся. У нас есть право. Впрочем, можно и без права паразиту накостылять.

— Это говорит лучшая ученица Гвендарлин. Светлая. И староста в придачу, — съязвил Ульрих, но без яда.

— Ладно, — Юмми расплылась в хитрой улыбке. — Накостыляешь ты. Я понаблюдаю.

— Договорились.

Ульрих подошел к нам. Точнее, ко мне. Остановился аккуратно напротив. Считал Агнию недостойной? Или же выделял мою нескромную персону?

— О происшествии ни слова. Ясно?

— Угу, — выдавила я с трудом.

Накрыло основательно. Ульрих стоял так близко. Слишком близко. Вспомнилась картина, увиденная глазами Урсула. Средний герцог Ван-се-Росса и Дитрих. Резкое движение к стене и безудержный поцелуй. Но я представила не их. Вместо Эмилио воображение нарисовало Ульриха, а вместо Летисии...

По телу прокатилась волна мурашек. В животе ухнуло.

— Ну, мы... это... пошли? — язык едва справился с коротким вопросом.

— Идите, — Ульрих смотрел прямо в глаза, демоны знают, какого цвета.

А я тонула в его насыщенной зелени, больше свойственной полуцветам, нежели полноценным. Спасибо Агнии — дернула за рукав и потянула к родному сектору. Но ноги едва слушались. По дороге я споткнулась трижды.

Да что за чертовщина со мной творится?! Почему история со Свенем не послужила уроком? Почему я собственными руками рою себе очередную яму?

Всё! Нужно заканчивать с мыслями о полноценном мальчишке!

Ясно тебе, Лилит София Вейн? Ты полуцвет. Для таких, как Ульрих, в лучшем случае, ты

— развлечение и объект для злокозненных выходок. В худшем — мусор. Грязь, в которой и подошвы запачкать противно.

Тело запылало от гнева. Даже уши стали горячими.

Отлично! Зато я знала, о чем думать на ближайших тренировках с Эмилио. Знатный черный дым получится...

— Итак? — Агния уперла руки в бока, едва мы добрались до спальни. — Какого черта?

— О чем ты?

Признаю, попытка отвертеться выглядела бездарно. Но в голову не приходили ответы. По крайней мере, вразумительные и логичные.

— О маскарade и мертвом языке! Что мы пропустили?

Перед глазами встал кубок, веками хранившийся в стене, и директор Бритт, отправляющий пташек с сообщением для других мэтров.

— Ничего особенного.

— Лгунья!

Глаза Агнии из оливковых превратились в черные. Зрачков не разглядеть. Не девушка, а демон, выбравшийся из недр земли. Но я-то не из пугливых.

— Ничего особенного, — повторила с нажимом. — Повздорила с сыном наших герцогов. Он неудачно пошутил о моем костюме. Ты же слышала, я ему лицо ободрала. Тогда-то и брякнула гадость. Оказалось, на мертвом языке. Это случайность.

Подруга села на кровать, сложив руки на груди.

— Лилит, ты сама себя слышишь? Случайность? Как и сегодня?

— Да, — убедительность вранья не выдерживала критики, но я уперлась рогом.

Агния снисходительно хмыкнула.

— Что вы с родственничком не поделили на самом деле?

К щекам хлынул жар.

— Элиас мне не...

— Тогда с какой стати он вьется вокруг тебя вместе со всем семейством? Не замуж же тебя собираются за него отдать.

Я физически ощущала, как краснота расплзается по лицу.

— Хватит! — велела я, стремясь стереть выражение превосходства с лица огневички. — Замолчи!

Осточертела ее уверенность в моем кровном родстве с кланом Ван-се-Росса.

— Я замолчу, когда...

— Нет! — я угрожающе нависла над подругой. — Ты замолчишь сейчас! Не тебе лезть в мою жизнь, ясно?! Сама скрытничаешь больше всех, но смеешь требовать откровений! Так не пойдет, Агния! Я понятия не имею, кто ты вообще такая!

Я перегнула палку. Наверняка, у Агнии имелась веская причина молчать о семейных делах. Помимо вздорного нрава, разумеется. Но я не жалела. Пусть знает, что у меня тоже характер. Я — темный маг, в конце концов!

— Отлично, — процедила подруга, поднимаясь. — Вот и отлично!

Она хлопнула дверью. Да так, что услышал весь сектор.

Я не пошла мириться. Пусть Агния сама делает первый шаг. За ужином мы сели на разные концы стола, удивив Шема и Лиана. Друзья бросали на нас вопросительные взгляды, от которых кусок застревал в горле. С трудом запихнув в себя салат, я вернулась в спальню — читать добытую в библиотеке «Историю Гвендарлин». Но не сложилось. Первая глава посвящалась супругам Ван-се-Рмун. Точнее, их восхвалению, вызывающему приступ скуки и сонливости.

Я отложила книгу, не добравшись даже до пожара, унесшего жизни основателей, потушила ночник и юркнула под одеяло. Пусть Агния переодевается в темноте. Если вообще сочтет нужным ночевать со мной. В общей гостиной полно диванов. Я сама не понимала до конца, почему злюсь на сокурсницу. Ведь это я лгала ей сегодня. Быть может, дело в моих ожиданиях? Оказавшись среди себе подобных, я жаждала завести настоящих друзей, но всё шло наперекосяк. Дружбе мешали секреты: и полноценных, и полуправды, и треклятого колледжа.

Глаза слипались, но мысли о замке не оставляли. И зря.

Снова приснились коридоры и заглушающий шаги ковер. Я шла на чарующий голос без привычного подсвечника с пляшущими огоньками свечей. Мрак не мешал. Он превратился в союзника. Или сообщника, способного скрыть меня от посторонних глаз. Я отлично видела всё вокруг, словно обзавелась зрением Урсула. Шагала уверенно, заранее радуясь предстоящей встрече. Я ничего не боялась. Ведь меня ждали так давно. Так отчаянно. Разве могло существовать на свете что-то важнее?

От стены отделился женский силуэт.

«Остановись. Ты идешь на гибель».

Душой овладела ярость. Сильнее той, что дома выжигала траву. Впилась острыми зубами. Как кто-то смеет мешать?!

«Они — враги, Лилит...»

— Мырррррр!

Я едва не кувыркнулась на пол вместе с одеялом. — Урсул, — прошептала, вытирая мокрый лоб.

Демоны б побрали эти сны! Достали!

Комната тонула в темноте. Но взгляд выхватил пустую кровать Агнии, и горечь,

навеянная кошмаром, усилилась.

— Мырррр, — повторил синий кот настойчиво.

— Ох...

До меня дошло, что особенный питомец держит что-то во рту. Что-то внушительное для кошачьих габаритов. Тряпичное. Руки задрожали от волнения, но я приняла подозрительный подарок и вздохнула с облегчением. Кукла! Всего лишь кукла.

Стоп!

Это талисман, который я сунула в дорожный сундук, повинаясь сиюминутному предчувствию. Матери клали такие в колыбели для защиты младенцев от злых духов. Надо же, Урсул откапал куклу в шкафу. Хм. В закрытом шкафу. Хотя чему я удивляюсь? Для живности, способной ходить сквозь каменные стены не проблема сладить с деревянной преградой.

— Думаешь, пригодится? — улыбнулась я, нащупав женские волосы, обмотанные вокруг мягкого тела куклы.

— Мяу! — объявил кот воодушевленно.

Сие точно означало «да».

— Ладно, — я положила «подарок» в изголовье и укрылась одеялом до подбородка. Сама я никогда не верила в кукол-талисманы, но раз Урсул хочет, так и быть, оставлю.

Если в оставшуюся часть ночи мне и являлись сны, они не оставили в памяти ни единого образа.

Глава 13. Садоводство для начинающих

Я встала с постели с твердым намерением объясниться с Агнией. Сегодня — воскресенье. Уроков нет, времени для «душевного» разговора в избытке. Главное, держать в узде эмоции и снова не наговорить лишнего. Иначе Агния в ответ за словом в карман не полезет. Огневики — они такие, взрывоопасные. Сначала жгут, потом о последствиях вспоминают.

Но за завтраком подруги не обнаружилось.

— Ты не знаешь, где... — начала я, обращаясь к Шему.

— Агния поела раньше, она дежурным помогала, — не дал договорить фальшивый жених, двигаясь ближе. — Потом ушла в спальню к Милли Дорвис. Ну, к девушке старосты Кайла. Она старшекурсница.

— С каких пор Агния дружит с Милли?

— Со вчерашнего вечера.

Шипы обиды царапнули сердце. Быстро же подружка нашла мне замену.

— Что у вас стряслось? — к нам подсел Лиан вместе с тарелкой. — Мы думали, Агния гостиную спалит со зла.

— Ничего особенного, — повторила я вчерашнюю фразу, не убедившую сокурсницу. — Глупая девчачья ссора. Помиримся.

Шем с Лианом переглянулись, сомневаясь в успешной реализации моих намерений.

— Помиримся, — повторила я упрямо. — Доем и пойду предлагать мир. Или перемирие.

Увы, планы претерпели кардинальные изменения. В конце завтрака нижний этаж огласил колокольный звон, усиленный в разы при помощи звуковой магии. Снаружи кто-то из полноценных требовал внимания. Такое случалось крайне редко, поэтому все побросали столовые приборы и, подпихивая друг друга, рванули в холл. Одна я отправилась туда нарочито медленно. С чашкой кофе в руках.

Дверь на правах старосты открыл Кайл Нестор, предварительно поправив ворот. Погладил его кончиками пальцев, изображая франта. Меня передернуло. Павлин павлином! пышного хвоста не достаёт для достоверности. Кайл явно ожидал увидеть за порогом кого-то из мэтров и с трудом скрыл разочарование, обнаружив ученика, пусть и благородного происхождения.

— Директор Бритт вызывает Лилит Вейн. Срочно, — раздалось снаружи.

Чашка подскочила, но ловко приземлилась обратно на ладони. Спасибо, кофе остыл, иначе б пришлось лечить ожоги. Я узнала голос Элиаса. О, боги! Он тоже вызван на ковер к пожилому мэтру? История с кубком в стене раскрыта?!

— Что ты натворила? — спросил Шем нервным шепотом, который в тишине услышали все.

— Э-э-э... — на ум пришла всё та же нелепая фраза. — Ничего особенного.

Да, преуменьшение века. Ну и пусть!

Я с гордым видом покинула сектор, плотно закрыв дверь перед любопытным носом старосты. Элиас, которого я не видела с ночи маскарада, поприветствовал деловым кивком. Выражение его лица мне определенно не понравилось. Тревогой веяло за километр.

— Почему меня вызывают?

— Не знаю.

— А ты?

— Я лишь провожатый. Зато Ульрих уже там. Думаешь, совпадение?

— У-у-ульрих?

Впереди показалась группа полноценных, что-то горячо обсуждающих. Элиас нарочно обогнал меня на несколько шагов, чтобы не светится в компании полувцета. Но я не замечала его желания казаться чистеньким перед своими. В кабинете директора Ульрих! А у меня кофейные пятна на манжетах!

Пятна?

Тьфу ты, пропасть! Нашла о чем думать!

— Что за история с вашим орденом? — нагнала я Элиаса, едва полноценные остались позади. — Чем вы занимаетесь?

— Ш-ш-ш, — составил младший герцог конкуренцию Урсулу и Тире.

— Если я влипла в историю из-за тебя, найду в библиотеке самое мерзкое заклятье и облагодетельствую чем-то похлеще рожек Джеммы.

Элиас фыркнул под нос ругательство, а вслух протянул:

— Ни разу не сомневаюсь, Лилит. Верю в твой темный потенциал.

— Ваша скрытность раздражает, господин Элиас.

Я нарочно обратилась к «его сиятельству» с издевкой. Еще пару недель назад я не допустила б подобного в самых смелых фантазиях. Но наши отношения развивались. Стремительно. И, что самое удивительное, Элиас спускал мне вольности.

— Я не знаю, что делать, — неожиданно признался он. — Надо бы поговорить с братом, он разбирается во всей этой чертовщине больше других. Но Эмилио не придет в восторг, узнав, что мы втянули в это тебя. Что я втянул. Но кто ж знал! Мы с Ульрихом хотели, чтоб ты показала остальным, как ходишь внутри стен. А не...

Он махнул рукой, не закончив предложение.

— Это так плохо? Что я достала... ну, тот предмет?

— Кто ж разберет, — Элиас прибавил шаг. — Что-то странное творится. В последнюю ночь духа многим снился один и тот же кошмар. Прежде такого не случалось. Пожар в колледже. Из прошлого. Тот, что погубил основателей.

Я чертыхнулась про себя. Стоило прочитать следующую главу «Истории Гвендарлин».

— Но какое отношение эта древняя история имеет...

— Легенда гласит, что супруги Ван-се-Рмун погибли из-за духа.

— О! Ты в это веришь?

Разговор напомнил другой — в карете по дороге в колледж. Мистические рассказы «покровителя» и мои мысленные насмешки над порядками Гвендарлин.

Вот и сейчас Элиас наградил меня снисходительным взглядом.

— Ты до сих пор смеешься над легендами? После того, что видела?

По спине промчался холодок. Вспомнилась уродливая фигура, зависшая над Шемом.

«Проклятые дети» — закричала она, вылетев сквозь стекло.

У духа есть слуги. Так сказал Эмилио Ван-се-Росса.

— Я уже не знаю, во что верю. Но вот чего не понимаю: если дух Гвендарлин злой,

почему вы с друзьями уверены, что он защищает орд... вас?

Младший герцог огляделся, убеждаясь, что нас никто не слышит.

— Ты путаешь духа с душой колледжа. Это разные силы. Противоборствующие.

— Погоди. По дороге в колледж ты утверждал, что дух отнюдь не белый и пушистый.

— Это было до того, как ты достала кубок из стены. До того, как ты стала... э-э-э... посвященной в наши дела.

Я поехала, вспомнив памятную ночь в компании тайного общества. — А дух лунной башни? Он добро или зло?

Этот вопрос волновал меня всерьез. Призрак, летевший за нами, предупреждал об опасности. Меня одну! Загадочная девушка со скрипкой. Если, конечно, допустить, что видение после магической атаки Шема, имело что-то общее с реальностью.

Повисла тягучая пауза.

— Ни то, ни другое, — ответил парень хрипло. — Это душа, не нашедшая покоя.

— В ночь духа ты утверждал, что не знаешь, чей призрак обитает в башне.

— Я не солгал. В то время не знал.

— Таинственная Маргарита?

Элиас вздохнул, как делают взрослые, устав от нытья надоедливых детей.

— Не твое дело. Пришли. Это кабинет директора, — он остановился у массивных деревянных дверей со скромной надписью «И. Бритт» и сделал приглашающий жест рукой. — Постарайся не наговорить лишнего.

В кабинет директора Бритта я вошла, нацепив на лицо самое кроткое выражение, на которое способна. Дома оно активно использовалось перед теткой Дот, пусть и не всегда успешно. Шагнула и едва не споткнулась на пороге. Подумаешь, развалившийся на диване Ульрих! В кресле — слева от директорского стола — сидела Виктория Ван-се-Росса. Собственной персоной! В дорожном плаще поверх синего платья.

— Полагаю, мой младший сын за дверью?

Стальные глаза сверкнули. Убийственно.

— Э-э-э...

— Разве не юного герцога отправили за тобой, Лилит? — удивленно спросил Бритт.

— Да. Его. Там.

С языком вышел жуткий конфуз, но, главное, все поняли смысл сказанного. — Что ж, директор, — госпожа грациозно поднялась. — Мы договорились?

Чего бы ни требовала герцогиня, восторга у главы колледжа это не вызывало. Крылья носа Бритта трепетали, как в ураган. Но пожилой мэтр сдержал порыв «осчастливить» гостью отказом.

— Будь по-вашему, — изрек он с показным великодушием.

Я кожей ощутила его подавленный гнев, и принялась скромно взирать на обстановку кабинета. На картину с заливными лугами перед грозой, на мраморные статуэтки хищных птиц, на ножки кресел и дивана, сделанных в форме когтистых лап. На сам диван, на котором, сидя, спал Ульрих. Стоп! А ведь мой распрекрасный герой, и правда, дрых, уронив черноволосую голову на грудь!

— До свидания, директор. Удачного дня.

— И вам того же, леди Виктория.

Герцогиня прошла мимо, словно я — пустое место. И взглянуть не потрудилась. Ну, дела! Сыновья скачут вокруг, проявляя заботу. По ее же приказу. А она... Я перевела взгляд на директора Бритта, с которым покровительница явно не ладила. Может, дело в нем? Вдруг ее светлость не хочет, чтобы мэтр знал об особом расположении семейства ко мне? Как и о причине оного.

— Подойди, Лилит, — велел директор. — И ты... Ах, да!

Он ловко щелкнул пальцами. Бедолага Ульрих резко подался вперед спросонья и чуть не свалился с дивана. Обвел быстрым взглядом кабинет, силясь сообразить, что приключилось.

— Прошу прощения, юноша, — проговорил мэтр весело. — У нас с леди Викторией состоялся приватный разговор. Пришлось отправить тебя подремать. На время. Я подумал, ни к чему тебе топтаться в коридоре. На диване комфортнее, согласен?

— Да, директор, — с трудом выдавил Ульрих, явно считая иначе.

Я мастерски скрыла смешок.

Подремать, значит? Кто-то тут любит театральность.

— Боюсь, у меня неприятное известие, — продолжил директор, устроившись за письменным столом. Нам присесть он не предложил. — Вы оба наказаны.

Сердце сделало акробатический трюк. Неужели, из-за ордена? Но почему только мы?

— Ульрих, старосте не к лицу устраивать потасовки с учениками, — объявил директор назидательно, выставив вперед указательный палец. — Пусть даже в ответ на злокозненную выходку другого юноши. У меня состоялась обстоятельная беседа с Юмми Свон, и я понимаю причину твоего негодования. Однако это не оправдывает рукоприкладство.

Ого! Значит, дело в белке. То есть, в злосчастном колесе и наглom мальчишке, его создавшем. Но я-то тут причем? Не станут же наказывать за спасение полноценной девчонки?

— Лилит, — мэтр повернулся ко мне. Складки на лбу углубились. — Сегодня я узнал, что в травме, полученной несколько недель назад Свеном Фаули, виновата ты. Отправить шарик через весь замок, да еще столь прицельно — под силу не каждому старшекурснику. Но, увы, гордиться нечем.

Ульрих от неожиданности присвистнул, чем заслужил осуждающий взгляд директора.

— Это случайность, — пробормотала я, пялясь в пол.

— Допускаю. Но тебе вменяют еще одну провинность...

Я качнулась. Неужели, ранение мерзкого Свена на маскараде?!

Не стоило распускать руки в ссоре с юным герцогом Ван-се-Росса, Лилит, — продолжил директор назидательно. — Ни Элиас, ни его родственники не предъявляют претензий. И я бы закрыл глаза на каждое из двух происшествий по отдельности. Однако вместе они заслуживают наказания.

В ушах загудело от несправедливости обвинений. Но я сразу представила себя на тренировках с Эмилио — отброшенную магическим выбросом. Нельзя, чтобы и директор взлетел. Особенно в окно за спиной. Злость мне — не помощник.

— Как вы узнали о шарике? — спросила я и мысленно принялась считать до десяти, успокаивая натянутые канатом нервы.

Меня сдал мэтр Дюваль? Кто же ещё?

Бритт сплел пальцы на животе, задумчиво разглядывая моё лицо. Он не ждал, что я задам вопрос.

— Ночью пришло анонимное письмо. Из сектора полуцветов.

Щеки заалели. Гнев, словно многоногое чудище, завозился внутри.

«Одиннадцать, двенадцать, тринадцать...»

— Похоже, у тебя завелся недоброжелатель среди своих, Лилит. Понимаю, неприятно.

О, боги? Кто?! Ответ напрашивался сам собой. Но я не верила в подлость Агнии.

— Они всего лишь маги, директор. Такие же, как все.

Бритт засмеялся, оценив ответ.

— Хорошо сказано, девочка, — похвалил он и хлопнул в ладоши, заканчивая разговор. — Ступайте. Вас ждёт мэтр Шаадей. У портала. Ульрих, ты знаешь дорогу.

Колени затряслись. Сильнее, чем при встрече с призраком. До меня дошло, что наказание совместное. С Ульрихом! Наедине!

Ну, ты попала, Лилит...

— Не срезай так много подряд. Грядка должна выглядеть прореженной, а не голой.

— О! А ты у нас специалист по местным наказаниям!

Ульрих вел себя вполне сносно. Даже вежливо, но в меня словно демон вселился. Я язвила не по делу, глядела свысока — прямоком в зеленые глаза, при солнечном свете ставшие еще ярче. И... хм... неестественнее.

— Да, специалист. На первом курсе отсюда не вылезал.

— Оно и видно!

Я чертыхнулась про себя. Что несу? Но с языком творилось нечто невообразимое.

— Угомонись, Лилит. Скажи спасибо, что Шаадей не отправил собирать жаб в пруду.

Но я фыркнула. И принялась кромсать ножницами все листья подряд. Назло Ульриху!

Мы работали в большом саду, не уступавшем габаритами зеленым владениям герцогов Ван-се-Росса. Сад выглядел полудиким, он словно щетинился, показывая характер. Ветви яблонь и груш росли, как попало, их давно никто не подрезал. Несколько деревьев нависали над хилыми кустами смородины, закрывая их от солнца. Слива осталась невостребованной, сочные плоды гнили на земле.

Странное место. На дворе почти октябрь, а в саду тепло, как летом. Ульрих, наверняка, знал, что за магия тут работала. Но спрашивать не тянуло. Только ругаться.

Кроме памятного похода на крышу в первый рассвет года, я не покидала пределы колледжа, и, когда мы вышли на улицу через главный вход, в первый момент воодушевилась. Но ледяной ветер взметнул волосы, лица влажной лапой коснулась сырость, отбив желание радоваться «вылазке». Ульрих провел меня по мокрой скользкой дорожке из серых булыжников к лестнице, высеченной в скале. Она спускалась прямоком к сердиму морю, шлепающему холодными волнами по черным камням.

Шаадей ждал внизу. В нескольких метрах от воды. Кутался в поношенный плащ с капюшоном, защищаясь от ветра и брызг. Сейчас он больше походил на бродягу, нежели на мэтра древнего магического учебного заведения.

— Собирайте листья клубники, — объявил он без предисловий и протянул нам по мешку. — Наступает сезон простуд. Леди Виэре предстоит готовить много микстур.

Мэтр повернулся к морю и принялся водить руками по воздуху, будто делал зарядку. Это

выглядело столь комично, что я предпочла смотреть в другую сторону. Глянула ввысь — на замок — и обомлела. Мне не доводилось видеть Гвендарлин «вживую», лишь в книжках. На картинках стены и башни разных цветов воспринимались кукольными. Сейчас колледж нависал над нами, демонстрируя истинную мощь. Огромный, величественный, он казался продолжением скал, их порождением. Впечатление усиливал фиолетово-серый цвет стен — погоде под стать.

— Готово, — объявил Шаадей.

Я с трудом оторвала взгляд от замка. Нас ждал портал. Почти такой же, как в день приезда. Но чуть светлее. Или так казалось на фоне темного моря и пасмурного неба.

— Заберу вас вечером, — «обрадовал» мэтр и подтолкнул Ульриха к portalу.

С тех пор прошло около часа. Время тянулось чертовски медленно, испытывая меня на прочность. Я сама не понимала, что происходит, и на кого я в действительности злюсь. Нет, до приступов, что выжигали траву или разгоняли полноценных, гнев не дотягивал. Скорее, царапал незащищенную кожу, вынуждая ершиться.

— Меня вообще не должно тут быть, — проворчала я, рьяно чиркая ножницами. — Я Элиаса пальцем не трогала!

— А лоб Свена? — работа в три погибели не мешала Ульриху веселиться. — Ты всегда калечишь напакостивших парней?

Я сжала рабочий инструмент до боли в пальцах.

— Взбесившийся медведь — не пакость. Как и его лапа, размером с мою голову.

Смешинки погасли в зеленых глазах.

— Извини, я сморозил глупость. Не стоило шутить на эту тему.

Я с трудом удержалась, чтобы себя не ущипнуть. Ульрих извиняется?! Передо мной?!

Всерьез? Или издевается?

Не желая выяснять причину, я с удвоенным рвением взялась за клубничные листья. Работу сопровождали лишь щелчки ножниц и шорох длинной юбки. Я нарочно торопилась, чтобы дальше отодвинуться от Ульриха. Он усмехнулся и тоже увеличил скорость, будто мы поспорили, кто быстрее наполнит мешок доверху. В опыте «садоводства» нахал явно выигрывал, догнать меня не составило труда. Это мешало. И повышало градус кипения, то бишь, раздражения.

Я едва не поранила палец злосчастными ножницами. Громко выругалась и в сердцах выдрала целый клубничный кустик. С корнями.

— Хм... А это ещё что? Поощрение за старание?

Из-под листьев выглядывала темно-зеленая коробочка, перевязанная коричневой лентой.

Со странным рисунком на крышечке. Не то чертик, не то обезьяна. Не разберешь.

— Твою ж! Налево! — неожиданно взвыл Ульрих. — Бежим!

Не дав опомниться, он потащил меня за руку. Да так резко, что я распласталась на земле во весь рост и проехала метра три, превращая новое зеленое платье в нечто непотребное.

— Вставай же! — возмутился парень, хватая меня поперек туловища и дергая вверх. — Сейчас рванет!

Рва... Чего?!

Ноги заработали быстрее, чем мозг. Мы неслись прямо по грядкам и через кусты, оставляя на ветках клочья одежды. Куда? Я понятия не имела. Ульриху виднее. Я садовод начинающий. На местности не ориентируюсь. Разум невольно потянулся к карте Гвендарлин, но не обнаружил ее. Ни намек на синие линии коридоров!

— Огибай пруд! — заорал Ульрих, резко уходя вправо.

Я с трудом вписалась в поворот. Боковым зрением выхватила покрытый тиной водоем в обрамлении камышей. Земля вокруг пропиталась влагой. Подошвы скользили, грозя подвести в любой момент. Ульрих срезал путь между деревьями, петляя, как заяц. Я больше походила на медведя, неуклюже перепрыгивала через торчащие из земли корни, едва уворачивалась от стволов и безнадежно отставала.

БУМ!

Попытка прибавить скорость закончилась столкновением с деревом. Я больно ударилась грудью и щекой. Досталось и затылку, которым я приложилась о землю в падении.

— Проклятье! — проревела я от боли и обиды.

Ульрих обернулся. И застыл, округлившимися глазами взирая на живописную картину: на поверженную меня в дранном грязном платье! Мгновение, и побежит дальше. Спасаться в одиночку. С чего бы ему ждать полуцвета? Но староста опять удивил. Рванул назад и быстрым движением поставил меня на ноги.

— Давай же, коряга, поднимайся! Ох ты, пропасть! Поздно...

Долбануло так, что заложило уши. Все звуки мира ушли, оставив назойливый гул. Я повторно рухнула, на этот раз в компании Ульриха. Глаза почти ничего не видели, кроме сизого дыма — плотного, но не едкого. Земля под нами заходила ходуном и посыпалась... ох вы, демоны! Посыпалась куда-то еще — вниз!

— Мапочка! — завопила я, летя в неизвестность.

Рядом выругался Ульрих. На меня или на ситуацию, не ясно.

Закрывая голову руками, я приготовилась к удару. К страшным травмам или даже...

БУЛТЫХ!

Нас приземлило в зеленый пруд под сотни брызг. От неожиданности я наглоталась воды, но опомнилась и замолотила руками, кашляя до боли в горле и груди. Я умею плавать, но делать это в длинном платье, оплетающим ноги, не у каждого получится. Позади активно работал конечностями Ульрих. Он добрался до меня и просунул руки подмышки.

— Не дергайся! — велел грозно. — Сейчас вытащу.

Парень ловко перевернул меня на спину и потянул к берегу. Тяжело дыша, я посмотрела на небо и чуть повторно не начала тонуть. С ним что-то случилось. Дурное. По белому полотну плыли темно-синие облака, догоняя солнце. Черное солнце!

— О, боги!

— Не ори, — шикнул Ульрих, отплевываясь. — Мы провалились внутрь.

— К-к-куда?

— Внутрь сада. Демоны! Узнаю, кто подбросил разрывающую коробку, наведу такую порчу, что до конца учебы не оклемаются. В смысле, это... заколдую.

Староста подтолкнул меня вперед. Стопы коснулись илистого дна. Отлично, еще и туфли потеряла! Пошатываясь, я поплелась к берегу. Пришлось приподнять подол, ну и пусть! Нынче не до скромности. Да и какое дело Ульриху до моих ног? Сам едва топает. Того гляди нырнет носом в воду. Само обидное, что ни мокрая одежда, ни прилипшие к лицу волосы не портили паразита. Да, лоск отсутствует, но и небрежность ему идет.

Тьфу!

Миновав камыши, я распласталась на траве. Зажмурилась, чтобы не видеть неправильное небо. В голове гудело, дышалось с трудом. Тело ныло от падений и ударов. Позже придется провести подсчет боевых синяков. А сейчас бы в теплую постель. И спать, спать, спать, не видя снов.

— Да чтоб вас всех! — возмутился Ульрих. Не яростно, а, скорее, обиженно.

Я поспешно села. Рот открылся сам собой. А, казалось, удивиться сильнее невозможно.

Староста изменился. Глаза горели огнем. Как два изумруда. Они светились изнутри, парня подпитывала неведомая мощная сила. Ноги оторвались от травы, руки раскинулись. Он походил на мифическое божество из сказочных книг. Испустив тихий стон, я попятилась.

В смысле, сидя попятилась — на пятой точке. Но недалеко. Со мной тоже что-то стряслось. Внутренности внезапно скрутило канатом, пальцы вонзились в землю, продравшись сквозь траву.

Но вовсе не от боли.

— АААААааааааааааа! — завопила я истошно.

Накрыла ярость. Такая, какой я прежде не знала. Не представляла.

Глаза застлала тьма. Внутри взрывались десятки фейерверков, требуя выпустить их наружу, чтобы уничтожить всё и всех. Рвать-рвать чужую плоть, оставляя кровавые ошметки, уничтожать сам факт существования всего живого. Я пришла в этот мир, чтобы убивать и разрушать. Я и есть — ненависть. В чистом виде!

— Убить... убить... — хрип, вырвавшийся из горла, не походил на мой голос.

Но это произносила я, извиваясь на траве от ярости.

Я — демон, которого в Многоцветье еще не встречали. — Тварь... Ты — тварь...

Картина завораживает. Вот я подхожу к Свену Фаули и впиваюсь когтями в грудь. Кружевная белая рубашка окрашивается в алый цвет. Пятна расплываются, кровь темнеет на глазах, а я все бью и бью, прорываясь глубже. Запах плоти пьянит. Мне нет дела до воплей. Они скоро стихнут. А если и нет, плевать. Они мне не мешают. Вот оно! Сердце, крепко сжатое в моих когтях. Я давлю. Сильнее и сильнее. Пусть останется месиво.

Я ощущаю удовлетворение.

Я само зло!

С одним врагом покончено. Кто следующий?

— Изыди! Изыди! ИЗЫДИ!

Не мой голос. Он кричит на мертвом языке. Повторяет одно и то же слово.

В рот хлынула горькая вода, залилась в горло, заполнила легкие.

Не вздохнуть. Не вырваться. Что-то давит на шею сзади.

Я больше не убийца. Мы поменялись ролями.

Я не могу дышать, но хочется смеяться.

Зло тоже способно умереть. Забавляет, не правда ли?..

— Полегчало?

Надо мной стоял Ульрих. За ним простиралось белое небо с черным солнцем. Хрипя и кашляя, я перевернулась на живот. Горло и легкие раздирали, словно их изнутри покрывали свежие раны. Но всепоглощающая ярость отступила.

— Что случилось? — спросила я хрипло.

— Помимо того, что пришлось снова пришлось окунуть тебя в пруд?

— 3-з-зачем?

Глаза жгли слезы страха. Образ истерзанного Свена был слишком свеж.

— Побочка вылезла. У нас обоих.

— У обоих?

Я с трудом села, борясь с легкой тошнотой, и вопросительно посмотрела на Ульриха. Заметила царапины на его щеке. Похоже, я постаралась.

— Ты взлетел. И глаза...

Ох, а ведь глаза у него всегда были необычные. Слишком яркие.

Парень устроился рядом на траве, убрал со лба мокрые волосы. Странно. Меня вдруг перестало смущать его присутствие. И раздражать тоже. Злость будто отделилась и топталась в сторонке. Жаль, не навсегда. Это я точно знала. Неважно, откуда.

— Разрушительные коробки входят в перечень запрещенных товаров, — объяснил Ульрих, глядя ввысь. Черное солнце не слепило, не заставляло щуриться. — Их изобрели для развлечения, но перестарались. Эффект оказался неожиданным. В обычных условиях они вырубает всех, кто находится в зоне поражения. Но в вспомогательных мирах, вышибают в отражение. Если зацепят, конечно. А нас зацепило.

— Погоди. Вспомогательные мирки? Значит, сад вне колледжа? Вот почему я перестала видеть карту!

— Карту? — переспросил Ульрих удивленно. — То есть, ты видишь потайные «ходы» Гвендарлин лишь на его территории? Интересно.

Я промолчала. Последнее, что мне хотелось, это обсуждать таинственную «дружбу» с колледжем, подбрасывающую приключение за приключением.

— Создание вспомогательных мирков — высшее мастерство, — продолжил Ульрих и с треском отломил пряжку на ремне. — Мэтр Шаадей блестяще им владеет, хотя это умение

— не родовой дар. Мэтр создал сад с прудом, чтобы иметь под рукой ингредиенты для зелий. Но у подобных мирков есть особенность.

— Отражение? — догадалась я, глядя, как Ульрих пытается что-то извлечь из отломанной пряжки.

— Ага, — он справился с несговорчивым «противником», и в ладонь легла длинная игла. — Обычно отражение недостижимо. Но нам не повезло. Поэтому надо выбирать. Прости, Лилит, но мне понадобится твоя кровь.

Я отшатнулась. Он что, собрался меня ранить?! Не пойдет!

— Да не пугайся ты, — снисходительно усмехнулся паразит. — Просто уколою палец. Кровь — самый сильный проводник для призыва. Это не смертельно. Зато твоя искаженная магия способна наворотить дел. Отражение в любой момент может притянуть ее заново. Хочешь еще раз взбеситься?

Я плохо понимала, что происходит. Искаженная магия? У меня вообще нет настоящей магии. Лишь тень, доставшаяся от родителей. Я — пустой сосуд, как и все полуцветы. Или не все? После манипуляций Дитрих по ладоням гуляли синие молнии. Они не померещились. Ни мне, ни стерве-преподавательнице.

Пока я хлопала глазами, Ульрих воспользовался моментом — проворно схватил мою руку и молниеносно проткнул палец.

— Ой!

А ведь больно! Игла вошла слишком глубоко.

— Не ной, как девчонка, — проворчал староста, сжимая палец, чтобы кровь бежала быстрее.

— Полуцветам полагается быть толстокожими.

— Да пошел ты! — бросила я, борясь с желанием вырваться.

— Так-то лучше, — он давил и давил, собирая каплю за каплей, пока его левая ладонь не наполнилась, как чаша.

Отвратительно зрелище. Меня чуть на изнанку не вывернуло, когда Ульрих обмакнул в мою кровь вторую руку и принялся тереть ладони, будто мылом. Только они не очищались, а обретали тошнотворный алый цвет.

— Так вот, искаженная магия, — продолжил парень, как ни в чем ни бывало. — Твои родители настолько несовместимы, что произошел сбой. Сильнее, чем у большинства полуцветов. Это долбануло по эмоциям. Часто злишься без повода, верно?

Я вынужденно кивнула.

— Это и есть побочка, — Ульрих встряхнул кисти, разминаясь. — Увы, тренировками по контролю ее не победить. Можно лишь унять. На время.

«Откуда знаешь?», — чуть не брякнула я. Глупый вопрос. Из личного опыта. У ненаглядного старосты тоже побочка. Светился, как фонарь в ночи, и чуть не улетел, не попрощавшись.

— А как победить?

— В твоем случае — никак. Нужна кровь обоих родителей. А Элиас говорил... — Ульрих замялся, поздно сообразив, что сболтнул лишнее.

Мои кулаки сжались. Обсуждали меня, значит? Свиньи!

— Нам пора, — Ульрих поднялся. — Торчать тут нет смысла. Отражение высасывает энергию. Незаметно. А хватятся нас не скоро. Время здесь идет раз в десять медленнее, чем в реальном мире.

Он поднял руки к белому небу, напомнив дерево, тянущееся ввысь ветвями. Что-то замычал под нос. Или запел. Тягучее, нежное. Я залюбовалась им. Собранный. Цельный. Красивый. О, не просто, как парень. А как уверенный в себе маг. Я физически ощущала магию этой песни, проникающую сквозь границу отражения, сквозь вспомогательный мирок — в колледж. Странную магию. В нее, словно ленты в косы, вплели что-то еще — неуловимое, прячущее истинную мощь.

Ба-бах!

Небеса разверзлись, пропуская вниз нечто длинное, расширяющее с одной стороны. Загадочный предмет ухнул с высоты — прямоком в руку Ульриха. Приземлился и замер, как верный пес. Или лучше сказать — конь.

Я нервно хмыкнула, не веря глазам. — Метла? Какого демона?

Ульрих тяжело вздохнул, любовно поглаживая древко транспортного средства.

— Будешь злословить? Или домой полетишь?

— Но...

В зеленых глазах отразилось пламя. Вспыхнуло и погасло.

— Я ведьмак, — сказал Ульрих. Так спокойно, будто сообщал, что ел оладьи на завтрак. — Ведьмак наполовину. Не из тех бледнокровных пародий, вроде твоей

«хорошей» знакомой Джеммы Паскуале. Из настоящих.

— Но настоящих перебили три столетия назад, — возразила я, подходя ближе.

— Угу. А полувцеты так вообще появились непонятно откуда. Взяли и начали рождаться ни с того, ни с сего.

Ух, как же мне хотелось врезать по этой ухмыляющейся физиономии! Ведьмак — не ведьмак. Сущее наказание!

— Садись, хватит топтаться, — он перекинул ногу через метлу. — Главное, держись крепче. Яла с характером. И ее штормит время от времени.

Я подавила стон. У метлы и имя есть? Балаган отдыхает.

— Мы вернемся в Гвендарлин, — объяснил Ульрих, пока я устраивалась позади, поправляя изгаженный подол. — Метла «привязана» к колледжу. Прорвет любые слои. Шаадею и остальным скажем, что открыли портал, выбираясь из покалеченного сада. Нас не зацепило, ясно? Только потрепало малость. Поняла, Лилит?

Метла взлетела, ветер взметнул растрепанные волосы. Мои руки крепко обвивали талию Ульриха. Я прижалась к нему всем телом, ощущая его тепло. Это пьянило и будоражило.

— Поняла. Никто не должен узнать, как мы выбрались.

Земля под ногами уплывала всё дальше. Пруд походил на лужу, а высокие деревья на молодую поросль. Ну и высота! Но я не боялась. В детстве завидовала птицам, летавшим выше башен замка Ван-се-Росса. Провожала их долгим взглядом. Теперь я сама парила, все набирая и набирая высоту.

— Держись! — скомандовал Ульрих.

Движение замедлила невидимая паутина. Натянулась, того гляди отбросит назад вместе с метлой. Что тогда? Убьемся? Но упрямое транспортное средство по имени Яла выдержало натиск и прорвалось, вынося нас к нормальному небу и солнцу. Я зажмурилась, отвыкнув от яркого света. Вдохнула полной грудью. Я и не замечала, насколько спертый воздух в отражении. Насколько мертвый.

— Да-а-а, досталось саду, — сочувственно протянул Ульрих.

Я приоткрыла один глаз. Внизу простиралось поле боя. От грядок и кустов ни следа. Деревья выкорчевало с корнями. Вот тебе и крохотная коробочка.

— Жаль.

— Ничего, — успокоил староста. — Мэтр Шаадей приведет всё в порядок. Пара дней, и сад примет очередных проштрафившихся учеников. Держись! Еще один рывок!

Новая паутина оказала достойное сопротивление, но не столь мощное, как ее сестра в отражении. Натяжение, треск, и тело обдало потоком ледяного осеннего воздуха. Ноги коснулись ступеней, убегających к нависающему на скалах замку, превратившемуся за наше отсутствие из фиолетово-серого в бледно-зеленый. Холод камней явственно ощутила через чулки и, «спешившись» с метлы, заплясала на месте. Туфли — удобные и добротные — остались в треклятом пруду в отражении.

Ульрих погладил метлу и шепнул:

— В убежище. И спасибо тебе.

Яла приняла вертикальное положение, изобразила странный пируэт, сильно смахивающий на поклон, и растворилась в воздухе. В буквальном смысле.

— Лилит, если ты кому-нибудь расскажешь обо мне и...

— Наведешь порчу, — перебила я.

Но в зеленых глазах не осталось ни веселья, ни понимания.

— Ты же не хочешь, чтобы все узнали, что рядом живет не контролирующая ярость психопатка.

Я чуть не разревелась. Прямо там — на ступенях. И стоило меня вытаскивать сначала из пруда, потом из отражения, чтобы с легкостью смешать с грязью...

Глава 14. Древний пожар

— У каждого цвета магии свои особенности. Красные маги на пике достигают невероятной мощи и способны сокрушить горы. Но после выброса сила идет на спад, и ее владельцы уязвимы. Другое дело — синие маги. Они расходуют мощь равномерно, их практически невозможно застать врасплох. Причем, способности черно-синих заведомо выше бело-синих. Черно-синие — одни из самых опасных противников.

Я сидела за партой на «Теории цветовой магии», подперев щеку рукой, и слушала Летисию Дитрих в полуха. Ее рассказ касался и меня. Но голову занимали другие мысли, совершенно не относящиеся к учебе. Например, гадкий Ульрих, которого я за полторы недели не видела ни разу. Или его вынужденное признание в ведьмовском происхождении в саду Германа Шаадея.

Кстати, о Шааде. Вечно взъерошенный мэтр поверил в нашу с Ульрихом сказочку, и не догадывался о «приключении» в отражении. Зато проявил невероятную прыть в розыске владельца разрывающейся коробочки. Им оказался старшекурсник, жаждавший отомстить Шаадею за несправедливое, по его мнению, наказание. Треклятой коробке полагалось взорваться посреди ночи, разнеся сад. Увы, бездарь не учел, что вредоносная игрушка из особой партии, и реагирует исключительно на движение. В общем, теперь горе-мстителю предстояла отработка в восстановленном саду до самого лета.

Нас же с Ульрихом от наказания освободили, посчитав, что своё мы получили. Я гордо задрала нос. Вот и отлично! Не придется встречаться! День за днем я запрещала себе думать о мерзком мальчишке, но любопытство пересилило обиду. Я не удержалась, наведаясь в библиотеку и огорошила леди Филомену очередным странным запросом.

— Почему тебя интересуют истинные ведьмаки? — спросила она, взирая поверх овальных очков в тонкой оправе. — Их всех давно истребили в войне с магами.

— Знаю. Но я любопытна от природы.

— Занятно, — протянула библиотечарша. — Ты первый полуцвет, который ищет здесь что-то помимо учебной или развлекательно литературы.

— Это плохо? — не вовремя проснулся едкий характер.

— Поживем — увидим, — ответила леди Филомена после раздумья и ушла за книгой.

В отличие от «Истории Гвендарлин» и ее высокопарного слога, новое чтиво увлекло с первых страниц. Я узнала, что ведьмаки и ведьмы (или природники, как их называли) веками жили отдельно от магов, женились только на своих, детей учили сами, не отправляя в Гвендарлин или другие учебные заведения страны. Сила особого народа не уступала полноценным, что многим не нравилось. Ведь если маги сами являлись сосудами силы, то ведьмаки черпали ее из недр природы, тянули из земли, водоемов или растений. Родной магии — ноль!

В книге не говорилось прямо, но, похоже, эта особенность и послужила причиной раздора. А еще подозрительная обособленность природников. Война потрепала обе стороны, и неизвестно, чем бы закончилось противостояние, если б не предательство своих. Несколько ведьмовских кланов заключили союз с магами. Выдали секреты собратьев в обмен на свободу и безопасность.

Маги сдержали обещание, но предатели всё равно поплатились. Их силы загадочным образом иссякли. Три сотни лет назад выжившие ведьмаки и ведьмы перестали быть природниками. Остались «бледнокровные пародии», как назвал их Ульрих. Они пользовались накопленными знаниями — варили зелья, чтобы колдовать или заставлять летать метлы, вроде той, с которой плюхнулась в грязь Джемма Паскуале.

Вот так бездарно закончилась многовековая история народа...

Увы, вопреки стараниям, я не нашла в книге упоминания, что случается, если у ведьмака и мага рождается ребенок — в чем его отличие от остальных. Но главное сообразила сама: подобная беспечность приводит к последствиям, как и у несовместимых магов. Ульрих — не полуцвет, но его магия искажена. Каким образом, не ясно. Однако он и его

родственники вряд ли жаждут, чтобы тайна открылась.

Ну, дела...

Впрочем, демоны с Ульрихом. Пусть прячет истинную сущность, сколько влезет. Я его не осуждала. Если б не предатели-глаза, меняющие цвет по несколько раз на дню, полуцветы бы тоже притворялись полноценными. Почему нет? Но получалась вот какая штука: если Ульрих наполовину ведьмак, причем, из настоящих, значит, в Многоцветье, по-прежнему, живут природники, скрываясь у всех на виду. Может, они и в Гвендарлин учатся, мастерски водят всех за нос. Они же по силе не уступают магам.

Выводы я предпочла держать при себе. И без чужих тайн проблем хватало. Я так и не помирилась с Агнией. Анонимный донос пришел директору Бритту из сектора полуцветов, и отделаться от мысли, что к нему приложила руку огневичка, не получалось. Мы с ней, как и раньше, жили в одной спальне, но не замечали друг друга. Друзей поделили. Агния выбрала Лиана, хотя чаще коротала время в компании Милли. Мне достался Шем — на правах «официального» жениха.

Спасибо хоть кошмары перестали сниться. Пару раз я слышала треклятый голос, зовущий в темноту ночных коридоров. Но приглушенно, издалека. Я просыпалась, переворачивалась на другой бок и проваливалась в новые сны — о чем-то приятном и беззаботном. Может, я привыкала к странностям Гвендарлин. Или, вправду, срабатывала защита куклы, добытой Урсулом в шкафу.

— Домашнее задание: внимательно прочитайте три следующих параграфа, будет контрольная, — объявила Дитрих под печальный вздох класса. — После займемся искусством самообороны. Но мне слабо верится, что в нем вы преуспеете лучше, чем в теоретических занятиях.

— Стерва, — услышала я ворчание Агнии позади. — Как ее вообще к ученикам пустили?

В такие моменты я особенно сожалела о затянувшейся ссоре. С удовольствием составила бы соседке компанию по перемыванию косточек Дитрих. С Шемом не посплетничаешь. Будущий великий темный маг благородно отказывался говорить гадости о мэтрах. Как и слушать. Приходилось изливать негодование Урсулу. Но и синего кота нытье не вдохновляло. Он сворачивался клубком и сладко засыпал.

— Кто сегодня ведет практику? — спросил Лиан.

— Ван-се-Росса, — отозвалась Агния печально.

Она недолюбливала среднего герцога. Считала позером. Зато ей нравился Дюваль. С тех пор, как тот разрешил практиковаться, используя родовой огненный дар. Для всех остальных занятия мгновенно превращались в зрелище. Полуцветы восторженно наблюдали, как красноволосая девчонка жонглирует огнями, не прикасаясь к ним, или выпускает мощное пламя изо рта. Признаться, я тоже любовалась умением Агнии. Дома ее, без сомнения, обучили управлять магией. Кто-то очень и очень могущественный.

«Ван-се-Росса, значит», — повторила я мысленно.

Средний герцог так и не возобновил тренировки. С одной стороны, это давало возможность высыпаться по утрам, с другой — мне не хватало контролируемых выбросов негативной энергии. Да, теперь (спасибо, паразиту Ульриху) я знала, что с моей вечной агрессией не всё так просто, как у нормальных магов или полуцветов. И всё же прежде занятия с Эмилио приносили пользу. И временное облегчение.

Что ж, посмотрим, сочтет ли он нужным объяснить прекращение тренировок.

— Добрый день, леди и господа.

Когда средний герцог с традиционным приветствием вошел в зал для практических занятий, я не узнала его в первый миг. Ни намек на привычный лоск и свежесть. Эмилио либо не спал несколько ночей подряд, либо столкнулся с серьезным недугом. Стальные глаза ввалились и сливались с кругами под ними — почти такого же цвета. Уголки изящных губ опустились, легкий румянец на щеках сменила мертвецкая бледность. Вот уж точно — в гроб краше кладут.

Неужели, дело в призраке? В загадочной Маргарите?

Все соки высосала из бедолаги эта история...

— Разделитесь на две команды, — велел Эмилио, выйдя на середину зала.

К потолку взлетел черно-синий полосатый мяч и завис, переливаясь, будто на солнце.

— Ваша задача — отправить мяч на территорию противников. С помощью родовой или вспомогательной магии — не важно. Действуйте по очереди. Одна удачная попытка — одно очко. Победит та команда, которая зарабатывает больше пятидесяти. Если уничтожите мяч, потеряете набранные очки.

Полуцветам затея мэтра понравилась. Все засуетились, заспорили. Старшекурсники взяли инициативу в свои руки, спеша заполучить наиболее ценных «игроков». Особенно активничал Кайл Нестор. Разумеется, я и Шем оказались в команде противников. Как и Лиан. Зато Агнию староста забрал к себе. Она предвкушающе заулыбалась, глянула на мяч, прищурившись. Явно прикидывала, как расправиться с ним, не подпавив.

— Конец мячику, — протянул Шем, имея в виду не огневичку, а, скорее, себя или меня.

Я оценила юмор и показательно сжала пальцы, изображая, как мяч лопается.

— Не честно! — возмутился кто-то в другой команде. — У них на одного больше!

Полуцветы переглянулись, пересчитали друг друга по головам и вопросительно уставились на мэтра. Интересно, как выкрутится? Может, очко команде добавит?

— Вы правы, незадача, — изрек Эмилио, дурашливо изобразив досаду. — Нужно уравновесить шансы. Лилит, — он поманил меня рукой. — Подойди сюда. Остальные — начали!

От возмущения волосы на затылке приподнялись в попытке встать дыбом. Я только обрадовалась возможности запустить мячик в старосту Кайла, а меня выставляют из команды, как нашкодившего котенка! Ну, ничего. У кошек когти имеются. И характер!

— Будешь судьей? — улыбнулся Эмилио, не подозревая о бушующих в душе страстях. Или нарочно их не замечая.

— Нет.

— Тогда зрителем.

— А есть выбор?

Вертикальная морщинка на лбу среднего герцога болезненно углубилась.

— Извини, что вывел из игры. Я хотел кое-что обсудить с глазу на глаз, а наши тренировки в ближайшие дни возобновить не получится. Я занят неотложным делом. Здесь же, пока все шумят, нас не услышат.

С этим не поспоришь. Кайл Нестор под громкие крики первым отправил мяч на территорию моей бывшей команды. Применил незнакомое заклятье, вызвавшее неприятный свист.

— Я слушаю, мэтр. Внимательно.

Удостоить Эмилио взглядом я не потрудилась. Делом он занят. Призрака ловит ночи напролет, не иначе. Ну обоих лесом. И всю семейку Ван-се-Росса заодно. Элиаса, втягивающего меня в неприятности. Герцогиню Викторию с ее покровительством и...

Стоп! Память в деталях нарисовала госпожу, встреченную в кабинете директора. Хм. А ведь она о чем-то договорилась с Бриттом. Уж не вместе ли матушка и сынок заняты «делом»?

— Я хотел поговорить о вечере маскарада, — огорошил Эмилио.

Будь сердце птиц, непременно выпорхнуло б из груди с перепуга.

— Маскарада? — переспросила я, следя за мячиком, но в упор не видя, кто им управляет.

— Не стану спрашивать, что за ссора приключилась у тебя с моим братом. Это ваши дела. Меня волнует другое. Ты не заметила, кто стоял рядом с Элиасом?

— Э-э-э... — язык отнялся напрочь.

— Подумай, Лилит. У Элиаса серьезные неприятности. Но он не дает ему помочь.

У Элиаса неприятности? Или у всего таинственного ордена? И у меня заодно? — Не знаю. Кто-то из полноценных стоял.

Я чуть не ляпнула — Брайс Райзен, но вовремя вспомнила, что высокомерный мальчишка самозабвенно «ссорился» с Рашель, принимая удар на себя. Жаль. Он единственный кандидат для «жалобы». Коршуна Тео я не знала, а подставлять Ульриха или Юмми — нечестно. Особенно, Юмми. Да, именно ее, а не полуведьмака! Девчонка не посчитала зазорным поблагодарить меня за помощь. А это дорогого стоит.

— Мне нет дела до Элиаса и любых его дружков, — я скрестила руки на груди. — И вообще, к демонам маскарад. Подставили нас — полуцветов. Воров, залезших в кабинет мэтра Рица, так и не нашли, верно?

Эмилио грустно вздохнул, думая явно не о лжи Бритта, а об ордене.

— Не нашли.

Я воспользовалась моментом и перевела тему.

— На днях видела вашу матушку в кабинете директора. Удивилась встрече.

В глазах среднего герцога промелькнула настороженность.

— Да, родителей нечасто вызывают в колледж, но Элиас всерьез опростоволосился, — ответил он уклончиво, и я утвердилась в мысли, что упомянутые «дела» у них с герцогиней Викторией общие.

— Но как госпожа попала в замок? Без печати?

— Воспользовалась гостевой печатью. Такие выдают в особых случаях.

Он снова солгал. Моя интуиция не просто подсказывала, а кричала, срывая голос.

Ба-бах!

Черно-синий мяч ударился о потолок и взорвался, рассыпавшись на пол обугленными ключьями. Ликующие и разочарованные возгласы слились в единый гвалт. Шем — виновник происшествия — раздосадовано топнул ногой. Зато староста Кайл победно вскинул руку, вызвав у меня мощную волну неприязни. Пришлось вонзить ногти в ладони и стоять, морщась от боли, минуты две, дабы самой не напортачить.

Радовался Кайл не зря. Эмилио наколдовал новый мяч, но это не спасло положения моей несостоявшейся команды. Их разбили в пух и в прах. Старые баллы сгорели вместе мячиком, а новых удалось набрать ровно столько, чтобы не закончить игру с нулевым результатом.

— Два очка! — сокрушался Лиан всю дорогу к родному сектору.

Шем сконфуженно молчал, в полной мере ощущая вину за поражение, будто проиграл последнюю корову.

— Не переживай, — шепнула я. — С каждым могло случиться.

— Но не случилось же.

Он до поздней ночи просидел в углу гостиной, уткнувшись в учебник по «Теории

цветовой магии». Я устроилась неподалеку, как и полагалось «официальной» подруге. Чушь, конечно. Присматривать за приятелем заставляло не глупое прикрытие. Я переживала за Шема. Было в его облике что-то тревожное. Не такое, как в день памятного выброса магии. И всё же, когда сильного темного полувета угнетают мрачные мысли, наедине с терзаниями его лучшего не оставлять.

В гостиной сладко пахло кофе и ванилью. Милли кормила всех желающих собственноручно испеченным тортом. Она позвала и меня, но я отказалась, обнаружив за столом Агнию, и теперь жалела о решении. Уж больно умопомрачительные стояли запахи. Подружки восторгались угощением, и на пухлых щеках Милли играл веселый румянец. Нет, она не наслаждалась похвалами, просто искренне радовалась, что умеет что-то делать лучше остальных, а они это признают. Милли вообще производила впечатление неплохой девчонки. Если, конечно, сбросить со счетов, что она встречалась с Кайлом и увела у меня подругу.

Дабы отвлечься, я вновь взялась за «Историю Гвендарлин». Игнорируя девичий щебет, преодолела первую главу и добралась до знаменитого пожара, погубившего основателей.

Я и не подозревала, что выгорела почти половина замка, точнее, его южная и западная части. Больше всех досталось коридорам, ведущим к близнецам. До зеркал смертоносный огонь не добрался. Помогла особенная магия, охраняющая главную реликвию Гвендарлин. Обгоревшие тела супругов Ван-се-Рмун нашли у зала близнецов. Причина возгорания осталась загадкой. Легенды ходили самые разные. И мрачные. В том числе, о недовольстве духа. Повезло еще, что пожар произошел в каникулы. Иначе жертвы исчислялись бы десятками, а то и сотнями.

Я задумалась. Недовольство духа? Элиас рассердился, когда на днях я посмеялась над легендами Гвендарлин. Что, если это правда, и некое злое воплощение веками живет в замке и в любой момент способно нанести новый удар. Кого-то же мы с Шемом видели в гостиной — фигуру, «выпорхнувшую» сквозь стекло.

Бррррр.

«Говорят, основателей погубил дух, с которым Дарлин Ван-се-Рмун не сошелся характерами. Оба жаждали власти, но дух был заведомо сильнее и отплатил магу за самодовольство и непочтительность. Основатели лишь возвели стены Гвендарлин, истинную силу замка всегда питал дух».

Еще раз бррррр.

Я собралась захлопнуть книгу, но обнаружила на полях едва заметную надпись карандашом: «Непопулярные легенды». Почерк несомненно был женский: витиеватый, с аккуратно выведенными буквами. Хм. Еще одна книга? Надо вновь озадачить леди Филомену. Может, наткнусь на что-то полезное.

Я обвела гостиную усталым взглядом. Все разошлись. Остались Шем и я. Отлично. Полезно заняться и насущными, немагическими заботами.

— Что с тобой творится? — спросила я, ставя стул напротив кресла приятеля.

Шем печально развел руками.

— Я думаю. О силе. О силе полуветов, если точнее.

Ого! Загнул.

— И что надумал?

— Ну... — он потер лоб смешным полудетским движением. — Считается, что большинство из нас — тени со сломанной силой. Или ее подобием. Но есть и другие. Почти нормальные. Как ты или я. И Агния, пожалуй. Мы же сильные. Будто не совсем...

Он запнулся, испугавшись своих слов.

— Не совсем сломанные, — подсказала я.

— Ага. Это пугает. Даже своих. Не замечала, как они шепчутся за нашими спинами?

— Нет.

Я не кривила душой. Забот столько, что не до глупого шушуканья или косых взглядов.

— Взять Милли Дорвис, — продолжил Шем угрюмо. — Она владеет кулинарной магией. Правда, умеет готовить только сладости. Остальное горит, как ни старайся. Но она пойдет в кондитеры. Отличная работа. И всем вокруг польза. Или наш Лиан. Какой из него выйдет лекарь, пока не ясно. Но нашего брата любой устроит. Полноценные лечить полуцветов не торопятся. А мы? Что ждет нас?

Ох, Шем. Глубоко копнул.

— На худой конец поселимся с тобой на отшибе, и будем прогонять недоброжелателей мощной черной магией, — отшутилась я, хотя на душе скребли собратья Урсула.

Я предпочитала не задумываться о будущем. У меня-то ситуация посложнее, чем у остальных полуцветов. Как там сказал Ульрих? Искаженная магия и побочка.

— Ой! — Шем подскочил в кресле, указывая пальцем в окно. — Там!

— Где? — я нервно прищурилась, вглядываясь в ночную тьму.

Ничего. Только черное небо с седыми тучами.

— Показалось, наверное, — тяжело вздохнул Шем. — Будто кошка сидела. И подслушивала.

— Урсул, — заверила я. — Он любитель шастать по карнизам.

— Нет. Твой кот крупнее, — Шем поежился. — Ладно, давай спать. А то еще что-нибудь померещится.

Я последовала совету приятеля, но пролежала в синей постели с открытыми глазами часа два. Думала о духе, пожаре и погибших основателях. Но, когда победа в битве с бессонницей осталась за мной, приснились не они, а Урсул. Он бежал по темным коридорам замка, шустро работая лапами. К лунной башне. На лестнице, ведущей наверх, его поджидали. На нижней ступени сидела миниатюрная черная кошка.

Я могла поклясться, что это Тира.

На следующий день на «Истории магии» нас ждал особенный урок. Рэм Дюваль сдержал данное в начале сентября обещание и устроил экскурсию по Гвендарлин. Мы четвером всю дорогу держались мэтра, дабы не нарваться на пакость от полноценных. Агния смотрела Дювалю в рот, изображая рвение, чтобы педагог и дальше поощрял на практических занятиях. Шем плелся темнее тучи. Индивидуальные тренировки с мэтром, назначенные после памятного выброса в коридоре, не ладились. Вынужденная прогулка по замку в компании «наставника» вдохновения не добавляла.

— Гвендарлин существует более восьми столетий, — рассказывал Дюваль на ходу. — Колледж строили семь лет. Материалы привозили на кораблях по морю и поднимали на скалу. Это требовало и времени, и усилий. Замедляли процесс и регулярно проводимые обряды. В стены вплетено столько защитной магии, ни одному другому замку не снилось. «Спрятали» Гвендарлин позже. Через пять лет. Сюда проникли наемники, чтобы похитить двух учеников — отпрысков влиятельной в Многоцветье семьи. Существующая защита не сработала. Преступниками были выпускники, покинувшие колледж несколькими месяцами ранее. Они знали многие секреты. Тогда погибло две дюжины магов, включая детей. С тех пор и появились порталы с печатями.

Всё это я знала из «Истории Гвендарлин», но слушала Дюваля очень внимательно. В его устах сведения звучали гораздо интереснее, чем в пафосной книге. События оживали. Воображение рисовало закутанных в черные плащи злоумышленников. Они крались во мраке, пробираясь к ученическим спальням, где спали ничего не подозревающие дети. Ох, сколько же всего видели коридоры с высокими сводчатыми потолками. Я не раз мысленно называла колледж древним и доисторическим. А ведь правда, он — свидетель

стольких историй, горестей и радостей. Судеб! Мы все песчинки по сравнению с ним.

Дюваль вел нас все дальше и дальше, рассказывая о первых годах Гвендарлин: подробно, с красочными деталями, словно это происходило вчера. Основатели колледжа были темными магами, но хотели, чтобы в стенах учебного заведения все ученики чувствовали себя, как дома. Поэтому придумали черно-белые плащи и разноцветные стены с коридорами. Каждому оттенку нашлось здесь место.

— Почему же форма синяя? — пискнул кто-то из полноценных.

— О! — улыбнулся Дюваль. — Это дань уважения. И памяти. Изначально ученики ходили в родных цветах, но после пожара, унесшего жизни супругов Ван-се-Рмун, педагоги ввели форму. Синюю форму, как магия основателей.

Я споткнулась. Ну, дела!

Гвенда и Дарлин Ван-се-Рмун были черно-синими магами?! Как я?

Не повод для гордости. И все же...

— Кстати, о пожаре, — продолжил Дюваль с нотками грусти в голосе. — Мы пришли. Именно здесь он и начался.

Заслушавшись мэтра, я не обращала внимания, куда он нас ведет, и едва сдержала изумленный возглас. Знакомое место! Зал с неработающим фонтаном в форме кита и цветочными кадками вдоль стен. Взгляд устремился выше. Сквозь арки просматривался коридор, где я вытащила из стены сокровище. Совпадение? Кто знает. С другой стороны, Юмми Свон сказала, что кубок с птицами хранился там пару столетий. Огонь же охватил колледж значительно раньше.

— Интересно, почему в «Истории Гвендарлин» не написано, откуда начался пожар?

Шем дернул меня за рукав. Полноценные зашушукались.

Ох ты, пропасть! Я задала вопрос вслух!

— Эта книга, на мой взгляд, не слишком удачна, — проговорил Дюваль с легкой улыбкой, он не считал мой интерес неуместным. — Она правдива, но в ней немного... э-э-э... приукрашиваются события и действующие лица. А еще упускаются детали. Не из умысла, а, скорее, из-за небрежности автора. Например, пожар. В книге столько предположений и зловещих легенд, зато ни слова о месте возгорания. Но пожар начался именно здесь и распространился дальше, поглотив западную и южную части. Северная и восточная не пострадали. А всё благодаря талантливому водному магу, проводившему обряды при строительстве. Защита сработала, остановив огонь. Чего не скажешь о работе другого мага-водника, вплетавшего магию в стены с юга и запада. Основатели специально привлекали разных магов, чтобы максимально обезопасить владения. Кто-то оказался полезен, кто-то не оправдал ожидания. Жаль, это выяснилось при столь трагических обстоятельствах.

— Но почему колледж загорелся? — спросил Нильс Бернарду.

Я невольно перевела взгляд на мальчишку. Сходство со страшим братом легко угадывалось. Все те же черные волосы, смугловатая кожа, идеально ровные носы и тонкие губы. Однако Ульриху досталась более интересная внешность: и утонченнее, и мужественнее одновременно. А еще глаза! Я впервые обратила внимание на цвет. У Нильса они тоже зеленые, но обычного оттенка, не насыщенного, как у полуцветов. Не такие, как Ульриха.

— Почему загорелся? — пробормотал Дюваль задумчиво. — Боюсь, на этот вопрос не сможет ответить никто, кроме супругов Ван-се-Рмун. Но и они никогда не заговорят.

— А как же легенды? Про... про... — Нильс замолчал и покраснел, вспомнив, что при мэтрах запрещено упоминать местную «достопримечательность».

— Легенды о духе? — усмехнулся Дюваль под удивленные возгласы учеников. — Легенды — на то и легенды, чтобы множить выдумки.

— А еще говорят... говорят... — не унимался мальчишка, заикаясь от волнения.

— Что говорят, Нильс Бернарду? — спросил мэтр все с той же отеческой улыбкой.

Неугомонный братец Ульриха уткнулся взглядом в пол.

— Говорят, что Дарлин Ван-се-Рмун сам был недобрым магом. Что всё из-за него. Вот.

Дюваль помолчал с полминуты, раздумывая над вопросом. Или над ответом. А потом развел руками.

— Основатель был темным магом. А им испокон веков приписывают злодеяния или дурные намерения. Тебе ли не знать. Ты сам производишь из древнего темного клана.

— Да, но...

— Вот, что я скажу, Нильс, — перебил мэтр жестко. — Основатели погибли восемь столетий назад. Все сведения почерпнуты из письменных воспоминаний их современников. Там есть и дифирамбы, и осуждения. Истина, как водится, где-то посередине. Но самое важное: супруги Ван-се-Рмун подарили Многоцветью наш колледж. Я считаю, этого достаточно, чтобы чтить память о них.

Ученики дружно закивали, признавая правоту Дюваля. Даже три полуцвета. Все, кроме меня. Нет, я тоже не спорила с мнением мэтра. Но мне послышался смешок, и я завертела головой в поисках несогласного. Звук исходил не от учеников, а из глубины коридора. Странно. Как я расслышала его на расстоянии? Почудилось? Однозначно.

Или нет?

Вдали мелькнул силуэт. Кошачий силуэт! Как накануне заметил Шем, гораздо миниатюрнее, чем у моего синего друга Урсула.

Глава 15. Двое в стене

Мэтры словно сговорились и нагрузили нас таким количеством домашних заданий, что я на несколько дней позабыла и обо всех таинственных происшествиях, и о зеленоглазом поросенке, образ которого маячил в голове неясной тенью. Готовила реферат для Дитрих о красных магах, уверенная, что получу низший балл — на большее полувцветы у вредной магини могли не рассчитывать. Зубрила сложные заклятия, заданные директором

Бриттом, и заучивала перечень ингредиентов зелий для вспомогательной магии мэтра Шаадея.

Воспоминания обрушились все разом в одно прекрасное утро за завтраком. Шем с непроглядной тоской в ярко-желтых глазах раз за разом протыкал вилок котлету, но не думал употреблять ее по назначению.

— Ты чего? — спросила я, двигаясь ближе.

— Вдруг оно вернется? — протянул парень несчастно.

— Кто?

Я понятия не имела, о чем толкует приятель. Оно?

— Та нечисть в черном. Лилит, ты забыла? Сегодня же ночь духа!

Я опешила.

Новолуние? Уже? Тьфу!

Ну, я и заучилась. Ведь не только у Шема имелась причина нервничать. Я, помнится, в прошлый раз сорвалась посреди ночи из спальни на зов непонятно кого. Да еще в трансе!

— Молния не ударяет в одно и то же место, — заверила я приятеля, не веря своим словам ни на грамм. Эта молния еще как способна ударить, а потом бить и бить, не переставая.

Шем не оценил попытку. Глянул осуждающе, как смотрят дети на взрослых, выдумывающих небылицы вместо того, чтобы сказать всё, как есть.

— Не буду сегодня спать, — объявил он, отодвигая тарелку вместе с проткнутой котлетой.

— Не получится. Уснешь, как сурок. Думаешь, один такой умный?

Рядом с нами остановилась пухлощекая подружка старосты Милли Дорвис с подносом, наполненным грязной посудой.

— Ты пробовала? — заинтересовался Шем.

— Как и все в этом замке, — заверила Милли. — Бесполезно. Засыпаешь, едва голова касается подушки. Никакие сонные травы не нужны.

— А если не ложиться?

— Уснешь, сидя. И даже стоя. Проверено. Не одним поколением.

Милли взгромоздила наполненный поднос на стол и пошарила рукой в широком кармане запачканного передника.

— Лилит, это тебе. Пришло ночью из сектора темных, — передо мной лег синий конверт с аккуратно выведенным именем. Моим полным именем: Лилит София Вейн.

— От кого? — насторожился Шем.

— Не узнать, пока Лилит не вскрыет послание, оно зачаровано, распечатать под силу

только адресату, — пояснила Милли без тени любопытства. Иногда складывалось впечатление, что этой девице нет дела ни до чего на свете. Кроме ненаглядного Кайла.

— Открывай, — велел Шем нервно.

Но я медлила. Нутром чувствовала, письмо личное.

— Давай же!

В первый миг я увидела закорючки, не имевшие ничего общего с буквами, но прошла секунда, другая, и непонятные символы сложились в отдельные слова, а те в четкие фразы. Ох ты, пропасть! Мертвый язык! Взгляд скользнул ниже, и лист в руках заплесал от волнения. Под посланием стояли инициалы — на языке обычном. Две буквы: «У» и «Б».

— Что там? — Шем дернул меня за рукав.

«Встретимся после уроков. В пять вечера. В сером коридоре. Он в правой стороне от библиотеки — после сиреневого и кремового. Обязательно приходи. Это важно»

— Э-э-э... — протянула я, отчаянно прогоняя прочь образ Ульриха. — Это от Элиаса. Новости из нашего герцогства. Из моего дома. Тетка болела, но теперь поправилась. Мама передает привет. Очень скучает.

Ложь получилась неубедительная, но меня не заботила реакция Шема. Я торопилась в спальню, чтобы уничтожить письмо, пока кто-нибудь любопытный не сунул в него нос. Понять — не поймут, в особом секторе никто не изучал мертвый язык. Не уровень полувцветов. Однако неладное почуют, и сдадут преподавателям с потрохами. Кто-то же не постеснялся отправить директору анонимку о белом шарике. Может, даже Агния.

Глядя, как буквы исчезают в языках пламени, а невинный листок корчится на блюде, я мысленно костерила Ульриха. Тоже мне конспиратор! Мог бы найти другой способ передать сообщение. И вообще, я чего он взял, что я приду? Разбежалась! Вот сейчас ленты повяжу и крылья приделаю для скорости!

И все же на уроках, пока остальные переживали из-за плохо выученных заклятий, слабеньких рефератов или надвигающегося новолуния, мои мысли занимал Ульрих Бернару. Врожденная осторожность советовала послать его топиться в пруду отражения, но любопытство и участвовавшее сердце предлагали навестить на встречу. Изведусь ведь вся, если не выясню, что ведьмаку понадобилось. Предлог придумать на сложно — поход в библиотеку. За прошедшие дни я не удосужилась найти «Непопулярные легенды» — книгу, название которой прочла на полях «Истории Гвендарлин».

Погружаясь попеременно в маетные и мечтательные мысли, я забывала, где нахожусь, а стоило слушать мэтров. Например, Дюваля, рассказывающего о возникновении совета Многоцветья, или директора Бритта, объясняющего, как правильно применять заклятье конфиденциальности, не позволяющее посторонним подслушать важные разговоры. Последнее умение мне бы точно не мешало.

— Есть вопросы? — спросил пожилой мэтр в конце урока.

Вверх взметнулась рука любознательного Нильса Бернару.

— Существует ли заклятие, оберегающее от кошмаров? Ну... в особую ночь?

Грубое лицо директора перекосилось, напомнив скрученный ствол дерева.

— О чем вы, юноша? — спросил он жестко. — Что за особые ночи?

Ученики потупили взгляды. Бритт — не Дюваль. Даже намек на духа в его присутствии опасен. Бедняга Нильс сообразил это слишком поздно и теперь испуганно хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

На его счастье, директор сжалился.

— Лучшее лекарство от кошмаров — не переедать на ночь и получать позитивные впечатления, — объявил он под зазвучавший снаружи вальс, приглашающий на перемену.

Шем закатил глаза и процедил под нос:

— Доиграется этот выскочка Нильс. Хотя, — он подавил печальный вздох, — я бы тоже не отказался от подходящего заклятья. Или любого другого средства.

Уроки перед ночью духа, как и в прошлый раз, закончились раньше, практику отменили. После обеда полуцветы расположились в гостиной. Солировал молчаливый обычно Шем. Приставал ко всем и каждому с вопросами о борьбе с духом. Большинство обитателей особого сектора отмахивались, а староста Кайл мстительно посоветовал моему «жениху» обзавестись парой талисманов: засушенной лягушкой или тараканом.

Я устроилась поближе к камину и нервно поглядывала на настенные часы, неумолимо приближающие время в послании Ульриха. Идти или послать всё к чертям?

В качестве ответа явилось странное видение: ненаглядный ведьмак в компании Элиаса и Рашель. Троица спорила, стоя у стены с выпуклыми сырыми камнями — из тех, что не красили в разные цвета, дабы сохранить кусочки древности. Ульрих что-то говорил, загибая палец за пальцем, младший герцог сосредоточенно кивал, сестрица Свена кривила надутые губы и мотала изящной головой, отчего белокурые локоны игриво подпрыгивали.

Я подошла к ним и сердито объявила: — Мяу!

Ногти вонзились в ладони почти до крови, возвращая меня в гостиную полуцветов.

Чертов Урсул! Опять шпионит. Не за Эмилио, так за орденом.

Дождется порки!

Однако нечаянное подглядывание раззадорило и сыграло решающую роль. Я принялась планировать вылазку, упорно списывая желание встретиться с Ульрихом на любопытство, а не на потребность видеть грубияна. Вот явлюсь в серый коридор и залеплю пощечину. С размаху! А что такого? Я же психопатка. Неконтролируемая!

В половине пятого нервы сдали. Сославшись на головную боль, я показательно отправилась в сторону спальни, но в последний момент бочком проскользнула в холл. Убедилась, что там пусто, и покинула безопасную зону. Мгновенно пробрал озноб, как предостережение или предвестник неприятностей. Коридоры накануне особенной ночи пустовали, ученики расползлись по секторам, но по дороге могли попасться мэтры. Объясняй, почему брожу одна.

Но я упрямо трянула головой, расправила плечи и зашагала в сторону библиотеки. Сектор полуцветов располагался на стыке восточной и южной частей замка, а пункт назначения — в западной. Добираться до него пришлось минут десять даже короткой дорогой, «проложенной» на карте в голове. Однако мне везло, и на пути никто не встретился. Лишь однажды показалось, что кто-то разговаривает в одном из залов, но я прибавила шаг, и миновала опасный участок без происшествий.

Я напрочь позабыла, что месяц с памятного маскарада не прошел, а полуцветы наказаны и не имеют права разгуливать по замку после учебы. Зато леди Филомена этот факт помнила отлично и назидательно выставила перед носом указательный палец с тонким серебряным кольцом. Но, видно, мой искренний обалделый вид свидетельствовал о непреднамеренности «преступления», и библиотекарьша предпочла забыть распоряжение директора.

— Что тебе понадобилось на этот раз? — спросила она с толикой любопытства.

Я представляла для нее интерес. В качестве необычного экземпляра для наблюдений.

— «Непопулярные легенды».

Леди Филомена подняла очки на лоб и уставилась на меня, как на чудо-зверушку.

— Вот как, — протянула она нараспев. — Эту книгу не спрашивали, дайте боги памяти, четырнадцать лет.

Настал мой черед удивляться.

— Вы помните, когда у вас берут все книги?

— Конечно, нет, — замахала руками библиотекарьша, предварительно вернув очки на место. — Но интересующий тебя том хранится здесь в единственном экземпляре и оправдывает название. Не пользуется спросом. К тому же, в прошлый раз мне пришлось самой забирать книгу из спальни ученицы и... — леди Филомена остановила саму себя и добавила небрежно. — Не слушай мои глупости. Эта история не имеет отношения к делу.

Дама не приуменьшала. Книга выглядела новой, будто только попала в библиотеку, а не хранилась тут годами: на кожаной обложке ни единой потертости, странички ровные, без загнутых уголков или следов грязных ученических пальцев. Вероятно, юные маги брали том в руки от силы раз или два. Угроздило же автора так назвать произведение! Наверное, дело в этом. А чем же еще?

— Спасибо, — поблагодарила я леди Филомену, просвечивающую меня взглядом.

Следовало приступить ко второй части плана. Ульрих скоро появится в сером коридоре.

Сомнений не осталось. Иду, и точка!

Я провела в библиотеке не больше десяти минут, но снаружи произошли значительные перемены. Часть факелов погасла, остальные, зачарованные магией, горели тусклее. Точно! В прошлую ночь духа в коридорах не оставили света, хотя обычно замок не отдавали мраку. Новолуние — исключение во многих смыслах.

Я шла, нервно оглядываясь. Сердце тревожно стучало. Громче шагов. Сиреневый коридор. Кремовый. На подходе к серому предательница-уверенность капитулировала с поднятыми лапками. Может, послать всё и вернуться в родной сектор?

Я топнула ногой.

Ну уж, нет! Я — не трусиха! А Ульрих...

Ох, Ульрих!

Он нагнал меня сзади, ступая бесшумно.

— Ты раньше, — выдохнул в ухо, чуть не доведя до сердечного приступа. — Я опасался, что струсишь и не явишься.

— С чего мне бояться? — возмутилась я, призвав на выручку злость. Ульрих стоял близко. Слишком близко. Аж голова закружилась и колени затряслись. — Я же психопатка. А психопатки ничего не боятся. Они бесстрашные.

Он ожидал чего-то подобного. На лице промелькнуло выражение типа «так и знал, она дуется». В яркой зелени глаз отразилась тень снисхождения.

— Ладно, — Ульрих откинул назад черную челку. — Согласен. В прошлый раз я перегнул палку. Не стоило грубить. Я злился. Не на тебя. На ситуацию. Из-за того, что пришлось раскрыться и призвать Ялу. Надеюсь, извинения приняты?

«Это не извинения!» — хотелось закричать в лицо и ударить. Наотмашь.

Но я молчала, буравя парня гневным взглядом.

Так лучше, чем пускать слюни, как Милли при виде Кайла.

— Раз этим разобрались, — продолжил Ульрих как ни в чем не бывало, — есть дело. Мне нужна твоя помощь. Надо попасть внутрь стены и сделать кое-что магическое. Это важно.

Я расхохоталась. Истерически. Как та самая психопатка. — Серьезно?

Да как он смеет?!

Ульрих запрокинул голову и плотно сжал губы, гася гнев. Сообразил, что новая гадость не поможет на поприще убеждения полезного полуцвета.

— Давай так: ты оказываешь услугу, а я буду тебе должен, — предложил он, поостыв.

— Ты и так мне должен: и за ночь духа, и за вечер маскарада. Как и весь ваш орден!

— За маскарад я расплатился, спасая тебя от ножа ненаглядного Свена. И за прошлое новолуние тоже. Когда приводил в чувство в отражении и вытаскивал в реальность.

Спеси сразу поубавилось. От Свена Ульрих меня спас, не поспоришь. Еще и покалечил наглеца, да так, что тот взвыл побитым псом. Шикарное вышло зрелище. А отражение... ну да, тут тоже выручил, пусть и старался ради нас обоих.

— Решай, Лилит, — проговорил парень деловито. — Либо помогаешь, либо расходимся. Ни к чему тут торчать. Сегодня не вечер для прогулок.

Развернуться и уйти, гордо задрав нос? Да, это потешит самолюбие. Горько от мысли, что паразит меня использует. Метла Яла и та значит больше, чем такие, как я. Но что-то мешало. Что-то невероятно глупое и до обидного смешное. Бесконтрольное желание находиться рядом. Такое противное, аж до тошноты. Но если уйду, Ульрих никогда со мной не заговорит, не посмотрит в мою сторону. Ударить бы себя — дуру. Да толку-то...

— Хорошо, — согласилась я, отвернувшись. Глаза жгли слезы злости. — Будешь должен.

Пальцы коснулись стены. Нежно, как покрывала, скрывающего душу Гвендарлин. Легко раздвинули древние камни, открывая арку, из которой потек знакомый синий свет. Замок не сопротивлялся вторжению, я это явственно ощущала. Он не возражал, чтобы я вошла, а главное, чтобыпустила Ульриха. Доверял? Или знал, что тот не причинит вред. Ах, да! Ведьмак же из ордена, а колледж испокон веков защищает его участников.

Мне полегчало. Чуть-чуть.

— Что именно ты собираешься делать? — спросила я, закрыв за нами проход.

Спросила для вида, подозревая, что не ответит.

Но паразит вогнал в ступор.

— Творить ведьмовскую магию. Истинную. Она безобидная, не переживай. Но я не могу применять ее в замке. Из-за «локаторов» — приспособлений, нацеленных на «ловлю» запрещенных приемов. Засекут, возникнут вопросы. Ведьмаки вымерли, помнишь? Но мне очень надо кое с кем связаться.

— А тут... тут... — язык заплетался от растерянности.

— Не засекут, — заверил Ульрих уверенно, усаживаясь на пол спиной ко мне. — Я еще в прошлые два раза, когда твоими стараниями разгуливал внутри стен, пробовал кое-что по мелочи. Интересы ради. Все прошло гладко. Здесь мы хорошо спрятаны. Как и наша магия.

Из моих ушей чуть дым не повалил. Черный.

Позер! Пробовал он! По мелочи!

Но я смолчала. Не возмущилась. Смысл? Впустила же внутрь. Придется терпеть. Не выставишь, даже если захочется. У нас разные весовые категории. Ульрих старше меня всего на год, но учится на четвертом курсе. Да и ведьмовскими приемами владеет.

— А теперь, Лилит, притворись невидимкой, — велел зеленоглазый поросенок, копаясь в школьной сумке и извлекая странные предметы: камешки, веточки, пучки засохшей травы, сосуды с песком и водой.

Точно! Ведьмаки — природники, черпают силу из всего вокруг.

— Перестань пялиться, Лилит. Раздражаешь. В смысле, не ты. А твое внимание.

Я сердито фыркнула. Ну что за гад ползучий!

— У тебя глаза на спине?

— Нет, глаза у меня там, где им положено быть, — ответил Ульрих абсолютно спокойно. — Зато имеется особенное чутье. Займись делом. Полезным. У тебя же книга есть.

Я задохнулась от возмущения. И удивления. Выйдя из библиотеки, я спрятала «Непопулярные легенды» под синюю форму, чтобы не показывать Ульриху. Благо платье свободное, а томик — довольно тонкий. Я не хотела, чтобы кто-то видел эту книгу. Интуиция шептала держать ее подальше от чужих глаз.

— Говорю же, у меня особое чутье, — развеселился Ульрих и показательно щелкнул пальцами.

Я нутром ощутила магию. Очень необычную: тягучую, но свежую, как весенний ветер. Что-то случилось с моими ушами. Парень раскладывал принесенные предметы вокруг себя и, установив каждый на определенное место, хлопал в ладоши, но я не слышала ни единого звука.

Проклятье! Меня заставили оглохнуть?

— Что ты натворил?! — возмутилась я так громко, как смогла, и поморщилась.

Нет, уши ни при чем. Мой крик оглушил их основательно. Это полуведьмак отгородился от меня. Не заклятем, о котором сегодня рассказывал директор Бритт, а чем-то иным, свойственным «истребленному» народу.

— Ну и подумаешь, — протянула я. Вытащила из-под платья книгу и устроилась на полу. Спина к стене.

Я смотрела на титульную страницу, но не видела ни единой буквы. Боковым зрением следила за Ульрихом. Из принципа. Полуведьмак неспешно перебирал пальцами, заплетая невидимую косу. Каждое движение пропитывала нежность, тончайшая бережность. Но он не прикладывал усилий, повторял то, что делал сотни раз — легко и непринужденно. Я могла поклясться, что Ульрих поет. Как тогда — в отражении.

Я следила за ним и следила, пока взгляд не зацепился за строчки в авторском обращении к читателям. Глаза скакнули на лоб, распознав мертвый язык.

Ульрих и ведьмовская магия вмиг утратили актуальность.

«Дорогой, друг», — начиналось послание. — «Ты, действительно, друг, если смог это прочесть. Дело не в особом языке, а в магии, зачаровавшей строки. Книга открывается лишь истинным друзьям Гвендарлин. Остальные видят картинки и глупые небылицы, не имеющие ничего общего с реальностью. Им не понять всю важность этой книги...»

Я взволнованно посмотрела на обложку и обнаружила, что там не указан автор. Только название. Странно.

«Но прежде чем читать дальше, спроси себя: готов ты к открытиям? Ты прикоснешься к секретам. Опасным секретам, которые могут стоить тебе жизни и безопасности твоим близким. В стенах этого замка есть силы, не желающие, чтобы в их планы вмешивались, а тем более, ломали. Будь осторожен, друг. И удачи тебе».

В голове закопошилось слишком много мыслей сразу, среди которых, к моему стыду, было и желание немедленно захлопнуть книгу и вернуть ее в библиотеку. К чему новые проблемы? Но память услужливо напомнила, что я и так погрязла в них по самые уши. Призраки — или кто они там? — вряд ли отстанут по собственной воле, и лучше понимать, что творится в замке. Тем более, раз мы — «друзья».

Я перелистывала страницу за страницей в поисках новых вкраплений мертвого языка, но внимание вновь привлек Ульрих. Он поднял руки перед собой и быстрым движением раздвинул пространство, почти как я стены Гвендарлин. Ох ты, нечисть! Я подскочила, сидя, и выронила книгу. На том месте, где секунду назад простирался синий коридор, ведущий вглубь колледжа, появилось немолодое женское лицо в обрамлении длинных белокурых волос, разделенных на прямой пробор.

Конечно, оно не висело в воздухе и не проникло в замок само по себе — без тела. Лицо походило на иллюзию, чуть рябило и расплывалось. Однако...

— Демоны вас поберут!

Женщина посмотрела на меня, и пробрало до костей, внутренности скрутило. Ее можно было назвать привлекательной, если вы, конечно, ценитель дикой, чуть грубоватой красоты. От незваной гостьи исходила опасность. Такая, что эстетическая сторона вопроса теряла значение. Я с трудом подавила желание вскочить и кинуться наутек, а еще лучше — поскорее добраться до спальни и забиться под кровать. Подальше от черных глаз.

Я почти созрела для воплощения в жизнь трусливого плана, но незнакомка перевела взгляд на парня, что-то сердито выговаривая. Абсолютно беззвучно, благодаря поставленной защите. Едва женщина отвернулась, воздух вновь наполнил мои легкие в нужном объеме, и ужас притупился. Я сделала несколько глубоких вдохов, приходя в себя. Отпускало медленно, словно я выплывала на поверхность с самого дна. Вместе с облегчением возвращалась и злость. Ну, я и трусиха! Перепугалась насмерть от одного взгляда ведьмы. А еще темная, называется! И вообще, чего незваная гостья направляет на меня ведьмовскую магию и возмущается? Это она вторглась в мой тайный коридор! Это мои владения! Личные!

Теперь дамочка отчитывала Ульриха, а он оправдывался. Я не видела его лица, но вычислила вину и неуверенность по опущенной голове и нервным движениям рук.

Подделом наглецу!

— В болото вас, — припечатала я и потянулась за упавшей книгой.

«Непопулярные легенды» кувыркнулись основательно, раскрывшись на середине. Между страницами — ближе к концу — торчал кончик листочка, служивший прежде читателю закладкой. Повинуясь любопытству, я открыла книгу там, где он остановился. Точнее, она. Леди Филомена сказала, последней томик брала девушка.

На левой странице не обнаружилось ничего выдающегося. Автор рассказывал на обычном языке о жизни одного из директоров Гвендарлин. Зато на другой...

«Зеркала-близнецы: вымысел и истина».

Ого!

Я с жадностью прилипла к книжным строчкам.

Увы, меня ждало разочарование. Название читалось без труда, но всё остальное расплывалось. Я различала часть букв — все тех же «мертвых» букв, что автор использовал во вступлении, но сложить их воедино не удавалось. Но почему? Я же друг. Или не настолько близкий друг? Обида вонзила острые коготки в плоть, не ранив всерьез, но оставляя сеточки царапин. Я бы не отказалась прочесть о тайнах главной местной достопримечательности, презентовавшей мне Урсула, но в остальном не вызывающей доверия.

— Проклятье!

Пальцы со зла смяли закладку, но тут же торопливо разгладили неповинный лист, извиняясь за повреждения. Бедняге досталось крепко. Моя злость редко проходит даром для окружающих предметов. Однако уродливые извивающиеся линии-шрамы не помешали прочесть четыре строки. Снова на мертвом языке.

Помощник духа. Кто? Юрген Мунис? Алакс Риц?

Вытаращив от изумления глаза, я перевернула листок и охнула.

«Марго», — вывел другой почерк, не столь витиеватый, как первый. — «Мне надоели отговорки и игры. Жду в шесть вечера у нашего фонтана. Я не хочу тебя сдавать, но либо раскрываешь карты, либо отправишься домой. Эмилио»

В голове стало еще теснее от копошащихся мыслей.

Марго? Эмилио? Таких совпадений не бывает. Это точно они! Печальный средний герцог, предпочетший работу в Гвендарлин беззаботной жизни в родовом замке, и его таинственная возлюбленная, погибшая в юности. Леди Филомена сказала, «Непопулярные легенды» не спрашивали четырнадцать лет. А еще, что книгу пришлось забирать из спальни ученицы. Сходится! Марго не вернула особенный том назад по уважительной причине. Она умерла.

Значит, подружка среднего герцога проводила собственное расследование, вычисляя помощника духа, и, вероятно, за это поплатилась. Эмилио был в ордене. Может, и

Маргарита тоже? Но тогда почему она не делилась с ним. Не доверяла? Демоны! Она же подозревала преподавателя! Мерзкого щеголя Алакса Рица! Стоп. А Юрген Мунис кто такой? Бывший мэтр или ученик?

— Ты тут?

Бум!

Это мой затылок врезался в стену. В ушах зазвенело.

— Я спрашиваю, твой разум еще здесь или уплыл покорять новые земли?

— Уплыл, — шепнула я непроизвольно.

— О! Не знал, что полувцеты так умеет. Да вы уникамы.

Чужой сарказм мгновенно привел в чувство.

— Пошел ты! — огрызнулась я на Ульриха, растирая пальцами больную голову.

Во всех смыслах больную. Угрозидило же задуматься и не заметить, как парень закончил дела и навис надо мной, как змей-искуситель с дерева!

— Не психуй.

— А ты не хами. С мамочкой упражняйся в остроумии.

Лицо Ульриха пошло красными пятнами, и я поняла, что не ошиблась в определении родственных связей. Ведьма — его мать. И отношения у них явно не сахарные. Поэтому безопасней на эту тему не остричь.

— Идем, — сказал парень жестко. — Лучше...э-э-э... по внутреннему коридору. В стене.

Сказал через силу. Через гнев. С удовольствием бы облагодетельствовал еще парой ласковых. Но сдержался. Тоже мне герой!

— Ну, идем, — я поднялась, прижимая к себе книгу — обложкой внутрь.

Ульрих сделал показательно великодушный жест рукой, мол, дамы вперед.

Пришлось топтать первой, прокладывая в голове кратчайший путь до сектора темных. Паразит-ведьмак шел на расстоянии в три-четыре шага, но мне чудилось дыхание в шею. Это раздражало. Воображение рисовало красочные картины: вот я разворачиваюсь, и кулак смачно проезжает по задранному от важности подбородку. Или попадает прямоком в зеленый глаз. Ух! Я не понимала, что бесит сильнее: сам Ульрих с его жаждой использовать мой дар, или глупые чувства к нему, желание понравится и... Демоны! Я вообще не понимала, что мне нужно! Чего хочу от Ульриха!

И это нервировало еще сильнее. Аж зубы сводило! — Обязательно быть злючкой?

Я споткнулась, хотя под ногами простирался ровный синий пол. Обернулась и... Нет, кулак не встретился ни с подбородком, ни с другими частями тела ведьмака. Но взгляд я подарила парню отменный. От такого полагается падать, если не замертво, то в глубоком обмороке. Но что Ульриху мой взгляд? У самого не хуже. Не убийственный. Однако смешинки, пляшущие в невероятной зелени, способны любого вывести из строя. Точнее, любую. Любую дуручку, вроде меня.

— Постарайся хотя бы завтра не ершиться на пустом месте.

— Завтра? — протянула я угрожающе.

— Ага, у нас к тебе новое дело, — ответил негодник весело. — В смысле, у ордена. То есть, у части ордена. Насчет тебя мы не шибко сошлись во мнении.

Язык отнялся напрочь, хотя эмоции зашкаливали и прожигали ядом внутренности.

Это чертова компания когда-нибудь отстанет?!

— Помнишь, как ты достал кубок из стены?

Еще бы я не помнила!

— Похоже, это означает, — Ульрих закатил глаза, — что ты прошла испытание и стала частью ордена. Но мы не уверены. Такого прежде не случалось.

Я покачнула, нелепо взмахнув руками, аки взлетающий с воды лебедь, и непременно бы плюхнулась на пол, если б Ульрих меня не подхватил. Жар пронесся по телу удушливой волной, во рту пересохло.

Превратиться бы в ручей и утечь отсюда подальше.

— Мы сами в замешательстве, — заверил Ульрих, но я едва слушала. Скосила глаза, уставившись на его ладонь на моем правом предплечье. — В ордене ты или нет, легко проверить. Достаточно показать пару древних документов. Сможешь прочесть, ты — одна из нас. Нет, значит, дело в даре раздвигать стены. Но мнения разделились. Элиас, Юмми и я — за проверку. Тео, Брайс и Рашель — против. Увы, у Тео, как у главного, два голоса, так что они в большинстве. Однако мы подозреваем, Рашель проголосовала по родственному принципу, учла вашу со Свеном «любовь», а не интересы ордена. Вот мы троим и решили проверить тебя на свой страх и риск.

Не знаю, какой реакции он ждал. Ругани? Рукоприкладства? Но точно не покорности. Я слишком устала морально, чтобы спорить. Или причина крылась в ладони ведьмака, тепло которой я ощущала через ткань рукава. А, может, крохи удовольствия доставляла мысль, что есть полноценные, посчитавшие меня частью тайного привилегированного общества.

— Черт с вами. Проверяйте.

Ульрих осмотрел моё лицо с видом целительницы леди Виэры, сомневающейся, что пациент подлежит выписке из целебного блока.

— Уверена? — уточнил парень.

Я глянула с вызовом и сделала шаг назад, освобождаясь от рук ведьмака.

— Мне неинтересен ваш орден. Но на доисторические бумаги взгляну. Всё равно не отстанете.

Ответ не вдохновил Ульриха. Но в целом устроил.

Я же задумалась крепко. Что случится, если проверка пройдет успешно?

Глава 16. Огненный шторм

Вопрос о моей причастности к тайному ордену повис в воздухе. Встреча с тремя

«заговорщиками» не состоялась ни на завтра, ни в один из последующих дней. Нет, Ульрих и компания не передумали. Однако мне стало не до их подозрений и догадок. Всё на свете потеряло значимость, кроме сохранности собственной шкуры. Точнее, ее восстановления.

В прямом смысле.

Но обо всем по порядку...

Памятный вечер, плавно переходящий в ночь духа, я провела в постели, листая непопулярные легенды в поисках новых вкраплений мертвого языка. Всего я насчитала семь особенных историй (причем, история о зеркалах-близнецах значилась под номером шесть), но прочесть смогла одну — самую первую.

«Считается, что колледж Гвендарлин построен для всех цветов без исключения. Но это ложь. Замок возвели в особенном месте — на проклятой скале. Не пугайся, мой друг. Это всего лишь название. Но название со смыслом. Его придумали задолго до супругов Ван-се-Рмун, чтобы отпугнуть посторонних. На протяжении многих лет здесь проводили обряды сильнейшие темные маги, съезжавшиеся раз в год со всего Многоцветья. Камни впитали столько чар, что сохраняют их не один век. Поэтому Гвенда и Дарлин выбрали это место. Место, способное покровительствовать темным и встать на их сторону в войне против светлых, если придется.

Но основатели не учли, что оберегая колледж всевозможными чарами, они привлекут и разумного защитника — духа, который заботился обо всех обитателях Гвендарлин без исключения. Он не добро и не зло. Его волнует воспитание нового поколения магов всех мастей и сохранение мира. По крайней мере, так было вначале. До пожара, погубившего основателей.

Стал ли дух злым, сыграл ли он фатальную роль в судьбе супругов Ван-се-Рмун, вопрос пока оставляю открытым. Скажу лишь одно. С ночи пожара колледж, подпитываемый проклятой скалой, благоволит темным. Так будет продолжаться веками. Однако однажды за избранность придется заплатить. Получая защиту, темным придется отдавать толику сил — поколение за поколением, пока они не начнут вырождаться.

На этом, мой друг, предлагаю закончить первую встречу. Следующую особенную историю ты сможешь прочесть позже, когда придет время. Не порть зрение и не испытывай терпение на прочность. Буквы не сложатся в слова раньше срока...»

Я послушала совета, закрыла книгу. Сложила руки под головой и задумалась. Автор зачаровал легенды, чтобы читатель получал их частями. Хитро. Но благоразумно ли? Зато от сердца отлегло. Значит, я всё-таки друг, а не тот, кому доверяют через раз. Но это была единственная позитивная мысль, остальные навевали тоску и желание поделиться с кем-нибудь непосильной ношей.

О проклятой скале не знают даже мэтры. Гадают, почему с каждым годом темных учеников становится меньше. Ничего не подозревают, хотя книга годами хранилась под боком. Интересно, кто ее автор? Почему нельзя было рассказать всё прямо, вместо шифровок в «Непопулярных легендах», которые никто не стремится взять в руки?

Сколько же еще тайн хранят эти страницы?

А пресловутый дух? Что же он сейчас? Добро? Зло? Или безразличная бестелесная сущность, отказывающаяся принимать чью-либо сторону? Чушь! Некто, высасывающий по ночам энергию из учеников, по определению, наносит вред. Я видела его помощницу, проклинавшую детей. Она — враг. Получается, что и дух тоже. Но тогда как быть с силой, награждающей учеников дарами в начале учебного года? Она несет благословение. Или это обман?

Помнится, Элиас сказал, что дух и душа колледжа — противодействующие силы. Но младший герцог и его орден могут ошибаться.

Ох уж, этот орден... Орден, Элиас, Ульрих...

Глаза слипались, сон подбирался легкой поступью. Забирая. Унося...

Жар обжег спину и вытянутые в стороны руки. Тлеющая ткань рубашки въелась в кожу. Но я стояла, сдерживая адское пламя, чтобы выиграть время. Или не я. А кто-то другой. Мужчина, чьими глазами я видела, чью боль ощущала, как собственную. Она жгла раскаленным железом. До беспомыслия, до умопомрачения. Но маг терпел из последних сил. Ради белокурой женщины, возившейся у ног.

Я не могла разглядеть, что конкретно она делала. Какую магию творила под натиском смертоносного пламени. Её плечи подрагивали от беззвучных рыданий, от осознания того, насколько близок страшный конец.

— Не получается, — женщина подняла голову. В синих, как сапфиры, глазах стояли слезы. — Я не успеваю завершить обряд, Дарлин.

На красивом лице с правильными аристократичными чертами отразилось слишком много эмоций одновременно: страх, обида, гнев. Мужчину захлестнуло отчаяние. Он жаждал протянуть руку и погладить по щеке ту, ради которой был готов и убивать, и умирать. Но огонь не позволял. Любое движение лишь приблизит смерть, обратит обоих в пепел, поглотив все стремления и желания, не оставив ничего, кроме памяти. А память — всего лишь память.

— Не сдавайся, — прохрипел он, слыша, как трещат волосы на затылке.

Она сжала зубы, чтобы продолжить работу.

Но времени не осталось...

Я не желала видеть, как всё закончится, и разум послушался. Унесся прочь бестелесной сущностью, как дух Гвендарлин — сквозь пламя, не способное причинить ему вред. По охваченным огнем коридорам — прочь. Вылетел через распахнутое окно с повисшей пылающей рамой и пронёсся над негодующим морем, лишенным возможности повлиять на ход событий наверху.

Я посмотрела назад, хотя у меня и не было глаз.

Картина завораживала, несмотря на трагичность. Огонь охватил половину замка, вгрызаясь в него, как зверь в добычу. Грыз, грыз, но не мог преодолеть магическую защиту с севера и востока. Зато с западной и южной сторонами не церемонился. Языки пламени, сожрав всё доступное внутри, вырывались из окон, как победители, стремящиеся показать мощь.

И всё же стены держались. Я знала из «Истории Гвендарлин», что колледж выгорел изнутри и покрылся слоями копоти снаружи. Зачарованные камни выстояли, не превратились в черную груды. Да, дело в магии, но сейчас мне нравилось думать, что это сам замок сражается с жестоким противником. Борется. Вопреки боли и ранам...

— Тварь!

Вой ворвался в сон, скомкав его, как я книжную закладку, и разорвал в клочья.

— Что? Кто? Ох, мамочки!

Я резко села на постели, подскочила и врезалась в стену. Рядом с кроватью подпрыгивала знакомая фигура в черном одеянии с капюшоном, закрывающем лицо, и, стеная, трясла правой рукой. Из окна в спальню проникал тусклый свет, и я разглядела уродливый ожог на ладони. Он пузырился и должно быть доставлял невыносимую боль.

— Проклятая кукла, — прошипела помощница духа.

Кукла? О, да! Моя кукла с женскими каштановыми волосами, обмотанными вокруг талии. Та, что достал из шкафа Урсул. Она лежала рядом с подушкой и, похоже, стала

причиной травмы незваной гостьи. Ну и поделом!

— С-с-сама т-т-ты т-т-тварь... объявила я не слушающим со страху языком.

— Проклятая, проклятая! Уу-у-у больно!

На соседней кровати заворочались.

— Что тут прои... Огонь вас всех сожри!

Агния, как я, впечаталась в стену.

— Дети... Ненавижу... — черная фигура погрозила кулаком здоровой руки и покинула спальню через окно, как и в прошлый раз не повредив стекло.

Огневичка вытерла лоб и круглыми глазами уставилась на меня.

— Что... что эт-т-то было?

Я оправилась быстрее. Страх капитулировал, и вернулась злость. На всех сразу.

— Где? — поинтересовалась я небрежно.

— Фи-фигура. Че-че-черная.

— Тебе померещилось. Как нам с Шемом в прошлое новолуние.

Сотворив маленькую месть, я отправилась в ванную, умываться холодной водой.

Особый сектор гудел все утро. Ни я, ни Агния никому не сказали о появлении таинственной дамочки. Точнее, я поделилась с Шемом, а огневичка забилась в угол гостиной и упорно молчала. Вздоражили полувспоминания сны. Многим, как и мне, приснился знаменитый пожар. Правда, без основателей, пытающихся спастись благодаря заклятью Гвенды Ван-се-Рмун.

— Половина замка в огне. Жуть!

— Даже представить страшно, что это взаправду!

— Ага. Наш сектор тоже горел, да?

Все переглянулись. Угол, отведенный нашему брату, и правда, был углом. Находился на стыке восточной и южной сторон. Значит, мог гореть. Хотя бы частично.

— Почему всем снилось одно и то же? — рядом со мной и Шемом устроился Лиан, лишившийся компании Агнии. — Надеюсь, это не предзнаменование, и нового пожара не случится. Бррр. В прошлый-то раз ученики разъехались на каникулы. А сейчас...

— Сейчас нас полный колледж, — закончил мысль Шем, хмуря густые брови.

Разговор услышали остальные полувспоминания, впечатлились и развели демагогию до обеда. Я не вмешивалась. В болото болтовни о пожаре. Воспоминания о боли, испытанной основателем, слишком свежи и яркие. Будто сама сполна опробовала весь спектр ощущений. Чудилось, спину, где во сне в плоть въедалась горящая ткань, покалывало. Однако на коже не осталось ни следа.

Мне не нравилась огненная магия. Не пугала, а, скорее, тревожила. Я тоже умела выпускать на волю черный дым или выжигать траву, выплескивая раздражение. Но без единой искры, без единого языка пламени. Но сам огонь... огонь мне чужероден. Быть может, ситуацию усугубил Шем, невольно взяв нас обоих в серое огненное кольцо несколько недель назад. Меня нервировала одна мысль о пожаре и смерти в пламени.

После обеда учениц-первогодок вызвала леди Сесиль, посчитавшая вышивание в классе более полезным занятием, нежели безделье в секторах. За нами с Агнией вредная воспитательница явилась лично и пришла в ужас, обнаружив, что мы не в синих формах. Пришлось топтать в спальню переодеваться, пока кривящаяся от негодования мегера ждала в коридоре. Особенно ей не пришлось по вкусу моё розовое с металлическим

отливом платье, то, в котором я прогуливалась с герцогиней Викторией в саду Ван-се-Росса. Подумаешь! Полуцвет тоже имеет право на красивый гардероб!

— Старая гримза, — припечатала Агния, обнаружив, что надела форму задом наперед.

Я промолчала, но огневичка не ждала ответа. Мы так и не нашли повод для примирения. Сегодняшнему дню, несмотря на утреннее происшествие, не полагалось стать переломным. Однако...

Взгляд упал на заправленную синюю постель. На подушку, возле которой...

— Где кукла? — ужаснулась я.

Агния вытаращила глаза, как сова, вылетевшая из дупла посреди дня.

— Я не трогала. Правда. Я раньше тебя спустилась в гостиную и больше не возвращалась.

Всё верно. Я сама видела, как огневичка коротала время в углу с утра до обеда.

Но кукла точно лежала на кровати и не исчезла бы самостоятельно.

— Сюда не может войти никто, кроме полуцветов, — протянула Агния. — Девочек-полуцветов.

— Или черных дамочек, — добавила я, топая ногами со зла.

Как же мне без куклы? Она защищала от жуткого голоса, выманивающего в ночь!

— Но тварь обожглась при первой попытке похищения. Это кто-то из своих.

Я чуть не заплакала от досады. Из своих? Кто-то в особом секторе помогает духу?

Враг притаился настолько близко?

Плохо. Очень плохо.

— Лилит, надо идти, — проговорила Агния мягко. Чересчур мягко для себя. — Иначе леди Сесиль выйдет на тропу войны.

— Угу, — смирилась я с неизбежным.

А что оставалось? Обыскивать все спальни подряд? Никто не оценит рвения, а я, обвинившая братьев в краже, заполучу новых недоброжелателей. Для всех это просто кукла. Ничего не значащая безделушка.

День и дальше не задался. Вышивка получилась непривычно кривой, руки тряслись от раздражения и обиды, иголка плясала, несколько раз уколов пальцы. Агния рядом терзала ткань с не меньшим ожесточением и бросала на меня вопросительные взгляды, явно готовая объявить глупую ссору оконченной. Но я не замечала «знаки» огневички. Желание мириться пропало. Как и вообще с кем-то дружить.

Подумать только! Кто-то из полуцветов на стороне врага! Может, и правда, вступить в орден к Элиасу и Ульриху? Ради новых сведений. Паразитам что-то известно о замке. Наверняка!

— Никуда не годится, полуцвет Вейн!

Я вскрикнула от неожиданности, проткнув палец почти насквозь.

У магической стены, отделяющей нас с Агнией от полноценных девиц, остановилась леди Сесиль, с презрением взирая на мою работу. Выбрала в жертвы меня, хотя огневичка сидела ближе, а результат ее труда выглядел насмешкой над вышиванием, как над искусством. В жизни не поверишь, что сочетанию испуганно разбегающихся в стороны стежков полагается быть цветком. Ну, разве что кактусом. Красным.

Воспитательница всплеснула руками

— Никчемная, бездарная, глупая...

Обидные эпитеты сыпались и сыпались со злого языка мегеры, но звук ушел в иную плоскость или провалился в отражение. Я ничего не слышала. Уставилась бараном на правую ладонь леди Сесиль. На перебинтованную правую ладонь!

Совпадение? Или...

«Проклятые дети!» — кричала помощница духа в черном плаще. Воспитательница тоже не в восторге от учеников. Не только от полуцветов. От всех. Надрывая горло и придираясь по поводу и без оно, наслаждается властью, компенсирует собственную незадавшуюся жизнь. Ни семьи, ни будущего. Ее дом — колледж, но она — не мэтр. Воспитательница — низшее звено, а дрянной характер требует большего.

Или же я просто терпеть не могу леди Сесиль и готова приписать ей способность летать сквозь стекла и высасывать энергию из спящих учеников?

Агния проследила за моим взглядом, тихо охнула, и подалась назад вместе со стулом, царапнув ножками пол. «Травмы» половиц незамеченными не остались. Огневичка получила заслуженную порцию ругательств и красочных эпитетов от мегеры. Но не пикнула, хотя прежде не позволяла воспитательнице смешивать себя с грязью, даже если потом приходилось отрабатывать наказание у мэтра Шаадея. Сидела, потупив взгляд, и о чем-то судорожно раздумывала.

Едва кончился внеплановый урок, я вылетела из класса вихрем. Полноценные девчонки не успели встать с мест, не то, что сложить вышивки и «орудия труда» в сумки. Но Агния не уступила мне в прыти, нагнала в следующем же коридоре.

— Думаешь, это леди Сесиль прилетала к нам ночью? — спросила в лоб.

— Не знаю, — отмахнулась я. Откровенничать не тянуло. Не с огневичкой.

— В Гвендарлин не так много взрослых дам, — не унималась та. — Почти все мэтры — мужчины. Выбор не богат.

— Это мог быть дух. Женского пола.

— Угу. С каких это пор духи обжигаются?

Да-а-а-а, об это я не подумала.

— Но что особенного в твоей кукле? — Агния отказывалась замечать мое нежелание поддерживать разговор. — Обычно это глупые безделушки для суеверных мамаш. Ее кто-то зачаровал, да? Для защиты?

— Не знаю. Отстань.

— Не отстану. Ты в спальне живешь не одна, а мне не нравится, что ее превращают в проходной двор летающие мегеры и воры.

Вор...

Сердце скрутилось в трубочку от тоски и обиды. К демонам Агнию с ее допросом. Мне нужна кукла! Моя неприметная кукла с живыми волосами, обмотанными вокруг талии. Не ровен час, опять окажусь в коридоре посреди ночи. В трансе!

БУМ!

— Ох ты, пропасть!

Я прозевала нападение. Ядовито-зеленая липкая жидкость окрасила форму на груди, оголенную шею и подбородок, а первогодка, облагодетельствовавший «чудным» подарком унес ноги прежде, чем мы с Агнией сориентировались. Только и осталось, что взирать на пятнище, ругаться и корить себя за невнимательность.

Ну и ловкий гад. Но я отомщу! Всенепременно!

— Отомстишь-отомстишь, — проворчала огневичка. — Но сейчас лучше поторопиться, пока тебя никто не видит. Догонят полноценные девицы, будут ржать, как лошади. И далеко, не как чистокровные.

— Тебе виднее, — пробурчала я, стараясь не коснуться руками зеленой мерзости, намертво прилипшей к ткани и коже. — Ты лучше разбираешься. В лошадях.

Увы, добраться до сектора полувцветов нам не удалось. Точнее, мне.

Всё произошло слишком стремительно, словно само время завертелось смерчем, не давая сфокусироваться и повернуть события в свою пользу. Я сделала шагов пять-шесть максимум, когда из-за угла высунулся еще один мальчишка-первогодка. Издав воинственный клич, он подкинул в воздух красный шарик и кинулся наутек. Я же, не наученная горьким опытом, проводила кругляш до потолка и обратно растерянным взглядом.

— Берегись! — завопила Агния, разобравшаяся в происходящем куда лучше меня. — Это огненный шторм!

Мгновение, и я оказалась на полу, придавленная огневичкой. Она закрыла меня собой, не заботясь о собственной сохранности. Мысль о причинах чужой самоотверженности не посетила. Не успела. Я лишь отметила в уме, как слабо отозвался трилистник, приклеившийся к телу благодаря зеленой мерзости. Вспыхнул теплом и погас, как свеча на сквозняке.

— Не вдыхай! Только не вдыхай! — огневичка крепко зажала мне рот и нос.

Агния не преувеличивала.

Огненный шторм. Иначе не назовешь.

Пламя прошло многометровой волной, сносящей всё на своем пути. Не поглотило в прожорливое чрево, не переварило, обращая в ничто. Но провело по телу сотней ядовитых языков, прожигая насквозь, как несчастную бумагу в пепельнице. Рубашка, тлеющая на спине основателя — солнечный жар по сравнению с этим. Все мысли, страхи, чаяния исчезли, оставив боль, способную довести до безумия. Оставили одно единственное желание — чтобы всё закончилось. Так или иначе. Лишь бы скорее.

Не знаю, закричала ли я. Вдохнула ли пламя, калеча легкие. Сознание сжалилось, уплыло прочь. От огненного шторма. И бесконечной боли. От самой себя, сдавшейся без боя, согласившейся на смерть. Так легко. Так просто.

Но я не умерла. Связь с телом сохранилась, словно я — тянущийся ввысь ствол с раскинутыми руками-ветками, а оно — похороненные в земле уродливые корни. Я превратилась в духа или бесплотную сущность и полетела по коридорам, ярко освещаемым факелами. На запад. Туда, куда однажды поднимался Урсул, привлеченный звуками скрипки — в лунную башню. Туда, где обитала тень смерти.

Сегодня девушка в синем платье не играла, не терзала уставшие струны. Застыла у распахнутого окна и смотрела в безлунную ночь. Каштановые с рыжинкой волосы перебирал легкий ветер. В облике призрачной незнакомки ощущалась бесконечная горечь. Она проиграла битву. Вопреки усилиям. Вопреки упрямству. Но чужая воля не сломала ее, а лишь надломила.

«Кто ты? Маргарита, верно?»

Вопрос остался незадаанным. Незадаанным вслух. Но девушке не требовалось слышать мой голос.

— Ты притягиваешь беды, Лилит. Нехорошо.

Она не насмехалась. Не осуждала. Констатировала очевидное.

— Тебе нельзя на эту сторону, девочка. Не смей умирать.

Я бы расхохоталась, если б могла. Не сметь? Будто меня спрашивают!

— Речь не о сегодняшнем дне, — продолжила призрачная собеседница, не оборачиваясь. — Огненный шторм тебя здорово потрепал, но ты поправишься. Пусть и медленно. Злые выходки учеников — ничто по сравнению с силами, ведущими на тебя охоту. Я знаю. Я тоже слышала тот голос — мужской или женский, не разберешь. Бродила по замку зачарованная, не помня, как вышла из спальни. Лилит, не совершай ту же ошибку, что и я.

«Не умирать?»

Жаль в мыслях не отразить сарказм.

— Не води расследование в одиночку. Эту войну самой не выиграть. «Но я не хочу...»

— Твои желания никого не интересуют. Как и мои когда-то. Мы пешки в их игре. «Какой игре?!»

Девушка потеряла виски, вложив в движение столько усталости, что я испытала жалость.

— Если б я знала ответы, Лилит. Моя память, словно мрачный лабиринт с сотней коридоров. Я вижу обрывки, расплывчатые образы. Впрочем, я и при жизни не узнала всего. Но подошла чересчур близко. Настолько близко, что они приняли меры. Увы, я не помню, что именно выяснила в те последние дни, не знаю имени палача.

Меры? Странный синоним она выбрала для собственного убийства.

Для убийства. Именно убийства! Не было в лунной башне никакого самоубийства!

— Найди союзников, Лилит! — голос девушки зазвенел от напряжения. — Есть орден. Они дети, конечно. Но такие дети веками защищали Гвендарлин от мрака, не осознавая своей истинной роли. Есть Эмилио, в конце концов. Он поможет. Любой ценой. Я сожалею, что не доверилась ему. Фатальная ошибка, обошедшаяся слишком дорого. Для нас обоих.

Я вспомнила среднего герцога, терзающего скрипку. Смычок с радостью разорвал бы струны. Лишь бы причинить скрипке боль, заглушающую собственную.

«Он был дорог тебе, да? Эмилио Ван-се-Росса?»

Слишком личный вопрос, пожалуй. Особенно из уст полуцвета.

— Тебе пора, Лилит. Возвращайся в тело.

«Но...»

— Ты говоришь со мной лишь потому, что находишься на грани жизни и смерти. Не стоит затягивать, балансируя над пропастью.

Девушка взяла с подоконника скрипку и смычок. Нежно коснулась струн. Я приготовилась к знакомому плачу. Но вместо горестных всхлипов из инструмента полилась глубокая, тягучая, как смола, мелодия. Мрачноватая. На любителя. В ней жила темная магия, но музыка не вызвала грусти или отторжения. Меня наполнили светлые эмоции, как ночную комнату огоньки пары дюжин свечей.

Будь моя воля, я бы задержалась в башне. Еще на несколько минут. Или секунд. Но нечто мощное потянуло назад — в коридор, где двое первогодок устроили нам с Агнией смертельно опасную ловушку. К двум поверженным пламенем телам. Моему и...

Нет. Только к одному поверженному телу.

Огневичка, недавно накрывавшая меня собой, сидела на закоптившемся полу. Целая и невредимая. Всклипывала, и по-детски терла мокрый нос.

— Что тут происходит?

— Опять пожар?

— О боги!

В пострадавший от огненного шторма коридор вбежали мэтры. Трое. Рэм Дюваль, Эмилио Ван-се-Росса и Летисия Дитрих. Последняя издала испуганный возглас и зажала рот ладонью, будто вот-вот стошнит. Ее спутники побледнели. Средний герцог качнулся.

— Лилит, — прошептал он.

Будь у меня (то бишь, у моего сознания) волосы, то непременно встали бы дыбом. Потому что таким тоном произносят имена умерших. Не живых. Я «посмотрела» на себя со стороны и ужаснулась. Упала бы в обморок, если бы чистый разум это умел.

«Нет! Это не я. Не я!»

Но меня вновь не спросили. Дух или нечто иное, путешествующее по коридорам без тела, потянулся к земной оболочке. Вошел в нее стрелой и заполнил собой, будто пустой сосуд. Боль добралась до каждого нерва, до каждой клетки. Взорвала мозг, чтобы погрузить во мрак. Я погасла. Как факел, который безжалостная рука опускает в воду.

Глава 17. Ведьмовские шрамы

— Терпи. И не ерзай. Иначе останутся следы.

Леди Виэра обильно смазывала ожоги на правой щеке, лбу и шее вонючей желтой мазью, прежде чем покрыть пострадавшие участки свежими бинтами. Я сжимала зубы, силясь не зареветь в голос. Боль сводила с ума, терзала, не давая думать ни о чем другом. А ведь пытка едва началась. За обработкой лица последует смена повязок на теле — в основном с боков, там, где меня не закрывала Агния. Голову смазывать не требовалось. На нее в первый же день напялили зачарованную магией шапочку, чтобы восстановить кожу и сгоревшие волосы, и теперь не снимали.

— Хватит! — взмолилась я, когда упорная целительница добралась до обожженных ног. — Не могу больше!

— Можешь, девочка, — не согласилась та, нанося толстый слой мази на левую голень. — Еще как можешь. Если хочешь остаться красивой.

— Не хочу!

— Хочешь, — в палату вошла Ренет, которая обычно пряталась за дверью во время ежедневных «эксекuciones». Ей не хватало выдержки смотреть на моё отчаянье. Но сегодня громкие жалобы достигли коридора, и сердце не выдержало.

— Мам! — захныкала я. Слезы все-таки потекли по щекам — на новые бинты.

Леди Виэра запричитала, пригрозив начать обработку лица заново. Пришлось сжать зубы крепче прежнего и замолчать, мысленно проклиная всех, кто приходил на ум.

— Ничего-ничего, — Ренет присела рядом и посмотрела с привычным обожанием. — Скоро все заживет. Всё пройдет. Всё-всё.

Она приехала в Гвендарлин через день после огненного шторма, получив гостевую печать, и жила тут третью неделю — преимущественно в моей палате. На этот раз меня, как и всех пациентов, лечили в целительском блоке. Не отправишь же восвояси полуобугленное тело. Я плохо представляла результат «шутки» первогодок. Видела лишь ожоги на руках и ногах. Зеркало мне предусмотрительно не давали, что свидетельствовало, насколько плохи дела. Леди Виэра заверяла, что после лечения я буду, как новенькая. Но верилось с трудом. Вся обожженная. Без волос. Покрытая бинтами. В общем, я и сама не испытывала желания знакомиться с новым отражением.

Поначалу осознание случившегося не давало дышать и вызывало поочередно то глубокое горе, то безудержную ярость. Последняя не обошлась без последствий. Шторы в палате дымились трижды. Еще и ваза разлетелась вдребезги, а цветы, присланные Шемом, скорчились и почернели, словно попали в невидимый костер. Иногда я лежала, вцепившись зубами в край подушки, с трудом сдерживая слезы ярости или обиды, а некоторые дни проводила, уставившись в одну точку, утопая в жалости к себе. Ну, правда! Что плохого я сделала, чтобы заслужить ТАКОЕ?!

Если б не присутствие мамы, не знаю, как бы я всё это пережила. Она, как никто, умела привести меня в чувство, напоминая, что плохие вещи иногда случаются без причины, а еще, что в темных магах тоже есть свет. Подобные заверения, если честно, на меня не действовали. Свет? Во мне? Да идите вы лесом! На четвереньках! Но срабатывал иной фактор. Рядом с Ренет я стыдилась злости и прятала ее так глубоко, как могла.

Меня никто не навещал, кроме Урсула, спавшего по ночам в ногах. Леди Виэра не разрешала посещения, не желая сильнее травмировать мою пострадавшую психику. Мол, ни к чему приятелям глазеть на слои бинтов вместо симпатичного лица. Вот пройдут ожоги, тогда, пожалуйста. Но полуволны всё равно пытались прорваться, по очереди обивали порог: и Агния, и Шем, и Лиан. Мама сказала, что пару раз видела снаружи младшего герцога в компании блондинки-коротышки.

Наверное, следовало удивиться вниманию Элиаса и Юмми, но я не хотела о них вспоминать. Я даже о спасшей меня Агнии почти не думала. Об Агнии, оставшейся целой и невредимой под натиском огненного шторма. Я без дополнительных объяснений

поняла, в чем тут дело. Темнопламень. Конечно же! Подружка происходила из рода знаменитых темных магов, о которых однажды на уроке рассказывал Алакс Риц. Им не способно причинить вред чужое пламя. Ничье, кроме того, что создали родственники. Что ж, такое происхождение объясняло вечный гонор огневички.

Сидя взаперти, я не знала, что происходило в колледже, в том числе, наказали ли первогодок за мои увечья. Ни одна новость не долетала до целительского блока. Временами появлялось ощущение, что я нахожусь не в Гвендарлин, а в некоем ином измерении. Лишь море за окном напоминало, что я не покидала мрачный замок. Оно менялось, как и весь вид в целом. Осень брала своё. Золотисто-красные одеяния могучих деревьев, окружающих здание, редели, и на земле с каждым днем прибавлялось ржавых пятен. Небо всё чаще темнело, пряча солнце, а морская вода беспокоилась в предчувствии холодов и будущих снегов.

Но я мало обращала внимания на перемены. Фиксировала их, как нечто незначительное, хотя прежде любила наблюдать за сменой времен года. Я хандрела и варилась в собственном соку. Вплоть до сегодняшнего дня.

— У тебя посетитель, Лилит, — неожиданно объявила леди Визра, закончив перевязку. — Ему я отказать не вправе, он и так долго ждал.

Мы с Ренет удивленно переглянулись и ахнули в унисон, обнаружив на пороге Эмилио.

— Герцог...

— Мэтр...

— Прошу прощения за вторжение, леди Вейн, но мне необходимо поговорить с вашей дочерью, — с привычной вежливостью обратился Эмилио к моей матери.

Та порозовела от смущения. Со времен девичьей влюбленности минули годы, однако ж средний герцог Ван-се-Росса и теперь красавец, каких поискать.

— Хорошо, — пробормотала Ренет. — Но только в моем присутствии.

— Разумеется.

Эмилио пододвинул стул к кровати. Взгляд скользнул по моему лицу и чертовой шапочке, прячущей лысину. Очень мягкий взгляд. Подбадривающий.

— Леди Визра уверяет, что скоро ты полностью исцелишься, Лилит. Я склонен ей верить. Помню, как ловко она привела в порядок моего сокурсника, чужими стараниями с ног до головы покрывшегося змеиной кожей.

Я прыснула, но тут же охнула от боли. Увы, пока мимика — мой враг.

— Однако я пришел поговорить о серьезных вещах, — продолжил средний герцог, складывая ладони домиком. — Тебе следует знать, что произошло в замке после нападения. Твои неприятели поплатились за содеянное. Они несовершеннолетние, поэтому речь не идет о нарушении закона. Однако огненный шторм — не игрушка. Если бы не трилистник, откликнувшийся даже сквозь блокирующую магию, и особенные способности твоей подруги Агнии Бэртон, мы бы сейчас не разговаривали. В общем, совет колледжа счел поступок юношей преступлением и исключил обоих без права на восстановление.

Язык отнялся напрочь. Полноценных исключили из-за меня?! Ну, дела!

Интересно, такое уже случалось?

— Как отреагировали остальные ученики? — взволнованно спросила мама. — Не принесут ли крайние меры новых бед?

Ох... О мести за своих я и не подумала. Мало мне ожогов и сгоревших волос!

— Не думаю, — отозвался Эмилио с улыбкой. — Это решение многих вернуло с небес на землю. И напугало. Раньше здесь мало кто задумывался, насколько дорого можно

заплатить за причинение вреда полуцвету. Теперь они знают. И поостерегутся.

— Надеюсь, вы правы, герцог, — Ренет едва не плакала с расстройства. — Будь моя воля, я бы увезла дочь домой. Сегодня же! Но мне запрещают.

— Знаю. И согласен с этим решением. Лилит должна учиться контролировать мощь. Пока не поздно.

Мама посмотрела на меня с пронзительной нежностью. Пробрало до костей. Я громко всхлипнула и чуть не разревелась, как глупая корова. От позорной сцены спасла мысль о промокших бинтах и новой перевязке.

— Это не всё, о чем я хотел поговорить, — Эмилио почувствовал себя неловко из-за моей реакции, взгляд стальных глаз уперся в собственные колени. — Нападение на тебя — это проверка для первоодок. Ее устроил один из старших учеников. Он же снабдил их жидкостью, блокирующей амулет.

От обожженной макушки до покрытых бинтами пяток прошла ледяная волна. Дальше мэтр мог не продолжать.

— Свен Фаули.

— Верно, — кивнул Эмилио и плотно сжал губы.

— Только не говорите, что поддонок опять ушел от ответа! — всплеснула руками Ренет.

— С какой стороны посмотреть, — средний герцог замялся. — Сам Свен ничего не сделал. Только жидкостью снабдил. Мальчишки признались, что огненный шторм — их собственная затея. Для меня это не аргумент. Важны последствия. Однако директор Бритт не рискнул создавать прецедент и исключать ученика, недавно получившего благословение Гвендарлин. Это бы свело на нет сам смысл древней традиции.

Я горько засмеялась, наплевав на мгновенно откликнувшуюся боль.

— Значит, Свен получил свой дар. Удачу в любых начинаниях.

По лицу Эмилио пробежала тень.

— Я бы не спешил так думать. Истинный дух Гвендарлин никогда не поощрял злодеев. К тому же, господину Фаули все же пришлось покинуть наши стены. На время. Чтобы привести в порядок... э-э-э... здоровье.

— Что случилось? — занервничала Ренет.

— Хороший вопрос. Несколько дней назад темный сектор разбудили крики Свена. Он очнулся с исполосованным лицом. Кто-то нанес увечья. Серьезные. Магическим способом. То есть, не совсем магическим...

— А каким? — теперь заволновалась я.

Не Урсул ли постарался? Когти-то о-го-го! Не хватало, чтоб еще кота отобрали!

Но Эмилио огорошил куда сильнее.

— Ведьмовским способом. Очень-очень мощными чарами. Удивительное дело, учитывая, что все здешние так называемые ведьмы и ведьмаки посредственны. Требовалось накопить в некоем предмете огромное количество силы, чтобы так покалечить. Признаться, мы в растерянности. Виновник не найден, подозреваемых нет. Все ученики из ведьмовских держали со Свеном нейтралитет.

— Никто же не думает, что это Лилит? — мама прижала ладони к губам.

— Конечно, нет. Лилит находилась под присмотром леди Виэры, да и полуцветы на подобное не способны. Только потомки истинных ведьм. И то единицы. Загадка.

Я молчала, не смея издать ни звука. Ибо отлично знала, что в Гвендарлин учится истинный ведьмак. То есть, полуведьмак. Тайный полуведьмак. Но разве такое

возможно? С чего бы Ульриху Бернару подставяться? Он же сам говорил, что не может колдовать в колледже, не оставшись незамеченным. А это опасно.

Может, он не единственный ведьмак? Из настоящих? В конце концов, Свен с его мерзким характером много кому дорогу перешел.

— Леди Визра не смогла помочь господину Фаули, — продолжил Эмилио с нотками печали, но я заподозрила, что ему доставляет удовольствие мучения негодяя. — Редчайший случай, однако неудачу легко объяснить: наша многоуважаемая целительница — не потомок ведьм. К ним, к слову, родители и повезли юношу — на консультацию.

Звучало не слишком обнадеживающе. Ну и отлично. Пускай шрамы на самодовольной физиономии Свена останутся до конца дней. Я не против.

Леди Визра отлично знала свое дело. Я поправлялась. С каждым днем площадь ожогов уменьшалась, новая, нежная, как у младенца, кожа покрывала пострадавшие участки. перевязки переносились легче, не вызвали желания буйствовать и орать раненным медведем. Хотелось дышать, чувствовать, жить. А еще лучше — вернуться домой. Подальше от мрачных тайн древнего замка. И зеленых глаз Ульриха.

Мама повеселела, расслабилась. Болтала о пустяках или читала вслух, сидя с ногами в кресле у моей постели. С блаженной улыбкой вспоминала собственную юность в Гвендарлин. Я и не подозревала, как сильно она любила это место. Дома колледж не упоминался и вскользь. Ренет — есть Ренет. Раз Дот здесь не училась из-за болезни, а меня не собирались зачислять, причислив к бесполезным созданиям, мама благоразумно не травмировала наши чувства.

— Можешь вылечить? — спросила я в один из дней, кивнув на вазу с завядшими цветами — очередным проявлением заботы Шема.

Комната тонула в ранних ноябрьских сумерках, но я разглядела мягкую мамину улыбку.

— Нет. В этих стенах не работает никакая магия, кроме целительской. Ты не знала?

Я покачала головой. Для нас — полуцветов — жизнь в колледже иная. Она во многих аспектах проходит мимо. Полноценные тут живут, а мы лишь выживаем. Для них Гвендарлин — второй дом, для нас — поле боя. Для меня, так и вовсе в прямом смысле.

— Не хочешь рассказать об этом мальчике? Шеме? Эмилио говорит, вы встречаетесь.

Я вытаращила глаза, как пойманная рыбина, по глупости позарившаяся на червячка. — Я и Шем? Ах, да...

Пришлось рассказывать о приставучем Кайле Несторе и идее Шема притвориться парой.

— Ты уверена, что это притворство? — спросила мама неожиданно строго.

— Да, конечно.

— Для мальчика тоже?

Я снова ответила утвердительно, но сама напряглась. Никто, кроме Шема, цветов не присылал. Но ведь он сам настаивал, что наше свидание на маскараде исключительно дружеское. Правда, потом дулся, что я испарилась.

Нет, глупости. Для будущего великого темного мага я — свой «парень». И точка.

...Утром следующего дня на пороге нарисовался еще один посетитель, безропотно пропущенный леди Визрой. Неожиданный и незванный. Юмми Свен в обнимку с книжной стопкой, которая при росточке девчонки смотрелась внушительной горой.

— Прошу прощения за вторжение, — объявила бывшая белка, вручая все это добро удивленной Ренет. — Весть, что Лилит пошла на поправку, разлетелась по колледжу быстрее северного ветра. Мэтры посчитали, ей пора возвращаться к учебе. Вот, — она достала из кармана исписанный лист. — Это список глав, которые следует прочитать, и

темы письменных работ.

Я язык прикусила с досады. Еще не выздоровела, а придется корпеть над учебниками.

— Вы подруга моей дочери? — уточнила мама, взирая на Юмми с подозрением. Я не упоминала, что общаюсь с кем-то не из особого сектора.

— Знакомая, — улыбнулась та. Вполне располагающе. — Я староста четвертого курса. Светлая. Кому-то следовало собрать задания для Лилит, а с полувцветами мэтры вряд ли б захотели б это обсуждать. Вот я и вызвалась.

— Как благородно, — улыбка Ренет добра не предвещала. Как и тон.

Но Юмми не смутилась.

— Вы же знаете, леди Вейн: не все полноценные — законченные уроды.

Если б на месте мамы был кто-то другой, я бы зааплодировала Юмми за мастерский укол.

Однако грубость в адрес Ренет — непозволительная роскошь. Ни для кого.

— Не все, — объявила я ядовито. — Но большинство.

Староста печально вздохнула.

— Видите, леди Вейн, ваша дочь тоже предпочитает не замечать полутонов, — Юмми присела на край кровати. Посмотрела в упор. В глаза. Не фокусируя внимания на бинтах и позорной шапочке. — Лилит, ты считаешь, одним полувцветам несладко? Зря. Магам и без вас хватает поводов для баталий. Темные — светлые. Светлые — темные. Вечное противостояние. Не говоря уже о дружественных и враждующих цветах. Еще и потомки ведьм при делах. Они вечно крайние, и оттого готовы пакостить всем и каждому. И поверь, я тоже в Гвендарлин не леди-популярность. До того как назначили старостой, только и слышала вслед: карлица да коротышка.

Ох...

Я стыдливо отвела взгляд. Коротышка. Разве не этим словом я мысленно называла Юмми? И, правда, некрасиво. Получается, я, как и полноценные, смаковала чужой недостаток? Вот, пропасть!

— Держи, — Юмми примирительно протянула лист с домашним заданием. — Не всем наплевать, Лилит. И далеко не все одобряют поведение первогодок. И Свена.

— То есть, тебе не всё равно? — уточнила я не слишком дружелюбно.

— Верно. Ты одна из нас. В смысле, из учеников Гвендарлин.

Наверное, мои глаза вспыхнули не хуже, чем у Тиры или Урсула в свете свечей. Юмми засмушалась и поспешила попрощаться, а я, едва за незваной посетительницей закрылась дверь, ударила кулаками по матрацу. О, да! Я отлично поняла смысл слов белки. Одна из них! Одна из ордена! Не хочу! Не буду! Это раньше я подумывала вступить в тайное общество во имя собственного расследования. Однако огненный шторм поменял приоритеты. Ну, всех в болото! Буду сидеть в особом секторе, не высовывая носа.

— Что с тобой? — удивилась мама.

— Не хочу общаться с полноценными. Вот и всё.

— Согласна, странная девочка. Прямолинейная. Но вроде неплохая.

— Всё равно не хочу.

Ренет поцеловала меня в лоб (точнее, в полоску кожи, не покрытую бинтами) и оставила в покое, отлично зная, что сама остыну быстрее. Вот я и остывала. До самого вечера. Без вдохновения листала принесенные Юмми учебники, но думала об ордене. И о словах

загадочной Маргариты, ставшей после смерти заложницей лунной башни. О требовании найти союзников.

«Есть орден. Они дети, конечно. Но такие дети веками защищали Гвендарлин от мрака, не осознавая своей истинной роли...»

Звучало пугающе. Защитники, не понимающие собственной роли. Как темные маги, веками отдававшие силу древней скале? А, впрочем, какая разница? По словам убитой девицы — мы все играем роли в чем-то спектакле. Как играла она сама когда-то. Уж если Маргарита не справилась — полноценная и почти взрослая, проучившаяся в Гвендарлин несколько лет, куда полувзрослая-полувзрослая?

Может, послушаться призрака и довериться Эмилио?

Нет. Не могу. Я не готова откровенничать со средним герцогом. Придется рассказать слишком многое. Не только о гуляниях в трансе по ночным коридорам, моей странной способности и общении с участниками ордена. Но и о ненаглядной Марго. Я не знала, как заговорить с Эмилио о бывшей возлюбленной. Боялась представить выражение его лица, когда назову заветное имя.

После мрачных раздумий я ожидала ночных кошмаров или появления опасного голоса, зовущего из глубин замка. Но приснилось что-то спокойное и светлое, не оставившее ни единого образа, лишь ощущение легкости и беззаботности, как в погожий летний день. Быть может, сработала защита целительского блока. Ни один дурной сон не мог пробиться и навредить пациентам леди Визеры.

Проснувшись, я чувствовала себя сносно, и, когда днем мама сообщила, что ко мне просится очередная посетительница — полувзрослая с красными волосами, махнула рукой, мол, пусть заходит. Последние события, переживания и боль стерли старые обиды. Я созрела к примирению с Агнией. В конце концов, она не стояла столбом под натиском огненного шторма, не растерялась и спасла меня от участи пострадавшего.

Сокурсница вошла бочком, остановилась возле кровати, неловко пряча взгляд. На ее месте я бы реагировала так же. И плясать неприлично, и вести себя естественно не выходит. — Садись, — не выдержала я, хлопнув почти зажившей рукой по матрасу. — Что нового?

Агния пожала плечами.

— Ну... Шем подпалил парту на уроке у Рица и на две недели прописался у Шаадея. Кайл снова расстался с Милли и теперь встречается с другой сокурсницей. Ее зовут Ада — высокая такая, с черной косой. Прошел слух, что бабушка оставила ей в наследство дом. А еще... еще нас всех выводили встречать рассвет. Одних. Без полноценных.

— Понравилось?

— Рассвет, как рассвет. Это же не первое утро года, как у тебя. Но побывать на свежем воздухе уже неплохо.

— Да, неплохо.

Я бы тоже не отказалась от прогулки. В последний раз я покидала замок для отбывания наказания. С Ульрихом. Сто лет назад.

— Держи, это тебе.

Агния протянула браслет из синих бусинок — скромный, не бросающийся в глаза, и я заметила у нее на запястье такой же, только красный.

— Что-то вроде талисмана?

— Лучше, — подруга заулыбалась, довольная собой. — Я зачаровала нашу спальню. Во избежание ненужных визитов и воровства. Браслеты — пропуск. Мы с Шемом и Лианом две недели искали в библиотеке подходящие чары. Не знаю, подействует ли заклятие на духа, но всех остальных шибанет нехило. Надолго запомнят опыт.

Я заулыбалась во весь рот, не беспокоясь о последствиях: поджившие ожоги почти не причиняли боли. Умница Агния! Пусть только помощница духа из полуцветов попробует сунуться! А, впрочем, пусть суется. Я не против, чтобы воровка поплатилась.

— Заодно выясним, кто неприятель, — сладко пообещала огневичка. — Чары с «перчинкой». Оставят на лбу премилый след. Какой, не скажу. Не хочу портить сюрприз.

Вот теперь я почувствовала себя почти счастливой. И здоровой.

Да, черт возьми, я — темный маг! Имею право упиваться организованными для врагов пакостями. Тем более, заслуженными!

Накануне выписки позитивного настроения поубавилось. Я сидела перед зеркалом, с трудом сдерживая грандиозный рев. Бинты исчезли, обнажив «боевые раны». Ожоги почти зажили. Но остались гадкие следы, словно засохшие пятна чая на скатерти. Леди Визра заверила, что они пройдут недели через три, если не забывать втирать мазь дважды в день. Пока же придется потерпеть и, ни в коем случае не пользоваться гримом, иначе лечение затянется.

Впрочем, следы на лице — сущие цветочки. А вот волосы, точнее, их отсутствие — не ягодки даже, а настоящая катастрофа! Целебную шапочку сняли, и теперь я с ужасом взираю на череп с щетиной в пару сантиметров длиной. Красота неопишная! Идеальный кандидат для иллюстрации страшилок о полуцветах, что детям рассказывают. О, боги! Ведь мне в таком виде на занятия ходить. Вот Джемма Паскуале порадует. А Ульрих...

Ох, Ульрих...

Лучше сразу убиться!

— Не переживай, — мама поцеловала меня в почти лысую макушку. — Волосы отрастут.

— А пока что делать?!

Но ответила не Ренет.

— Не паниковать!

Я подпрыгнула на жестком стуле и бараном уставилась в зеркало на отражении женщины, которую ожидала увидеть меньше всего на свете. В дверях палаты стояла Летисия Дитрих. Деловая и привычно высокомерная. В руках она держала...

— Это парик? — спросила мама благоговейным шепотом.

— Он самый, — усмехнулась Дитрих, подходя ко мне. — Прислан в подарок герцогиней Викторией. Я обещала позаботиться, чтобы он оказался на нужной голове, а перед этим обзавелся особыми защитными чарами.

— Ух...

Я не успела сориентироваться, а на меня напялили упомянутый подарок. Резко, но ловко — так, что сел идеально, словно всегда был единым целым с черепом. Магиня быстрым движением расправила фальшивые волосы, открыв моему взору отражение — испуганные глазищи ярко-фиолетового цвета в обрамлении каштановой с рыжинкой шевелюры, почти как моя настоящая.

— Мягкие... — пробормотала я, ощупывая пряди.

И не скажешь, что фальшивка. Если только...

— Они живые. В смысле, не искусственные, — объяснила Дитрих, внимательно следящая за моей реакцией. — Герцогиня Виктория сказала, цвет должен подойти.

— Невероятно! — восхитилась мама. — Спасибо, Летисия.

— Благодарю госпожу, Ренет. Я лишь подрядилась в исполнительницы.

Стул подо мной покачнулся. Они знакомы?!

Ну, конечно! Вот я бестолочь! Мама же училась в одно время с Эмилио, значит, и Дитрих знала. Странно, что я раньше не подумала о столь простом факте. Получалось, она и с Марго пересекалась?

— Парик не снимай даже на ночь, — велела магиня строго, глядя на меня в зеркало. В упор. Наверное, впервые с того дня, как обнаружила на моих ладонях синие искорки. — Учитывая твою «популярность», дополнительная защита не повредит. К тому же, леди не к лицу ходить лысой.

Стул снова отозвался — угрожающе скрипнул.

Я теперь — леди? До мегеры дошло, что мы с Ренет на особом счету у клана Ван-се-Росса и ее разлюбезного Эмилио? Ну-ну...

— Вы с Дитрих хорошо знали друг друга? — спросила я маму после ужина, когда мы обе расположились с чашками горячего шоколада у окна.

За ним лило, будто небо превратилось в одно большое решето. Злые дождевые капли колошматили в стекло, жаждали, чтобы вода сплошным потоком хлынула внутрь. Даже представлять не хотелось, как мерзко сейчас снаружи, каким промокшим и озябшим выглядит замок, а море — свирепым. Хорошо, что его скрывает ноябрьская тьма, и я не вижу агонии волн. Не вижу ярости и безумия.

На фоне непогоды, в палате было еще уютней, атмосфера почти домашняя. Горели, потрескивая, свечи, шептались о чем-то своем. Рядом мама, которая годами была моим единственным другом. Да и собеседником тоже. С Дот особо не поговоришь. Мама улыбнулась. Мягко и подбадривающе. Хотя, наверное, сердце сжималось при мысли о предстоящей разлуке. Завтра она уедет, оставив меня наедине с новой жизнью, где ей нет места.

— С Летисией, — потянула мама задумчиво. — Не особо. Она училась на курс младше, но мы жили в разных секторах. Общались мало. В то время между темными и светлыми обострилось противостояние. Первогодка из наших погибла по вине темной старшекурсницы. Дело замяли, но...

Мама вдруг осеклась и сотворила защитный знак.

— Зря я вспомнила эту историю. Не к ночи. В общем, — она сделала глоток горько-сладкого напитка, — Летисию не слишком любили. Заносчивая девчонка. Самоуверенная, хотя и талантливая. К тому же, она была официальной невестой парня, по которому страдала половина колледжа. И я, в том числе. Хотя и понимала, что он — богач. И темный.

Моя чашка опасно накренилась.

— Ты же не хочешь сказать...

— Да-да. Эмилио Ван-се-Росса, — мама закатила глаза, как подружка-заговорщица. — Они с Летисией были помолвлены. Поговаривали, герцогская чета в восторг не пришла. Красный и синий — цвета совместимые, но совместимые на грани. Однако госпожа Виктория смирилась и благословила союз. Летисия тоже происходит из влиятельной семьи, подходящей для Ван-се-Росса.

Я замолчала, переваривая новость. Ну, дела! А я-то внушила себе, что Дитрих безответно влюбленная страдальца. Что же получается, эти двое собирались пожениться, но их развела третья лишняя? Та самая Марго?

— Почему они расстались?

— Не знаю. Мне пришлось покинуть колледж на последнем курсе. Из-за...

Ренет смущенно оборвала себя на полуслове, и я закончила фразу:

— Из-за меня.

— Звучит грубовато. Скорее, из-за собственного легкомысленного поступка. То есть, — она окончательно растерялась и прикрыла глаза свободной рукой. — Прости. Я не то хотела...

— Знаю. Лучше скажи, — я собралась спросить о Маргарите, но в последний момент передумала, вспомнив об именах на обратной стороне записки Эмилио. — Кто такой Юрген Мунис?

На губах мамы заиграло лукавство, быстро сменившееся грустью.

— Мэтр Мунис, Лил. Он преподавал историю цветовой магии. Колоритный был педагог, улыбчивый, примерно моего нынешнего возраста. Любимчик учеников. Жаль его. В летние каникулы отправился в путешествие и погиб от рук грабителей. Подробностей не знаю. Это случилось через несколько месяцев после моего ухода из Гвендарлин. А почему ты спрашиваешь?

— Да так, попало имя на полях учебника.

Язык не повернулся сказать правду. Поделиться и толикой загадочных событий, произошедших со мной в стенах колледжа. Ни к чему волновать маму. Ей и так тяжело со мной расставаться. А Юрген Мунис... Я подумаю о нем позже, ибо вряд ли смерть подозреваемого в пособничестве духу случайность. Как и то, что Мунис погиб пятнадцать лет назад — незадолго до самой Маргариты.

Но все потом. Потом.

Пока существуем только мама и я. Мы, ливень за окном и горячий шоколад. Мрачные тайны Гвендарлин подождут. Им не место в уютной палате и нашем маленьком мирке.

Глава 18. Темнопламень

В родной сектор я вернулась поздним вечером — в компании Агнии. В общей гостиной никого не осталось, кроме уснувшего на диване старшекурсника, и мы беспрепятственно попали в спальню. Я жаждала отдалить встречу и с полноценными, и с полуцветами. Стоило представить любопытные взгляды, руки чесались что-нибудь сломать, растерзать в клочья. Я даже Шема не хотела видеть. Друг — не друг, он — парень, а у меня лицо в пятнах!

Переступая порог, я ощутила слабое дуновение и трепет браслета на запястье. Магия, охраняющая комнату, прощупала меня, но пропустила, признав право находиться внутри. Не теряя времени, я переоделась и юркнула в синюю постель, пустовавшую больше трех недель. Парик не сняла. Уткнулась лицом в стену и лежала, не шевелясь, пока Агния не потушила свет и не устроилась на соседней кровати.

— Главное, пережить первый день, дальше станет легче, — заверила огневичка.

— Угу.

— Ты жива, а это важнее всего.

— Угу.

Агния помолчала с полминуты, придумывая новую тему для разговора. Она желала поддержать меня, но понятия не имела, как это сделать. Умение подставлять дружеское плечо — не ее конек. Как и тактичность.

— У тебя приятная мама. В смысле... э-э-э... производит приятное впечатление.

— Угу...

Мысль о Ренет резанула сердце, оставив кровоточащий след. Она уехала после обеда, пряча грусть за вечной улыбкой. А я разревелась при прощании. Вцепилась в маму, как маленькая, и не желала размыкать объятий, пока леди Виэра меня не пристыдила. Но и потом я долго стояла рядом и обиженно шмыгала носом, хотя и понимала, что мама не может забрать меня из треклятого колледжа. И вовсе не потому, что не хочет.

— Только вы совсем не похожи, — вставила неугомонная Агния.

— Угу, — протянула я угрожающе и решила покончить с ночным «разговором», задев подругу за живое. — А ты похожа на мать?

Тишина наполнила комнату, словно морозный воздух, проникший через открытое окно.

Но продлилась на удивление недолго.

— Нет. Я — копия отца. Это он — огневик. Мама была водной магией. Гремучая смесь.

— Была? — переспросила я, хотя изначально не собиралась обсуждать семью Агнии.

— Да. Она умерла, когда я родилась. У меня только папа. И бабушка. То есть, прабабушка. Мамина бабушка. Всё сложно.

Ну, еще бы! Водный и огненный маги! Вот, родственники обрадовались. Хотя если в жизни подруги присутствует бабка со стороны матери, тут всё крайне необычно.

— Твой отец — Темнопламень, верно?

Рано или поздно я бы спросила, учитывая события в коридоре и огненный шторм, не оставивший на подруге ни единого ожога. Почему бы не сейчас, раз Агния сама завела странный разговор.

— Да. Это моя настоящая фамилия.

— Настоя...

— Папа договорился с Бриттом, чтобы меня приняли под фальшивой фамилией. Директор согласился, мол, ни к чему привлекать ко мне еще большее внимание. Даже педагоги не знали. До недавнего времени. От учеников и сейчас это скрывают. Никто не в курсе, что я была с тобой в тот... э-э-э... момент.

Я перевернулась на спину, засунула руки под голову и уставилась в потолок, на котором время от времени отражались световые всполохи. На колледж обрушилась гроза — редкость для ноября. К счастью, благодаря защитной магии, громовые раскаты не проникали внутрь и не мешали обитателям спать. Впрочем, мой сон был также далеко, как родной дом и мама от Гвендарлин. А Агния своими откровениями все увеличивала и увеличивала расстояние.

— Родители познакомились в этом самом колледже, — говорила она в темноте, и мне представлялся красноволосый парень и белокурая девушка с голубыми, как у всех водников, глазами. — Они понимали, что несовместимы, но сбежали и поженились тайно. Родня с обеих сторон отрекалась от них. Особенно отцовская. Темнопламень, связавшийся с водной магиней! Светлой! Ничего позорнее не придумаешь! Но на их сторону встала мамина бабушка. Позвала жить к себе в замок. Но она всегда была необычной по меркам чинных магов. В юности ее насильно выдали замуж. После смерти нелюбимого мужа она отказалась от нового брака. Жила в свое удовольствие, наплевав на чужое мнение. Богатство и сила это позволяли. Кое-кто пытался «повлиять» на нее, но пара потоков у соседей поумерили пыл.

Я рассмеялась от души. Отличная бабушка! Каждому бы полувцвету такую!

— Красивая история.

— Да, — отозвалась Агния грустно. — Так бы и было, если б не мамина смерть. Многие посчитали, что это наказание за нарушенные правила. Но я точно знаю, что папа ни о чем не жалеет, хоть и тоскует. До сих пор считает, что они с мамой не сделали ничего дурного, полюбив друг друга. Он и имя мне выбрал со смыслом. Агния значит — невинная. В сочетании с фамилией звучит странно, но папа говорит: одно оттеняет другое.

— А бабушка? Вы так и живете с ней?

— Ага. Они с папой иногда ругаются, спорят до посинения. Но я думаю, это своего рода игра. Такое у них развлечение...

Агния притихла, погружившись в воспоминания о доме, а я смотрела в потолок, словно там одна за другой сменялись увлекательные картины вместо света молний. Сердце кольнула зависть. Да, история у огневички грустная. Но такая настоящая! Мать и отец Агнии любили друг друга. Остались вместе вопреки всему. Это вам не безрассудство на карнавале. И даже не любовь богача и служанки, закончившаяся законным браком, как у родителей Лиана.

Интересно, мой отец захотел бы познакомиться, знай о существовании дочери-полувцвета? Решился бы принять участие в моей жизни? Я ведь темная, как он. Или же мое существование, как и сходство с ним, стали бы оплеухой? Наверняка, он давным-давно женился на себе подобной магине, и у них родились полноценные дети. Кто знает, вдруг в Гвендарлин учится мой брат или сестра?

Мысль встревожила. Представить только: кто-то из полноценных — мой кровный родственник. Может, даже один из мальчишек, чуть не убивших меня огненным штормом. Или кто-то из тех, кто вечно смеется вслед...

...Сон навалился, когда, наконец, закончилась гроза, и потолок потемнел.

— Лилит... Лилит, как же долго...

Треклятый голос завел старую песню. Его обладатель (или обладательница?) стenal и радовался одновременно. Преград не осталось — ни куклы-защитницы, ни стен целительского блока, и теперь он звал, звал, звал. Навстречу неизбежности. И небытию. Я не сомневалась, что это одно и то же.

— Лилит! ПРИДИ!

Разум осознавал опасность, но чужая магия — мощная и властная — легко перекрывала все желания, ломала сопротивление, уничтожала волю. Я — марионетка в умелых руках. Исполнительница предписанной роли в чужом спектакле. Мне не изменить жестокий сценарий. Я вправе лишь следовать зову. У меня одна задача — умереть.

— Лилит! Лилит! ЛИЛИТ! — звучало нараспев, отскакивая от стен зловещим эхом.

Выбора нет.

Иду. Я иду. Вы победили...

— Мяу!

Я задохнулась от боли и рухнула на четвереньки. Острые кошачьи когти, раздирающие не зажившие ожоги на голени — ощущение не для неженки!

— Урсул...

Синяя тень метнулась прочь — в темноту. Я коснулась пострадавшего участка, и по ладони побежали теплые капли. Демоны! Зараза-кот разодрал ногу до крови! И чулки в придачу!

— Урсул, — позвала я, вглядываясь в ночной мрак. — Ну, Урсул...

Я замолчала, внезапно осознав, что сижу на полу возле двери из особого сектора. Полностью одетая. В бархатном темно-зеленом платье, сшитом портными Ван-се-Росса для особых случаев. Куда бы я ни намылилась, сделать это вознамерилась при полном параде. Еще и брошь в форме сердечка на грудь приколола! Тьфу!

— Мяу! — сердито объявил чудо-котятра, стоя в дверях общей гостиной. Мол, я стараюсь, спасаю от опасной нечисти и себя самой, а она недовольна.

— Недовольна, — подтвердила я, поднимаясь. — Так и покалечить недолго.

Хромая, я поднялась по лестнице в девичью часть сектора и заперлась в ванной. Надо промыть рану. Остальное подождет. Но один взгляд в зеркало заставил забыть о «подарке» синего питомца. Вместо отражения оттуда глянуло чудище с красными огненными глазами на сером лице.

— Мамочки!

Отпрыгнув с беличьей ловкостью, я промазала с приземлением. Врезалась спиной в стену и со стоном шлепнулась на пол. Досталось и затылку, но не сильно. Спасибо парикю, смягчил удар. На тренировках с Эмилио я получала от родной магии больнее. Не говоря уже об огненном шторме.

— Мяу!

Сквозь закрытую дверь пробрался неумный кот и с подозрением уставился на горехозяйку. Но внимание серебристых глазниц мгновенно переключилось на зеркало. Синяя шерсть животинки приподнялась, хвост распушился, напомнив еловую ветку. Урсул в один прыжок оказался на раковине и уперся передними лапами в зеркальную поверхность.

— Пшшшш... — объявил он прячущемуся внутри противнику. — Пшшшшаааа...

— Вот-вот! — присоединилась осмелевшая я. — Пшшла!

В зеркале грохнуло. Красноглазая нечисть вознамерилась покинуть его, вылетев наружу. Но не срослось. Никто не появился, лишь на стекле осталась сетка трещин.

— Мяу, — котятра сиганул обратно и потерся о мои ноги.

А я заревела. Громко. Как маленькая. Ну, правда! Что за напасть? Голоса, призраки! Полноценные! Шагу нельзя ступить, чтобы не вляпаться! Домой хочу! Ясно вам всем? Домой!

Шершавый кошачий язык скребнул по щеке, но я не унималась. Оплакивала собственную незадачливость, вспоминая беды одну за другой, «смакуя» каждую. Проклинала Свена Фаули, натравившего чучело черного медведя и толкнувшего не магический выброс. Гад! Мало ему исполосованного лица! Пусть целиком горелой корочкой покроется, похлеще, чем «украшала» меня.

Если б не Свен, ничего бы ни случилось. Ни бесконечных обид, ни странных происшествий, ни опасного голоса, ни нападения первогодок. Я бы находилась далеко от Гвендарлин. В своем маленьком убогом мирке. Зато в безопасности.

— Ненавижу этот замок, — прохныкала я.

— Мяу? — встревожился Урсул.

Я не ответила. Слезы высохли, словно выплакалось все, что накопилось, но я терла и терла припухшие глаза. Всклипывала, жалея себя. Что теперь делать? Не спать? Не заглядывать в зеркала? Сегодня обошлось, но что ждет завтра? Послезавтра? Нечисть, зовущая в ночь, не отстанет. Я ей нужна. Жизненно необходима.

— Мне надо вернуть куклу, понимаешь? — проговорила я, запуская пальцы в густую шерсть синего кота. — Она меня берегла. А теперь только ты. Ты способен предотвращать мой «побег» каждую ночь? Ох, так на ногах живых мест не останется...

Часы вдалеке пробили шесть ударов, и я убрала с лица прилипшие волосы. С ненавистью глянула на разбитое зеркало. Да, ненависть — мой враг. Но она лучше рева и сожалений. Ненависть собирает в кулак волю и заставляет действовать. Пора вытирать сопли и двигаться дальше. Попросить помощи, в конце концов. Может, существует заклятье, способное не выпускать меня из спальни по ночам? Вроде того, что стараниями Агнии защищает нашу спальню от непрошенных гостей.

Когда огневичка проснулась, я успела привести в порядок зареванное лицо, переодеться в форму и заправить постель. А еще избавиться от зеркала, висящего возле шкафа. Вдруг и в нем живет зло? Ночное происшествие не единственное, пора это признать. Дома мы с Тирой тоже видели нечто необычное в настольном зеркальце.

— Не хочу смотреть на отражение, — объяснила я подруге странный поступок.

— Ладно, — согласилась та без вдохновения. — Придется мне наводить марафет в ванной.

На вопрос о заклятье, способном не выпускать из спальни, Агния подозрительно прищурилась. Пришлось рассказывать. Полуправду.

— Я хожу во сне. Иногда. Сегодня Урсул остановил на выходе из сектора. В прошлый раз я ушла далеко. Наткнулась на полноценных. Повезло, что среди них был Элиас.

— Это у тебя с детства? — поинтересовалась огневичка деловито, как целительница.

— Нет. Началось здесь. Гвендарлин на меня странно влияет.

Я пожалела о вырвавшейся фразе, но было поздно. — Как? — Агния напряглась всерьез.

— Мне снятся кошмары. Не только в ночь духа. Часто.

— А мертвый язык? — напомнила огневичка о причине нашей ссоры.

Я пожала плечами, переводя взгляд в окно. Тучи сгущались. По-зимнему. Заволокли почти всё небо, лишь у линии горизонта остались желтоватые вкрапления, словно надежда на благополучный исход. Но это лишь видимость. Просвет исчезнет. Вот-вот повалит первый снег.

— Я никогда не учила мертвый язык. Но понимаю его. А однажды говорила на нем — неосознанно. Тогда в коридоре. С Юмми Свон.

— Разве такое возможно?

— Получается, возможно.

Я всё смотрела и смотрела на желтую полоску, проигрывающую пепельному покрывалу. Я, как она. Ничего не могу изменить. Призналась подруге, называется. Не во всем, а лишь в толике загадок, окруживших плотным кольцом. Но, кажется, зря...

Напугала только.

— Ох ты, пламень! — взвизгнула Агния за спиной.

— Где? — я едва не сиганула на подоконник.

Опять огонь?!

Но это оказался оборот речи. Подруга среагировала на объявившегося Урсула.

— Ты глянь!

Но я и сама была готова заорать. В отличие от огневички, радостно. Синий котяра держал в зубах украденную куклу. Растрепанную и местами подпаленную.

— Ее что, пытались сжечь? — зачарованно спросила Агния, пока я рассматривала повреждения. Не критичные, но портящие внешний вид талисмана. Что ж, теперь у нас точно есть что-то общее. Ожоги!

— Похоже, пытались. Но не смогли?

— Проверим? Да не бойсь! Я ж не огнем. Целиком не сожгу.

Не дождавшись разрешения, Агния встряхнула кисти, и на кукольные ноги, потрескивая, сыпанули искры. Я протестующее завопила, пряча вновь обретенное имущество подальше от огневички. Искры-то получились о-го-го. Такими не куклу калечить, а колледж поджигать. Вон на ковре, куда несколько штук долетело, дырки остались.

Ох, демоны!

Вот именно! На ковре. Не на кукле!

— И правда, не горит, — пробормотала Агния с легкой обидой. Ее хваленная магия не сработала. — Сильный у тебя талисман. Откуда, интересно?

Я не слушала. Бережно уложила куклу возле подушки. Улыбнулась запрыгнувшему на кровать Урсулу. Почесала кота за синим ухом. Молодчина! Ночью пожаловалась на кражу, и вот — пожалуйста. Жаль не выяснить, где особенный питомец раздобыл пропажу. Теперь не узнать, кто вор. Эта тайна ведома лишь Урсулу.

Я вытаращила глаза. Урсул!

— Мы проверили еще кое-что, — сообщила я Агнии с легкой досадой. — Защиту спальни. Мой кот — тоже в некотором смысле нечисть, но зайти может. На лбу никаких надписей.

— Никаких, — согласилась подруга разочарованно. — Плохо. Ночь духа — послезавтра.

Первый учебный день после болезни тянулся бесконечно. Шем и Лиан повели себя, как истинные друзья — общались непринужденно, будто ничего не случилось, и смотрели, куда угодно, лишь бы не на пятнистое лицо. Но остальные пялились. Даже свои. За завтраком я чувствовала себя зверушкой с двумя головами и трижды подавилась. В мою сторону не смотрела разве что брошенная Милли Дорвис, уткнувшаяся в тарелку. Зато Кайл Нестор разглядывал следы на щеках и лбу с плохо скрываемой мстительностью.

На уроках ситуация ухудшилась. Первогодки шушукались и кидали та-а-кие взгляды, что впору под парту прятаться. Но вместе с привычным презрением и любопытством на лицах проглядывал и страх. Я догадывалась, о чем наглецы думали. Не каждый полувцвет способен изгнать из колледжа полноценных. И не каждый выживает после огненного шторма.

— Плюнь. Слюной. Ядовитой.

Шем посмотрел сочувственно, но сразу отвел взгляд. Засмутился.

Повезло, что первым уроком стоял политический уклад. Едва порог переступил Алакс Риц, обо мне забыли. Полноценные традиционно уставились в рот самовлюбленному мэтру, и я смогла перевести дыхание. На меня педагог взглянуть не соизволил. Зато не прошло и пяти минут, как я сама последовала примеру остальных учеников и принялась прожигать Рица взглядом насквозь. Вспомнила, что его имя Маргарита вывела рядом с почившим Юргеном Мунисом.

Нет. Верилось с трудом. Алакс Риц — вечный щеголь и позер. Да, я могла не знать о нем нечто важное, ведомое Марго. И все же Риц — не тот типаж. Под внешним лоском и умением себя подать скрывался обыкновенный трус. Зачем такой духу? Вот директор Бритт более выгодная кандидатура, пускай он и светлый маг. Пожилой мэтр наделен властью и ненавидит орден. Даже Дитрих подходит больше Рица, хотя ее нет смысла включать в список подозреваемых. Ученицей она входила в секретное собрание. Как и Эмилио Ван-се-Росса.

Кстати, о Бритте и Дитрих. Следующими в расписании значились их уроки. На искусстве заклятий нас ждало теоретическое, но своеобразное и запоминающееся занятие. Директор рассказал, что иногда случается с магами, которые спустя рукава относятся к созданию заклятий. Магия не терпит небрежности и способна бить рикошетом. Для наглядности Бритт показал картинки. Особенно класс впечатлил мужчина с торчащей из груди змеей, старающейся ужалить «носителя». Девочки дружно поохали и над изображением дамы с засохшими ветками вместо волос. Я машинально пригласила парик и мысленно поблагодарила герцогиню Викторину за подарок.

Летисия Дитрих устроила практическое занятие по защите от чужой магии. Велела сдвинуть парты к стенам и разделила учеников на пары. Лишь мы вчетвером остались сидеть на местах. Полуцветам предлагалась исключительно роль зрителей.

— Дитрих так решила на первом занятии по защите, — грустно поведал Шем. — Сказала, у нее нет времени следить еще и за нами.

— Стерва, — припечатала Агния с задней парты, пользуясь стоящим в аудитории шумом.

Я не расстроилась. После выписки из целительского блока желание подставиться под магию полноценных отсутствовало. Впрочем, зрелище лишь со стороны выглядело опасным. Дитрих раздала амулеты, способные защитить от серьезных травм, и разрешала практиковаться по двум парам за раз, чтобы успеть вмешаться, если ситуация выйдет из-под контроля. Дважды за урок это едва не случилось. Нильс Бернару стараниями одноклассника взлетел под потолок и непременно раскрыл бы череп, если б магия не остановила стремительный полет. Затем деятельный мальчишка сам постарался — в отместку чуть не выбил противником окно, причем, без магии, и заработал две недели у Шаадея.

После обеда нас ждала практика у Дюваля. Я переступала порог тренировочного зала в приподнятом настроении. Полноценным здесь не место, а полуцветов мэтр озадачит по самые уши. Времени паяться не останется. Заодно сама делом займусь и отвлекусь от гнетущих мыслей.

Но не тут-то было. Дюваль увидел меня и возмущенно закудаhtал:

— Лилит, что ты здесь делаешь? Леди Виэра запрещает практику после выписки.

— Нет. Она не...

— Это правило действует испокон веков, — отрезал мэтр. — Две недели никаких нагрузок. Идем. Провожу тебя до родного сектора.

Я несчастно посмотрела на друзей в поисках поддержки. Или хотя бы сочувственных взглядов. Но Агния, Шем и Лиан сконфуженно развели руками. Правила, есть правила.

— Почему нельзя остаться в зале? — спросила я по дороге, не сумев спрятать обиду. — Сидела бы в углу, никому не мешая.

— Трех уроков в день вполне достаточно. Нужно больше отдыхать.

— Я и так только и делала, что отдыхала. Хочу действовать.

Дюваль остановился и посмотрел на меня. По-доброму. Из всех мэтров только он так делал — обращался с полуцветами, как с равными, а не как с грязью под ногами.

— Лилит, нужно беречь себя.

— Зачем? Я всего лишь — полуцвет.

— А еще сильный темный маг, — заверил Дюваль. — К тому же, в жизни ничего не происходит просто так. Раз вы начали появляться на свет, у магии есть на вас планы.

Все возражения вылетели из головы. Ну и ну! Вот это мнение! Ошибочное, скорее всего, но такое необычное. Жизнеутверждающее!

— Мэтр Дюваль! Вот вы где!

Теплое солнышко, поселившееся в животе после слов педагога, погасло вмиг. Тело покрылось ледяными иглами мурашек. Колени дрогнули.

— А, Ульрих, — отозвался мэтр все с той же отеческой улыбкой, пока я силилась устоять на ногах и пялилась в пол, пряча несчастный взгляд. И пятнистое лицо заодно. Хотя спрячешь его. Как же!

— Вот! — воскликнул полуведьмак, запыхавшись. — Мое сочинение. Еще раз прошу прощение за забывчивость, мэтр.

— На этот раз прошу, — проговорил Дюваль с показной суровостью. — Но будь внимателен, Ульрих. Старосте не к лицу являться на урок без домашней работы.

Я не смела дышать. Вот за что мне такое наказание? За что?! Разве нельзя не пересекаться неделю-другую, пока треклятые пятна не сойдут? Нет, надо столкнуться в первый же день!

Увы, меня ждала новая напасть.

— Всем педагогам немедленно пройти в кабинет директора! — завыл усиленный магией голос, принадлежащий воспитательнице леди Сесиль. — Повторяю, всем педагогам...

Дюваль негодуя всплеснул руками.

— Что у них опять стряслось? Как не вовремя!

Он хмуро покосился на меня. Я понимала дилемму. Ученицу, выжившую после огненного шторма, нежелательно оставлять одну в коридоре. Но и опаздывать к Бритту — не дело.

— Мэтр, я могу проводить полуцвета, — пришёл на выручку Ульрих.

Мне почудилось, что из легких высосали воздух. Подчистую. В ушах загудело, словно голова — чугунок, по которому ударили несколько раз подряд.

Дюваль замешкался, не решаясь принять предложение парня.

— Я же староста, — напомнил Ульрих небрежно. — В моей компании девушку не тронут.

— Хорошо, — сдался педагог. — Только убедись, что Лилит вошла в сектор.

— Да, мэтр.

Дюваль поспешил на зов леди Сесиль, а я так и осталась стоять, будто выискивала что-то крайне интересное на ковре. Перевести взгляд на Ульриха — все равно, что заново пережить последние недели в целебном блоке. Но полуведьмак не собирался церемониться. Схватил за руку и потянул за собой, как собачонку.

— Поторопись. У меня мало времени.

Я думала: свалюсь на колени, не сделав и шага. Но ничего, засемила, как миленькая. И даже рот открылся. Правда, сам по себе.

— Надеюсь, у них там не пожар.

— Нееее. Нашли в коридоре одну ведьмовскую штуку. Из моих старых запасов. Вот и переполошились.

— Из т-т-т-твоих?

— Угу. Пришлось проявить чудеса изобретательности, чтобы умыкнуть тебя у Дюваля. Мне надо зарядить амулеты. Внутри стены. Понимаешь? Всю их силу извел на твоего разлюбезного Свена.

— Э-э-э-э...

— Лилит, шагай быстрее. Потом заикаться будешь. Лучше всего попасть в стену у фонтана неработающего. Рядом с тем местом, где мы испытания проводим. С кубком. Там самая мощная энергетика.

Запас слов кончился. Как и любые логичные объяснения происходящему. Значит, всё-таки Ульрих! Он искалечил Свена! Но почему, демоны всех побери?!

До пункта назначения мы добрались без приключений. Педагоги, стараниями полуведьмака, собрались у Бритта, ученики сидели в тренировочных залах, и цветные коридоры пустовали. Оставшуюся часть пути я помалкивала, подозрительно косясь на ладонь Ульриха, сжимавшую мою. Крепко сжимавшую. Чтоб не сбежала, не иначе. От тепла руки кружилась голова, а во рту становилось сладко, как в детстве, когда таскала варенье из-под носа тетки Дот.

Возле фонтана парень остановился, пристально оглядел стены, ища одному ему понятные знаки.

— Вон та, — кивнул он направо, освобождая меня из «плена».

Я поспешила в указанном направлении. Лишь бы не стоять к Ульриху лицом. Руки легли на стену, а разум отметил, что место точно особенное. По словам Дюваля, именно здесь начался пожар, убивший супругов Ван-се-Рмун. Камни поддались легче прежнего, будто картонные, обнажив знакомый коридор, наполненный приветливым синим свечением.

— Дамы вперед, — весело объявил Ульрих, и, едва я шагнула внутрь, прыгнул следом.

Полуведьмак не соизволил дожидаться, пока я закрою проход. Плюхнулся на пол и выгреб из сумки пару дюжин самых обычных предметов — от чайной ложки и потрепанных игральные костей до дорогих четок и пятиугольного медальона с мордой волка. Сложил все это добро в три ряда и размеренно заработал руками, плетя все ту же невидимую косу и что-то беззвучно нашептывая.

Я устроилась возле сомкнувшейся стены с твердым намерением не смотреть на парня. Но взгляд приклеился к длинным пальцам, движущимся в загадочном «танце». Воображение нарисовало глубокую летнюю ночь, небо, прячущее луну за тучами, и костер посреди круглой опушки. Вокруг потрескивающего огня в такт двигались босые девушки в длинных бесформенных платьях. Кружили-кружились, задевая друг друга распущенными волосами.

Минуты бежали, но внутри стены ничего не менялось. Ульрих трижды обрывал плетение и начинал работу заново. Спокойно, не злясь на неудачу. На четвертый раз повезло. На уровне глаз полуведьмака образовался темный кружок, размером с монету. Из него полился зеленый свет, разделяясь в падении на тонкие нити — по одной на каждый «амулет». Парень остановил чарующее движение пальцев и потянулся. Его участие больше не требовалось. Призванный свет работал сам по себе.

— Я думала, призовешь мамочку, — буркнула я сердито.

Ульрих хмыкнул, не оборачиваясь.

— Чтобы она с меня три шкуры содрала за историю со Свеном? Нееее, я за собственную сохранность. Потому и торопился. Матушка с другими ведьмами сейчас на обряде — молится духам предков. Не спрашивай, что это. Она почувствует, что я примкнул к

роднику силы, но предпринять ничего не сможет. Прерывать обряд нельзя. Конечно, всё это мне аукнется. Но к тому моменту ведьмовской гнев чуток поостынет.

Я поджала губы. Хитрец. С другой стороны, он израсходовал заряд амулетов на мерзавца Свена, а, значит, заслужил помощь.

— В общем, утром я услышал разговор мэтра Дюваля с леди Визрой, — продолжил Ульрих, сплетая пальцы на затылке и чуть выгибая уставшую спину. — Целительница сказала, что не объяснила тебе правила, и ты, наверняка, явишься на тренировку. Она просила мэтра отправить тебя восвояси. Я увидел отличную возможность подзарядить амулеты. Соврал про забытое сочинение, а позже соорудил небольшой ведьмовской подарок напротив кабинета директора.

У меня голова шла кругом. И это — староста! Впрочем, наш Кайл не лучше.

— Но зачем подставляться? Со Свеном? Ты же говорил, что не можешь колдовать в колледже.

Ульрих, наконец, повернулся. Глянул прямо в пятнистое лицо. Без насмешки.

— Свен давно напрашивался и получил по заслугам, — отчеканил парень жестко. — На этот раз он зашел слишком далеко. Я приравниваю нападение на члена ордена к тяжкому преступлению. А колдовство... У него много граней. Я подстраховался. Конечно, ведьмовскую магию распознали. Но на выходе я в выигрыше. Свен наказан, меня не подозревают, а фальшивые ведьмы теперь дышать лишний раз не смеют и косятся друг на друга.

Ловкач. И этим отомстил за неизвестные мне грехи. Ну-ну.

— Член ордена? — спросила я с издевкой.

— Вероятно. Сегодня проверим. Скоро остальные подойдут. Не все. Тео, по-прежнему, против, а Брайс выпендривается в привычной манере. Зато Рашель теперь с нами, и нас — большинство.

— Рашель? — ужаснулась я.

Сестрица Свена за мое участие?! Держите меня семеро!

— Угу, — Ульрих возвел бесподобные глаза к потолку. — Ненаглядный Элиас в ярости из-за нападения. А Рашель не хочет попадать под раздачу из-за брата-идиота.

— Не-на-гля...гляд... глядн, — язык заплелся основательно.

— Аха, — паразит откровенно веселился. Надо мной.

— Но они же...

Я помнила, что у Свена желтая магия. Стало быть, у Рашель тоже. А у Элиаса — синяя.

— Они несовместимы, — кивнул Ульрих, безжалостно стирая с губ улыбку. — Элиас это понимает и делает вид, что не замечает томных вздохов прекрасной девицы. Но я тебе ничего не говорил. Ясно?

— Угу.

— Что до ордена, Тео и Брайс смирятся. Ты нам нужна.

Во как! Таки нужна?

Я промолчала, но Ульрих всё понял по злomu взгляду. Передвинулся ближе, расположившись напротив — глаза в глаз. Я с трудом подавила робость. Будь моя воля — просочилась бы сквозь стену. Как Урсул.

— Нужна, — повторил паразит с нажимом. — В ордене испокон веков восемь магов. Двое в прошлом году окончили колледж. Но ты видела испытание. Новичков мы не набрали. Кроме тебя. Раньше мы не задумывались, насколько важна наша численность. И зря.

Что-то неладное творится в ночь духа. Кажется, это мы не справляемся. Сил шестерых не хватает. Нас должно быть восемь. Или хотя бы — семь.

Тянуло расхохотаться. Полуведьмаку в лицо. Не слишком ли много они на себя берут — избалованные мальчишки и девчонки? Но смех застрял в горле.

«Такие дети веками защищали Гвендарлин от мрака, не осознавая своей истинной роли»

А что если в этом есть смысл? Вдруг вся чертовщина вокруг из-за нехватки защитников?

— Идут! — охнул Ульрих и рванул собирать драгоценные амулеты. Едва он коснулся первого, зеленые нити и магический кружок растворились.

Я посмотрела сквозь прозрачную сторону в обычный коридор. У неработающего фонтана стояли Элиас, Юмми и Рашель. Бывшая белка крепко прижимала к себе сумку, беспокоясь за сохранность драгоценных свитков. Младший герцог насупился и не замечал спутниц. Зато Рашель не сводила с него голубых глаз. И как я раньше не замечала этого печального взгляда? Решила, она с Ульрихом. Интересно, а у него магия какого цвета?

— Почему вы нас не дождались? — возмутился Элиас, когда я впустила троицу внутрь стены. Ему не понравилось, что я провожу время с Ульрихом наедине.

Но полуведьмак плевать хотел на мнение герцогского сына.

— Да, надо было торчать у фонтана.

Юмми поморщилась, будто у нее болели все зубы разом.

— Хватит, — попросила она устало. — Мы не ради ссор собрались.

Девчонка полезла в сумку, а я подарила яростный взгляд сестричке Свена. Рашель без зазрения совести разглядывала мое «очаровательное» лицо.

— Мне жаль, что так вышло, — проговорила она, явно выпендриваясь перед Элиасом. В ее голосе я не услышала сочувствия.

— А мне не жаль твоего брата.

Рашель равнодушно повела плечами.

— Ты и не обязана жалеть Свена.

— Вот! — прервала наш милый диалог Юмми, протягивая мне свиток. — Читай верхнюю строчку.

Повисла тишина, такая, в которой можно услышать жужжание насекомого в другой комнате. Взгляды четырех пар глаз прожигали, как угли. Но мои руки не дрогнули, беря у светлой девчонки документ. Я уткнулась в него, не понимая, чего хочу сильнее: прочесть написанное или ничего не увидеть.

Вдруг, правда, случится второе?

Но нет. Как же я без тайного общества! Или оно без меня!

Закорючки мертвого языка ловко сложились в три слова:

— Орден полной луны.

Глава 19. Вычислить полуцвета

Накануне ночи духа в замке поселились уныние и нервозность. Ученики шепотом обсуждали способы не спать до рассвета, позабыв, что все они не раз испробованы предыдущими поколениями. Мэтры, которым не полагалось упоминать местную достопримечательность, тревожились не меньше. Алакс Риц вместо разглагольствования велел классу читать два следующих параграфа, а Герман Шаадей предоставил нас самим себе. Одна Дитрих гоняла полноценных до посинения на тренировке по защите.

— Почему мэтры не могут прогнать духа? — проворчал Шем. — Они же сильные маги.

— Значит, дух сильнее, — сделал неутешительный вывод Лиан.

Из нас четверых он один не воспринимал угрозу всерьез. Конечно, мальчишка не радовался перспективе окунуться в новый ночной кошмар. Но в целом относился к происходящему, как приключению. Опасному, но увлекательному. С другой стороны, чего ему бояться? Лиан, в отличие от нас, не видел взбешенную помощницу духа.

— Ты думаешь, что летающая нечисть — леди Сесиль? — спросил Шем шепотом, хотя закричи он в голос, вряд ли кто услышал бы. Гомон в аудитории стоял невообразимый.

— Не знаю.

— Агния уверена.

— Это не доказательство.

Пока я лежала в целительском блоке, огневичка старательно приглядывалась к вредной воспитательнице и ее пострадавшей ладони. Но когда леди Сесиль, наконец, сняла повязку, на коже не осталось и следа от травмы. Был ли это ожог, мы не знали. Однако подозрения Агнии лишь крепли. Сами по себе.

— Но если воспитательница опять явится? — не унимался Шем.

— Кто-то точно явится. Смирись.

Я злилась. Нытье Шема мешало думать. Впрочем, я и так только и делала, что думала. Об ордене полной луны. О старинном свитке, который мне не дали прочесть дальше первой строчки. О реакции полноценных на моё очередное умение. Участники треклятого ордена подозревали, что свиток способен мне открыться, но, когда се случилось, напомнили заблудившихся в лесу детей — растерянных и бестолковых. Стояли и пялились на меня, как на неведомую зверушку, попавшуюся навстречу.

А потом они очнулись и поругались. Юмми твердила, что меня надо привлечь к некому обряду — в следующем месяце, в этом поздно. Элиас нервничал, мол, его родственникам крайне не понравится вовлечение меня в орден. Рашель качала головой, заверяя, что Тео, скорее, удавится, чем допустит полуцвета к обряду. Один Ульрих молчал, что нервировало меня сильнее криков остальных. В зелени глаз плясали странные искорки. Гнев? Одобрение? Демоны знают...

— Урок окончен, все свободны! — объявила Дитрих, хмуро взирая на покрасневшие от стыда щеки Нильса Бернаруду. Мальчишка вновь отличился. Отбил заряд чужой магии в преподавательницу. К счастью, магиня владела защитой отменно, успела погасить огненный шар.

Мы вчетвером покинули аудиторию последними, чтобы не идти по замку рядом с ватагой полноценных. Снаружи, прислонившись к стене, поджидал Эмилио Ван-се-Росса. Мэтр мягко улыбнулся мне, справился о самочувствии и посетовал на невозможность тренировок из-за неокрепшего после ожогов здоровья. Я напряглась, заподозрив неладное. Ему-то что от меня надо? Но, оказалось, средний герцог явился не по мою душу.

— Леди Летисия, — обратился он к бывшей возлюбленной, выходящей в коридор со стопкой домашних работ в руках. — Можно на пару слов?

Хорошо, что у Дитрих реакция хорошая. Листы с сочинениями дружно дрогнули, но на волю не вырвались. Растерянность на лице магини быстро сменилась безразличием.

— Конечно, мэтр Ван-се-Росса.

Никакой заинтересованности. Лишь холодная вежливость. И не скажешь, что до сих пор страдает по красавцу-брюнету.

Эмилио с несостоявшейся супругой неспешно отправились в одну сторону, мы с друзьями-полуцветами в другую. Для стороннего наблюдателя ничего из ряда вон не произошло. Обычное общение двух педагогов. Но я-то знала, что эту парочку способно свести вместе лишь нечто грандиозное. Не покидало ощущение, что дело в ночи духа или ордене. Эх, сейчас бы мне не помешала способность Урсула «греть» синие уши.

Вечер в особом секторе прошел нервно. Я скрылась от бесконечных разговоров о предстоящем ночном «веселье» в спальне. Полистала «Непопулярные легенды», но не обнаружила ничего нового. Вторая спрятанная на страницах тайна осталась недостижимой. Тогда я переключилась на «Историю Гвендарлин», но высокопарный слог быстро вогнал в тоску. Пришлось позаимствовать очередной женский роман у Агнии и с ним коротать бесконечное время.

Я, как и все вокруг, страшилась надвигающейся ночи. Опасалась помощницы духа. Хорошо, что кукла со мной. Она убережет от транса и прогулок по коридорам на зов. Но не от кошмаров, являющихся в новолуние — о прошлом Гвендарлин и пожаре, поглотившем половину замка. При одной мысли о пламени, вырывающемся из окон, спина покрывалась липким потом. Слишком свежи воспоминания об огненном шторме и мучительном лечении.

Свет в спальне погас сам собой.

— Вот напасть, — захныкала в темноте Агния.

Я не ответила, повернулась к стене, стискивая куклу. Будь, что будет.

Не знаю, сколько прошло времени. Я не заметила, как перешагнула грань. Над головой пронесся огненный всполох, и я повалилась на колени, прикрываясь руками. Поздно. Пламя бушевало везде: пожирало ковры на полу и портьеры на окнах, жадно лизало древние камни стен и потолков. Бесновалось и ликовало, празднуя победу.

Мне тоже полагалось гореть, корчась безумным зверем от всепоглощающей боли. Задышаться в ядовитом дыму. Но нет. Мы с древним пожаром оказались в разных измерениях. Я сидела прямо в огне, но он не причинял вреда. Языки пламени, словно пальцы, перебирали фальшивые волосы, гладили кожу, касались одежды. Но я не чувствовала и намека на жар. Ничего не чувствовала. Только горечь и обиду за искалеченный замок.

— Не получается. Я не успеваю завершить обряд, Дарлин

Я увидела их со стороны — супругов Ван-се-Рмун. Белокурая Гвенда, сжалась у стены, словно птичка зимой, и творила некую магию. Разглядеть движение рук мешало пламя. Дарлин стоял ко мне спиной, закрывая собой жену. Огонь подобрался слишком близко, белая рубашка тлела, покрывалась дырами. А кожа...

Меня чуть не вывернуло наизнанку. Я слишком хорошо помнила, какую боль причиняли эти ожоги — с прошлого раза, когда смотрела на Гвенду глазами мужа. Но еще лучше я запомнила собственную боль из-за нападения годоводок и тошнотворный запах горелого мяса.

— Поторопись! — взмолился Дарлин. — Мы не можем сдатьсь!

Но огненная стихия тоже не планировала отступить. Не в ее характере. Она — хищник. Погнавшись за добычей, не дает той шанса избежать страшной участи. Стена пламени накрыла основателей, а ее сестра-близнец ударила в меня. Дважды перевернувшись в воздухе, я рухнула плашмя, отбив живот, колени и подбородок.

— Помогите! Помогите!

Голоса пришли из ниоткуда. Все разом. Десятки. А, может, и сотни. Они стонали от боли, молили о пощаде. Но никто не мог прекратить агонию. Разорвать круг и выпустить пленников на волю. Или подарить избавление иным способом — дать свободу душам, оставив догорать безжизненные тела.

Кто-то кричал совсем рядом. Протянешь руку и коснешься. Но я никого не видела. Только пламя, пытающееся сожрать древние камни. Они держались. Не поддавались ни натиску огня, ни его силе, отчего тот бесновался хуже прежнего, сходя с ума от ярости.

— Помогите!

Какой знакомый голос. Я знаю его. Очень хорошо.

— Твари! Твари! Твари!

— Сама ты...

Слова вырвались без моего участия. Глаза открылись. Взгляд выхватил руку с растопыренными пальцами, тянущимися к моему лицу. Однако что-то мешало им забрать энергию, как два новолуния назад у Шема. Кукла! От нее шло слабое свечение, создавая невидимую стену между мной и помощницей духа в черном плаще.

— Помогите! — на соседней кровати с воплем села Агния.

— Ненавижу! — привычно выплюнула наша противница и с яростным воплем сиганула сквозь стекло, как и раньше, оставив его в целости и сохранности.

— Тварь, — шепнула я ей вслед и погладила куклу-защитницу, переставшую светиться.

Какой же всё-таки замечательный у меня кот! Вернул талисман очень вовремя.

Работающий талисман! Не то, что хваленая защита Агнии.

Агния? Стоп!

Оглушенная дурным сном и встречей с помощницей духа, я не сразу сообразила, что огневичка ревет навзрыд, вытирая потоки слез рукавом ночной сорочки.

— Ты чего?

Агния протяжно всхлипнула.

— А-а-а-а.... П-п-пож-ж-жар...

Я охнула и рванула к подруге. Убрала с лица прилипшие волосы.

— Тебе приснилось, как горел колледж?

Она громко шмыгнула носом.

— Н-н-не т-т-только к-к-колледж. Я т-т-тоже... т-т-того... Г-г-горела... Б-б-больно...

Горела? По спине тоненькими иголочками пронеслись мурашки.

За стеной раздался еще чей-то рев. Мгновение, и к нему присоединился новый стенающий голос. А следом еще и еще. Спальни по соседству наполнили девичьи рыдания.

— Ох ты, пропасть, — простонала я.

Кажется, я выяснила, чьи мольбы о помощи слышала во сне. В нашем общем сне.

В древнем пожаре горели новые обитатели Гвендарлин.

В общей гостиной царил непривычная тишина. Жуткий сон не оставил шрамов на телах, но души искалечил. Полуцветы переваривали случившееся, избегая откровений.

Это в первые минуты после пробуждения все ревели и говорили, не переставая. Но теперь, часы спустя, жители особого сектора прятали эмоции и страхи, как нечто постыдное. Однако массовый ужас никуда не делся. Он, как невидимое проклятье, опутал просторную комнату, пробравшись в каждый угол.

После завтрака, во время которого еда осталась почти не тронутой, Кайла Нестора вызвали к директору. Вернувшись, он объявил, что пострадали не только полувцеты. В реалистичный жуткий сон погрузились все ученики. Но основной удар пришелся на белый сектор. В четырех спальнях вспыхнул реальный огонь. Хорошо, что среди светлых, хватает водников, а у них отменная реакция. Так что обошлось без жертв.

— А мэтры? — спросила я Кайла. — Им тоже снился пожар?

Тот замотал головой, длинная челка цвета меди закачалась в унисон.

— Нет. Только ученикам. Директор обеспокоен. Впервые видел его таким. Нервным.

Я усмехнулась. Еще бы Бритт не нервничал. Одно дело легенды и их поддержание ради антуража и устрашения. Но кошмары, в которых юные маги горят заживо, испытывая весь спектр ощущений — это катастрофа. Так и директорского кресла лишиться недолго.

Ну и пусть. Я не испытывала сочувствия к Бритту.

Днем меня неожиданно вызвали в коридор. Под предлогом тренировки с Эмилио. Я не сомневалась, что это ложь. Наверняка, увижу Ульриха. Или Элиаса.

Однако возле двери в наш сектор топталась Юмми Свон с перебинтованными пальцами.

— Неправильно сложила пас спросонья, — объяснила она, проследив за моим взглядом. — Посреди ночи огонь тушила. Обожглась.

— Так ты — водница?

— Это моя вторая способность. Не основная. Первую ты видела. На осеннем маскараде. Я переношу образы на небольшие расстояния. Делаю их реальными.

— Угу, — кивнула я хмуро. — Не только образы. Но и запахи.

Юмми понимающе хмыкнула, вспомнив «скупса».

— Идем, — она сделала приглашающий жест рукой и скривилась. Движение оказалось слишком резким для обожженных пальцев.

— Собираетесь привлечь меня к таинственному обряду? — спросила я без привычного яда.

Нынешняя ночка стерла желание насмеяться над орденom. Вдруг его участники правы, и это нехватка защитников вылилась в общий кошмар?

— Если бы к обряду, — протянула Юмми с тоской. — С нами хотят поговорить. Не спрашивай. Я еще не переварила новость.

По разноцветным коридорам шли в тишине. Рядом. Светлая девчонка не пыталась обогнать меня или отстать. Признала равной? Или пользовалась моментом? Полноценные сидят по секторам. Шанс встретить кого-то на пути нулевой. Юмми не сказала, куда мы направляемся, но чем дальше мы шагали, тем крепло убеждение, что пункт назначения — все тот же зал, где, по словам Ульриха, скопилась мощная энергия.

Я не ошиблась. Мы остановились аккурат у неработающего фонтана в форме кита. Юмми огляделась, но больше по привычке. Опасаться было некого. Сделала быстрое движение рукой — начертила в воздухе не то пару восьмерок, не то некий магический узор с завитками.

— Впусти, — шепнула на мертвом языке, странно звучащем в устах светлой магини.

По полу прошла легкая дрожь. Ближайшая плита к фонтану дернулась и, дребезжа, поехала вниз, а затем в сторону. Глазам предстали каменные ступени с отколотыми краями. Древние. Как сам колледж.

— Добро пожаловать в берлогу ордена, — улыбнулась Юмми. — Главное, внизу дар речи не теряй. С тобой ОНИ тоже хотят поговорить.

— Он-н-ни? — я нутром почуяла, что речь не об участниках особого сообщества.

— Идем, — девчонка легонько подтолкнула меня к лестнице.

Дар речи я все-таки потеряла. Напрочь. Вошла в унылую комнату, из-за сырых стен больше напоминавшую темницу, нежели убежище, и пошатнулась. Свечи горели лишь на овальном столе — посередине помещения, и по углам прятался мрак. Только летучих мышей не хватало для полноты ощущений. Зато лица собравшихся освещались отлично. Взгляд выхватил бледного — мертвецки бледного — Элиаса, перекошенного Тео, заплаканную Рашель и... Я даже Ульриха не заметила, сообразив, кто такие упомянутые Юмми «они». Во главе стола расположились Эмилио Ван-се-Росса и Летисия Дитрих.

— Прошу, леди, — средний герцог пригласил нас со светлой девчонкой за стол. Голос звучал ровно, но на переносице залегла вертикальная морщинка. Господину не нравилось мое присутствие.

— Продолжим, — объявила Дитрих, нарочно глядя мимо меня.

Эмилио сосредоточенно кивнул и отчеканил.

— Вы напортачили.

Тео заерзал на стуле.

— Прошу прощения, мэтр, — начал он, хорохорясь. — При всем уважении, но главный тут — я, и прежде бывшие участники не вмешивались в дела ордена.

— Прежде ученики не горели заживо в ночь духа, — парировал на это Эмилио. — К тому же, орден полной луны основал мой предок — Герберт Ван-се-Росса. Я в своем праве. Итак, вы напортачили. Огромная удача, что сегодня никто не пострадал всерьез. Но это не ваша заслуга. Давно следовало обратиться за помощью. Или советом. В свитках есть имена членов ордена за всю его историю. Вы знали, что мы с леди Дитрих здесь. Но поставили гордыню выше интересов Гвендарлин. Выше своего предназначения.

— Но мэтр...

— Помолчи, Тео, — осадил его Эмилио и хмуро посмотрел на младшего братца. — Повезло, что мне была ведома личность одного участника вашего нынешнего состава. Нет, Элиас никогда не признавался. Но Ван-се-Росса испокон веков в ордене. По праву крови. Пришлось прижать брата и заставить организовать эту встречу.

— И нечего смотреть оскорблено, — напустилась на Тео Дитрих. — Научись принимать взрослые решения и брать за них ответственность. Вы тут не в игрушки играете.

Гнев Дитрих пронял сильнее назидательных речей Эмилио. Тео уткнулся взглядом в стол, изображая готовность к сотрудничеству. Но получилось плохо. Из ушей «главы» ордена едва дым не валил — черный и мощный.

— Что нам делать? — спросила вместо него Юмми. Кротко и почтительно.

— Срочно вычислить восьмого, — Эмилио обвел присутствующих мрачным взглядом. — Иначе в следующее новолуние в замке лучше никому не оставаться. Магия восьмерки — не просто красивая легенда. Вы объединяете силы в единую энергию. Если вас меньше, энергия не получается цельной. Ее недостаточно для защиты от тьмы.

— Но мы провели все необходимые манипуляции! — всплеснула изящными ручками Рашель, голос зазвенел от волнения. — Отобрали испытуемых, но никто не подошел. Кроме... кроме... Лилит.

И откуда у сестрицы Свена силы взялись произнести мое имя. Уж не пламенные ли чувства к Элиасу помогли?

Эмилио странно кашлянул.

— Кстати, о Лилит. Я так и не услышал от брата, как она вообще оказалась на испытании.

— Я уже сказал, это длинная история, которая тебя не касается, — объявил младший герцог, в запале отодвигаясь от стола вместе со стулом. Ножки с мерзким скрежетом проехали по древним камням, и все в комнате поморщились.

— Попридержал бы ты язык, — посоветовал старший брат и поинтересовался у остальных. — Никто не хочет нас просветить?

Полноценные молчали. Признаться, что притащили меня ради особенного дара? Того, который помог незамеченными вернуться в бальный зал? Ага, конечно! В кое-то веке я была с ними солидарна. Мой дар — моя тайна!

— Элиас прав, — проговорила я строго. — Это длинная история. И личная.

Эмилио вздрогнул. Он не ожидал сопротивления от меня. Дитрих глянула из-под длинных ресниц с легким любопытством. Мол, полуцвет показывает коготки. Ну-ну.

— Так что нам делать? — торопливо спросила Юмми, возвращая разговор в деловое русло. — Заново проверить светлый и темный сектора?

— Зачем? — усмехнулась Дитрих. — Ты считаешь, вы ошиблись?

— Нет. Но...

— Ты же не идиотка, Свон. В отличие от большинства. Напряги голову. Если восьмой — не из темных или светлых, значит...

Магиня выдержала эффектную паузу. Но закончила не она. И не Юмми. А Элиас.

— Восьмой — полуцвет.

— Убиться, — простонал Брайс, запуская пальцы в белокурые вихры. — Теперь их двое?!

— А ты предпочитаешь остаться вшестером и позволить спалить Гвендарлин? — ядовито поинтересовался Элиас и посмотрел на брата. — Но как нам вычислить полуцвета?

— Вам — никак, — ответил Эмилио, пряча раздражение. — Это под силу одной Лилит.

Я чуть не повторила подвиг младшего герцога и не отъехала прочь на стуле.

— Как? Тащить всех полуцветов к стене с кубком? То есть... — я запнулась. — Как вообще теперь устраивать испытание, если кубок... э-э-э... того...

— Тоже мне — проблема, — брякнул Брайс. — Засунешь его обратно. Ты же умеешь.

Эмилио поднял ладонь, призывая к тишине.

— Ничего куда засовывать не надо. Для начала следует проверить сектор.

Рука Юмми взметнулась вверх, как на уроке, глаза заблестели.

— Талисман ордена! Каменная луна! Она отзывается, когда рядом свои! Но надо ее превратить во что-нибудь безобидное. В колечко или заколку. Пусть Лилит постоянно носит.

— Молодец, Свон, — одобрила идею Дитрих. — Я займусь. Если талисман «почувствует» присутствие восьмого среди полуцветов, придумаем, как проверить кандидата, не привлекая чужого внимания.

Напряжение, висящее в воздухе, ослабло. Словно прошла гроза, освободив небо из плена

туч. Даже угрюмость на лице Тео сменилась плохо спрятанным облегчением. Сколько бы эти шестеро не считали себя особенными, они еще дети. Гораздо проще переложить ответственность на плечи взрослых, опытных магов, вместо того, чтобы самим воевать с духом. К тому же, когда есть подобие плана, действовать значительно легче. Особенно если основные «действия» предстоят не им, а мне.

Я пока плохо понимала, как относиться к происходящему. Считать себя членом ордена или вынужденным гостем? Но точно знала, что не откажусь от отведенной роли. Прошедшая ночь не пощадила ни полноценных, ни полуцветов. В этот раз вспыхнул белый сектор, но никто не даст гарантии, что в следующее новолуние магический огонь не поглотит наши с друзьями спальни или вообще весь замок.

— Если мы закончили... — начал Тео, вернув голосу привычные командирские нотки.

— Мы не закончили, — не дал ему договорить Эмилио. — Есть и другие темы для обсуждения. В частности, помощница духа.

— Леди Бэка? — с усмешкой спросил Брайс. — Это легенда для первогодок.

— Угу, как и сам дух, — поддел его Элиас.

— Вы оба правы, — неожиданно изрекла Дитрих. — Леди Бэка — глупая выдумка, однако кто-то проникает в спальни и высасывает энергию спящих. Некоторые утверждают, что видели женскую фигуру, закутанную в черный плащ. Мы полагаем, это некая сущность, помогающая духу.

За столом вновь повисла тягостная тишина. Не каждый день ученикам доводится обсуждать с педагогами местные легенды. Да еще легенды, превратившиеся в леденящую кровь реальность.

— Это не сущность.

Мой голос в пропитанном нервозностью безмолвии прозвучал не хуже грома. Даже Эмилио вздрогнул, но быстро опомнился, посмотрел, как истинный мэтр Гвендарлин — холодно и властно.

— Объясни.

— Мы с друзьями считаем... То есть, подозреваем... думаем... — закончить фразу оказалось значительно труднее, чем начать. — Что это... это... леди Сесиль Ларс.

Участники ордена с трудом подавили смешки, спрятав их за дружным покашливанием, Эмилио гневно мотнул головой, а Дитрих рассвирепела с полоборота.

— Как ты смеешь обвинять воспитательницу?! — возмутилась магиня в свойственной себе манере. Того гляди, переберет дюжину подходящих полуцвету эпитетов и отправит отбывать наказание в мэтра Шаадея.

Но крики возымели обратный эффект. Меня накрыло желание доказать правоту во что бы то ни стало. К демонам последствия! Да и что полноценные сделают? Колледж избрал меня в орден. Я им нужна. Как и другой неизвестный пока полуцвет.

— Я никого не обвиняю, леди Дитрих. А лишь высказываю подозрения. В прошлое новолуние помощница духа заработала ожог, пытаюсь украсть мою куклу-талисман, и чертыхалась знатно. А на утро у леди Сесиль повязка появилась. На той самой ладони.

Ученики вытаращили глаза, переваривая новость.

Все, кроме деятельной Юмми.

— Интересная теория, — проговорила она мягко, стараясь не обидеть. — Но леди Сесиль не обожгла ладонь, а порезала. Я слышала, как она мэтру Дювалю жаловалась.

— Вот видите! — обрадовался моему провалу Брайс. — Значит, сущность!

Но покраснел, как мак, под грозным взглядом Эмилио.

— Итак, помощница духа, — продолжил мэтр устало, но его перебили.

— Погоди, Эм...

Я подпрыгнула на жестком стуле, услышав обращение к мэтру. Слева и справа раздалась изумленные возгласы остальных. Прежде Дитрих не допускала панибратства при посторонних. Как и другие педагоги. Но магиня не заметила казуса, взволнованно провела ладонью по лбу, отбрасывая назад черные волосы.

— Прозвучит безумно, но... — она всплеснула руками, взирая на обожаемого Эмилио. — Но, возможно, полуцвет не ошибается.

У меня аж в ушах загудело. Злючка-магиня обо мне? Она же сама минуту назад готова была четвертовать меня за обвинение.

— Леди Сесиль солгала Дювалю, — продолжила Дитрих нервно. — Я видела ожог у нее на ладони. Уродливый. До костей. Я с леди Виэрой разговаривала в целительском блоке, когда воспитательница пришла за помощью. Она не пожелала объяснить, как получила травму. Сказала — глупая случайность.

Средний герцог напрягся.

— Ты же не думаешь...

— Я не знаю, что думать, Эм! Гвендарлин на пороге чего-то очень серьезного и опасного. А Бритт ни за что не согласится распустить учеников в следующее новолуние. Старый болван!

— Летисия! — ужаснулся Эмилио.

Но магиня наплевала на осторожность. И приличия.

— К демонам! — объявила она, оглядев ошарашенных учеников, и вновь переключилась на среднего герцога. — Пора предпринимать решительные шаги. Нет гарантии, что даже обряды восьмерки исправят ситуацию. Вдруг процесс не остановить? Нужно понять, помогает Сесиль духу или нет. А идеальный вариант — найти, наконец, чертову книгу.

Эмилио хмыкнул.

— Успехов. Орден пытается сделать это не одно десятилетие.

— К-к-какую книгу? — вопрос вырвался у меня вместе с хрипом.

Совпадение или фрагмент мозаики?

Но Дитрих замолчала так же внезапно, как принялась откровенничать. Эмилио сжал губы, явно не планируя просвещать вновь прибывшего члена ордена. Но я все равно получила ответ. Вместо мэтров заговорил Ульрих, не принимавший ранее участия в разговоре.

— В свитках ордена есть упоминание о книге, хранящей секреты Гвендарлин. Точнее, семь секретов. Считается, она способна помочь в борьбе с духом. Но секреты зашифрованы. Прочесть их могут лишь избранные. Для всех остальных — это самая обыкновенная книга. Никто не знает, как она называется. И где хранится.

Стул подо мной скрипнул. Наверное, я бы рухнула, если б не вцепилась в край стола. Ну, дела! Мне в руки попала реликвия, годами разыскиваемая орденом? Но ведь не мне первой! О, боги! Почему же Маргарита не поделилась с остальными? С Эмилио? С Дитрих? С другими членами ордена?

Означает ли это, что и мне стоит помалкивать?

Но я не хочу! Я устала от секретов и ответственности за них! Это не моя битва!

— Да, никто не знает, — повторил Эмилио слова Ульриха. — Нам остается лишь...

— Я знаю, — мой голос отдавал хрипотцой от волнения. — Книга у меня. Но прочитать

удалось только первый секрет. Остальные не поддаются.

— Что? — Эмилио вскочил, но покачнулся и вынужденно уперся ладонями в стол. — Ты серьезно, Лилит?

Я испуганно кивнула.

— Это случайность, — я почти жалела, что открыла рот. В глазах среднего герцога пылал огонь, похлеще, чем выпускала Агния. — Да, случайность. Я читала «Историю Гвендарлин» и увидела название другой книги на полях. От руки. И заинтересовалась. «Непопулярные легенды» — так называется книга. Она много лет хранилась в библиотеке, но успехом не пользовалась. Леди Филомена сказала, в последний раз ее брали четырнадцать лет назад.

Дитрих тихо охнула, заподозрив неладное.

— Четырнадцать лет назад, — прошептал Эмилио с трудом. — Ты знаешь, кто ее брал?

Я тяжело вздохнула. Но лгать не рискнула. Вдруг библиотекарьша признается уважаемому мэтру, что рассказала мне часть истории. Пусть и крохотную часть.

— Знаю лишь, что это была ученица. И она вскоре погибла.

— Проклятье, — в один голос прошипели Дитрих и Элиас.

А Эмилио посмотрел так, словно я подписала нам всем смертный приговор.

— Идем за книгой, Лилит. Сейчас же. А по дороге ты расскажешь всё. Ясно тебе? ВСЁ!

Я снова закивала, однако пообещала себе мысленно, что часть тайн останется при мне. Наверное, Эмилио Ван-се-Росса заслуживал доверия. Но его взгляд пробрал насквозь, как зимняя стужа одетого не по сезону мага. Почудилось, что господин боится меня. Боится, но вынужден держать рядом. Как и всё его семейство.

Глава 20. Маргарита

— Смотри в учебник, а не на меня.

Но я не слушалась. Для виду утыкалась в книгу, но едва Ульрих принимался за дело, исподтишка следила за каждым движением, наполненным мощью колдовской магии. Пальцы полуведьмака плели невидимое кружево, вытягивая энергию из камешков и веточек, собранных возле замка. Сегодня парень нагнал меня в коридоре, едва вернувшись с прогулки. От него пахло зимней свежестью. Ночью выпал снег, похоронив опавшую листву.

— Полчаса, — нервно прошипел он в ухо. — Не мотай головой. Очень надо.

Мои пальцы тряслись от желания врезать по покрасневшей от мороза щеке, но я, как обычно, поддавалась на уговоры поросенка, без зазрения совести пользующегося моим даром. Это был уже третий раз за полторы недели, когда я впускала парня внутрь стены для ведьмовских манипуляций. Сегодня он особенно старался, перебирал пальцами, словно от этого зависела жизнь.

— В учебник, говорю. В учебник! — снова потребовал Ульрих.

— Разбежалась, — объявила я. — Мой коридор — мои правила!

— Ты отвлекаешь!

— Ох, какие мы нежные!

Да, я соглашалась помогать паразиту, но каждый раз мы обязательно ссорились. Со мной что-то случилось после памятного «собрания» в логове под фонтаном. Не то смелости прибавилось, не то наглости. Я не тушевалась, дерзила Ульриху или засыпала градом вопросов о его магии, семье или ордене. Парень игнорировал меня или отшучивался, и я снова дерзила, мысленно рисуя сцены расправы.

— Ты сама пробовала сосредоточиться, когда на тебя пялятся, словно на заморскую диковинку? — спросил Ульрих, изображая крайнюю степень недовольства.

— Пробовала. Я же полуцвет. На меня всегда кто-то пялится.

Полуведьмак остановил плетение и подарил веселый взгляд.

— Если отвечу на пару вопросов, займешься уроками?

Я изобразила задумчивость. Ответит он, как же! Только тень на плетень наведет.

С другой стороны, почему бы не попробовать?

— Зачем тебя отправили в Гвендарлин? В книгах пишут, что истинные ведьмаки всегда обучались дома. Здесь же опасно для тебя. Конспирация и все такое.

Ульрих вздохнул, раздумывая над ответом. Или над тем, как ничего не ответить.

— Сюда меня отправил отец. Он не в курсе моей... э-э-э... особенности.

Я усмехнулась. Издевается. Точно издевается! И решила подыграть.

— Хочешь сказать, отец понятия не имеет, что женат на ведьме?

— Моя мать ему не жена.

В зеленых глазах вспыхнуло пламя. На краткий миг. И безвозвратно погасло.

В душу закралось подозрение, что паразит говорит правду. Но я оттринула его, как самое невероятное из всего, что творилось со мной в Гвендарлин. С такой, как я, не откровенничают. Не доверяют потаенные секреты.

— А твой брат Нильс? Как ему удастся хранить тайну? Он же... — я запнулась. Одно дело

— костерить Ульриха, другое — проходиться по родне.

— Ходячее недоразумение и организатор катастроф?

— Угу.

— У Нильса нет ведьмовской крови, — ответил парень снисходительно и тут же скорчил дурашливую рожицу. — Это был третий вопрос, а мы договорились о двух. Закрывай рот, Лилит, и читай параграф. А мне тренироваться надо. Без помех!

На языке волчком вертелась новая гадость, но в голове гроыхнули два последних слова, и я обескуражено замолчала. Помеха! Вот я кто для него! Обида вонзила острые когти, разорвав плоть до костей. Стоит на мгновение расслабиться, поверить, что мы способны разговаривать на равных, как обязательно смешает с грязью. Ладно! Я-то помолчу. Но пусть не надеется, что снова впусу внутрь стены. Пусть в родном секторе тренирует ведьмовскую магию. Или каникул ждет!

Я так рассвирепела, что, когда Ульрих, наконец, закончил, не удостоила его и взглядом. Выйдя в коридор, не соизволила попрощаться. Пошла к себе с деловым видом, ощущая спиной пристальный взгляд полуведьмака.

В родной спальне в лицо привычно дунул магический ветерок, отреагировав на синий браслетик. Защитные чары Агнии исправно работали, пусть проверить их на посторонних пока не довелось. На пальце потеплело заколдованное колечко. Талисману ордена, до «маскировки» выглядевшего статуэткой в форме шара (луны), требовалось несколько минут на «разогрев». Увы, его тепло оставалось равномерным. Сообщало, что восьмой участник ордена живет в особом секторе, но не указывало, кто именно.

— Где ты была? — в спальню вошла Агния.

Я не заметила лукавства, смешенного с обидой, на лице подруги и соврала.

— В библиотеке.

— Ну-ну. С Ульрихом Бернardu? Ада — последняя подружка Кайла — видела, как вы шептались в коридоре.

Жар прилил к щекам, как обжигающая лава.

— Мы не шептались. Ульрих спрашивал... э-э-э...

— Уж не дорогу ли? — усмехнулась Агния и забралась на кровать с ногами. — Он — полноценный, Лилит. Это опасно.

— Меня не интересует Ульрих Бернardu.

Удивительно, что голос не дрогнул.

— Хочу напомнить, что мы — друзья, — проговорила Агния, глядя с легкой грустью. — И в прошлый раз мы поссорились именно из-за лжи.

— Меня не интересует Ульрих Бернardu, — повторила я уперто и выскочила из комнаты. Рванула в ванную — умывать пылающее лицо.

Помогло мало. Щеки и нос свело от холодной воды, несколько проворных капель убежало за ворот, намочив платье, но в висках все равно пульсировало от злости. Я бросила беглый взгляд в зеркало (с некоторых пор заглядывала туда от силы раз в день) и забилась в угол. Села на пол, притянув к себе колени. Как же всё достало! Секреты, недосказанность, ложь! Я не хотела обманывать друзей, но не могла рассказать ни об ордене полной луны, ни о тайных «посиделках» с Ульрихом внутри стены.

Я бы прыгала от счастья, как ребенок, если б восьмым участником ордена оказались Агния или Шем. Под боком появился бы кто-то посвященный. Лиан не рассматривался. Колледж не «принимал» в защитники учеников младше пятнадцати лет. Но мои надежды были беспочвенны. Дитрих объяснила (точнее, она объяснила это Юмми, а та передала мне), что мои друзья — сильные маги, пусть и полуведьмы. Их бы колечко

вычислило быстро. Участник номер восемь, вероятно, личность невыдающаяся в плане магических способностей.

Дни убегали, как быстрая вода, а мы топтались на месте. Дитрих дважды — опять же через Юмми — забирала кольцо, чтобы снабдить его дополнительными чарами, но ничего не менялось. Замаскированный талисман теплел, когда я возвращалась в сектор, и всё на этом. Я нарочно вечер за вечером проводила в общей гостиной. Общалась то с одним полувцветом, то с другим, молясь, чтобы избранником оказался не Кайл Нестор. Но чертово кольцо не реагировало.

Кулаки сжались, ногти больно вонзились в ладони. Мне доверили одно единственное задание, а я и с ним справиться не в состоянии. После памятного разговора с Эмилио меня больше не привлекали к делам ордена. И ничего не рассказывали (скупые объяснения Юмми не в счет). Средний герцог едва зубами не скрежетал, узнав, что я понимаю мертвый язык. А главное, что скрыла эту особенность. Даже представлять не хотелось, как онотреагирует на историю о голосах и прогулках внутри стен. А еще на то, что, находясь при смерти, я общалась с его драгоценной Маргаритой.

«Непопулярные легенды» Эмилио забрал, и теперь книга хранилась в логове ордена. Это я тоже узнала от Юмми. Все участники (и нынешние, и двое бывших) сумели прочитать оставленное автором послание и первый секрет — о темных магах, вырождающихся из-за древней магической скалы, которую супруги Ван-се-Рмун выбрали для возведения Гвендарлин. А дальше — та же история, что и у меня. Закорючки и никакой надежды быстро расшифровать записи.

Ночью приснился Урсул. Я вновь видела его глазами. Бежала по коридору в северную часть замка, где располагалась лунная башня. Ковер, обычно заглушающий шаги учеников и мэтров, мешал коту, тормозил стремительные движения лап. Когти цеплялись за высокий ворс, рискуя оказаться вырванными. Но Урсул не обращал внимания на такую мелочь, как риск испортить «маникюр». Он спешил, ведь на лестнице, ведущей в убежище Маргариты, его ждали.

«Опаздываешь, мальчик...»

Черная кошка Тира ничего не сказала вслух, но я (или Урсул?) услышала ее мысли. Синий кот не счел нужным ответить. Или просто не умел. Скромно присел у нижней ступени, предоставив Тире возможность первой подняться в башню. Черная кошка улыбнулась в усы (правда, улыбнулась!) и величественно зашагала вверх, будто весь замок — ее личные владения. Урсул отправился следом, нервно дергая хвостом. Ему не нравилась «прогулка», но, похоже, отказать Тире синий котяра не мог.

Наверху играла скрипка. Не плакала, не жаловалась. Пела с толикой печали. Маргарита, как обычно, стояла спиной к входу. Неотреагировала на появление хвостатых гостей. Коты остановились на пороге. Урсул нервно перебирал лапами, Тира повела носом по воздуху, словно через запах выясняла настроение «хозяйки» лунной башни. Результат кошке не понравился, шерсть на загривке приподнялась, желтые глаза, похожие на две полные луны, сверкнули. Но она не отступила.

«Надо поговорить»

Слова вновь остались не озвученными. Лишь мысли достигли нашего с Урсулом сознания. И Маргариты, которой они предназначались. Мелодия смолкла. Нет, оборвалась. Смычок резко проехал по струнам, вынудив скрипку застонать.

— Вон!

«Но...»

— Я сказала: убирайся к черту, предательница! Вон! Вон! ВОН!

Урсул припустился прочь первым, унося конечности подальше от бушующего духа. Но Тира его опередила. Увы, не собственными стараниями. Получила нечто сильно смахивающее на пинок и, пролетев над синим котом, приземлилась внизу лестницы. Правда, сначала трижды кувыркнулась.

«Вздорная девчонка», — пожаловалась Тира не то Урсулу, не то древним стенам

Гвендарлин. — «Всегда была неуправляемой».

Урсул тяжело вздохнул, посочувствовав черной подружке, и засеменял восвояси...

...Эта картина — два кота и девушка в синем со скрипкой в руках — стояла перед глазами весь день. Сон или явь? Я не знала ответа. А, может, и то, и другое? Некое событие, нашедшее отражение в сновидении. А, впрочем, Тира всегда была необычной кошкой. Тира, исчезнувшая после моего отъезда в колледж.

— Лилит, ты с нами? — раз в десятый за день спросил Шем, легонько подталкивая локтем.

— С вами.

Но я кривила душой. Едва ли я слышала объяснения Бритта, как создавать заклятья водников, чтобы потушить огонь. Или рассказ Дюваля о ссоре магов и истинных ведьмаков девять столетий назад, из-за чего предки Ульриха и начали жить обособленно. Сознание включилось на вспомогательной магии, когда Шаадей к всеобщему удивлению заговорил о снах и новолунии. Ученики зашептались, поглядывая на мэтра с подозрением. С другой стороны, он не упомянул духа, а, значит, не нарушил незыблемое правило.

— Это средство не работает в новолуние, — объявил Шаадей, раскладывая на столе морскую гальку. — Но во все остальные ночи камешки подарят отличные сны, а, главное, управляемые. Вы сможете делать всё, что захотите: хоть над замком птиц полетать, хоть рыбой на дно нырнуть. Надо лишь сутки подержать гальку в особом снадобье, ингредиенты которого легкодоступны, и расставить под кроватью в нужной последовательности. Рецепт снадобья на доске. Пока же запоминайте, как располагать камни.

Я чуть шею не свернула, разглядывая из нашего отгороженного угла стол мэтра Шаадея. Управляемый сон, говорите? Хочу! Вдруг получится создать не просто сон, а вещий сон? Безумная затея, конечно, но вдруг получится? Кто сказал, что поговорить с Маргаритой возможно лишь на пороге смерти? Я настолько увлеклась затеей, что, когда педагог предложил ученикам разобрать заранее приготовленные камушки, не постеснялась выскочить к преподавательскому столу одной из первых. Шем с Лианом что-то предостерегающе зашептали вслед. Но я не среагировала.

— Полуцветам не положено! — возмутилась черноглазая девчонка-первогодка, оказавшаяся у заветных камешков одновременно со мной.

— А еще полуцветам не положено испепелять взглядом полноценных. Поэтому вы все до сих пор целы, — объявила я, плохо соображая, что несу. Слова сами снялись с языка.

Девчонка в панике попятилась. Наверняка, вспомнила глупые легенды о нашем брате: краденные светлые сны и частички магии. Меня реакция устроила. Я с вызовом посмотрела на мэтра Шаадея и протянула руку. Отдаст камешки или прогонит? Я подозревала второе. Но мэтр хитро улыбнулся и сыпанул в ладонь горстку гальки.

Увы, план провалился с треском. Не по моей вине. Я всё сделала правильно. Разложила камешки под кроватью, не обращая внимания на ворчание Агнии, считавшей затею глупой и детской. Удобно устроилась в постели, натянув синее одеяло до подбородка. Освободила голову от гнетущих мыслей и «проложила» путь от сектора полуцветов до лунной башни. В моем воображении Маргарита сегодня не играла на скрипке. Смотрела в темное окно, обняв себя руками, и ждала визита.

Галька сделала свое дело. Я медленно ступала по коридору, наполненному витиеватой сизой дымкой. Он производил зловещее впечатление: стены сырые, с отколотыми камнями, факелы погасли, путь освещала длинная свеча в руке. Но мрачную картинку рисовало мое воображение, получившее за последние месяцы море жуткого «опыта». На деле ничего опасного не намечалось. Ни треклятых голосов, ни закутанных в черные одеяния фигур. Одна я, управляющая сном.

Дорога до лунной башни получилась значительно короче, чем в реальности. Пара поворотов и вот они — ступени, по которым ночь назад поднимались Тира и Урсул.

«Маргарита», — я остановилась на пороге.

— У меня нет ответов, Лилит. Тех, которые ты ждешь. «А какие...»

— AAAAAAaaaaaaaaaaaaaa

— Что? Кто? — заголосила Агния. — Ой, демоны! Сработало!

— СРАБОТАЛО!

— Попалась! Она попалась!

На полу сидела Милли Дорвис. На ее лбу красовалась выжженная надпись: «воровка». Но едва ли я успела оценить «подарок» огневички. Гораздо больше заинтересовали руки бывшей подружки старосты Кайла. А точнее, натянутые на них перчатки.

— Не понимаю, к чему церемонии? Отправить пострадавшую к леди Виэре, а двух нахалок наказать до каникул.

— Уважаю ваше рвение, леди Сесиль. Всем бы такое. Однако решения тут принимаете не вы. Я же не против выяснить подоплеку «загадочных» событий.

Летисия Дитрих плотоядно облизнула губы и обвела нас заинтересованным взглядом.

Таким, каким прежде не смотрела ни на одного полувцета. Агния не смела поднять глаз.

Она побаивалась стерву-магину. Милли горько всхлипывала, прикрывая ладонями обожженный лоб. Я злилась. Бесила сама ситуация: три полувцета, Дитрих и леди Сесиль посреди ночи в классе. Ну не бред ли?

А всё зараза Кайл Нестор! Послал срочное сообщение дежурному педагогу, коим оказалась бывшая невеста среднего герцога. И точно не ради покалеченной Милли. А исключительно в отместку мне. Почему к Дитрих присоединилась воспитательница, подозреваемая в помощи духу, оставалось неясным. Но вряд ли являлось случайностью. Наверняка, леди Сесиль ждала результатов ночной вылазки Милли и теперь мечтала прикрыть тыл.

— Итак, леди, — ядовито обратилась Дитрих к нам с Агнией. — Кто автор ловушки?

— Я, — выдохнула огневичка. Врать не имело смысла.

Брови магини чуть приподнялись. Видно, в подозреваемых числилась не Агния.

— Можно узнать, зачем понадобилось устраивать западню?

Но подруга молчала. Пришлось отдуваться мне.

— В нашей спальне была кража. Мы не хотели повторения, — я нарочно сделала ударение на слово «кража». Может, магиня догадается, о чем речь. Я рассказывала о происшествии с куклой-талисманом на памятном собрании.

Дитрих криво усмехнулась. В облике появилось что-то хищное.

— А ты? — она повернулась к Милли. — Что тебе понадобилось в их спальне?

Та с трудом подавила рыдания.

— Я не могла уснуть. Спустилась на кухню — чай попить. На обратном пути услышала стон. Решила, кому-то снится кошмар. И про-про-про пров-в-верила.... Ох...

— Ты всегда пьешь чай в печатках? — вырвалось у меня яростно. — Чтоб не обжечься? О чашку? Или обо что-то другое?

— Помолчи, полуцвет! — выплюнула леди Сесиль. Костлявая рука дрогнула. Воспитательница едва удержалась, чтобы не наградить меня оплеухой.

— А вы не указывайте! — моя «побочка» вознамерилась побить все рекорды.

— Ах ты...

— ТИХО! — Дитрих ловко встала между мной и воспитательницей. — Леди Ларс, проводите пострадавшую в целительский блок. Бэртон — вы выход. Подождешь за дверью. А с тобой, Вейн, — серо-голубые глаза магини предвкушающе блеснули, — мы обсудим правила этикета, несоблюдение которых влечет крупные неприятности.

На потрескавшихся губах леди Сесиль расплылась победная улыбка. Агния побелела не хуже снега, покрывалом укутавшего древний замок. В лице читались сочувствие и поддержка, но послушаться прямого распоряжения огневичка не посмела. Покинула класс в полной уверенности, что в следующий раз увидит мою несносную персону в обугленном или покалеченном состоянии.

Меня уединение с Дитрих не тревожило. Козырь в виде членства в ордене — отличная защита от мстительной преподавательницы. Впрочем, он и не понадобился. Магиня не увидела в моем хамстве леди Сесиль ничего зазорного.

— Что произошло на самом деле? — спросила она насмешливо. — Посмеешь рассказать сказочку, будешь потрошить жаб у Шаадея до конца учебы.

Наши взгляды встретились. Сейчас Дитрих не походила на саму себя. Вместо экстравагантных нарядов серое домашнее платье, на лице ни намек на грим и краску, волосы, обычно струящиеся волнами по плечам и спине, собраны в хвост. Но так магиня выглядела еще привлекательнее. Красота была настоящей, живой, а не яркой и кричащей. Ох, как же Эмилио Ван-се-Росса умудрился отвергнуть эту женщину? Какими же достоинствами обладала загадочная Маргарита, чтобы заставить среднего герцога забыть о Летисии Дитрих?

— Говори, Лилит, — в голосе магини, назвавшей меня по имени, прозвучала угроза.

Я кашлянула, принимая очевидное решение. Правда — единственный способ положить конец балагану сегодняшней ночи. Да и кто сказал, что Дитрих не следует знать о проделках Милли?

— Мы поставили ловушку на случай возвращения воровки. Кукла-талисман пропала на следующий же день после ночного вторжения леди Сесиль, а в спальню не смог бы зайти

никто, кроме полуцветов. Кроме девочек-полуцветов. Позже Урсул — мой синий кот — вернул пропажу. С подпалинами. Куклу пытались уничтожить, но не смогли. Она не горит. Мы проверяли. В общем, сегодня западня сработала. Думаю, Милли и есть воровка. Иначе какого демона разгуливать в перчатках?

Я говорила, с удовлетворением наблюдая, как насмешливое выражение на лице Дитрих сменяется озабоченностью. Магиню встревожила история. Всерьез.

— Что такого в этой кукле? Откуда она?

Я пожала плечами.

— Мама клала в колыбель. Я взяла талисман с собой, повинаясь порыву. Никогда не верила в его защитные чары. Но кукла точно особенная. Кажется, она бережет меня от духа. И кошмаров.

Я тихо охнула. Да что творится с языком?!

Но Дитрих нечаянное признание напугало сильнее.

— К-к-каких к-к-кошмаров?

Вкрадчивый шепот прозвучал опаснее привычных угроз и язвительности. На лице преподавательницы не осталось красок. Только серость. Мертвая серость.

— Э-э-э... обыкновенных.

Ложь вышла неубедительной, зубы застучали. Чужой страх мгновенно передался мне.

— Что тебе снится, Лилит? — магиня схватила меня за ворот платья, да так, что оно затрещало по швам. — Говори же, бестолковая девчонка! Что за кошмары? Коридоры и голоса?! Голоса, выманивающие из сектора?!

Она прочла ответ по шокированному лицу. Пальцы задрожали и разжались.

— Идиотка. Непроходимая тупица! Ты хоть понимаешь, как рисковала? Если им удалось заставить тебя выйти из...

Дитрих замолчала, вновь уловив мою реакцию.

— Это уже происходило? Так?

Безопасней было все отрицать. Я не доверяла Дитрих. Они с Маргаритой — не союзницы.

Но я так устала от тайн. От лжи.

— Дважды, — на глаза навернулись слезы, и я вонзила ногти в ладони. — Урсул меня остановил. Оба раза. Его когти отлично выводят из транса.

Дитрих с тяжелым вздохом отвернулась. Прошлась туда-сюда вдоль ряда парт и прислонилась к стене, скрестив руки на груди. Мои сны она считала проблемой. Очень большой проблемой.

— Кем ты себя возомнила, девочка? — спросила преподавательница после затянувшейся паузы. — Магом, способным противостоять мощнейшим силам?

Иронии не прозвучало, но я всё равно ее заподозрила и съязвила:

— Вы правы, куда уж полуцвету.

Дитрих издала нечто похожее на рычание.

— Я не о том, бестолочь. Да ты и не обычный полуцвет. Не пустой, как остальные. Я не забыла твои синие молнии. Но верх безрассудства считать, что ты справишься в одиночку. Ты не первая, кто пытался. Однако в прошлый раз за самонадеянность пришлось заплатить кровью. И жизнью.

Я поняла. Дитрих говорит о Маргарите! О той, кто встал между ней и Эмилио. Но без яда. Без злорадства. В голосе явственно прозвучала горечь.

Они соперницы? Или нет?

— Иди к себе, — неожиданно велела магиня. — Защиту огневички не снимайте. И куклу берегите. С вашей горе-воровкой разберемся позже.

— А леди Сесиль? Откуда она вообще сегодня взялась?

Дитрих закусила губу. Почти до крови.

— Очень «удачно» столкнулась со мной в коридоре, когда я шла сюда. Согласна, еще один аргумент не в ее пользу. Но это не твоя забота. Проваливай, Вейн. Проваливай!

Я не спала. Погружалась в легкое полузабытье. Чуткое и зыбкое. В такое прорываются любые звуки: скрип веток за окном, вой зимнего ветра. На соседней кровати ворочалась Агния, тщетно борясь с бессонницей. Мне снова пришлось солгать подруге, обвинив Дитрих в выдуманных грехах. Мол, изводила меня, угрожала. В результате в последующий час огневичка вдохновенно строила планы мести магине, а я мысленно уговаривала совесть повременить с упреками.

Странно. Скажи мне кто-то несколько часов назад, что я доверюсь Дитрих, покрутила бы пальцем у виска. Но сейчас я ощущала легкость, словно месяцами носила на спине булыжники, а теперь они исчезли, оставив ноющую, но не обременяющую боль. Да, признание о кошмарах вырвались сами собой. Но интуиция подсказывала: я не прогадала. Дитрих всё расскажет Эмилио. Он узнает о моих проблемах, как и хотела Маргарита. Меня подстрахуют. У Урсула появится подмога.

Маргарита. О ней в эту длинную ночь я думала больше, чем о таинственных противниках, жаждущих загнать меня в ловушку. Почему она не призвала на помощь орден и ненаглядного Эмилио? Почему сражалась одна? И отчего Дитрих не испытывает ненависти? Я бы испытывала. Наверное. Душу острой иглой колола ревность при виде Рашель, воркующей возле Ульриха. А ведь зеленоглазый поросенок мне даже не принадлежал, как Эмилио официальной невесте. У Дитрих-то имелись все основания злиться.

Может, ее горечь почудилась от переизбытка впечатлений?

Наутро с нами не разговаривал весь сектор. За исключением Шема и Лиана. Полуцветы посчитали ловушку выходкой бездарной и низкой. Никого не волновало, что это нас обокрали свои же. Собратья потребовали попросить прощения у Милли, когда та вернется из целительского блока. Агния взбунтовалась и бурчала весь день, обещая сжечь воровке лоб заново, если та сунется за извинениями.

Уроки прошли нудно. Рица я слушала, изо всех сил держа глаза открытыми. Бессонная ночь давала о себе знать. Шаадей устроил контрольную, но его наука давалась мне без усилий, да и прыти от полуветов никто в Гвендарлин не ждал. Справятся на проходной балл, и ладно. Бритт устроил практику для полноценных, предоставив нам четверым роль зрителей. Я навалилась на парту, наплевав на реакцию директора. Но Шем нервничал, пихал в бок всякий раз, когда на меня нападала дремота.

После уроков друзья отправились в тренировочный зал, а я поплелась в сектор полуцветов. Ограничения леди Визэры еще действовали. Но ноги сами понесли меня в другую сторону — к лунной башне. Нет, я не собиралась подниматься в логово Маргариты. Безумие — столь нагло нарушать правила. Скромно устроилась на ступенях, являвшихся во сне, обняла колени. Может, душа погибшей девушки почувствует, что я здесь, и даст полезную подсказку.

— Лилит?

Ох, так и заикание заработать недолго.

— Мэтр Дюваль...

Он деловито шел мимо, держа в охапку стопку книг, и сильно удивился, обнаружив меня на лестнице.

— Почему ты одна? И почему... э-э-э... тут?

Резонный вопрос. Лунная башня — не место для гуляний. Но Дюваль не сердился. Он вообще никогда не сердился. И с полуцветами разговаривал на равных.

— Я не боюсь ходить без провожатых, мэтр. Прозвучит странно, но огненный шторм принес и пользу. После изгнания виновников со мной побаиваются связываться. А башня... — я запнулась, показалось, взгляд Дюваля стал чересчур внимательным. — Это же не нарушение — сидеть тут, правда? Я не поднималась наверх.

— Интересуешься обитающим в башне духом? — спросил мэтр прямо.

— Скорее, легендами Гвендарлин в целом. Они притягивают. Как представишь, сколько всего видели эти стены, мурашки по коже.

Дюваль понимающе улыбнулся.

— Ты права. Когда я получил здесь работу, неделями бродил по замку, исследовал каждый уголок. Энергетика колледжа не давала покоя.

— Вы не учились в Гвендарлин? — изумилась я.

— Нет. Я вырос на севере Многоцветья. Познакомился с замком взрослым, но полюбил его, словно жил здесь всегда. А легенды, — мэтр вздохнул с легкой печалью, — не каждая заслуживает внимания. Например, история, связанная с лунной башней, слишком трагична. Из тех, которые лучше предать забвению.

Я мысленно чертыхнулась. Лучше? Кому? Маргариту и так предали забвению, как любого самоубийцу. Но ведь она не накладывала на себя рук. Она жертва, а не преступница, уничтожившая собственную магию вместе с жизнью.

— Вы знали погибшую девушку, мэтр?

— Почти нет. Я прибыл сюда за несколько месяцев до ее гибели. Новичку не доверили старшекурсников. Я вел занятия у первоодков.

Наверное, я выглядела разочарованной. И печальной. Дюваль отечески похлопал меня по руке.

— Не грусти, Лилит. Это история — дело прошлое. Нужно жить сегодняшним днем.

Он предложил проводить меня до сектора полуцветов, но я отказалась. Пообещала, что сама дойду, никуда не сворачивая. Но покривила душой. В голове родился дерзкий план. Элиас не хочет говорить о Маргарите. Задать вопрос Эмилио я не рискну сама. Дюваль не сумел мне помочь. Но я догадывалась, кто сможет. Если сочтет нужным. Главное, действовать аккуратно. Не вызывая подозрений.

Предполагаемый источник сведений — хозяйка библиотеки леди Филомена — привычно взглянула поверх очков. Я с трудом подавила желание прикрыть пятнистое лицо. С каждым днем следы ожогов бледнели, но еще выделялись на коже, притягивая неуместный интерес.

— Неплохо выглядишь, учитывая обстоятельства, — объявила леди Филомена. — Сожалею, что так случилось. Этот колледж воспитал множество выдающихся магов. Но во все времена здесь учились и бездари, способные лишь на глупость и жестокость. Ты что-то хотела, девочка? Найти новую необычную книгу?

— Нет. Лишь предупредить, что пока не верну старую. «Непопулярные легенды» оказались не скучными.

— О! — библиотекарша махнула рукой с отполированными ногтями. — Не беспокойся. Сомневаюсь, что кто-то спросит их ближайший десяток лет.

Я улыбнулась, изображая, что оценила шутку. И решила действовать.

— А кто брал книгу в прошлый раз? Четырнадцать лет назад?

По лицу леди Филомены прошла тень.

— Старшекурсница, — ответила дама уклончиво.

— Ее звали Маргарита?

Вопрос прозвучал в лоб, вызывая взволнованный вздох библиотекарши. Пришлось исправлять ситуацию и тараторить:

— Простите мое любопытство. В книге лежала именная закладка, а мне интересно, кто еще увлекся столь необычным чтивом. Кроме любознательного полуцвета.

Леди Филомена снова сдвинула очки на кончик носа, чтобы облагодетельствовать взглядом, на этот раз испепеляющим. Сразу захотелось превратиться в змейку и незаметно ушуршать прочь. Да-а-а, глупая была затея с расспросами.

— Я удовлетворю твое любопытство, девочка, — огорошила библиотекарша. — Но лишь потому, что знаю, в каком герцогстве ты живешь, и не хочу новых неприятностей на твою бедовую голову. Да, ту старшекурсницу звали Маргарита. Маргарита Милинда Ван-се-Росса.

Почудилось, что я лечу вниз, пробивая телом полы и потолки. Ломая каждую кость.

— Ван-се... се... се...

— Да-да. Дочь твоих господ. Их второй ребенок. Ребенок, наложивший на себя руки в стенах этого замка и преданный забвению. Неудивительно, что живя в герцогстве, ты ни разу не слышала о Марго. Даже семья не смеет вспоминать самоубийцу.

— Но она же не...

Я чуть не расплакалась. От обиды за призрака лунной башни.

О, боги! Я идиотка! Маргарита не возлюбленная Эмилио. Она его сестра! Вот почему Летисия Дитрих не испытывает ненависти. Они никогда не были соперницами!

— Ступай, девочка, — погнала меня прочь леди Филомена. — И забудь имя, что я назвала. Узнает герцогиня Виктория, что ты задаешь вопросы, в порошок сотрет.

Глава 21. Номер восемь

Я не послушалась леди Филомену. Точнее, не вняла ее доводам, хотя и побаивалась реакции герцогини Виктории. Сутки уговаривала себя оставить всё, как есть, ворча на каждого, кто смотрел в мою сторону. Даже Шему досталось ни за что. Но здравый смысл проиграл битву. Вечером следующего дня нервы сдали, и я отправилась на поиски мага, знающего подоплеку трагических событий.

Спрашивала ли я себя о праве интересоваться жизнью и смертью Маргариты? Да, не раз. Где я, а где клан Ван-се-Росса. Ворошить историю, которую назвали самоубийством и предпочли похоронить — плохая идея. Чертовски плохая. Но на меня охотились те же силы, что погубили дочь герцогской четы. Еще вопрос, кто опаснее: герцогиня в гневе или обладатель голоса, выманивающего по ночам из спальни.

Добравшись до пункта назначения — сектора темных — я трижды постучала магическим молоточком по двери. На удары отозвалась быстрая мелодия, чересчур тревожная, но идеально подходящая к ситуации. Открыл рыжий парень с россыпью веснушек на щеках и вздернутом носу. Усмехнулся и процедил гнусаво:

— Вали отсюда, полуцвет.

— Мне нужен Элиас Ван-се-Росса, — отчеканила я, не обратив внимания на угрозу в каре-зеленых глазах.

— Ты не расслышала, что я...

— Это ты не расслышал, — оборвала я жестко. — Зови Элиаса. Или расскажу мэтрам, что ты пытался меня поджечь. Распрощаешься с Гвендарлин в два счета.

Выражение превосходства сползло с конопатого лица, как облако с солнца в погожий день. Полноценный поверил в реальность обещания. Легко.

— Стерва, — буркнул он и скрылся из виду.

Я мысленно выругалась. Некрасивая выходка, знаю. Зато действенная. Я еще раз убедилась, что меня побаиваются и на рожон лезть не рискнут.

Элиас вынырнул из-за двери с округлившимися, как у совы, глазами. Ничего удивительного. Вряд ли полуцветы вообще стучались в дверь темных за всю историю Гвендарлин. А уж мое появление и вовсе не сулило младшему герцогу ничего хорошего.

— Надо поговорить, — объявила я, опустив приветствия и любезности.

Элиас поспешно закрыл дверь, скрываясь от любопытных глаз рыжего парня.

— Что-то случилось, Лилит? — спросил он осторожно.

— Угу. Четырнадцать лет назад.

— Э-э-э...

— Нам надо поговорить, — повторила я и мстительно добавила. — О твоей сестре. Маргарите.

Элиас охнул и врезался в стену спиной и затылком. Мне почудился гул в голове бедолаги.

Но младший герцог быстро оправился и схватил меня за локоть.

— Идем.

— Куда? — опешила я. А где возмущение и крики?

— Туда, где ты сможешь открыть стену, не опасаясь свидетелей. Это долгий разговор. Лучше объединиться.

Как назло, в коридорах то и дело попадались ученики — в одиночку или парами, словно все разом вышли на вечерний промена́д. Элиас выпустил мою руку, но на нас всё равно глазели, словно младший герцог шел не с полувцветом, а выгуливал диковинную заморскую зверушку. Устав от поисков, его сиятельство втащил меня в тренажерный зал. Вокруг царил бедлам: столы и скамейки перевернуты, на стенах подпалины, словно работа художника-самоучки, плохо знакомого с искусством.

— Сможешь войти отсюда? — шепнул Элиас, нервно озираясь.

Я кивнула и шагнула к стене. Усилий не потребовалось. Камни разъехались от легкого прикосновения. С каждым разом я справлялась всё лучше. Не то практика сказывалась, не то замок становился дружелюбнее. Синий свет, заполнивший «тайный» коридор, успокоил натянутые нервы, притупил раздражение. Словно я — птичка, которую долго держали в клетке, а теперь выпустили в родную стихию — в небо.

Однако с Элиасом я заговорила жестко.

— Как на самом деле умерла Маргарита?

Младший герцог тоже умел упрямиться.

— На самом деле? — переспросил он ехидно. — Моя сестра — самоубийца. Говорить о ней — плохая идея. Она сама подвергла себя забвению, когда сбросилась с башни.

Я осуждающе покачала головой.

— И не стыдно? — спросила в лоб. — Другие пусть хоть сто раз рассказывают эту сказочку. Но ты же — родственник. Как язык поворачивается?

Ядовитая «стрела» достигла цели. Легко. Элиас сконфуженно отвел взгляд.

— Ты права, это мерзко, — признался он. — Но к такому выводу пришло следствие — при совете Многоцветья. Семья потеряла право доказывать обратное. Мать была в ярости, конечно. Но даже ее хваленное влияние не помогло. Она хотела отыгаться на Гвендарлин. Мол, мэтры во главе с Бриттом не уследили, хотя отвечали за Марго в стенах замка. Отец с трудом ее отговорил.

Отыгаться на Гвендарлин? О, да! Мне вспомнился приезд Алакса Рица и Сесиль Ларс в герцогство для знакомства со мной. Госпожа сказала им, что семья Ван-се-Росса имела право преследовать колледж, и Бритт бы запросто лишился директорского кресла. Теперь я поняла, что герцогиня имела в виду. Неудивительно, что после этого «премилого» напоминания гости побледнели и мигом растеряли спесь.

— Почему тебя интересует Марго? — спросил Элиас, глядя испытывающе. — Дух лунной башни — не единственная и не главная «особенность» Гвендарлин.

Я медлила. Причин молчать набрался целый ворох. Каждая требовала основательного объяснения.

— Начинай говорить, Лилит. Если хочешь получить ответы. По-другому не выйдет.

Справедливо. Желаете получить необходимое, дайте что-то взамен.

Ладно. К демонам всё!

— Помнишь ночь духа, когда... к-к-когда мы столкнулись в коридоре? Ты, я, Ульрих и Нильс? — голос задрожал, но я упрямо продолжила. — Убегая от призрака, я услышала голос Маргариты. Предупреждение. Я одна услышала! Это было странно. Пугающе.

Потому и промолчала. А потом... потом...

Глаза Элиаса, как никогда раньше, напоминали материнские. Опасность пряталась в зрачках — черных точках, невероятно ярких на фоне холодной стали. Взгляд разбирал на кусочки. Истинный сын герцогини Виктории! Но я говорила и говорила. О последующих «встречах» с Марго. О таинственных противниках и кукле-защитнице. О синем коте Урсуле, останавливающем меня в трансе.

— Проклятье, Лилит! — выругался младший герцог, когда я примолкла и прислонилась к стене, сложив руки на груди, словно закрываясь от чужого гнева. — Ты же умная девушка! Но совершаешь фатальные ошибки. Как и...

— Твоя сестра? Знаю. Она жалеет, что не призналась Эмилио. В смысле, мэтру Эмилио.

Я покраснела. Одно дело назвать среднего герцога по имени мысленно. Другое — при Элиасе. Но парень не обратил на вольность внимания.

— Надо поговорить с моим братом.

— Ему известно о голосах. Наверное. Если Дитрих не промолчала, — я горько усмехнулась. Еще чуть-чуть, и сама запутаюсь, кто о каких моих секретах знает.

Элиас вытаращил глаза, и пришлось признаваться в новой партии тайн, включая ночное происшествие в особом секторе и красноречивую надпись на девичьем лбу.

— Тьфу! — сильнее завелся младший герцог, но, как быстро выяснилось, не из-за меня. — Только полуцвета, помогающего духу, не хватало! Да что творится с этим замком?

Вот тут я разделяла негодование. Надавать бы Милли тумачков. Чтоб ни ей, ни остальным неповадно было. Хотя чему я удивляюсь? Затравленные и обделенные полуцветы, как никто, жаждут привилегий и почестей. Наверняка, леди Сесиль пообещала девчонке нечто особенное за помощь в тайных делах.

— Твоя очередь, — я подарила Элиасу грозный взгляд. Пусть только посмеет пойти на попятную. — Рассказывай о Маргарите!

Младший герцог нервно взъерошил пятерней черные волосы.

— Я не так много знаю, если честно, — проговорил он, оправдываясь. — Не прожигай взглядом. Я сам собирал сведения о сестре по обрывкам разговоров. В том числе, подслушанных. Мне три года исполнилось, когда Марго убили. Я ее даже не помню. Это с Эмилио они погодки.

— Убили, — протянула я. — Значит, семья не сомневается в обстоятельствах ее смерти.

Элиас трагически помотал головой.

— На Марго давно охотились. Те самые голоса. Родители это знали.

— З-з-знали? Но почему не забрали дочь из Гвендарлин?!

— Забрали, но... — Элиас оборвал себя на полуслове.

В тренировочный зал вошел Рэм Дюваль. Оглядел подпалины на стенах и развел руками, мол, вы только полюбуйте. Зашептал что-то под нос, творя магию, способную вернуть покореженным камням первозданный вид. Волна мощной энергии прошла от пола до потолка, словно порыв ветра, родившийся над морем. Мы с младшим герцогом вздрогнули, ощутив тепло. Ох, ну и силища у мэтра!

Дюваль улыбнулся и удовлетворенно оглядел результат работы — стену за стеной. Взгляд добрался до той, за которой прятались мы и...

— Ох, — Элиас попятился.

Я осталась на месте, но озноб пробрал такой, будто в сугроб в одном платье окунули. В черных глазах мэтра промелькнула растерянность. На миг почудилось, что он нас заметил. Разглядел сквозь стену. Но минула секунда-другая, и педагог, еще раз бегло оглядев помещение, покинул его, насвистывая песенку.

— Дюваль нас точно не видел? — взволнованным шепотом спросил Элиас.

— Не видел, — заверила я, хотя сомнения копошились в голове, будто та превратилась в муравейник. — Иначе бы что-нибудь предпринял. Забудь о Дювале. Рассказывай дальше. Итак, родители забрали Маргариту из Гвендарлин.

— Забрали, — выдохнул Элиас без выражения.

Вероятность, что мэтр видел нас, засела в уме младшего герцога занозой. А я подумала вдруг, что вряд ли это трусость. Скорее, членство в ордене накладывало отпечаток, вынуждая всегда и во всем проявлять осторожность.

— Но забрали слишком поздно, — добавил Элиас с ожесточением. — Катастрофа уже случилась. Марго, как и ты, скрывала, что ее преследуют голоса. Боялась показаться сумасшедшей. Не доверилась ни старшему брату, ни лучшей подруге Летисии.

— Летисии? — переспросила я. — В смысле, Дитрих?

Лучшие подруги?! Ну, дела!

— Ага, ей самой, — подтвердил Элиас. — Они жили в одной спальне. Не разлей вода все годы учебы. В общем, Марго долго противостояла голосам, используя амулеты и заклинания. Но в одно новолуние ее защиту сломали. Сестра не запомнила ничего о той ночи. Ее нашли в зале близнецов рядом с бездыханным телом первокурсницы из светлых.

Элиас говорил так спокойно, будто не о трагедии вовсе, а у меня куцые волосы на голове зашевелились. Кажется, мама упоминала эту историю. Светлая ученица погибла по вине кого-то из темных. По вине Марго?!

— Ты можешь представить масштабы скандала, — Элиас показательно закатил глаза. — В конце концов, удалось доказать, что травмы, от которых умерла светлая, не могла нанести ученица, даже старшекурсница. Там применили слишком мощную магию. Марго тоже сочли пострадавшей. Родные убитой смирились. Это была скромная семья. Куда им до моей матушки. Но колледж долго гудел. Противостояние темных и светлых достигло апогея. Поэтому родители забрали Марго, объявив больной после нападения. Хотя, судя по разговорам дома, с ней, правда, было что-то не так.

— Но потом она вернулась в колледж.

— Да. Мэтры настояли. Во главе с Бриттом. Мы все обязаны закончить обучение. Но случилась беда. Похоже, обладатели голосов взялись за старое.

— Или за новое, — пробормотала я, доставая из кармана лист бумаги, служивший Маргарите закладкой. — Держи. Это я нашла в «Непопулярных легендах». Твоя сестра вела собственное расследование. За это ее и убили.

Бледный Элиас прочел старое послание Эмилио, затем перевернул листок, увидел имена подозреваемых и покачнулся.

— Ты же не хочешь сказать, что убийца Марго — мэтр Риц?

— Я ничего не хочу сказать. Как изволила заметить твоя сестрица, я в этой игре лишь пешка.

— Пахнет аппетитно, — грустно протянул Шем.

Еще чуть-чуть, и носом начнет водить по воздуху, как пес.

— Угу, — вторил приятелю Лиан. Хотел что-то добавить, но услышал угрожающее фырканье Агнии и разумно промолчал.

Пахло, впрямь, изумительно. Милли Дорвис превзошла себя, создав новый кулинарный шедевр с кофейно-сливочным вкусом. Смешанный аромат горечи и сладости наполнил общую гостиную, призывно щекотал ноздри и заставлял желудки ворочаться. Исключительно наши желудки. Остальные полуцветы снимали пробу с десерта за столом. Нас четверых Милли, не дождавшись извинений от Агнии, не пригласила из принципа.

Горе-воровка провела в целительском секторе три дня и вернулась в родной сектор с повязкой на лбу. Магия огневички оставила глубокие следы, которые даже леди Визра не могла залечить в два счета. Полуцветы встретили страдальцу с почестями, будто та

добилась равных с полноценными магами прав. Только Кайл с Адой держались особняком, не спеша проявлять заботу. Сама Милли, как обычно, вела себя скромно. Улыбалась уголками губ в ответ на пожелания здоровья.

— Нечестно, — проворчала Агния, наблюдая, как Милли отрезает кусок торта для очередного полувца. — Она — воровка, а в отверженных — мы.

— С каких пор ты веришь в справедливость? — спросила я.

— В справедливость не верю, — прищуренный взгляд огневички не предвещал Милли ничего хорошего. — Но рассчитываю, что страдать доведется не нам одним.

— За этим не заржавеет, — пообещала я, вспомнив ночь духа, до которой осталось меньше двух недель.

— Пойдем наверх, — позвала Агния, поднимаясь. — Достали все.

Шем обиженно надулся, хотя к нему и Лиану неосторожная фраза не относилась.

Огневичка, по-прежнему, прожигала взглядом Милли.

— Я еще посижу, — отозвалась я ленивым тоном, крутя на пальце замаскированный талисман ордена. — Составлю компанию мальчикам. Надо же поддерживать статус официальной невесты великого темного мага.

Я солгала. Желание торчать в гостиной отсутствовало. На этот подвиг я не согласилась бы даже ради Шема с Лианом, попавших в немилость нашими с Агнией стараниями. Но сегодня Летисия Дитрих снабдила колечко новыми поисковыми чарами и заверила, что теперь оно непременно сработает. Талисман, и правда, потеплел больше обычного, приятно согревая палец. Лишь по этой причине я терпела аромат недоступного торта и неприкрытое осуждение собратьев.

Сегодня — под предлогом возобновившейся тренировки со средним герцогом — прошло тайное собрание. Не ордена, а магов, посвященных в семейные дела Ван-се-Росса. Присутствовали я, Элиас, Эмилио и Летисия Дитрих. Бывшие влюбленные забыли на время о причинах, приведших к разрыву. Предпочли действовать сообща ради общей цели. Ради Гвендарлин. И ради справедливости для Маргариты. Но все же расположились за столом подальше друг от друга. Точнее, средний герцог расположился. Он долго ходил туда-сюда по залу, а потом сел между братом и мной.

Как же я боялась встречи с Эмилио! Его взгляда, грубых слов, обвинений. Но средний герцог выглядел собранным и спокойным. Никакой злости или враждебности. Смотрел на меня с толикой грусти. И, как показалось, с заботой.

— Простите, мэтр, — извинение далось с трудом — не мой конек. — Зря я не призналась раньше. Но до недавнего времени я не знала, кто такая — девушка из лунной башни. Не понимала, что происходит: реальны голоса или я схожу с ума.

Эмилио похлопал меня по плечу.

— Мне жаль, Лилит, что ты оказалась втянута в эту историю. Жаль, что ты подошла силам, погубившим мою сестру.

— Подошла? — переспросила я взволнованно.

— У вас с Марго есть что-то общее, необходимое злым силам, — пояснил Эмилио, стараясь говорить помягче. — Возможно, дело в одинаковых цветах магии или в том, что вы выросли в одном уголке страны. А может, это вообще не играет роли. Не знаю. Но тебя выбрали не без причины. Следует понять, что ему, ей или им нужно. А, главное, защитить тебя.

Тут в дело вступила Дитрих, являвшаяся специалистом по всевозможным защитным чарам и талисманам. Вручила заколку в форме бабочки и новый черно-белый плащ.

— Колечко ордена тоже сослужит пользу и пар-пар... — она запнулась, покосившись на мою неродную шевелюру. — В общем, сослужит.

Я поняла: Дитрих хотела добавить о защитных свойствах парика, присланного герцогиней Викторией, но предпочла не поднимать тему лысого черепа в присутствии представителей противоположного пола.

Следующим вопросом на повестке дня стал листок, найденный в «Непопулярных легендах». Эмилио взволновали имена подозреваемых, хотя он силился не показать, насколько. Я его понимала. Да, Мунис давно мертв, зато Риц живет под боком.

— Не тянут они на помощников духа, — уверенно заявила Дитрих. — Юрген Мунис и мухи б не обидел. Его все ученики боготворили. А Риц... Надо быть сумасшедшим, чтобы взять его в помощники.

— Сесиль Ларс тоже не идеальный кандидат, — возразил Эмилио. — Вдруг дух отчаялся и готов брать в помощники любого? Или же, слабаки, вроде Рица и Ларс, наиболее уязвимы для его влияния? В причастность мэтра Муниса я тоже верю с трудом. Но моя сестра могла обладать сведениями, неизвестными нам.

— Могла, — согласилась Дитрих, с грациозностью хищника откидываясь на спинку кресла. — Но Мунис погиб раньше Марго. Надо рассмотреть и другие варианты. За четырнадцать лет преподавательский состав серьезно поменялся. Кто из нынешних мэтров работал в Гвендарлин в то время? Дюваль, Шаадей. Но я бы поставила на Бритта.

Элиас присвистнул, но сразу сконфуженно уставился в стол. Пусть Дитрих и несостоявшаяся родственница, теперь она — педагог. Вести себя при ней следовало соответствующе. Меня предположение магини не удивило. Я отлично помнила лицо директора, обнаружившего тайник ордена открытым. Как и желание мэтра сорвать со всех маски. Под выдуманным предлогом.

Эмилио ответил не сразу. Раздумывал минуты две, потирая лоб.

— Шаадей весь в своих садах и ингредиентах для зелий. Дюваль появился здесь незадолго до смерти Марго, но на преступника тянет. Вечно себе не уме. А Бритт... Нет, не верю.

— Директор всегда жаждал раскрыть членов ордена, — перебила Дитрих с жаром. — И в наши времена. И сейчас.

— Бритт помешан на легендах. Поэтому жаждет покончить с защитниками.

Элиас торопливо кашлянул и указал глазами на меня, но понял, что движение не осталось незамеченным, и развел руками.

— Есть древнее предание, — объяснил он без охоты. — О проклятии ордена полной луны. Говорят, что мы, защищая Гвендарлин, теряем шанс стать счастливыми в жизни.

— Но вряд ли Бритта беспокоит благополучие членов ордена, — усмехнулась Дитрих. — У предания есть вторая часть. Предсказано, один из директоров падет в противостоянии с защитниками. С тех пор каждый глава колледжа считает своим долгом рассекретить орден. Пока безуспешно. Истинный дух Гвендарлин бдит.

Собрание не закончилось ничем конкретным. Эмилио собрался присматривать за Рицем, а Дитрих упорно ставила на Бритта. Однако без дополнительных сведений, любые подозрения оставались беспочвенными. Мы предполагали, что Марго могла почерпнуть информацию в «Непопулярных легендах», не случайно именно там лежал листок с именами. Но пока книга упрячилась, не желая раскрывать следующие секреты.

Насыщенный разговор весь день не шел из головы. Особенно часть о проклятье. Нет, я его не боялась. Полуцвет от рождения проклят и обделен. Какое тут счастье? Однако я допускала, что предание правдиво. Я знала лишь троих бывших членов ордена. Но жизнь не задалась у каждого. Марго погибла от рук неизвестного убийцы, Эмилио с Дитрих жили в одиночестве и счастливыми не выглядели. Ни второй половинки, ни семьи.

— Лилит, ты еще с нами?

— С вами.

Я сбилась со счета, сколько раз Шем задавал этот вопрос, а я давала один и тот же ответ. Слишком много тревог бесконечно терзало разум, унося меня мысленно от друзей.

— А где Лиан?

— Спать пошел. Минут десять назад. Между прочим, попрощался.

Попрощался? Ох, неловко вышло.

Я огляделась. Гостиная почти опустела. Кроме нас остались Кайл с Адой, воркующие на диванчике в углу. Да Милли, в одиночку убирающая со стола посуду после пиршества. Девушка нацепила на лицо отстраненное выражение, но получалось так себе. Даже не знаю, чье присутствие расстраивало ее сильнее: наше с Шемом или бывшего парня со счастливой соперницей. Гадкий староста нарочно хорохорился, как петух, и перед нынешней подружкой, и перед брошенной.

— Расходимся? — спросил Шем, потягиваясь.

— Угу.

Я с трудом сдержала зевотку, невольно прикрывая рот ладонью, и вдруг заметила странность: колечко потеплело сильнее и подергивалось. Я вытаращила глаза. Неужели?! Последние манипуляции Дитрих сработали, и талисман вычислил нужного полуцвета? О, боги, кого?! Здесь только Шем и совершенно неприглядная троица!

— Устала, — пожаловалась я приятелю, поднимаясь. — Ой!

Не уверена, что получилось правдоподобно. Прежде мне не доводилось изображать обморок. Повезло еще, что Шем проявил чудеса несвойственной ему ловкости. Подхватил меня до встречи тела с полом и бережно устроил на диване.

— Лилит! Лилит, что с тобой? Ты в порядке?

Станный вопрос. Если девушка лежит, закатывая глаза, она точно не в порядке.

Так и было! Порядок? Вы о чем?! Едва Шем коснулся меня, пульсация талисмана прекратилась. А значит, значит...

— Связаться с леди Визрой? — взволнованно спросил подбежавший Кайл.

Ради меня он бы и пальцем не пошевелил, но положение старосты обязывало беспокоиться. Вдруг концы отдам посреди ночи, а он крайним останется, раз вовремя не принял меры.

— По-моему она приходит в себя, — деловито сообщила Ада, по-хозяйски беря ненаглядного кавалера под руку.

Я приходила. Ибо посещение целительского блока в планы не вписывалось.

— Голова закружилась, вот и всё, — заверила я, принимая сидячее положение не без помощи перепуганного Шема.

Колечко, по-прежнему, не проявляло активности, хотя Кайл с Адой стояли рядом.

— Милли, принеси Лилит воды, — распорядился староста тоном, не допускающим возражений. Таким господа со слугами разговаривают.

Горе-воровка поджала губы. Но подчинилась. Скрылась в кухне.

Я сидела на диване, не шевелясь. Не смея делать выводы. Только в висках стучало: не она, не она, НЕ ОНА!

— Держи, — бывшая подружка старосты вернулась с чашкой, наполненной водой до краев.

— Спасибо, — я протянула руку, и пальцы задрожали.

Чертово кольцо отозвалось новой волной пульсации. Оно рвалось к Милли, признавая родственную душу. Признавая восьмого участника ордена полной луны. Защитника Гвендарлин, служившего злему духу!

Глава 22. Битва добра и зла

— Полегчало? — спросила Юмми, ставя передо мной чашку с ягодным чаем. Воду для него силой мысли вскипятила Летисия Дитрих.

— Не особо, — пробормотала я с трудом. Язык припух и онемел.

— В первый раз всегда мерзко, — посетовала Юмми. — Но через пару дней привыкнешь.

— Утешила.

Я отхлебнула чай, и в голове прояснилось, словно напиток прогнал тьму. Но перед глазами все равно стояли образы, один ярче другого: корабли с белыми парусами у древней скалы, огромные камни, поднимающиеся ввысь благодаря мощной магии, каркас строящегося замка, напоминающий скелет огромного зверя. Картины завораживали и принесли бы немало приятных мгновений, если бы не отвратительные физические ощущения. Пока разум уносился на восемьсот лет назад, из тела вытягивали силу, будто выдавливали сок из фрукта.

А я-то наивная считала, что обряд ордена — это чтение глупых заклинаний.

О, нет! Защита Гвендарлин требовала жертв.

Решение проводить обряд без восьмого участника далось нелегко. Но Эмилио был непреклонен. Твердил, раз Милли служит духу, ее присутствие усугубит ситуацию или даже ускорит катастрофу. Нынешние члены ордена не возражали открыто, но и в восторг не пришли. Какой смысл в обряде в неполном составе? Шестеро, семеро — никакой разницы. Выход предложила Дитрих — привлечь к таинству их со средним герцогом. Вдруг сила двух бывших участников зачтется за одного действующего?

Тео надулся индюком, но остальные оценили затею магини. Ночь духа неумолимо приближалась, и лучше экспериментировать, чем бездействовать.

Обряд проводился неделю — в несколько этапов. В убежище под фонтаном. Комнату, запомнившуюся мне темной и зловещей, наполнили десятки свечей. Стало светло, как днем. Хоть дюжину иголок на пол брось, без труда отыщутся все до единой. Кстати, об иголках. Они присутствовали на обряде — по одной на каждого участника. Мы протыкали указательные пальцы, чтобы собрать по три капли крови в высокий бокал, который Тео с пафосным видом затем установил на середине стола. Меня передернуло от одного взгляда на хрустальный сосуд. Кровь на дне выглядела странно. Почудилось, она приобрела серебристый оттенок. Может, дело в свечах?

Я полагала, мы встанем в круг и произнесем заклятье на мертвом языке. Но древнее таинство проводилось за столом. К счастью. Останься я на ногах, непременно бы рухнула. Плохо помню, как всё началось. Я сидела, гипнотизируя взглядом бокал, а потом накрыли картинку. Поглотили, стерев меня из бытия. Осталось лишь прошлое Гвендарлин. Точнее, его «рождение». А я... я перестала быть собой. Превратилась в кирпичик, заложенный в основание замка. В один из сотен до и после меня.

Быть может, в этом и суть проклятья ордена? Каждый раз во время обряда защитники расстаются с частичкой магии, отдавая Гвендарлин нечто важное — кроху за крохой?

Наваждение схлынуло так же внезапно, как накатило. Сознание выбросило назад — сквозь пласты столетий. Взгляд уперся всё в тот же сосуд. С кровью. Или не с...

— Ох!

На дне переливалась серебристая жидкость, словно ее наполняли звездочки.

— Это подарок для истинного духа Гвендарлин, — пояснила Юмми.

— Не в качестве напитка, надеюсь?

— Этого никто не знает. Наутро бокал пустеет.

— Не знает? — изумилась я. — Никто не проверял за столько веков?

Я, конечно, понимала — правила ордена, почтение духу и всё такое. Но с трудом верилось, что не нашлось ни одного защитника, которому хватило смелости (а, точнее, наглости) пробраться сюда посреди ночи и отследить, что происходит с содержимым бокала. Взять нынешний состав. Брайс на пай-мальчика не тянет. Да и Ульрих тоже.

— Невозможно, — улыбнулась Юмми хитро. — Вход в убежище закрывается в обрядную неделю. Каждую ночь. Запечатывается изнутри. Не попасть.

Ого, как! Дух тоже не идиот. Понимает: дети, есть дети. С ними лучше перебдить.

Расходились по двое или трое. Меня вознамерился проводить Элиас. Но его перебил неугомонный полуведьмак.

— Лучше я. Мне все равно в ту сторону.

Эмилио подозрительно покосился на Ульриха, но лицо зеленоглазого нахала оставалось невинным, как у светлой первокурсницы. При всем желании, не заподозришь подвоха. Но я-то понимала: услужливость неспроста. Паразит снова жаждет попасть внутрь стены во имя ведьмовских штучек. Обойдется. Друзья меня и так, наверняка, потеряли.

Я ошиблась. Ульрих не собирался просить об одолжении. Наоборот, сам его оказывал.

— Держи, — по дороге в мою ладонь лег зеленоватый камушек. Таких на берегу можно собирать горстями.

— Семейная реликвия? — сострила я.

Не удержалась, как обычно. И почему с Ульрихом вечно так? Я же могу разговаривать, не огрызаясь, с другими полноценными. И другими парнями. Даже Брайсу гораздо реже хочется заехать кулаком в нос.

— Реликвия, — буркнул полуведьмак. — Но не семейная. Помогает не спать, когда у остальных не выходит.

Я остановилась посреди коридора. Слова застряли в горле.

Неужели?!

— Топай, Лилит. Топай, — Ульрих подтолкнул меня под зловредный гогот второкурсников, рассеявшихся на нижних ступенях лестницы метрах в двадцати от нас.

— Гады, — прошептала я под нос. Как же достали насмешки и пренебрежение!

Ершистый характер не выдержал. Я слишком устала за последние месяцы. Вымоталась физически и морально. Поравнявшись с весельчаками, я показательно щелкнула пальцами и процедила со зловредной усмешкой:

— Довыпендриваетесь. Сожгу живьем.

Улыбки погасли, как звезды поутру. Угроза прозвучала слишком многообещающе.

Ульрих не оценил моих «стараний».

— Думаешь, репутация стервы принесет тебе пользу? — спросил он, отойдя на безопасное расстояние от встревоженных мальчишек.

Вместо ответа я задала встречный вопрос:

— Так что там со снами и бодрствованием?

Полуведьмак закатил бесподобные глазищи.

— Иногда ты так туго соображаешь. Вспомни, что случилось в твою первую ночь духа.

Я передернула плечами.

— Помимо бегства от призрака лунной башни и блуждания внутри стен?

— Я не о том. Что было раньше?

— Я встретила тебя с Элиасом. Вы искали Нильса.

— Угу. В ночь, когда все спят, как сурки.

Я споткнулась о невидимое препятствие. Пропасть!

Ну, правда! Столько времени размышлять о способах не спать в ночь духа и ни разу не поинтересоваться, как сие удалось троице полноценных! Да ты гений, Лилит София Вейн!

— Это ве-ве-ведьмовские штучки?

— Угу.

— И Нильс?

— Не совсем. Я подарил ему талисман. От дурных снов. Не подумал, что он и в новолуние сработает. Благодаря камушку мой поросенок-брат и отправился на поиск приключений, доказывая старшекурсникам состоятельность. Я поздно вычислил промах. Пришлось будить Элиаса и просить применить родовой дар Ван-се-Росса.

— А Элиас...

— Такой же тугодум, как ты.

У меня голова шла кругом. Добраться бы до кровати и прилечь, чтобы подумать в одиночестве. А еще лучше — освободить голову от мыслей или же воспользоваться вспомогательной магией мэтра Шаадея и погрузиться в контролируемый сон о чем-то приятном и светлом, где нет места ни злым духам, ни выбивающим из колеи полуведьмакам.

Реализовать задуманное не трудно. Мы как раз дошли до сектора полувцветов. Но я не спешила открывать дверь. Посмотрела на Ульриха испытывающе.

— А у тебя какие родовые дары?

— Мой дар бесполезен, — ответил парень уклончиво. — Коричневый цвет магии вообще не считается выдающимся.

— Дар? Почему ты говоришь в единственном числе?

Ульрих усмехнулся с видом мага, застигнутого врасплох.

— ЛИЛИТ!

Мы с парнем подпрыгнули одновременно, не ожидая ни шума, ни вторжения. По коридору к нам быстро приближались взволнованные Агния и Шем.

— Лилит, мы тебя везде искали! — объявила подруга и прожгла гневным взглядом Ульриха.

Официальный «жених» недалеко ушел от огневички. Посмотрел на моего спутника с ненавистью, способной сотворить проклятье на несколько поколений.

Но полуведьмака разве проймешь?

— Кажется, я исполнил роль провожатого.

Он отвесил шутовской поклон и покинул поле несостоявшегося боя.

— Позер! — процедил ему вслед Шем.

Агния набросилась на меня.

— Разве я не просила держаться подальше от Ульриха Бернару? Лилит, ты вообще о чем думаешь? Вроде разумный полуцвет, а на деле сплошное легкомыслие!

Но едва ли я слышала претензии подруги. Голову занимали глупые мысли. Например, что коричневый цвет магии, пусть и не выдающийся, зато отлично сочетается с синим. И вообще, подумаешь, что я не полноценная. Ульрих тоже не настоящий маг.

Как и обещала Юмми, последующие обрядные дни проходили легче. Слабость беспокоила, но я больше не ощущала тошноты и желания сбежать из ордена. Погружаясь в прошлое Гвендарлин, любовалась строящимся замком. С каждым днем нас уносило все дальше во времени, и «скелет» превращался в хорошо знакомое величественное здание, только совсем «юное», без привычного налета древности.

В предпоследний день, любуясь тянущимися к солнцу башенками, я пожалела, что не родилась на восемьсот лет раньше. Замок до пожара выглядел гораздо приветливее. Я физически ощущала излучаемый им свет. Свет, от которого сегодня не осталось и намека. Он погас, и вряд ли по своей воле. Некая злая сила уничтожила его, искалечив стены. Не памятным огнем, а чем-то иным. Этих ран не увидеть обычным зрением. Но я знала: они покрывали Гвендарлин вдоль и поперек.

— Опять нудятина? — спросила Агния, когда я вернулась в сектор.

— Угу.

— Стерва она — эта Дитрих. Нос бы ей подпалить.

Я смолчала, надеясь, что упомянутая часть лица преподавательницы останется невредимой. Вообще-то Дитрих придумала отличный план, когда узнала от Ульриха о негодовании и подозрениях полуцветов. На следующий же день накинулась на меня на уроке. Я «посмела» уронить учебник, за что и заработала «наказание» на шесть обрядных дней. Теперь друзья считали, что вечера я провожу в классе за чтением одного параграфа за другим. Вслух!

— Не говори так, — попросил Агнию Шем. — О Дитрих. Нехорошо.

— Подумаешь, — протянула огневичка насмешливо. — Я бы ей помимо носа ещё что-нибудь подпалила.

Парень тяжело вздохнул, не одобряя желаний Агнии, но промолчал. Спорить с ней — себе дороже. Шема, в отличие от нашей подруги, «блажь» магии не огорчила. Он предпочитал, чтобы я сидела в классе, нежели бродила по замку в компании Ульриха. Приятель так бурчал в тот памятный вечер, что я грешным делом вспомнила мамины подозрения, но потом отринула их. Чувшь. Шем не питает ко мне никаких чувств, кроме дружеских. Просто не хочет, чтобы я снова вляпалась в неприятности из-за полноценных.

— Брысь!

От громкого вскрика я подпрыгнула в кресле и больно прикусила язык.

Возмущалась Милли. На Урсула.

Мои кулаки сжались, в ушах загудело от желания кинуться на защиту необычного питомца. Но я вовремя сообразила, что спасти следует не кота. Синяя живность застыла посреди гостиной в боевой стойке и шипела на Милли, явно готовясь к нападению. Или лучше сказать — к бою.

— Брысь! — девчонка испуганно пятилась. Вот-вот врежется в обеденный стол.

Котьяра потек за ней по ковру, глубоко вонзая в ворс острые когти.

— Шшшшшааааа, — объявил он угрожающе и предвкушающе.

Шем и Лиан испуганно заохали. Зато Агния не разделила паники.

— Во дает, — шепотом выдала она, сиюсь скрыть радость и одобрение. — Наш парень.

В глубине души я соглашалась, что Милли заслуживает хорошей порки. В дополнение к пострадавшему лбу. Но бездействие рикошетом ударит по нам с питомцем.

— Урсул! — завопила я, кидаясь на помощь воровке. — Нельзя!

Котяра не послушался. Повезло, что у нас Милли реакция хорошая. Девчонка успела запрыгнуть на стол с неожиданной для пухлой фигуры ловкостью, а я — перехватить боевую живность в прыжке.

— Пшшшшаааа! — возмутился Урсул.

Но я поволокла его прочь, слыша вслед горестные причитания Милли. Воровка жаловалась сбежавшимся на шум девчонкам на несправедливое нападение.

— Что я сделала? Шла себе мимо! Чего они привязались — коты? Сегодня черная кошка в коридоре шипела и зубы показывала. Откуда только взялась? А теперь этот — синий!

Я едва не рухнула с лестницы. Спинай назад.

Черная кошка? Опять?

Ну, всех в болото! В непроходимое!

Я вбежала в спальню и основательно встряхнула кота. Сначала надо разобраться с этой животинкой. О Тире или о ком-то сильно смахивающем на нее подумаю позже.

— Нельзя! — повторила я строго. — Понимаешь? Нельзя!

Серебристые глазки Урсула смотрели укоризненно.

— Да, я знаю: Милли — воровка и служит духу. Но нельзя же калечить ее у всех на виду. Тьфу! Ее вообще нельзя калечить! Это приказ. Ясно?

Воинственное выражение сползло с кошачьей морды, сменившись разочарованием.

Похоже, мое прямое распоряжение котейка не мог нарушить.

...Вечером, после седьмого обряда, я рассказала о происшествии Эмилио. Мы со средним герцогом остались в убежище вдвоем. Предпоследними комнату под фонтаном покинули Дитрих с Юмми. Магиня, уходя, кинула на меня мрачный взгляд. Уж не ревнует ли? С чего бы? Эмилио мне в отцы годится, а, по «экспертному» мнению Агнии, им и является.

— Значит, мы не ошиблись насчет Милли, — проговорила я, устроившись напротив среднего герцога за столом. — Урсул бы не напал, если б не считал ее врагом.

Свечи потрескивали, хотя в помещении отсутствовал и намек на сквозняк. Создавалось впечатление, что они перешептываются между собой, сплетничают.

— Врагом? — протянул Эмилио задумчиво. — Громко сказано. Милли может не понимать, во что ее втянули. Леди Сесиль — воспитательница. Авторитетный маг. Умеет оказывать влияние на неокрепшие умы.

— Умы? Вот уж нет! У Милли ума вообще кот наплакал, — припечатала я мстительно. — Кстати, о котах. В замке завелась черная кошка. Я видела ее издалека. Еще до огненного шторма. Прозвучит странно, но похожее животное я встречала дома. Кошка не может быть той же самой, я понимаю. Как бы она попала в Гвендарлин? Но сходство есть.

Эмилио быстро отвернулся. Слишком быстро.

— Кошка в Гвендарлин? Странно. Тут не полагается держать животных. Урсул — исключение. Он — подарок зеркал. Может, и эта кошка не настоящая, а некое воплощение?

— Наверное, — пробормотала я.

Смотреть на Эмилио расхотелось. Он явно что-то знал о таинственной черной кошке. Неслучайно мне приснилось, как Маргарита Ван-се-Росса спускает Тиру с лестницы. И бедолагу Урсула следом. Если это вообще был сон. Взгляд отвлеченно заскользил по полкам книжного шкафа во всю стену. Тут собрали целую библиотеку за время существования ордена. Возраст некоторых томов, судя по потрепанному виду, насчитывали не одно столетие. Разум встрепетнулся, едва на глаза попался знакомый корешок. «Непопулярные легенды» нашли здесь достойное место.

— Можно? — спросила я, кивая на полку.

Эмилио легко догадался, о какой книге речь.

— Да, но вряд ли выйдет толк. Вчера проверял. Не хочет откровенничать.

Однако я не удержалась. Рванула к шкафу, как лучшая ученица к доске. Я не вспоминала об особенном томике не одну неделю, но внезапно потянуло к нему не хуже, чем на опасный голос в трансе. Страницы послушно зашелестели в руках, ловко открывшись на второй зашифрованной истории. Там, где непосвященные видели картинку.

Да, средний герцог прав. Закорючки мертвого языка не желали складываться в слова.

Или...

Строчки полились ручейками. Из ниоткуда. Не было ничего, и вот, пожалуйста:

«Дорогой друг! Время пришло. Читай»

Я покачнулась. Эмилио сидел ко мне спиной и не заметил движения. А я сжала зубы, чтобы не издать ни звука и не выдать себя. Жадно уткнулась в книжную страницу. С его сиятельства станется. Отнимет книжечку без права на чтение.

Не пойдет! Я ее нашла! Я! А не орден!

«Дух Гвендарлин веками будоражил умы обитателей замка: и учеников, и мэтров. Остался ли дух нейтральным, как раньше? Или превратился в истинное зло? Ни то, ни другое, мой друг. Многие теперь принимают за духа совершенно иные силы. Злые силы. Истинный же защитник вынужден сражаться за Гвендарлин и души юных магов с опасными и беспринципными противниками.

Никто из них не может покинуть замок. Они слишком слабы, но достигают пика в новолуние. Зло забирает энергию спящих детей, чтобы продержаться до следующего рождения луны. Истинного духа подпитывают ученики-защитники в семь обрядных дней, дают ему силу противостоять врагам в особенную ночь.

Да-да, мой друг, каждое новолуние в замке разворачивается битва добра и зла. Но пока проводятся обряды восьмерки, ученики в безопасности. Главное, чтобы никто и ничто не помещало восьмерым выполнять миссию. Убить членов тайного ордена враги не могут. Пролитая кровь любого защитника ударит по ним самим, отбросит назад. Но противники хитры и изворотливы. Они способны придумать иные способы ослабить орден полной луны...»

— Что притихла? — спросил Эмилио мягко. — Уговариваешь книгу?

— Не пришлось, — отозвалась я хрипло.

Средний герцог вскочил, уронив стул. Выхватил «Непопулярные легенды» и охнул.

Я едва дышала, пока Эмилио читал второй секрет. Длинные пальцы дрожали, и книга плясала.

— Проклятье! — простонал его сиятельство, закончив чтение. — Черт бы побрал леди Сесиль! Наверняка, знала, что не простого полувцета вербует!

— Получается, наши старания напрасны? — спросила я убитым голосом. — Раз с нами не было Милли, обряд бесполезен?

Эмилио захлопнул книгу, резким движением сунул ее в шкаф, будто виновницу всего происходящего. И развел руками.

— Боюсь, ответ мы получим через два дня. Так или иначе...

Я устало прислонилась к стене. Приближающаяся ночь духа грозила стать самым историческим событием за всю историю Гвендарлин.

Накануне ночи духа все три теоретических урока превратились в пытку. Бритт и Шаадей рьяно взялись за новые сложные темы, ученики скрипели перьями, с трудом поспевая за объяснениями мэтров. Я же только изображала прыть, пропуская в записях целые фразы. Голову занимали вовсе не мудреный состав укрепляющего мышцы и суставы снадобья или заклятья-обереги. Не страшно, потом у Лиана перепишу. Он у нас самый аккуратный и дотошный ученик.

Алакс Риц пошел еще дальше коллег. Устроил контрольную работу — по темам за весь семестр. Класс с трудом сдержал стон, но выбора не предлагалось. Полноценные и три полуцвета уткнулись в розданные вредным мэтром задания. Именно три полуцвета, ибо моя попытка сосредоточиться на вопросах о вражде и союзах кланов разных цветов провалилась с треском. Помешали, как ни странно, не мысли о приближающейся ночи. А некстати проявившаяся магическая связь с синим котом.

Деятельный Урсул крался по фиолетовому, как вечернее небо, коридору на звук приглушенных голосов. Двух женских голосов. Ступал мягко, бесшумно. Почти тек по ковру. Возле поворота кот остановился, принялся. Хвост нервно задергался из стороны в сторону, словно вознамерился отлупить владельца по бокам. Но не коснулся даже шерстинок. Я бы почувствовала. Я вновь стала Урсулом. Слышала его ушами и легко узнала собеседниц: Милли Дорвис и Сесиль Ларс.

— Я не могу. Понимаете? Не могу. В их спальню не войти.

— Мне плевать на твои сложности, глупая девчонка. Действуй. Сегодня же. Иначе не получишь больше зелье. Сколько доз осталось? Две? Одна?

Раздался горький всхлип.

— Одна-а-а-а.

— Значит, в твоих интересах поторопиться. Мне нужна чертова кукла.

— Но как? Как? Даже если удастся ее забрать, из сектора не вынести. Я пыталась. На пути стена. Ни сжечь не получается, ни из окна выбросить.

— Тьфу! Не имеет значения, что случится с куклой. Главное, заberi ее у Лилит.

Урсул сообразил, что разговор закончен и попятился. Помялся пару секунд и, прижав уши к голове, сиганул сквозь стену — в пустой зал для тренировок.

— Ох, — я открыла глаза в классе Рица и, морщась, потерла лоб.

Да-а-а, к этому «удовольствию» не привыкнешь. Боль проходит волной, тело, словно сжимается в пружинку и резко распрямляется, оставляя ощущение вибрации.

— Ты что, спала? — тревожно прошептал Шем.

— Не-а. Думала над ответом с закрытыми глазами, — отозвалась я, почти не разжимая губ.

Подумать, и впрямь, не мешало. Разговор подкинул массу тем.

Стена на выходе? Интересный фокус. Значит, вот почему кукла оставалась в секторе полуцветов спустя недели после похищения. Милли не смогла отдать ее сообщнице. Но получалась вот такая штука. Воровка не могла пройти с талисманом наружу, а леди Сесиль войти внутрь? Как же тогда она проникала к нам с Агнией в спальню в ночь духа? Или «проход» открывается лишь в новолуние?

Узнать бы, что за снадобье получает Милли от воспитательницы? Особенное зелье,

усиливающее дар? Кто знает, может, противная девчонка вовсе и не обладает кулинарной магией так хорошо, как окружающие считают. Все ее замечательные пироги и торты с умопомрачительными запахами — лишь фикция. Я бы с удовольствием рассекретила нахалку, чтоб неповадно было красть чужих кукол.

Ох ты, пропасть! Кукла!

Вдруг Милли предпримет попытку сейчас, пока мы торчим в классе?!

Что делать? Срываться с урока и бежать к себе?

В ответ сознание вновь перепрыгнуло в тело неугомонного кота. Урсул догнал Милли в секторе полуцветов и наблюдал исподтишка, как та поднимается по лестнице в девичий блок. Едва воровка завернула за угол, припустился следом. Разумеется! Нахалка не пошла к себе. Остановилась у двери в нашу спальню. Почти коснулась пальцами ручки, но застыла на месте и невольно потрогала повязку на лбу.

— Да чтоб вас всех! — Милли топнула и схватилась за дверную ручку.

— Пшшшшшшшшшшшш!

Урсул ринулся на преступницу, но остановился на полпути. Не позабыл мой приказ. Но на боевую стойку сил не пожалел. Выгнул спину так, что мне почудилось, позвонки вот-вот вывернутся наизнанку.

— Гадкий кот! — возмутилась воровка.

Но «воевать» побоялась. Сделала пару шагов назад. Лицо исказилось и...

Ох...

Лицо, правда, исказилось. С правой стороны. Уголки глаза и рта «поехали» вниз, словно художник, разочаровался в неоконченном портрете и провел пальцем по невысохшей краске, портя все труды.

Милли громко вскрикнула, прижала ладонь к лицу.

— Проклятье! Проклятье! Проклятье! — завертелась она на месте. — Одна! Одна осталась! Последняяяяя...

И ринулась прочь, рыдая в голос.

Глава 23. Духи Гвендарлин

В гостиной особого сектора поднялся ропот. До ночи духа оставались считанные часы, а полуцветы, как всегда, оказались обделены и брошены. А всё из-за чар, оберегающих нашу обитель.

— Нечестно! — топала ногами Ада. — Полноценных защитят, а мы должны гореть?!

Раздался одобрительный гул, в котором едва ли не громче всех звучали голоса Агнии и Шема. Я поддерживать новую подружку Кайла не спешила. Знала: нам не могли помочь при всём желании. Разве что советами.

Несмотря на проблемы прошлого новолуния, директор Бритт и большинство мэтров делали вид, что на замок не надвигается новая беда. Один Эмилио не выдержал. После занятий собрал у себя старост, чтобы дать указания. В частности, подучить заклинания тушения огня и запастись тарами с водой.

— Мэтр Ван-се-Росса сказал, что он с некоторыми другими педагогами устроит ночью обходы секторов, — объяснил вернувшийся со встречи Кайл Нестор. — Они разбудят учеников, чтобы не снились кошмары о пожаре, как в прошлый раз. Но к нам это не относится. Сюда никто из мэтров попасть не сможет. Так что мы сами по себе.

По спальням расходились взвинченные. Уходя, я выхватила взглядом Милли. Воровка сидела в кресла, хмуро глядя перед собой. Её явно не волновали пожар и кошмары. Того гляди, опять рванет к нам в спальню за куклой, наплевав на последствия.

— Может, стоило всем сегодня остаться внизу? — протянула Агния, взбивая подушку.

— Иди к соседкам, если боишься ночевать здесь, — отозвалась я, сжимая в кулаке подарок Ульриха — камешек, отгоняющий сон.

— Вот ещё! — фыркнула подруга.

Она? Боится? Да ни за что!

Свет погас, и Агния примолкла. Минуты бежали, но она не засыпала, я слышала тревожное дыхание. У меня сна не было ни в одном глазу, а в мыслях царил сумбур. После урока Рица я успела перехватить Элиаса возле сектора темных и рассказать о «подслушанном» разговоре леди Сесиль с Милли. Парень встревожился и обещал передать сведения старшему брату. Но что мог сделать Эмилио? Посадить вредную воспитательницу под замок? Если она сквозь стекла пролетает в новолуние, вполне и сквозь стены способна просочиться. Да и Бритт не позволит. Раз нет духа, значит, не существует и его помощников.

Зато Элиас постарался помочь. Умчался в спальню, велел подождать в коридоре, и через пять минут вернулся с коробочкой, сильно смахивающей на ту, что обеспечила нам с Ульрихом полет в отражение. Вместо чертика на боку красовалась улыбающаяся рожица. На первый взгляд, безобидная.

— Прячь в сумку, — приказал младший герцог. — Это запрещенный товар. Но действенный. Коли кто нападет, не медли. Жми на кнопку снизу, направляя верхней панелью в лицо противнику. А что такого? Не всё ж тебе одной страдать.

Я поначалу сомневалась, что использую подозрительный презент, но к ночи бурчащая совесть примолкла, и коробка пристроилась возле подушки — по соседству с куклой. Не в том я положении, чтобы воротить нос от предложенного оружия. Придется, собственных ногтей не пожалею, вцеплюсь в лицо противнице. Кстати, о маникюре. В тишине темной спальни послышался стук коготков о пол. Сегодня Урсул предпочел ночевать рядом, но не развалился на постели, а юркнул под кровать — в засаду.

Агния, наконец, уснула. Дыхание стало равномерным, расслабленная рука свесилась вниз.

А я всё лежала без сна и думала, думала. О погибшей Маргарите, о проявляющем заботу Ульрихе. И даже о Милли. Интересно, что такое у нее приключилось с лицом? Уж не

леди Сесиль заколдовала, а теперь шантажирует, требуя выполнять грязную работу? По-своему я даже понимала девчонку. Не оправдывала, а именно понимала. Сама едва не рыдала в голос, представляя, как появлюсь перед всеми без волос и пятнами на лице.

В секторе поселилась тишина. Такая, какой я не встречала ни разу. Она поглотила все звуки, высосала из реального мира, оставив ощущение пустоты. Поэтому стон за стеной — в соседней спальне — я услышала легко. Рядом заворочалась Агния, нервно взмахнула руками в попытке защититься от чего-то, видимого ей одной.

Проклятье! Кошмары вернулись! Надо будить полуцветов, пока... пока...

Поздно.

В коридоре — у нашей двери — скрипнули половицы.

— Т-т-т-твари...

Закутанная с ног до головы фигура не вошла, а почти всплыла в комнату. Я следила за ней одним приоткрытым глазом, второй зажмурила, чтобы не выдать себя раньше времени. Рука вцепилась в коробочку Элиаса.

— Поторопись, полуцвет, — прошептала неприятельница, приближаясь к моей постели. — Давай же, сегодня ты можешь войти. Магия ночи на нашей стороне.

За дверью всхлипнули. Протяжно и обиженно. Порог переступила Милли. Я узнала ее по повязке на лбу — белой полоске в темноте. На мгновение девушка застыла, невольно прикрыв лицо руками. Не забыла позапрошлую попытку. Но травмирующего препятствия на пути не встретилось. Защита огневишки не сработала.

— Бери куклу, — распорядилась леди Сесиль. Голос звучал хрипло, словно что-то мешало воспитательнице говорить. — Шевелись. У меня сегодня еще масса дел.

Милли тяжело вздохнула, набираясь храбрости, шагнула к кровати и...

Мы напали одновременно. Я и Урсул.

Котяра вылетел из-под кровати и повис на протянутой руке воровки. Моими стараниями в лицо воспитательнице из коробочки брызнула смолянистая жидкость, вроде той, что

«облагодетельствовали» меня перед огненным штормом. Неприятельницы взвыли разом и столкнулись в темноте. Досталось и коту, он, жалобно мяукнув, плашмя плюхнулся на пол. Милли ринулась прочь, едва не врезавшись в дверной косяк. А леди Сесиль...

— Мамочка... — я, как и в прошлое новолуние, впечаталась в стену.

Мерзкая помощница духа яростно терла залитые жидкостью глаза, но что-то странное творилось с телом. Его опутала витиеватая золотистая дымка, отлично видимая во мраке. Она колыхалась, словно копошились сотни крохотных насекомых.

— Убирайся отсюда. Немедленно.

Я не поняла, кто это сказал. Точно не леди Сесиль. Ее рот кривился от ярости, однако не открывался. И не Агния. Подруга стонала во сне, но не просыпалась вопреки недавней потасовке и громким крикам. Голос — кажется, женский, но головой я бы не поручилась — прозвучал требовательно и грозно. Он напугал воспитательницу. Леди Сесиль оставила пострадавшие глаза в покое и засуетилась.

— В окно! — распорядилась невидимка. — Живо!

Помощница духа подчинилась. Кинулась в указанном направлении вслепую. Ударилась коленом о стул. Взвизгнула от боли, но не остановилась — в прыжке прошла сквозь стекло и растворилась в ночи.

— Урсул! — я бросилась к коту.

Но он и сам поднялся. В темноте сверкнули серебристые глаза. Питомец убедился, что я цела и, прихрамывая, направился к выходу.

ворот поворот, он отомстил. Понравилось работать в саду Шаадея?!

Почудилось, щетина под париком встала дыбом.

— Так это Кайл сдал меня Бритту?!

— А ты рассчитывала, что отверженный парень стерпит? О! Ты — идиотка, Вейн! Парни не любят, когда об них вытирают ноги! Скоро и твой Шем взбрыкнет! Вот увидишь! Увидишь!

Милли развернулась и кинулась к выходу из сектора, будто следом летела Марго в виде серебристого сгустка, как при нашей первой встрече. Я с тоской поглядела на лестницу, ведущую в блок противоположного пола, но махнула рукой. Всё равно не знаю, как миновать магическую преграду и разбудить парней. А Милли — хоть и воровка, но еще и восьмой участник ордена. Надо догнать, пока не наворотила дел.

— Погоди! Стой! Миллииии!

Я выскочила в коридор после секундного промедления, но обезумевшей девчонки и след простыл. Вот что значит — маг в растрепанных чувствах! Штормовой ветер не догонит!

Ну, и куда теперь?

— Направо!

— Ох...

Вот так и зарабатывают разрыв сердца. И заикание заодно.

— Ты! Ах ты! — возмутилась я, тряся кулаками.

Зеленоглазый паразит Ульрих, вынырнувший из-за угла, едва не доведя меня тем самым до приступа, и бровью не повел. Хмыкнул насмешливо с видом победителя.

— Так и знал, что не усядишь сегодня в секторе. Неугомонная.

— Это не я! Это всё Милли! Они с леди Сесиль проникли ко мне в спальню. Но мы с Урсулом их победили. Костлявая мегера улетела, а Милли. Ох, Милли. Надо ее догнать! Скорее!

Я схватила Ульриха за руку и потянула следом, но парень дернул меня назад. Да так, что я в него врезалась. Прямоком в грудь. Дыхание перехватило, в висках застучало. Слишком близко зелень глаз. Так волнительно!

— Спокойно, — Ульрих торопливо отстранился и странно кашлянул. — Никуда не денется твоя Милли. Я ей вслед камушек бросил. Особенный. Он и беглянку затормозит, и нам дорогу укажет. Идем. Шагом. А не галопом.

Руки затряслись от желания дать наглецу подзатыльник. Нет, с камушком он, конечно, хорошо придумал. Но почему вечно ведет себя, как самый умный, будто жаждет ткнуть меня носом в мою же бесполезность и наглядно показать пропасть между нами.

Однако я сдержала гнев. Сейчас не до наглости полуведьмака.

— Хорошо. Идем. Не галопом.

Не знаю, что именно указывал камушек. Я ничего особенного не видела. Но Ульрих вышагивал в темноте, словно путь освещало само солнце. Настоящее, а не черное из отражения. Я плелась рядом, плохо понимая, что вообще происходит. Как меня угораздило озаботиться поисками воровки, оставив во власти кошмара Шема и Лиана. А, главное, как угораздило Ульриха организовать наблюдательный пункт у сектора полувечеров. И не когда-нибудь, а в новолуние! В ночь, когда подобный проступок карается исключением.

Язык не поворачивался задать парню провокационные вопросы. Полуведьмак сам заговорил, устав от зловещей тишины.

— Что-то неладное сегодня с замком творится. Словно полумертвый.

— Полумертвый, — я споткнулась.

— Угу. Ауры нет. Я ее ощущаю обычно. Ведьмовским чутьем. А ты ничего не чувствуешь? Вы же с Гвендарлин — друзья.

Я потянулась к древним стенам. Коснулась их мысленно. Нежно, заботливо. Попросила о доверии. Но ответа не получила. Сегодня стены оставались стенами.

— Ты прав, — я попробовала разглядеть карту Гвендарлин, прежде легко складывающуюся в голове, но потерпела неудачу. Ничего, ни единого синего коридора. — Думаешь, дело в неправильной численности ордена?

— Возможно. Или многовековая битва подошла к концу, и зло победило добро.

Я упрямо мотнула головой. Осталась одна простая проверка. Не получится — дела плохи. Ульрих догадался, что я вознамерилась сделать, и не мешал. Внимательно следил, как мои ладони ложатся на камни, как давят на них — всё сильнее и сильнее, как ломаются ногти в тщетной попытке сдвинуть их с места.

— Прекрати, — Ульрих обхватил мои запястья. — Поранишься.

— Ну и пусть! — я чуть не плакала от досады. — Тебе-то какое дело?

— О! — парень закатил глаза. — Если б мне не было дела, таскался бы я... — он сам оборвал себя на полуслове и прошептал: — Слышишь?

Я напряглась.

— Да.

Кто-то плакал. В нескольких метрах от нас. Горько. Рвано, словно изо всех сил сдерживал рыдания, но проигрывал в битве с грандиозным ревом. Милли. Кто же еще. Она сидела на четвереньках и странно дергалась вперед. Как собака на привязи. Та, что хочет рвануть прочь, но не может: цепь не позволяет.

Я покосилась на полуведьмака. Он развел руками. Мол, такова ведьмовская магия.

— Милли, — позвала я.

— Убирайтесь, — прохныкала та.

— Надо вернуться в сектор, — я села на пол напротив воровки. — Пока нас никто...

— Я туда не вернусь! Я вообще не останусь в Гвендарлин! Не с этим!

Она подняла голову, и Ульрих охнул. Магия, что помогала ему найти беглянку, позволила разглядеть во мраке коридора и ее уродство.

— Кто это тебя так? — спросил он строго. Тонем старосты.

— Леди Сесиль? — подсказала я.

Милли протяжно всхлипнула.

— Нет. Это давно. А леди Сесиль по-по-помогала. Но не бес-бес-бесплатно...

— Тварь!

Вон оно что! Воспитательница снабжала изуродованную ученицу снадобьем, маскирующим шрамы, а взамен требовала некие услуги. Украсть защитную куклу, например. И не только. Милли в Гвендарлин не первый год. Вероятно, всё это время шпионила за полуцветами и докладывала «покровительнице».

— А тебе не приходило в голову обратиться к леди Визре? — поинтересовался Ульрих.

— Есть ей дело до полуцветов! Как же! — возмутилась девчонка, размазывая ладонью

слезы по щекам. — В прошлом году мальчишка из наших полгода с ожогом на лице ходил, чуть без глаза не остался. И что ваша целительница сделала?! Дала никомушную мазь и выставила вон! Это Лилит у нас особенная, герцогским семейством обласканная. Для нее и лечение, как для полноценных!

— Ты не права, — я взяла Милли под локоть и потянула, вынуждая подняться. — Идем. Мы слишком рискуем, торча здесь с тобой.

— Определенно.

С перепуга я отдавила Милли ногу, она с вскриком отпрянула и угодила локтем в бок Ульриху. Парень согнулся и с трудом пробормотал:

— Доброй ночи, мэтр.

— Доброй ли? — последовал печальный ответ.

Раздался щелчок пальцев, и ярко вспыхнула свеча в руке Рэма Дюваля. Ему хватило ума и ловкости подойти к нам незамеченным в темноте. А, впрочем, мы и не старались вести себя тихо, запросто стадо буйволов бы пропустили. Теперь мэтр озадаченно нас рассматривал. Скользнул взглядом по заплаканному лицу Милли, не особо удивившись ее уродству, гораздо пристальнее Дюваль посмотрел на меня и Ульриха.

— Такого я не ожидал, — протянул он грустно. — Вы же понимаете, что я не могу проигнорировать вашу выходку? Правила одинаковы для всех.

— Да, мэтр, — ответил полуведьмак. Спокойно. Будто это его не касалось.

А вот мое сердце зачастило. Я не боялась исключения. Чем дальше от Гвендарлин, тем лучше. Страшила неизвестность. Я — сильный полуцвет, не научившийся контролировать мощь. Вдруг запрут в темнице, как угрожал Алакс Риц?

Нет! Не хочу! Лучше год отработки в саду Шаадея, лишь бы не подземелье!

— Мэтр, мы можем всё объяс...

Конец моей фразы потонул в громком смешке за спиной.

— О! Да у нас тут нарушители! Отличная работа, Дюваль.

Зря я вспомнила мэтра Рица. Не преминул явиться. Выплыл из-за поворота с подсвечником на пять огоньков. Ухмыльнулся, глядя на наши лица, поморщился, заметив шрамы Милли. Я едва ногами не затопала. Дюваль мог передумать. Он способен сжалиться и не прибегать к крайним мерам. А теперь, с появлением вечно кривляющегося щеголя Рица, мы точно пропали.

Дюваля вторжение не обрадовало.

— С каких пор ты бродишь в новолуние по замку один, Алакс? — спросил он холодно.

— А с каких пор мне требуется твое разрешение, Рэм?

В интонации Рица прозвучало нечто странное, ему не свойственное. Не привычная самоуверенность, а, скорее, откровенная издевка. Прежде он не производил впечатление мага, способного хамить равным. У меня похолодели ноги. Некстати вспомнилось, что Маргарита считала Рица возможным пособником злого духа.

Неужели, всё-таки он?!

Дюваль тоже заподозрил неладное.

— В чем дело, Алакс? — поинтересовался он настороженно.

— Помимо того, что ты стоишь на пути к желанной добыче?

Никто не успел среагировать. За считанные секунды произошло слишком много событий. Дюваль рухнул на спину, широко раскинув руки. Глаза закатились, изо рта

пошла густая пена. Милли истошно закричала, но мгновенно закашлялась, подавившись воплем. Ульрих, сделав пас руками, но невидимая сила мячиком подбросила парня в воздух и ударила о стену. Я схватилась за кулон Ван-се-Росса, моля о помощи, а заодно призывая накопившийся гнев. Талисман слабо трепыхнулся, но не сработал. Зато откликнулась злость, но выброс не долетел до неприятеля. Рикошетом ударил в меня, как на памятных тренировках с Эмилио. Я плашмя рухнула на контуженного Ульриха. В голове потушили свет. Я лишь успела разглядеть Алакса Рица, опутанного той же золотистой дымкой, как недавно леди Сесиль.

— Лилит. Лилит, ты моя. Наконец-то. Скорее! Ну, скорей же!

Голос ликовал. Женский хриплый голос. Тот, что звучал в спальне.

Я открыла глаза и с ужасом обнаружила, что не лежу в коридоре, где рухнула на полуведьмака, а покорно шагаю рядом с Алаксом Рицем. Путь освещал все тот же подсвечник на пять огоньков. Путь куда? Демоны знают! Я не контролировала тело, им управлял кто-то другой. Помощник духа, маскировавшийся годами под щеголя-простофилю? Или сам злой дух? Я не знала. Могла лишь думать и фиксировать, но не действовать.

Но почему?! На мне же кулон Ван-се-Росса, колечко ордена и защитный парик! Неужели ни одна из зачарованных вещиц не способна противостоять духу и его помощникам?

— О, Лилит, ты очнулась, — усмехнулся Риц. — А мы по тебе соскучились.

Мы?

Неприятель небрежно махнул рукой, и я моя голова послушно повернулась. Достаточно для того, чтобы разглядеть плетущихся позади Ульриха и Милли. В глазах девчонки отражалась паника, полуведьмак был в бешенстве, но, как и мы, не мог ничего предпринять. Родовая магия явно уступала способностям противника.

— Не беспокойся о спутниках, Лилит, — ухмыльнулся Риц. — Мне нужна лишь ты. Когда всё закончится, они получат свободу.

«Врет!» — пронеслось в голове. — «Какой смысл оставлять свидетелей?»

Или не врет?

Духу ведь нельзя убивать магов ордена. Но как быть со мной? Я тоже одна из них.

Впрочем, собственная судьба меня пока мало тревожила. Терзала обида за остальных. В висках застучало от гнева. На себя. Как же легко я попалась! Как просто затащила в ловушку других! Не побеги я за Милли, худшее, что ей бы грозило — исключение. А Ульрих в одиночку бы вообще не попался! Он умный! А теперь... теперь...

— Я не лгу, — добавил Риц, догадавшись, о чем думаю. — Мальчишка и полувел останутся живы. Я не самоубийца, чтобы уничтожать членов ордена полной луны. Что до тебя... ты не умрешь. В привычном смысле. Мы уберем себя от рикошета. Но для тебя это всё равно конец.

О, боги! Да что же задумали эти «они»?

«Урсул, помоги!», — взмолилась я мысленно.

Вдруг синий котяра услышит? Раз мне удавалось следить за ним, может, и у него получится? Хотя что он способен сделать? Расцарапать Рицу ноги? Невелика беда! Вот если б навстречу попались другие мэтры. Не один маг, как Дюваль, а несколько. Тогда...

— Не нужно мне объяснять плачевность ситуации, дорогая леди. Сам понимаю, насколько плохи дела. Для колледжа. И лично для меня.

Мне показалось, я ослышалась. Галлюцинация в ответ на отчаянные мысли?

Но нет. Впереди шел ни кто иной, как директор Бритт. И явно не один.

Неужели, с Дитрих?! Она всё поймет! Обязательно!

Пожилой мэтр и его спутница вынырнули из темноту с подсвечниками в руках и застыли в немом изумлении. По крайней мере, директор. Сопровождающая его леди Сесиль, успевшая избавить лицо и одежду от пятен, блестяще разыграла удивление. Подчиняйся мне тело, я бы кинулась на нее и драла бы поломанными ногтями плоть. Или заорала бы от злости. Но даже на такую «роскошь» рассчитывать не приходилось. Всё, что мне оставили — возможность наблюдать и молчать.

— Так-так, — протянул директор мрачно. — Два полуцвета и староста. Какое разочарование, Ульрих. Так бездарно перечеркнуть будущее. Я всегда считал тебя вдумчивым и целеустремленным юношей.

Ох, я даже представить боялась, что сейчас чувствовал полуведьмак. Как же мерзко стоять тут беспомощными. Ведь это они — мэтр Риц и леди Сесиль — преступники, а не мы! Не мы!

— Молчите? — усмехнулся Бритт. — Неудивительно. Сказать-то нечего. Эх, ну что за ночь?

— Что-то случилось, директор? — услужливо поинтересовался Риц.

— В белом секторе дети не могут проснуться. В темном всех удалось поднять, но со светлыми никакая магия не срабатывает. Я спешу туда. Если у меня не выйдет, то...

Бритт махнул рукой и повернулся к воспитательнице.

— Леди Сесиль, в белом секторе вы мне не помощник. Оставайтесь с Алаксом. Заприте нарушителей, и патрулируйте коридоры. Не удивлюсь, если сегодня кто-то еще сочтет, что древние правила ничего не значат.

Как же я жалела, что особенные глаза полуцветов неспособны убивать на месте! Или хотя бы обжигать, чтобы директор догадался, что мы в беде. Но я старалась, как могла. Взидала на пожилого мэтра, умоляя взглядом о помощи. Однако Бритт не обращал на нас внимания. Даже «полноценный» Ульрих утратил для него интерес. Нарушитель — значит, больше не ученик. А до посторонних директору нет дела.

— Идиот, — процедила леди Сесиль, едва Бритт скрылся из виду.

— Всем идиотам идиот, — согласился Риц. — Им всегда было легко манипулировать.

Воспитательница скривилась. Слова мэтра задели за живое.

— Я рада, что тебе легко, — бросила она ядовито. — О себе такого сказать не могу.

Риц тяжело вздохнул. Но оставил последнюю реплику без ответа.

— Идем, — распорядился он. — Пока нам снова не помешали.

— Справимся, — фыркнула мерзкая мегера. — Пусть попробуют сунуться. У меня руки чешутся на ком-нибудь попрактиковаться.

— Не сомневаюсь, — протянул Риц. — Но советую воздержаться и поэкономить силы. Если не хочешь опять всё испортить.

Леди Сесиль смирила мэтра неодобрительно-обиженным взглядом. Щелкнула пальцами, и три марионетки послушно отправились за ней, как недавно за сообщником. Я еще в жизни не ощущала такой безграничной легкости в теле. Взмахнешь руками, как широкими крыльями, и воспарить к потолку. Вот только всё иллюзия. Можно махать сколько угодно, от врагов не улететь. Мы полностью в их власти, а, значит, обещанный конец вот-вот наступит.

Конец.

Я физически ощущала, как этот надвигающийся на меня конец радует леди Сесиль. Или того, кому она служит — некую сущность, месяцами жаждущую встречи со мной. Она ликовала и почти бесновалась от близости победы. Но вместе с безудержным весельем я распознала и непосильную усталость. Выхватила её в черед противоречивых эмоций.

Моя противница столько раз проигрывала, столько раз оказывалась в начале пути, что теперь готова была вгрызться зубами в добычу, лишь бы не упустить шанс.

В добычу. В меня.

«Урсул!» — вновь позвала я, вложив в имя питомца всё отчаянье.

Я не надеялась на успех. Но разум кота отозвался. Урсул несся по зеленому ковру, поглядывая назад — на спешивших следом магов. Увы, Эмилио Ван-се-Росса и Летисия Дитрих не могли бежать так же быстро, как синий кот. А в одиночку ему нечего противопоставить помощникам духа. Я понятия не имела, где эта сейчас троица. Без карты из синих молний в голове, ориентировалась в замке значительно труднее. В отличие от полноценных, я чаще сидела в секторе, нежели гуляла по Гвендарлин.

— Скорее, — поторопил Риц, словно почувствовал погоню. — Мы почти у цели.

У цели?

Я внезапно осознала, где мы находимся. Подходим к убежищу ордена. Или не к нему. А к другому помещению, располагающемуся по соседству. К залу близнецов, где годы назад нашли Маргариту рядом с бездыханным телом светлой первокурсницы. Нас что, ведут к зеркалам? Но зачем, демоны всех побери?!

Разум вновь воспротивился, пытаясь приказать ногам остановиться, но те подчинялись чужой воле: легко — слишком легко — шагали навстречу гибели.

Где же Урсул с помощниками?

— Мяу!

В темноте впереди сверкнули желтые глаза, так похожие на две полных луны.

Не Урсул. Тира!

Но что она может сделать? Пошипеть?

Риц и леди Сесиль остановились, как вкопанные. Кажется, они считали черную кошку более опасным противником, нежели я. Воспитательница беззвучно выругалась, мэтр невольно сделал шаг назад и усмехнулся.

— Ничего, — успокоил он сообщницу. — Одна она не помеха.

— Она не одна!

Над кошкой взметнулась серебристая тень — та самая, что я видела в первую ночь духа.

Она разрасталась, оформляясь в стройную девичью фигуру с длинными волосами.

— Маргарита, — прорычал Риц. — Упорная стерва.

Тень рванула вверх, пронеслась над головами помощников духа и загородила меня, Ульриха и Милли. Магический «поводок» мгновенно растворился, и мы трое повалились на колени. Нам вернули контроль над телами, но всё силы ушли. Не осталось резервов ни стоять, ни сражаться.

— Лилит, надо уходить, — прохрипел полуведьмак. — Тебе надо. Нас не тронут.

Ульрих пошатывался на четвереньках, не в состоянии последовать собственному совету. Милли застонала и свалилась набок. Только глаза, в которых отражалась призрачная Маргарита, испуганно взирали на происходящее. Я попыталась возразить Ульриху, мол, без них с Милли и шагу не сделаю, но губы не послушались, и я последовала примеру девчонки: распласталась на ковре безвольной куклой.

Я лишь зритель. Не более. Не справится призрак, вновь превращусь в жертву.

— Вы не получите Лилит, — объявила Маргарита.

Леди Сесиль яростно осклабилась.

— Защитница нашлась. Себя-то не защитила.

— Тебе вообще не обязательно было умирать, Марго, — добавил Риц с фальшивым сочувствием. — Сама напросилась.

Они стояли напротив друг друга, словно вознамерились вести словесную дуэль. Но то была лишь видимость. Враги сработали одновременно. Риц с сообщницей ударили темными сгустками в Марго. Её качнуло, дымка, наполнявшая призрачное «тело» замерцала. Девушка даже не попыталась обороняться. Раскинула руки, закрывая нас. Не осталась в стороне и Тира. В один прыжок оказалась на спине леди Сесиль, впилась в плоть когтями и зубами.

Мне казалось: это сон. Как в предпоследнее новолуние, когда довелось понаблюдать за пожаром со стороны. Вот Маргарита отчаянно держит оборону под натиском включенного мэтра, посылающего в призрака один черный «снаряд» за другим. Вот воспитательница с воплями старается скинуть взбешенную кошку, а та яростно шипит и дерется, не щадя маникюра.

— Мяу!

Уже не Тира. Новый кошачий голос позади. Синяя тень метнулась на помощь «боевой» подруге. Мгновение, и Урсул повис на ноге Рица.

Чьи-то руки схватили меня за плечи.

— Лилит, поднимайся!

Я узнала голос Летисии Дитрих, но не смогла шевельнуться.

— Заберите ее отсюда! — взмолился Ульрих.

— Эм, помоги! — вскричала магиня. — Эм!

Одно движение — одно единственное движение — потребовало невероятной концентрации. Но я справилась, повернула голову и увидела среднего герцога. Он стоял столбом и заворочено смотрел на призрачную сестру, с трудом удерживающую оборону. Маргарита Ван-се-Росса вновь проигрывала битву убийце. Призрачная фигурка истончалась, серебристый свет гас — медленно, но неумолимо.

Мэтр Риц и леди Сесиль освободились одновременно. Два кошачьих тельца взлетели в воздух и с гулким звуком ударились о стену. Черное осталось лежать на полу, будто тряпичное. Синий кот поднялся, издал вопль и с удвоенным рвением бросился на бой. Но повис не на Рице, а на воспитательнице, целясь в горло.

— АААААааааааааааааа! — истошно завопила та.

Средний герцог, наконец, очнулся. В ужасе посмотрел на бесчувственную Тиру (я не смела даже в уме произносить «мертвую»), ловко обогнул призрак сестры слева и ударил синим лучом в Рица. Тот взвыл от боли, но устоял, с криком выпустил из рук новые магические сгустки: один — в Маргариту, другой — в Эмилио. В последнего не попал, но духу лунной башни досталось крепко. Серебристая тень едва не погасла, задержалась, как от удара молнии. Но не пала. Не сдалась.

— Помоги! — закричала она, обращаясь неизвестно к кому. — Где же ты?! Без тебя нам не справиться!

Риц захохотал, легко увернувшись от очередного луча Эмилио.

— Он не появится! Защитники нынче не снабдили его достаточной силой. Сдавайся, Марго. Вы проиграли!

Эти слова послужили сигналом для Летисии Дитрих. Она просунула мне руки подмышки и потянула безвольное тело прочь. Я едва не плакала. Бесплезная затея. Далеко меня не утащить, а противники не сдадутся. Найдут, где угодно.

Словно в ответ, леди Сесиль, терзаемая синим котом, заорала срыва голос:

— Ну, хватит!

Что-то случилось с телом воспитательницы. Его, как и в нашей с Агнией спальне, опутали колыхающиеся нити. Живые нити. Они шустро сплетались в единый клубок, словно обладали общим разумом.

Бац!

Бедолага Урсул повторно шмякнулся о стену. Героически выдержал удар. Вскочил, готовый сразаться до последнего. Сделал два прыжка, но вдруг отпрянул с шипением. Не грозным, а, скорее, растерянным. Клубок нитей отделился от тела леди Сесиль и парил под потолком, напоминая тучу, переполненную убийственными молниями. Воспитательница, хрипя, распласталась на полу. Поверженная, жалкая.

— Как... как я сюда попала? — прошептала она с трудом. Посмотрела вверх и взвыла. В ужасе попятилась. Но руки и ноги подвели. Женщина упала, ударившись об пол подбородком.

За моей спиной испуганно выдохнула Летисия Дитрих. Я разделяла ее страх. Туча разрасталась, вознамериваясь заполнить весь коридор. От нее исходила мощь. Мощь самой темной магии на свете. Злой и беспощадной. Словно все мифические демоны, столь часто мной упоминаемые, собрались в одном месте.

— Что тут происходит, черти вас возьми?!

Новый голос — яростный голос директора Бритта — разорвал пропитанный ужасом воздух.

Но за ним последовал судорожный вздох и еще чей-то вскрик.

— О, боги! Директор, это же... это...

Я узнала мэтра Шаадея. Паникующего мэтра Шаадея.

Бритт не ответил, лишившись дара речи при виде местной достопримечательности, из легенды превратившейся в смертельного противника. Впрочем, и без духа картина взору пожилого мэтра предстала красочная: Дитрих, тащащая меня по ковру, сражающиеся Эмилио и Риц, призрачная тень, закрывающая Ульриха и Милли.

— Бритт, — протянула туча с показной лаской. — Глупый-глупый Бритт. Ты пришел как раз к кульминации. Хочешь стать зрителем? Отлично! А ты, остановись! — потребовала тварь, обращаясь к Дитрих. — Ты не забереешь мою добычу, Летисия!

Меня волной окатил страх. Нагрянул с опозданием, но прошиб основательно, добравшись до каждого нерва. Я осознала, что это конец. Все маги, кошки и призрак — ничто по сравнению с силой, парившей над нами. Никто не сможет меня от нее защитить. Никто и ничто на свете. Я исчезну. Никчемный полуцвет Лилит София Вейн перестанет существовать вместе с никому неинтересными горестями и мечтами. Большинство обитателей замка не расстроится. Сгинул полуцвет, туда ему и дорога.

Туча поплыла в нашу с Дитрих сторону. В нее летели молнии и сгустки разноцветной энергии, мэтры защищали меня, как могли. Но все старания выглядели смешными. Противница беспощадно надвигалась, как глыба, способная раздавить собственным весом. Не увенчалась успехом и попытка Маргариты. Призрака отшвырнула невидимая рука, и на пол посыпался пепел — все, что осталось от печального духа лунной башни.

— Нееееет! — заорал Эмилио отчаянно.

Дитрих всхлипнула и с удвоенным рвением потащила меня прочь, хотя и понимала, что война проиграна. Но врожденное упрямство не позволяло магине сдаться, остановиться.

«Помоги!» — мысленно взмолилась я, обращаясь к тому, кого недавно звала Маргарита — к истинному духу Гвендарлин. К душе колледжа. — «Не оставляй меня!»

Я не верила, что дух откликнется. Звала исключительно, чтобы предпринять хоть что-то, ибо на большее была не способна, тело окончательно перестало мне служить. Но ОН услышал. Услышал меня, не Маргариту. Что-то случилось в темном коридоре, будто разом зажглись все факелы, хотя они и не горели. Свет, похожий на естественный дневной, заполнил все вокруг. Явился вместе с полупрозрачной мужской фигурой: наполовину черной, наполовину белой.

Туча издала рычание и остановилась.

— Ты не сможешь победить, — процедила она, но уверенности в голосе поубавилось. — У тебя не хватит сил. И девочку не спасешь, и себя уничтожишь.

— Не хватит, — зазвучал незнакомый голос: бархатистый, певучий. — Если только...

Черная призрачная рука поднялась к потолку в попытке остановить противницу. Бездарной? Вовсе нет. Туча наткнулась на невидимое препятствие, задержалась, будто угодила в сеть. Светлая рука духа потянулась к полуведьмаку, распластавшемуся на полу рядом с Милли.

— Ульрих Бернаруду, отдай то, что получил в начале года. Мне жаль, но другого выхода нет. Мне нужна мощь твоего дара.

Дара? У меня закружилась голова. Дух просил назад подарок, полученный Ульрихом в первый рассвет года на крыше.

— Забирай, — шепнул парень хрипло.

Из его груди полился свет — смесь сотен цветов и оттенков. Разделился на тысячи переливающихся нитей. Они опутывали все вокруг. Не липкой паутиной, а некой энергией, нежной и жизнеутверждающей. Нити походили одновременно и на согревающие солнечные лучи, и на питательные дождевые струи. Несли надежду, прогоняя мрак.

Туча завизжала, уменьшаясь в размерах. Риц, все это время не прекращавший битву с остальными мэтрами, повалился на колени. В глазах погасла ярость, а вместе с ним и свет.

В последний миг помощник духа посмотрел на меня, и губы шевельнулись. Слово так и осталось не озвученным. Но я его угадала. Простое и многозначительное слово: «помоги».

Это было всё, на что Рицу хватило сил. И времени. Беспощадная туча метнулась к сообщнику, прошла сквозь его тело и вылетала в окно — в ночь. Но прежде чем поверженный мужчина рухнул, мой уплывающий разум зафиксировал еще одну странность: из живота Рица в пол утекла похожая на смолу субстанция, словно мэтра покинула чёрная сущность.

Истинный дух Гвендарлин, одержавший победу в очередном раунде, тяжело вздохнул и расправил плечи.

— Бритт! — он повернулся к белому, как сама смерть, директору. — Не смей исключать этих детей. Они должны остаться в колледже. Особенно Лилит. Враги еще вернуться за ней, когда восстановят силы. Но девочка — ключ. Без нее эту войну не выиграть. Охраняйте её!

Берегите! Вы все!

На этом мое сознание отключилось. Почти на этом. Затуманенный взгляд успел выхватить еще один эпизод. Эмилио бросился к поверженной Тире. Но та не нуждалась в его помощи. Черная кошка яростно зашипела на среднего герцога, не позволив к себе прикоснуться. С трудом поднялась и, пошатываясь, побрела в темноту.

Глава 24. Тайна Тиры

— Получай! — снежный ком угодил прямоком по затылку Лиана и, пока мальчишка соображал, я ловко засунула горсть снега ему за шиворот.

— Ай! Ай-ай-ай! — завопил он, прыгая на месте.

— Жестоко! — возмутился Шем, вступаясь за Лиана, но получил еще одним комком — в лоб.

Агния в безобразии не вмешивалась. Как и большинство полуцветов, выведенных погулять на крышу, подруга вела себя чинно и скромно. Одна я разошлась. Устроила зимнюю битву с двумя приятелями. Они не возражали, быстро вошли во вкус. Мне же было наплевать с самой высокой башни Гвендарлин, что думают о нашей забаве остальные. Я жаждала выпустить пар и нашла отличный способ.

А почему нет? Это полноценные каждый вечер проводят на свежем воздухе — внизу. Нашего брата выпустили подышать впервые за долгое время. Я так вообще с памятной отработки в саду Шаадея, сидела взаперти. Надо не стоять столбом, а пользоваться моментом. Пейзажем — замерзшим морем и заиндеветыми деревьями — я из окна спальни полюбуюсь. Зимний вид вообще не особо вдохновлял. Тяжелое белое покрывало спрятало звериную сущность водной стихии, заставило уснуть до весны, а я скучала по изменчивому морю.

С ночи духа прошло восемь дней, но о ней редко вспоминали. Точнее, не хотели вспоминать, поверив директору Бритту. Пожилой мэтр пообещал, что реалистичные сны не повторятся. Собственным креслом поклялся. Дал слово покинуть пост, если еще хоть в одно новолуние юные обитатели Гвендарлин окажутся во власти древнего пожара. Впрочем, кресло под директором всё равно зашаталось. Несколько родителей обратилось в совет Многоцветья с требованием заменить руководителя Гвендарлин. Однако на крайние меры никто не решился.

Учеников мало волновала судьба директора. Всех поглотили иные заботы — череда контрольных по теории и зачетных отработок по практике. Полноценные ходили по замку бледные и хмурые. Полуцветам доставалось меньше, от нас выдающихся результатов никто не требовал. Тем более, на практических занятиях. Искривленная магия изначально не претендовала на свершения. Агния, правда, отлично выполнила задание. Да и Лиан, много времени проведенный за учебниками по целительству, набрал неплохие баллы. Даже леди Визра, встретив в коридоре, похвалила.

Я справилась так себе. Слишком много энергии забрала чужая подчиняющая магия в новолуние. Силы восстанавливались медленно, и несколько последующих дней я соображала с трудом. По большинству предметов едва наскребла необходимые баллы. Разве что в теоретической части вспомогательной магии справилась лучше многих, но этот предмет мне всегда нравился. Зато на практическом зачете, который полуцветы сдавали все вместе, не сумела заставить исчезнуть белый шарик. Подпалила его основательно, как и стол, на котором тот лежал.

— Ничего, — успокоил тогда Эмилио Ван-се-Росса. — Это всего лишь первый семестр.

Но я и не переживала. Что такое успешные зачеты и контрольные по сравнению с силами, с которыми нам пришлось столкнуться в ночь духа. По сравнению с жизнью, висющей на волоске. Перед глазами стояли яркие картины: два кота висащие на противниках, черно-белая фигура истинного духа и призрак Маргариты, рассыпающийся в прах. Да, в отличие от большинства, я думала о новолунии постоянно.

— Ну, хватит! Хватит! Сдаюсь!

Поверженный в снежной битве Лиан завалился на спину, поднимая руки.

— Еще чего! Не принимаю капитуляцию! — я накинулась на мальчишку, бросая снег в лицо.

— Лилит, ну, правда! Угомонись! — возмутился Шем. — Лилит!

— Упертая, как баран! — припечатала Агния, и я плюхнулась в снег, расстегивая ворот.

Тело пылало от желания бесноваться, я не чувствовала легкого морозца.

— У вас всё в порядке?

К нам подошел Рэм Дюваль — наш сегодняшний сопровождающий.

— Да, мэтр, — я схватилась за протянутую руку и поднялась на ноги.

Педагог подарил понимающую улыбку, пряча смущение. Он чувствовал себя неловко рядом со мной. Еще бы! Так опростоволоситься! Позволить Рицу вырубить себя одним движением! Но я не винила Дюваля. Жив, и то ладно. Противник-то ему попался с сюрпризом. Да и кто вообще подозревал Алакса Рица? Никто! Никто, включая орден и Эмилио с Дитрих, не воспринимал этого мага всерьез.

А, впрочем, я и сейчас не воспринимала. Не верила до конца, что... что...

Нет, я не хотела об этом думать. Не могла. Отказывалась.

— Всё! Возвращаемся в замок, пока кто-нибудь не простудился! — объявил Дюваль.

Послушные полуцветы потянулись к выходу. Шем с Лианом принялись отряхивать друг друга от снега, Агния несколько раз шлепнула меня по спине, избавляя кроличью шубку от белых хлопьев. Лишь одна фигура не сдвинулась с места. Девушка в скромном черном пальто стояла недалеко от края крыши, отпираясь на перила. Всматривалась вдаль, будто надеялась найти у линии горизонта ответы на накопившиеся вопросы.

В темных глазах Дюваля отразилась печаль.

— Милли! — позвал он. — Нам пора!

Бывшая подруга старосты не шевельнулась. Шем и Лиан смущенно переглянулись, даже Агния торопливо отвела взгляд и принялась изучать носы сапог. Секрет раскрылся, и теперь все знали, как Милли выглядит без маскирующего зелья. Старые шрамы оказались столь глубокими, а состав средства — мудреным, что леди Визра не могла быстро помочь незадачливой девушке. Но пообещала вручить лекарство после каникул. Пока же Милли приходилось терпеть любопытные или сочувствующие взгляды. Даже среди своих нашлись те, кто не удержался от злорадства. А уж Кайл Нестор чуть не лопнул от злости. Два года встречаться с «уродиной»! Позор тысячелетия!

Впрочем, девчонке еще повезло. В особом секторе никто не узнал, у кого и за какие заслуги она доставала зелье. Вряд ли полуцветам бы понравилось, что под боком столько времени жила шпионка вредной воспитательницы.

— Милли! — снова окликнул девушку Дюваль.

— Давайте я, мэтр.

Не дожидаясь ответа, я поспешила к краю крыши. Наверное, стоило злиться на Милли. Осуждать за помощь леди Сесиль. Но, узнав её историю, я поумерила пыл, а планка мстительности опустилась почти до отметки: «простить воровку».

До Гвендарлин Милли жила в «доме сломанных» на границе с бескрайней пустыней. Я и не подозревала, что такие места существуют. Никогда не задавалась вопросом, что случается с сиротами-полуцветами. А стоило. Ведь избавиться от неправильного ребенка

— отличный способ для женщин избежать позора и изгнания. Но я горевала о собственной незавидной участи, не задумываясь, что встречаются судьбы похуже.

А они встречались. Милли — наглядный тому пример. Подкидышу, найденному на крыльце «дома сломанных», досталось в жизни сильнее других отверженных. В пять лет девочка стала жертвой розыгрыша полноценных детей, живших по соседству. Они подговорили простодушного полуцвета пробраться за малиной в сад на окраине посёлка. Умолчали, что хозяин завел пса, натасканного на поимку нарушителей. Собачьи когти и зубы покалечили Милли крепко. Она выжила, но шрамы глубоко впечатались в плоть.

Уродством девушки и воспользовалась леди Сесиль. Милли единственной из всего «дома сломанных» предложили учиться в Гвендарлин. Остальные сироты не проявляли серьезных способностей, как я до встречи с медведем. Но девушка отказывалась ехать в колледж. Леди Сесиль, приехавшая для знакомства с новой ученицей, предложила сделку: зелье, скрывающее шрамы в обмен на услуги. Милли поначалу разозлилась, но желание скрыть уродство победило.

— Пора в сектор, — проговорила я, подойдя к застывшей фигуре в черном пальто.

Милли мрачно кивнула, не отрывая взгляда от неба, покрывшегося фиолетово-красными разводами на западе. Торопливое зимнее солнце наполовину скрылось за линией горизонта, оставляя нас до следующего дня. Предпоследнего дня в Гвендарлин перед трехнедельными каникулами.

— Я не хочу сюда возвращаться, — призналась Милли едва слышно.

— Придется. Этого желает дух.

Милли не подозревала о своем предназначении. Эмилио велел ордену сохранить это тайне до следующего семестра, чтобы дать восьмой участнице оправиться. Ближайшее новолуние выпадало на каникулы, и обряд проводить не требовалось. В отсутствии учеников враги не получат подпитку в особенную ночь, следовательно, и дух мог продержаться без новой порции энергии защитников.

— А та тварь? Чего хочет она? — спросила Милли плаксиво. — И ее сообщник? Тень?

Меня пробрал озноб. До костей.

Тень...

Я знала, что девчонка тоже разглядела похожую на смолу субстанцию — ту, что покинула тело Рица перед убийством. Её видели лишь трое: я, она и Ульрих. Остальные не заметили приключившейся странности. И не поверили. Даже Эмилио с Дитрих сомневались. Всем хотелось считать, что это Риц — злодей.

Я тоже хотела в это верить. Но подозрения не давали покоя.

— Тварь и ее сообщник хотят заполучить меня, — ответила я на вопрос Милли. — Для чего, понятия не имею. Но, как видишь, не бегу. Они настигнут, где угодно. Однажды дома следили из зеркала. А в замке есть дух, и он на нашей стороне.

Милли мои слова не успокоили. Она спрятала заочневшие руки в карман и, молча, зашагала к выходу по хрустящему под сапогами снегу. Но я не сомневалась, что она вернется в Гвендарлин после каникул. Хотя бы ради лекарства, обещанного леди Визрой.

Первую половину следующего дня ученики провели за сборами. Большинство полуцветов управились быстро — в особом секторе жили не богачи с горой вещей. Одна я копалась, в третий раз вытащила из дорожного сундука одежду и начала складывать заново. Агния фыркнула под нос, но предпочла не нагнетать. Убежала в общую гостиную к остальным — пить чай с пирогами.

Я нарочно не спускалась. Не хотела портить всем настроение мрачным видом. Сегодня даже Шем светился. Всю последнюю неделю бедолага ходил с опущенной головой. Мать написала, что после изгнания из родного герцогства, устроилась в богатый дом. Хозяева не подозревали, что сын новой служанки — полуцвет. Парень волновался, как бы ее не выставили, едва правда раскроется. Проблему решил Лиан, который с разрешения родителей пригласил Шема на зимние каникулы к себе.

— Проклятье! — выругалась я, уронив шкатулку с простенькими украшениями.

Воспоминания, которые я гнала всю последнюю неделю, предательски прорывались назад, погружая в кошмар.

Я помнила всё. Каждую деталь. До и после потери сознания. Но самое сильное отвращение вызывало не произошедшее в коридоре, не гибель Рица и побег тучи-убийцы, а короткий разговор, состоявшийся под утро в целительском блоке. Леди Визра

несколько часов приводила меня, Ульриха и Милли в порядок, а потом явился директор и выставил даму вон. Я никогда не забуду выражения его посеревшего лица. Бритт сходил с ума от беспомощной ярости, чувствовал себя загнанным в угол, но не желал этого признавать.

— Никому! — прорычал он. — Никому ни слова о том, что произошло ночью! Ясно?

Мы послушно закивали, а я подумала, что у директора глаза безумца. Если возразить, развеет в прах всех троих и не раскается.

— Откроете рты, пеняйте на себя, — добавил Бритт тоном хозяина положения. — Выгнать вас я не смогу, но превращу жизнь в колледже в кошмар наяву.

Пожилой мэтр ушел, хлопнув дверью. Милли горько заплакала, а мы с Ульрихом многозначительно переглянулись. Знали, что не выполним распоряжение директора. Да, большинство учеников услышит сказочку Бритта. Но пятеро магов всенепременно узнают правду. Те, кого истинный дух выбрал в защитники.

А сказочку глава колледжа придумал знатную, свалив всю вину за мистические события на Алакса Рица. Приписал ему игры с запрещенной черной магией, что якобы и стало причиной реалистичных кошмаров в новолуние. Погиб же мэтр, по легенде, из-за собственной небрежности. Опасные чары оказались не зубам. Директор произнес целую речь перед учениками. Говорил и говорил: о том, как ужасно поступил почивший педагог, и как важно не допустить подобного впредь. Все слушали, затаив дыхание, а я мечтала, чтобы Бритт провалился сквозь пол.

— Никакого духа в замке нет, — отчеканил пожилой мэтр напоследок. — Есть жажда власти, буруевающая глупцов. И желание некоторых магов «оживлять» сказки. Не более.

Ученики поверили и радовались, что с кошмарами покончено. Я их не осуждала. Белому сектору пришлось несладко. Светлые маги во сне горели снова и снова. Разбудить их не помогали никакие ухищрения мэтров. Спасибо леди Виэре. Целительница догадалась применить сложное заклятье, снимающее порчу. Оно разорвало и паутину магического сна. Не меньше светлых досталось мальчишкам-полуцветам, оставшимся без помощи в отгороженном магией блоке. Они проснулись лишь, когда истинный дух вернул подарок Ульриха и выиграл битву с силами зла. Лиан до сих пор вздрагивал, если кто-то вспоминал новолуние, а Шем бледнел и хмуро сводил брови, напоминая недовольного старичка.

— Всё! — я, наконец-то, закончила сборы и закрыла крышку дорожного сундука.

— Мяу!

Сквозь закрытую дверь прорвался Урсул. Скакнул на кровать и вальяжно разлегся. Кот быстро оправился после потасовки с помощниками духа. На то он и магический кот.

— Ну, что ты решил? — спросила я, устраиваясь рядом с питомцем. — Со мной поедешь или останешься тут на каникулы?

Серебряные глазки хитро прищурились, и я догадалась, что котяра не планирует покидать пределы Гвендарлин.

— Ладно. Пригляди тут за всеми. Главное, к директору не подходи. Он нам не друг.

Я и раньше не любила пожилого мэтра, но теперь не испытывала ничего, кроме презрения. Хотя и признавала, что появление Бритта пошло на пользу. Не увидь он черный сгусток и убийство Рица своими глазами, еще неизвестно, как бы все закончилось. Он бы ни за что не поверил ни нам с Ульрихом и Милли, ни Эмилио с Дитрих. Впрочем, благодарить следовало мэтра Шаадэя. Это он расставил в коридорах предупреждающие ловушки, вроде той, что перед испытанием устанавливал орден. Одна из них среагировала, и мэтр кинулся ловить нарушителей, прихватив директора. К тому моменту, леди Виэра разбудила светлых учеников, и помощь Бритта не понадобилась.

Увидел директор и стенающую на полу леди Сесиль.

— Это не я! Не я! — причитала она. — Я ничего не делала! Оно меня использовало!

Против воли! Я не хотела! Это не я!

Воспитательница рассказала, что в каждое новолуние на целые сутки теряла память и, хотя догадывалась, что её тело кто-то использует, боялась признаться. Не знаю, поверил ли директор в непричастность сотрудницы, однако на следующий же день она покинула Гвендарлин навсегда. По официальной версии, из-за обострившейся болезни. Ученики, не выносившие вредную даму, вздохнули с облегчением. Даже Агния кружилась в танце по нашей спальне от радости. А я... я не знала, как расценивать изгнание помощницы духа.

— Всё к лучшему, — заверил Эмилио на возобновившейся тренировке. — Чем дальше Сесиль Ларс от Гвендарлин, тем лучше.

Он чувствовал себя виноватым. Он таки организовал в ночь духа слежку за подозреваемой дамой. Но она провела его, как мальчишку. Исчезла из закрытой комнаты. «Традиционным» способом — через окно.

— Вы верите, что ею управляли?

— Верю, — ответил мэтр хмуро. — Некто проникал в её тело. Сама бы она не сумела попасть в твой сектор. И полеты сквозь стекла присущи призракам, а не живым магам. Но Милли Дорвис она начала использовать по своей инициативе, чтобы шпионить за учениками. За одно это следует изгонять с позором, а не прикрывать правду выдумками о недугах.

— Но если та жуткая сущность заставляла леди Сесиль проникать к нам в новолуние и забирать энергию учеников, значит, она способна воспользоваться и другими...э-э-э... телами?

Я вновь вспомнила убитого Алакса Рица, но не посмела заговорить о нем с Эмилио. Кажется, средний герцог предпочитал верить, что это он убил Марго. Риц, а не странная субстанция, покинувшая тело коллеги за миг до смерти.

— Не факт, что подобрать подходящий «сосуд» просто, — усмехнулся Эмилио. — Не беспокойся, Лилит. Твоя задача — участвовать в обрядах ордена и держаться подальше от неприятностей. Остальное — наша с леди Дитрих забота...

«Наша с леди Дитрих», — передразнила я мысленно.

А, впрочем, я не возражала, если эти двое снова сойдутся. Если они обретут счастье друг с другом, проклятье ордена — всего лишь легенда.

Вечером полноценные ученики собрались на прощальный ужин в столовой, украшенной бумажными снежинками. Обычно в это время в замке устраивался грандиозный зимний бал танцами до утра, но в этом году его отменили из-за гибели мэтра Рица. Какой бы ни была подоплека трагических событий, смерть — есть смерть, веселиться и радоваться — плохая идея.

Нашего брата ужины и праздники не касались. Полуцветов никогда не приглашали отмечать окончание семестра. Народ коротал время в общей гостиной, рассуждая, кто как проведет время дома. Мне быстро наскучило это занятие. А когда Лиан с Шемом начали планировать зимние забавы на каждый день, сердце кольнул шип обиды. Да, я соскучилась по маме и мечтала оказаться рядом с ней, но мне на веселые каникулы рассчитывать не приходилось. Соседи и тетка Дот об этом позаботятся.

Я незаметно покинула общую гостиную и выскользнула из сектора полуцветов в коридор. Захотелось прогуляться по замку. Глупая затея? Не в этот раз. Кого мне сегодня бояться? Злые силы контужены истинным духом, полноценные на праздничном ужине. Им не до бедового полуцвета, едва не уничтоженного в последнее новолуние. Я потянулась к древним камням и ощутила их тепло. Жизненные силы вновь наполнили стены, словно кровь вены. В голове легко сложилась карта из синих молний, и я побрела туда, куда ученикам запрещалось подниматься.

Нет, я не собиралась заходить в лунную башню. Лишь хотела посидеть на нижней ступени, почувствовать присутствие Маргариты. Никогда не забуду горечь, что испытала, увидев её тень, рассыпающуюся в прах. Я решила: это конец. Но Дитрих,

пришедшая навестить нас с Ульрихом и Милли в целительском блоке, успокоила. Тот, кто уже мертв, не способен погибнуть снова. Марго лишили энергии. На время. Она восстановит силы и вновь проявит себя.

Марго...

Жаль, что директор Бритт не слышал слов Алакса Рица о смерти несчастной девушки. Её гибель для всех так и осталась самоубийством. Маргарита Ван-се-Росса, по-прежнему, была предана забвению. Забыта всеми, кроме самых близких. Близких, которые даже друг с другом о ней не говорят.

Я не добралась до лестницы, ведущей в лунную башню. Повернула к ней и...

— Вон! Я сказала: вон! Не смей сюда являться!

— Мааааууууу!

Черная кошка кубарем слетела вниз, пересчитывая древние ступени. Шмякнулась на пол, растопырив лапы. В желтых глазах отразилась гамма эмоций: от гнева до печали.

— Тира? — спросила я шепотом.

Показалось неправильным говорить в полный голос. Ибо это точно была она — кошка, приходившая ко мне дома. Собственной персоной. Если раньше меня одолевали сомнения, то теперь я отлично ее разглядела.

Странная живность (или сущность?) тяжело поднялась, посмотрела вверх — на дверь, ведущую в обитель Маргариты, и осуждающе покачала головой. Не как животное. Как маг. Фыркнула в усы и проворчала:

— Ну, спасибо тебе, доченька. Вздорная девчонка.

Я не успела даже охнуть. Тира подпрыгнула, будто к лапкам прикрепили пружинки, кувыркнулась в воздухе и... исчезла. Вместо нее, морщась и потирая бок, стояла герцогиня Виктория Ван-се-Росса. Не такая, как я привыкла ее видеть. Платье покрывали пыль и клочья паутины, черные волосы не помешало бы помыть и причесать.

— Здравствуй, Лилит, — усмехнулась госпожа. — Идем, поговорим. Только сначала верни челюсть на место.

Ну, да. Я стояла с открытым ртом. А кто бы ни стоял?

Тира и герцогиня — одно и то же?! Какого демона?!

Её сиятельство выбрала первый попавшийся зал с диванами вдоль стен. С легким стоном опустила на ближайший, отбросила с лица спутанные волосы.

— Всё, пора возвращаться домой. Пока Марго мне все кости не переломала. Чего застыла, Лилит? — госпожа хлопнула ладонью по дивану. — Садись.

Я выполнила указания, хотя предпочла бы постоять. Но ноги отказывались меня держать.

— Почему? — спросила я, глядя мимо герцогини. Мимо ее пронзительных стальных глаз.

О, боги? Она же сотни часов провела у меня дома! Слушала жалобы! В том числе, на себя саму же и всю родню! Вот тебе и второй дар! Тайное оружие!

— Всё просто, — ответила госпожа абсолютно спокойно. — Я поняла, что за тобой наблюдают. Те же силы, что погубили мою дочь. Решила сама превратиться в наблюдателя. Понять, чего они хотят. И почему — ты. Я не буду за это извиняться.

Ну, еще бы! Чтобы герцогиня Ван-се-Росса просила прощение у полуцвета!

— Поняли? — спросила я тоном далеким от почтительного.

— Нет. Не моя весовая категория. С этими тварями даже сильнейшая защита не

срабатывает. Кулон на твоей шее способен беречь от многих бед, но против них он не лучше безделушки. Как и другие ухищрения.

— Кукла работает, — прошептала я.

Герцогиня передернула плечами.

— Полезное исключение. Никогда не знаешь, какая магическая вещица пригодится. Особенно приятно, если помогают талисманы, в которые даже не веришь.

Я усмехнулась. Всё-то она знает! Шпионка хвостатая!

И все же не покидало ощущение, что я сплю. Или брежу.

— Значит, вот почему вы встречались с директором Бриттом. Просили разрешение находиться в замке.

Герцогиня презрительно скривилась.

— Разрешение? С какой стати? Я лишь поставила почтенного мэтра перед фактом моего присутствия в Гвендарлин. Сделала ему одолжение.

Я едва удержалась от желания закатить глаза.

— А если бы Брит запретил. Нужна же гостевая печать...

— Мне — не нужна, — перебила госпожа с усмешкой на тонких губах. — Я могу попасть в колледж в любое удобное время. Я — потомок Милинды Ван-се-Дорн. Существовал в Многоцветье такой знаменитый и влиятельный род много веков назад. Милинда и ее сестра-погодка были последними носителями фамилии. А из потомков сестер остались лишь я, Эмилио и Элиас. Обоим моим сыновьям тоже не требуются печати. Но они их носят, чтобы не привлекать внимания к нашей семейной особенности.

— Но... но... но...

У меня ум в буквальном смысле заходил за разум.

— Дело в крови, — пояснила ее сиятельство весело. — Сама по себе Милинда не играет роли для истории. Она была дамой не выдающейся и почтенной до скуки. А вот младшая сестра... Её звали Гвенда. Она вышла замуж за Дарлина Ван-се-Рмуна и основала вместе с ним этот колледж.

— Ох... То есть, вы трое...

— Кровные родственники основательницы, — закончила госпожа.

Я вздрогнула и чуть не съехала с дивана. Жуткая догадка пронзила молнией.

— А злые силы не могли... э-э-э... заинтересоваться Маргаритой из-за родства с Гвендой?

— Вряд ли, — протянула герцогиня монотонно, но я вдруг ощутила ее усталость и горечь. — Тебя-то выбрали не по этой причине. Кто бы ни прятался под маской шута на нашем карнавале, он точно не родственник Гвенды Ван-се-Рмун. Они все учтены и давно мертвы.

Это был мастерский укол. Госпожа не сказала ничего обидного, однако указала мое место.

В другой момент я бы стушеввалась. Но Виктория Ван-се-Росса мне задолжала. За годы притворства!

— Значит, вы сдаетесь? — спросила я жестко. — Вернетесь домой и оставите дочь в башне? Вы и в битве не особо помогали. Что могла сделать «кошка»?!

Я ожидала бури. Пощечины. Грубых слов. Но госпожа лишь с любопытством взглянула сквозь ресницы. Неужели, ей, правда, нравилась моя неуместная спесь?

— В истинном обличье от меня бы было мало пользы. После обращения я беззащитна. Требуется время, чтобы сила мага восстановилась. Пришлось пользоваться когтями и зубами. А для Марго я хочу две вещи: справедливости и свободы. Но ей моя помощь не нужна. Ты сама видела, какие «очаровательные» у нас отношения. О! Не думай плохо о моей дочери. Я заслужила ее гнев. Самые страшные ошибки родители совершают, прикрываясь благими намерениями во имя счастья детей. Я не исключение. Надеюсь, однажды Марго сумеет если не простить, то хотя бы перестать меня ненавидеть, — герцогиня Виктория помолчала, разглядывая собственные длинные пальцы, а потом добавила другим тоном — деловым и почти беспечным. — Без помощи Марго не останется. Здесь Эмилио. И его несостоявшаяся жена. Они не остановятся. Чем бы для них всё не закончилось.

Мне вспомнилась картина, увиденная глазами Урсула: Летисия Дитрих, прижатая к стене, руки Эмилио на ее бедрах, жадный поцелуй. Сколько бы эти двое ни сторонились друг друга, искры бывшего пламени не погасли.

— Почему они расстались? — спросила я. Не удержалась.

Госпожа печально развела руками.

— Потому что мой старший сын — идиот. Разрушил и свою жизнь, и Летисии. Я не знаю, кого он не может простить: ее или себя. Думаю, сам до конца не понимает. Когда погибла Марго, Эмилио уже закончил учебу. Но остался в Гвendarлин. Еще не мэтром, а воспитателем и помощником педагогов. Охранял сестру. Вместе с невестой охранял. Но в ту роковую ночь Летисии не было в спальне. Они с Эмилио упорхнули на тайное свидание. Марго спала под действием снотворного — работы лучшей подруги. Но случилось непредвиденное. В тот раз — единственный раз за всё время — Летисия перепутала дозировку ингредиентов. Марго проснулась и... итог ты знаешь.

Я закрыла лицо ладонями. Как несправедливо! Как глупо!

— Неужели, он не может простить? — всплеснула я руками, впервые пожалев Дитрих. — Спустя столько лет? Ведь они могли бы... могли...

— Да, могли бы, — согласилась госпожа, тяжело вздохнув. — И сейчас не поздно. Но Эмилио нравится страдать. У моих деток талант — усложнять себе жизнь. Что у старшенького, что у покойной дочки. Младшенький тоже скоро преподнесет сюрприз. Я следила за ним. Он делает вид, что воротит нос от девочки из желтых. Но это мальчишеская бравада. Рашель Фаули уже в его мыслях. Вряд ли история кончится добром. Но вмешиваться я не стану. Не повторю ту же ошибку, что и с Марго. Это жизнь Элиаса. Пусть набивает собственные шишки.

Я ушам не верила. Виктория Ван-се-Росса готова закрыть глаза от отношения сына с несовместимой девушкой.

— Но они не подходят друг другу, — возразила я, вспомнив вечную надменность Рашель. — С какой стороны ни глянь.

— Сильнее чем ты и герой твоих мечтаний — полуведьмак? — спросила госпожа насмешливо.

Почудилось, что потолок обрушился и проломил череп.

Герцогиня знает об Ульрихе? Знает об Ульрихе ВСЁ?!

— Поумерь пыл кавалера, девочка, — посоветовала она жестко. Веселые нотки в голосе сменились стальными. — Ведьмовское племя прячется у всех на виду три столетия, а он рискует их будущим ради тебя. Влюбленные мальчишки опрометчивы, но надо понимать, где границы.

— Он не... Я не... — язык категорически отказался служить.

— Конечно-конечно, вы двое даже не смотрите друг на друга, — засмеялась Виктория Ван-се-Росса, поднимаясь с дивана. — Возвращайся в сектор. И сделай одолжение: заканчивай с привычкой гулять по замку в неурочное время. Нашим общим врагам основательно щелкнули по носу, но они восстановят силы и будут ждать, когда ты

совершишь ошибку. А я не хочу, чтобы в коридоре однажды обнаружили твоё бездыханное тело. Спокойной ночи, Лилит.

Я вняла совету госпожи. Отправилась в обитель полуцветов. Но попала туда позже, чем рассчитывала.

— Лилит!

Сердце сделало двойной кувырок и почти остановилось. В двух поворотах от сектора нагнал Ульрих.

— Есть смысл спрашивать, где тебя носило? — спросил он привычным небрежным тоном.

Я отрицательно мотнула головой.

Влюбленный мальчишка? Это он-то? Нет. Не может быть.

— Ладно, на этот раз прощу, — благодетельствовал паразит. — Но обещаю, в следующий раз сотворю привязывающее колдовство, чтобы вообще из сектора не смогла выйти.

— Даже на уроки? — спросила я ядовито.

— На уроки, так и быть, разрешу, — в зеленых глазах заплясали веселые искры. — Кстати, я к тебе шел. Вот, держи. Завтра при всех вручить не получится.

Ульрих протянул булавку с нанизанными бесцветными бусинками.

— Это ведьмовской амулет. Сильный. Прикрепи на платье с изнанки. Учитывая обстоятельства, лишним точно не будет.

— Спасибо, — пробормотала я смущенно, чувствуя, что щеки алеют.

— Пожалуйста, — ответил Ульрих. Улыбнулся и отвел взгляд. Словно хотел что-то сказать, но не решился.

Зато я созрела. Задала вопрос. Но не о подозрениях герцогини Виктории. А о том, что терзало душу последнюю неделю.

— Думаешь, Алакс Риц — был злодеем? Помощником духа?

— Нет, — ответил Ульрих уверенно. — Я знаю, что видел. Черную тень, а еще отчаянье и страх на лице мэтра, когда та тварь покинула его тело. Его использовали. Заставляли что-то делать и говорить помимо воли. Как нас, когда мы покорно вышагивали на твоё заклятие.

— На моё? — усмехнулась я.

— Нас с Милли не тронули бы. Подозреваю, мы понадобились в качестве свидетелей. Рассказывали бы потом всем, что тебя погубили мэтр Риц и леди Сесиль, а не потусторонние тени.

Логичный вывод. Складный. Ульрих, как и я, много думал о случившемся. Искал реальные ответы, а не удобные объяснения.

— Значит, Рица убили, чтобы свалить вину?

— Да. А, может, он знал нечто важное о духе. Или, лучше говорить, духах. Их точно двое. Две треклятые тени. Одна управляла леди Сесиль в новолуние, поэтому воспитательница беспрепятственно проникала в твой сектор и вылетала сквозь стекло. Вторая завладела Рицем. Единожды или нет, теперь не узнать. Паршивый расклад. Если твари способны управлять магами, нет никакой гарантии, что в следующем семестре они не овладеют Дювалем, Шаадеем или даже Бриттом.

Меня пробрал озноб, словно по коридору пронесся мощный зимний ветер.

— Значит, нельзя доверять никому. Любой из них может оказаться врагом?

— Да, — полуведьмак предпочел пугающую правду красивой лжи. — Но на нашей стороне истинный дух Гвендарлин. На стороне ордена и на твоей стороне, Лилит Вейн. И это немало.

Парень подарил прощальный кивок и неторопливо зашагал восвояси. К полноценным, отмечающим окончание семестра за праздничным столом. Сердце заныло, загрустило. Я вдруг осознала, что не увижу зеленоглазого поросенка три недели. Мысль вызвала желание буйствовать. И вовсе не от злости.

— Ульрих! — я впервые назвала его по имени.

Он обернулся, пряча улыбку. Как мне показалось, радостную.

— Ты так и не рассказал, какой у тебя родовой дар, — проговорила я первое, что пришло на ум. Лишь бы не молчать и не выглядеть идиоткой.

Вместо ответа полуведьмак подошел ко мне.

— Протяни руку.

Я повиновалась, ожидая чего-то необыкновенного. Ульрих тяжело вздохнул и начертил что-то в воздухе. Я перевела взгляд на раскрытую ладонь и ахнула. Там лежал цветок. Лилия.

— Видишь, я же говорил, что мой дар бесполезен, — парень смущенно взлохматил волосы. — Спокойной ночи. Увидимся после каникул.

— Увидимся, — попрощалась я.

Он деловито уходил в другую часть замка, а я смотрела вслед и думала о всяких глупостях. Например, что моей маме — хранительнице цветов и трав — определенно понравится родовой дар Ульриха.

Мы покидали Гвендарлин после завтрака. Полуцветы, по традиции, позже остальных. Портал организовали недалеко от главного входа. Полноценные суетились, мечтая поскорее добраться домой. На улице подморозило, щеки и носы сердито пощипывало, и многие ученики приплясывали, чтобы не замерзнуть. Я же наслаждалась свежим воздухом, предусмотрительно одевшись, как капуста.

— Не задерживаемся! Друг за другом! Живей! — торопил молодежь мэтр Дюваль.

Первыми через портал отправили первогодок. Затем второкурсников и дальше — по старшинству. Старосты четвертого курса — Ульрих и Юмми — что-то высказывали подопечным. Полуведьмак почувствовал мой взгляд, покосился в нашу сторону, будто между делом, и сразу отвернулся.

— Терпеть его не могу, — пробурчал Шем. — Строит из себя.

— Как и все полноценные, — пожала плечами Агния. Её шарф съехал набок, открыв шею ледяным порывам ветра. Но огневичка не мерзла. Даже перчатки не надела.

Лиан стоял с мечтательным выражением лица. Они с Агнией за завтраком обсуждали предстоящие конные прогулки, спорили у кого в конюшнях лошади лучше. Шем сразу приуныл, испугавшись, что в гостях у приятеля и его взгромоздят на коня. Я подозревала, что хуже всех придется братцу Лиана — Лайдену. Дома ему предстоит на равных общаться с гостем-полуцветом, с которым за семестр он и словом не обмолвился.

— Ох, какие же они медлительные, — простонал Шем.

Через портал только что отбыл пятый курс. Элиаса подарил мне выразительный взгляд, мол, подожду в карете с той стороны. Я печально вздохнула, подозревая, что по дороге предстоит очередной ликбез или, лучше сказать — взбучка. Ох, и кипятился младший герцог, узнав, что в ночь духа я вышла из сектора. Оставшись со мной наедине, он всенепременно воспользуется моментом, чтобы еще раз обозначить отношение к моей «бездарной выходке».

Когда, наконец, настал наш черед перемещаться, я не удержалась, бросила прощальный взгляд на Гвендарлин. Сегодня замок переливался всеми цветами радуги, выражая почтение каждому магу без исключения. Он выглядел приветливым и гостеприимным, напоминая, что с нетерпением ждет нашего возвращения. Обманчивое впечатление. Я-то знала, что в недрах древнего замка затаились злые силы, готовые на всё ради цели. Они доказали это, легко разделавшись с Алаксом Рицем.

Впрочем, в замке обитало не только зло. В лунной башне томилась не нашедшая покоя душа. Родные не потеряли надежды добиться для нее справедливости и свободы. Мне хотелось верить, что герцогине Виктории и Эмилио удастся стереть клеймо самоубийцы с имени Маргариты. Я не знала, какой она была при жизни. Возможно, заносчивой, как и все полноценные, считавшие полуцветов грязью. Но в новолуние призрачная девушка боролась за нас. Этого достаточно, чтобы чтить память о ней.

Где-то в недрах замка оставался и истинных дух. Ослабший, неспособный покинуть Гвендарлин. Но готовый сражаться за колледж и его обитателей в независимости от происхождения и цветов магии. Мне он отвел роль таинственного ключа. Я не понимала, чем это грозит, но страха почти не осталось. Я не одна в этой войне. На моей стороне орден, двое талантливых мэтров и сам истинный дух.

— Лилит, пора, — отвлек меня от любования замком Рэм Дюваль. Черные глаза глянули с привычной мягкостью. По-отечески.

Я шагнула к portalу. Но в последний миг обернулась.

— Увидимся, — шепнули губы.

Я обращалась не только к Гвендарлин. В одном из окон почудилась призрачная мужская фигура: наполовину черная, наполовину белая.